

Игорь Подгурский
Последний резерв

_sm

«Последний резерв»: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-40315-8

Аннотация

Капитан Алешкин был матерым бойцом и опытным командиром отдельной разведроты космического десанта. Однако, честно и до конца выполнив свой воинский долг, он внезапно превратился в заключенного, приговоренного к смертной казни за особо тяжкое преступление против Содружества. Теперь у него только два пути: позорная казнь — или

смертельно опасная секретная миссия в составе диверсионной команды на враждебной планете...

Игорь Подгурский Последний резерв

Пролог

До объекта оставалось всего сорок километров, но сводный диверсионный отряд орбитальной группы «Африка» так и не сумел их преодолеть. Своим экзотическим названием группа «Африка» была обязана иссиня-черному покрытию обшивок звездолетов. Эта новинка рассеивала сигналы радаров и позволяла кораблям дольше оставаться незамеченными противокосмической обороной планеты. Кому-то из начальства такой цвет навел воспоминания об одном из континентов далекой Земли.

Захват объекта являлся главной частью плана. Надо было ударить по хранителям знаний с двух сторон. Один удар — отвлекающий; второй же, неожиданный и сокрушительный, должен был смести с лица планеты эту кучку чванливых глупцов, собиравшихся сыграть роль творцов нового человечества.

Атака из космоса не удалась — десант был пугающе быстро уничтожен. Для того чтобы все-таки добраться до объекта, решили забросить во вражеский тыл сводный отряд. В одну команду срочно собрали разведчиков и диверсантов из разных подразделений, доказавших на деле, чего они стоят. С бору по сосенке.

Сводный отряд должен был подойти из глубокого тыла, внезапно ударить в спину врагу и взломать его оборону. А потом в эту брешь ворвется второй эшелон орбитальной группы «Африка» и успешно завершит дело.

Конечно, поступать так было все равно что заколачивать гвозди микроскопом. Любой рядовой разведподразделения — это особенная боевая единица, никоим образом не предназначенная для участия в широкомасштабных армейских операциях.

Отряд диверсантов под видом эпидемиологической экспедиции по выявлению лиц, зараженных неизвестной инфекцией, продвигался к цели по выжженной солнцем пустыне. Район, где нет ничего живого, выбрали специально, чтобы избежать риска быть обнаруженными. Скрытность и внезапность — залог победы. Этот участок планеты на электронных картах-планшетах был закрашен серым цветом и назывался Мертвым районом.

Такое мрачное название объяснялось просто: мало кому удавалось здесь выжить. Климат Мертвого района грозил быстрой встречей с вечностью. Колонисты обходили эти безводные места, прокладывая караванные пути в стороне.

Но сводный отряд диверсантов упрямо шел по Мертвому району. Поначалу двигались ночью, а днем делали привалы. Однако командование на коротких сеансах связи торопило: вперед, вперед, и как можно быстрее! Так что пришлось идти и днем.

С восходом солнца температура воздуха стремительно росла. К полудню песок обжигал ноги даже через подошвы казенных ботинок. Но не жара была главным врагом диверсантов, а ветер. Он нес тучи песка, такие густые, что солнце казалось мутным пятном. Раскаленный песок сек лицо и руки, летел в глаза, набивался в уши и в нос, скрипел на зубах. От него зудела воспаленная кожа, и без того истерзанная сухим горячим воздухом. Не помогали ни защитные маски, ни специальный крем.

Во все стороны простирались высокие барханы, абсолютно лишенные растительности. Вечные песчаные волны рядами уходили вдаль, сколько хватал глаз. Даже если смотришь в электронный бинокль, то все равно не увидишь ничего, кроме мертвого сухого моря, равнодушно уходящего за горизонт. Рассказы ветеранов на привалах о ротных колоннах на марше, засыпанных песком в пустынях на других планетах, не казались преувеличением...

Когда вдалеке, у зыбкой дрожащей линии горизонта, появилось небольшое облачко,

командир дозорной группы поднес бинокль к глазам и увидел одинокий пескоход на воздушной подушке.

Среди раскаленных песков двигалась чужая бронемашина.

Враг был рядом. Судя по карте, идти оставалось совсем немного.

«Еще один переход, и мы их возьмем тепленькими», — доложили начальству на внеочередном радиосеансе.

Закодированный пакет информации с докладом об обстановке отправился на орбиту.

Но ни через день, ни через два диверсионный отряд на связь больше не вышел. Прорыв сорвался. Диверсанты, на которых возлагалось столько надежд, пропали без следа. Словно исчезли с лица планеты. Что с ними приключилось, для командования так и осталось загадкой. В этом районе и раньше случалось такое — пропадали целые поселения колонистов, не чета отряду численностью в батальон неполного штата.

Еще одна горсточка людей затерялась среди барханов гиблой пустыни, разделив судьбу многих неудачников. Так было и так будет...

Если бы кто-то из отряда уцелел, то смог бы поведать удивительную историю. Ее, впрочем, скорее всего, сочли бы бредом человека, тронувшегося рассудком в пустыне.

Обнаружив чужой пескоход, отряд остановился на последний привал перед боем. Место для отдыха выбрали, как обычно, посреди высоких барханов — идеального укрытия от посторонних глаз. Выставили часовых, натянули желтые камуфляжные тенты, дававшие иллюзорную тень в огромной духовке под названием «пустыня». Дозор усилили пулеметным расчетом. Определили, кто кого должен сменить на постах.

Можно было отдыхать, восстанавливать силы перед последним броском. Но вместо этого люди стали выбираться из-под тентов, почти выгоревших до белизны на беспощадном солнце. Их усталость после тяжелого перехода сменилась восторгом. Опостылевшая пустыня радовала теперь своим простором и величием. Со склонов барханов потекли тоненькие песчаные ручейки. Они на глазах превращались в потоки, устремившиеся к тенту посередине временного лагеря.

У диверсантов, привыкших не доверять и самим себе, это явление не вызвало даже намека на чувство опасности. На лицах столпившихся солдат и офицеров блуждали радостные улыбки. Тяготы и невзгоды последних лет кровавой службы остались позади, перестали ныть натруженные ноги. Все внутри пело от восторга и счастья. Незнакомое чувство сопричастности к Великому и Прекрасному зарождалось в сердцах.

Если бы рядом оказался сторонний наблюдатель, трезво оценивающий обстановку, то у него бы зародилось сомнение в том, что эти чувства идут из души. Может быть, бойцам просто внушили радость и восхищение, чтобы задержать на месте подольше, подавив желание бежать отсюда без оглядки? Какие эмоции принадлежали им, а какие были привнесены извне?

Часовые оставили посты и медленно спускались с барханов. Пулеметчик бросил свой верный «Аид» в любовно отрытом окопчике и двинулся вслед за ними. Его взгляд был обращен внутрь. Скажи ему раньше, что он может без приказа оставить свой пулемет, он просто рассмеялся бы в лицо недоумку. Оружие во время выполнения боевого задания всегда должно быть рядом с тобой. Эта прописная истина раз и навсегда была вбита в голову любого бойца.

Песок уже не тек вниз, обгоняя дозорных. Он обваливался пластами, увлекая за собой целые лавины.

Колонист сказал бы, что путники разбудили песчаного ифрита из старой легенды матушки Земли. Он поджидает свои жертвы в толще песков, время от времени пробуждаясь от многолетнего сна. Мифическое чудовище внушает жертвам приятные эмоции, диктует им свои мысли. Землянин с дипломом ученого-энтомолога возразил бы, что это — неизвестное науке животное, схожее с насекомым, муравьиным львом, только гигантских размеров. Оно выкапывает в песке воронку, залезает на дно и раскрывает рот. В данном случае огромную пасть. Если человек наступает на край ямы, все, конец военной карьере, а заодно и жизни.

Местный муравьиный лев шевелится, песок осыпается ко дну, и жертва падает прямо ему в пасть. Пробуждается же он, когда чувствует вибрацию от движения живых существ.

Бойцы, стоявшие ближе всех к центру бивака, медленно погружались в песок. Но никто из них не делал даже слабых попыток вырваться из песчаного плена. Никто не собирался спастись. Люди купались в волнах неземного блаженства. Никогда в жизни им не было так хорошо. Несколько человек уже ушли в песок с головой. Один попытался ухватиться руками за поверхность, но в ладонях остались лишь горсти песка. Желтые шелестящие волны сомкнулись над людьми. Из глубины доносилось отвратительное урчание и чавканье. Существо, дремавшее сотни лет, разминало глотку. Было видно, как под слоем песка перекачивается что-то огромное.

Все больше людей безмолвно исчезало в песчаной трясине. Жертвоприношение завершилось пулеметчиком. Он, как заводной солдатик, шагнул в проседающий под ногами песчаный водоворот, стремясь побыстрее присоединиться к товарищам.

Вскоре на месте привала никого не осталось. О недавнем присутствии людей напоминали несколько покосившихся тентов на перекрученных растяжках и разбросанное вокруг них оружие, экипировка и амуниция. На вершине бархана сиротливо стоял в осыпавшемся окопчике пулемет на сошках.

Подул ветер, и принялся песчинка за песчинкой упорно заносить лагерь. Скоро от него не останется и следа. Так было, так будет...

Глава 1

Бутылкообразный нос амфибии неумоимо расталкивал воду, оставляя за собой грязно-белые усы пены и мелкого мусора. Волна, отразившись от стены полузатопленного дома, подхватила раздувшийся трупик кошки. Военный в прорезиненной пятнистой курткенакидке машинально проследил взглядом за чьей-то бывшей домашней любимицей, исчезнувшей за кормой. Кошка была породистой, с густо-фиолетовой шерсткой. Таких животных разводят в специальных зоопитомниках. Клиент может заказать генетикам любой цвет. Никакие другие изменения живой комнатной игрушки недопустимы. Запрещено законом. Хотя за отдельную плату можно и отступить от стандартов. Но такое по карману только очень обеспеченным людям.

Амфибия в сумраке плыла под дождем по главной улице города, продвигаясь к центральной площади. Жить в центре могли себе позволить не просто обеспеченные, но только очень богатые люди. Жители двух- и трехэтажных домиков оказались наиболее уязвимыми при наводнении. Высокий социальный статус сыграл с ними злую шутку. Люди попроще, которые, как пчелы в ульях, ютились в близнецах-высотках на окраинах, гораздо меньше пострадали от разгулявшейся стихии. Когда вода затопила все вокруг, жильцам высоток осталось только подняться на плоские крыши и терпеливо ждать, когда их снимут оттуда спасательные аэроботы и перебросят по воздуху в безопасное место.

В четырех километрах от затопленной долины, на холме, устроили временный центр для эвакуируемых из города. Саперы спешно развернули жилые армейские модули. Каждый был рассчитан на два десятка человек. Сборных модулей на всех не хватало. На старых складах расконсервировали и перебросили в лагерь старинные походно-полевые палатки геологоразведочных партий. Военные, путаясь в тросах и стальных кольшках-фиксаторах, соскальзывая в грязь и ругаясь, устанавливали раритетные укрытия из полимерной ткани с водоотталкивающим покрытием. Капли звонко барабанили по пластику сборных модулей и глухо шлепали по натянутой ткани.

К исходу первых суток все эвакуированные получили крышу над головой. Новые партии могли рассчитывать на места в палатках, верой и правдой служивших предкам-колонистам. Все места в современных сборных модулях были уже заняты...

Никаких излишеств. Армейские спальные мешки на пластиковом полу вместо кроватей. В отдалении от жилья — конусообразные кабинки экотуалетов. Те, кому

требовалась врачебная помощь, сидели и лежали у белого медицинского модуля с красным крестом. Еще один такой же белый домик, но уже с черным перекрестьем, стоял отдельно от других. Это был полевой морг, куда сгружали тела погибших, уложенные в черные пластиковые мешки. Пока мертвых было немного. В первую очередь спасатели занимались живыми. В аэроботах и амфибиях лишнего места не было. Мертвецов прибавится, когда вода схлынет с улиц, и по домам пойдут похоронные команды в костюмах биозащиты и пучеглазых масках противогазов.

Задача таких «гробкоманд» будет проста: собрать всех мертвецов, пока не началось разложение, а следом за ним эпидемии — верные спутники любой мертвой органики.

Короткий сезон дождей сменится долгой многомесячной жарой. Без всякого перехода. Вчера ничего не было видно из-за стены ливня, а сегодня — раз! — и все плавает в изнуряющем солнечном мареве.

А мертвых будет много. В этом можно было не сомневаться и не тешить себя иллюзиями. Город лежал в долине, подступавшей к двум пологим холмам, и был подобен причудливому украшению между грудей великанши, прилегшей на землю отдохнуть, да так и оставшейся тут на века.

С восточной стороны долина упиралась в горную гряду. Обосновавшись здесь, колонисты начали добывать в горах руду с высоким содержанием железа. Она была жизненно необходима для освоения новых земель. Террареформирование планеты шло полным ходом. От теплых дождей начинали таять ледники на высоких горных отрогах. При строительстве первого жилья переселенцы учли данные геологической разведки.

Вместе с временными сборными жилыми модулями переселенцы построили первое каменное сооружение — плотину-водоотвод. Драгоценные запасы пенобетона пошли на сцепку громадных глыб, обрушенных направленными взрывами. Старый город рос в ширину, а потом на окраинах возникли высотные здания. Так было удобнее и экономичнее. Первые годы освоения планеты, когда приходилось экономить на всем, сменились относительным достатком, а потом и вовсе довольством. Построили космопорт с несколькими взлетно-посадочными площадками и двумя терминалами. Один огромный — для загрузки рудовозов, а второй, казавшийся крошечным на его фоне, — пассажирский.

До вчерашнего дня каменный завал высотой тридцать метров вполне справлялся с ежегодными массами дождевой воды и талого льда, отводя ревущий поток от города. Вода пробила себе новое русло и каждую весну разливалась по равнине за холмом мутным половодьем, уже не опасным для людей. Но в этот раз что-то пошло не так. То ли за четыре поколения колонистов пенобетон начал терять свою прочность в климате чужой планеты, то ли просел один из скальных монолитов в основании плотины, подмываемый из года в год. В результате плотину прорвало, и вода затопила город.

Разбираться в причинах бедствия будут позже. А пока третий день шли поисково-спасательные работы...

Если у городов есть свои ангелы-хранители, то в эту ночь они занимались совсем другими делами. Перед рассветом, когда снятся особенно сладкие сны и люди мирно спят в своих постелях, мутный от грязи и мусора ревущий поток с гор ворвался в тихий город. Первые этажи затопило сразу. Вода бурно прибывала, но вскоре остановилась на уровне вторых, а кое-где и третьих этажей. Взрослые, кто в чем был, хватая детей и то самое ценное, что попадалось под руку, забирались повыше. Жителям высоток было куда отступать. Обитатели же роскошных коттеджей в центре города спасались на покатых островках крыш с дорогой черепицей под старину. То, что было предметом вчерашней гордости и достатка, теперь доставляло массу неудобств. В любой момент можно было соскользнуть с мокрой от дождя черепицы и быть унесенными потоком. В некоторых местах волны жадно лизали края крыш. Люди испуганно жались друг к другу, как мокрые птицы на проводах, изредка перекрикиваясь с соседями. Их ругань и претензии к неласковой природе могли услышать только сплошная, без единого просвета пелена туч, собравшая по несчастью и проплывавший мимо мусор.

...Колонисты с планеты, названной ими Алатырь, вели оживленную торговлю с Землей, откуда прибыли их предки. Ресурсы прародительницы человечества давно истощились. Полезные ископаемые были ей нужны как воздух. В обмен на них на другие планеты поставлялось необходимое оборудование и технологии, разработанные и адаптированные к местным условиям. Деньги в этом круговороте никто не отменял. Но электронный эквивалент денежных единиц уже давно превратился в некую условность. В первую очередь ими пользовались при взимании налогов с любой сделки. Объединенное правительство Земли, именуемое Содружеством, никогда не упускало своей выгоды.

Прародительница людей не собиралась выпускать из поля зрения колонистов, отправившихся на освоение новых земель. Расстояние в несколько парсеков уже давно никого не смущало.

Если терраформирование планеты проходило успешно и переселенцы пускали корни надолго и всерьез, Содружество через некоторое время создавало там за свой счет военную базу с гарнизоном. Официально это преподносилось как забота о защите своих граждан от потенциальной опасности извне. Но на самом деле такое стало постоянно практиковаться после попыток особенно процветающих планет объявить о своей независимости.

Одними новоявленными правительствами двигало нежелание *целиться* доходами с Содружеством, другие хотели выбить у Земли дополнительную безвозмездную помощь и особые привилегии. Но все бунтовщики были единодушны в одном: они хотели выйти из-под крыла Объединенного правительства и громогласно заявить на всю Галактику о своей независимости и особом статусе.

Богатые планеты Содружество умирало, высаживая десант. На бедные планеты со скудными запасами, которые не оправдают затраты на военную операцию, просто махнуло рукой, приостановив с ними отношения. Сами приползут на коленках. На таких гордецов не стоит тратить ни времени, ни войска. Межзвездные перелеты стоили недешево, а еще дороже стоили жизни солдат и офицеров. К своим Вооруженным силам Земля относилась бережно.

На обучение и подготовку каждого бойца тратилось много времени. На армии экономить не собирались. Потом себе дороже выйдет. Опыт первого умирения инопланетной колонии Содружество забывать не собиралось, сколько бы ни прошло времени.

Размещение гарнизонов на планетах стало обычным делом. Колонисты, которые крепко встали на ноги, были выгодны Земле для сотрудничества. Такое положение дел устраивало обе стороны. Исключение составляли несколько колоний отщепенцев, заключивших между собой альянсы.

Изгой, лишённые помощи Земли, сбивались в жалкую кучку с единственной целью — выжить. Одним из результатов борьбы потомков переселенцев за выход из Содружества стало то, что колонисты научились воевать и убивать вчерашних сограждан.

Их звездолеты могли садиться на космодромах только таких же париев, как они сами. Посадка на планеты Содружества им была запрещена. Нет, сбивать их не собирались. Да и к вынужденной посадке относились с пониманием — в межзвездном пространстве всякое может случиться. Но на гостеприимную встречу вышедшие из Объединенного правительства рассчитывать не могли. В чужих для него космопортах изгой не получал ни капли горючего, ни капли воды. Это приравнивалось к контрабанде. А список преступлений в Своде законов Содружества, предусматривающих смертную казнь, был длинным и постоянно пополнялся новыми пунктами. Контрабанда была в нем не на последнем месте.

За исполнением закона на колонизованных планетах следили официальные представители Земли. Бремя их содержания полностью лежало на плечах местных жителей. Особого недовольства по этому поводу колонисты старались не выражать, особенно вслух. Выгод было больше, чем потерь. Можно и потерпеть.

Из памяти колонистов еще не успели выветриться воспоминания о тяготах и лишениях, выпавших на долю первого поколения. На помощь Земли могли рассчитывать планеты, богатые ресурсами, жизненно необходимыми метрополии. Правительства таких планет

неустанно заверяли Землю в своей лояльности и преданности, при этом держа фигу в кармане, и втихаря всю костерили Содружество. Может, это и есть политика в чистом виде, когда положение дел в принципе устраивает обе стороны?

...В стародавние времена, после возвращения маленьких кораблей космических разведчиков дальнего поиска с координатами подходящих для заселения планет, к старту готовили большие корабли переселенцев. Осваиваемые планеты подбирались по земным стандартам.

Разросшемуся человечеству стало тесно в колыбели. На горизонте все явственнее проступали очертания четырех всадников Апокалипсиса: эпидемий, войны, голода и тотального вымирания. В этом уравнении числительные были разные, но знаменатель общий — перенаселение. Толчок к экспансии человечества в космос был дан.

Огромные корабли-ковчеги собирались на околоземной орбите. Это намного упрощало задачу. Мощности двигателей не хватило бы, чтобы вывести стальных монстров за пределы атмосферы, преодолев притяжение Земли.

Экипажи и пассажиры кораблей-городов формировались по национальному, религиозному, идеологическому признакам, а иногда были и просто смешанными. Людей в неизвестное толкали разные обстоятельства. Кто-то бежал от нужды в поисках лучшей доли для себя и своих близких, кому-то хотелось построить новое общество, свободное от всех и вся, романтиков же тянула жажда приключений и холодный свет далеких звезд. Хватало и таких, кто просто шел туда, куда идут другие. Но обманывались все. На новом месте первое поколение переселенцев ждал каторжный труд ради выживания, они могли себе позволить только короткие перерывы на еду и сон.

...Алатырцам досталась одна из немногих идеальных для жизни людей планет. Гравитация и состав атмосферы были практически идентичными планете-прародительнице. Смертельно опасных и неизвестных человечеству вирусов не обнаружилось.

Один из трех континентов был раем для землян. Равнинно-горный рельеф, богатые залежи разных руд и других ископаемых, необходимых для людей. Местная флора и фауна особых хлопот не доставляла. Но переселенцам все равно было сложно осваиваться на новом месте. Правда, статистика смертей укладывалась в равнодушные рамки допустимых потерь. И тут на тебе! Единственную на всю планету столицу города-государства затопило водой...

...Усатая мордочка, шерсть, сбившаяся неопрятными клочками. Жаль, что кошка дохлая. Если бы барахталась в воде, обязательно бы выловили. В технической нише за креслом водителя уже прижимались друг к другу два беспородных кошака и внушительных размеров пес. Масть не определить, гибрид дворняги и бегемота, но на ошейнике — стильная прямоугольная бирка. Потом, когда закончится вся кутерьма, может, и отыщется хозяин. Вечные, как мир, распри собак и кошек были забыты. Животные затихли в тепле. Пес лежал, уткнув угловатую голову в лапы. Один из котов засунул мордочку под мышку извечному врагу. Второй лежал половичком на широкой собачьей спине, свесив лапы по бокам. Время от времени он начинал вылизывать у пса за ухом, где был вырван клочок шерсти. Пес прикрыл веки, не выражая недовольства. Терпел.

В отличие от дворняг, породистым генетически измененным домашним любимцам вход на борт армейского вездехода-амфибии был заказан. Все из-за утреннего инцидента.

Спасателям попалась плывущая дверь с питомцем с чудо-фермы. На аккуратно сколоченных досках с бронзовой ручкой и остатками вывернутых петель сидел крупный поджарый котик чуждого черно-желтого окраса. Двухцветные полосы одинаковой ширины чередовались от носа до кончика хвоста. Старший спасательно-транспортного средства капитан Алешкин неприязненно отметил, что такой экземпляр стоит полугодового денежного содержания командира отдельной разведроты. Это с учетом выслуги лет и надбавок за сложность и напряженность службы в гарнизоне, расположенном вдалеке от главной планеты Содружества.

Кот тигрово-пчелиной окраски не мяукал и вообще не выказывал никакого беспокойства. Он невозмутимо плыл неподалеку от металлического борта амфибии на двери

и, не мигая, смотрел на людей, сидевших в открытом десантном отделении. Защитный тент заранее сняли, чтобы сподручнее было снимать людей с крыш.

Сейчас в амфибии сухим оставался только водитель, сидевший за штурвалом в двухместной кабине. Командир проигнорировал свое командирское кресло. Он, как и положено, был со своими подчиненными в десантном отделении, открытом всем дождям и ветрам. Алешкин не только командовал солдатами, но и сам непосредственно участвовал в спасении жителей. Команды водителю он отдавал в боковой люк, полуоткрытый так, чтобы не затекала вода.

Кот пробежался взглядом по лицам беженцев, кутавшихся в розданные им непромокаемые куртки-накидки, и равнодушно отвернулся. Видимо, он не обнаружил никого, достойного внимания. Равнодушие домашней игрушки должно было насторожить нормальных людей. Но армейцы никогда не попадали в разряд нормальных ни на одной из освоенных планет. Наблюдатель с левого борта рядовой Цюрикоф направил на плывущую дверь луч прожектора, закрепленного на гибком суставчатом шарнире. Полосатый зверь повернул голову и сел на задние лапы. С расстояния в пару метров казалось, что в глазах животного плещется расплавленная медь. Сидевший на корме амфибии солдат зацепил дверь багром и осторожно подтянул к борту. Находившийся рядом с ним Цюрикоф перегнулся через веревочный леер и, ласково говоря: «Кис-кис, иди ко мне, красавец. Хор-р-роший котик», — быстро снял животное с двери. Ее тотчас унесло течением.

Капитан в этот момент нагнулся к люку и скомандовал водителю:

— Держи к дому за двумя деревьями! Похоже, там есть люди. И будь внимательнее, впереди бревно.

Водитель принял топляк на бронированный нос вездехода, оттолкнув его в сторону. Приходилось особенно опасаться таких деревянных торпед. Одной амфибии из третьего взвода подобный ствол с ходу протаранил борт ниже ватерлинии, убил двух человек и нескольких покалечил. Хорошо, рядом была вторая машина. Горе-спасателей и спасенных успели пересадить туда, но не всех. Последних вытаскивали уже из воды. Хваленого запаса живучести и плавучести хватило всего на пару минут.

Военных удержали на плаву жилеты, наполненные гелем. Четирем гражданским повезло меньше. Они ушли под воду. Попытка достать баграми хотя бы тела успехом не увенчалась. В мутном потоке видимости не было никакой. Люди, считавшие себя уже спасенными, утонули, и все из-за какого-то бревна. Водитель проглядел его и подставил ему борт, разворачиваясь для того, чтобы пуститься в обратный путь и доставить жителей города в безопасное место на суше.

Перед погрузкой на плавающие вездеходы командир отдельной разведроты будничным голосом заявил подчиненным:

— Если кто-нибудь вздумает расстегнуть хоть одну застежку или липучку на спасательном жилете, то очень об этом пожалеет, когда будет гнить на гауптвахте, после того как закончится наводнение! А если найдется особо одаренный и снимет спасжилет, то он не доживет до карцера. Я его лично утоплю.

Никто из спасателей-солдат не пропустил мимо ушей отеческое напутствие ротного. Он хорошо объяснял, кратко и доходчиво. Сказал утопит — значит, утопит. Потом ему, наверное, придется отчитываться перед вышестоящим командованием, но это будет потом. Лучше не рисковать...

Спасательный жилет не только держал своего владельца на плаву, но и мог защитить при падении с высоты. Защитная система состояла из надувных элементов, надеваемых на тело поверх формы. Она представляла собой наджилетник из полиармидных тканей с гемонепроницаемым покрытием. Наполненные гелем с положительной плавучестью ячейки соединялись между собой трубками для прохода гелия, с обратными клапанами, и не пережимались ремнями боевого снаряжения. Устройство включалось автоматически при падении с высоты и при попадании в воду. Спасжилет можно было активировать заранее, не дожидаясь чрезвычайной ситуации. Достаточно выдернуть предохранительную чеку — и все

готово. Хочешь — лезь в воду, хочешь — штурмуй вершины скал, желательно не выше пяти метров. Все имеет определенные рамки. При выдергивании чеки срабатывал пиротехнический генератор, начиналась химическая реакция, и ячейки наджилетника резко увеличивались в объеме. В рабочее положение спасжилет можно было привести за четыре секунды.

Шли вторые сутки борьбы со стихией, и приказ Алешкина пока никто еще не осмелился нарушить.

«На крыше кто-то есть», — решил капитан, заметив там какое-то движение.

Получше рассмотреть крышу мешали ветви деревьев, качавшиеся на ветру. Электронный бинокль, висевший на груди, помогал плохо, то есть вообще не помогал. Линзы сразу заливало водой, и в них не было видно ничего, кроме причудливо менявшихся водяных разводов. Оптика только мешала выискивать живых.

От наблюдения за крышей его отвлекли душераздирающие вопли:

— Снимите его с меня! Сними-ите! А-а-а!

Виновником переполоха оказалась спасенная желто-черная тварь. Оказавшись в руках солдата, кот пару секунд принюхивался, раздувая ноздри. Этого времени ему с лихвой хватило, чтобы оценить обстановку и начать действовать согласно только ему известному плану. Котьяра хищно ощерился, показав совсем не кошачьи клыки: острые и длинные, с режущим выступом на передней кромке. Удержать прирученного брата меньшего спасателю оказалось не по силам. Котик отплатил черной неблагодарностью с немислимыми даже для дикого зверя процентами.

Во все стороны полетели лоскуты защитных перчаток вперемешку с кожей и мясом. Кот перекусил указательный и средний палец солдата, и они теперь болтались на одних сухожилиях. На этом звереныш не успокоился и, перескочив на плечо солдату, тут же попытался вцепиться ему в горло. Хорошо, что на утреннем инструктаже командир приказал застегнуть спасательные жилеты на все застёжки и липучки. Горло солдата прикрывал глухой воротник. Полосатое чудовище как будто знало, куда целиться. Оно терзало клыками и когтями ячейки ткани на уровне кадыка. Из некоторых потек зеленый гель. Голову, но не лицо закрывал облегченный вариант защитного шлема с прозрачным забралом-щитком. У всех армейцев забрала были подняты на лоб, в противном случае они сразу же запотевали бы изнутри от дыхания на влажном воздухе.

Рядовой первого класса Цюрикоф отчаянно боролся за жизнь. Трупов за последние пару дней он успел насмотреться и особенного желания присоединиться к ним не испытывал. Но в сражении с котом он проигрывал. Если считать перекушенные пальцы, желто-полосатый лидировал со счетом два — ноль и, похоже, на этом останавливаться не собирался. Солдат пытался сбить звереныша с плеча ударом головы, прикрытой шлемом, но тот махнул лапой с выпущенными когтями, целя в одно из самых уязвимых мест — глаза. Лапа попала по защелке, фиксирующей забрало в поднятом состоянии. Щиток со щелчком упал, надежно закрыв лицо с выпученными от страха глазами. Теперь вопли, переходящие в визг, звучали из-под забрала намного глуше. Попытки Цюрикофа напугать кота акустической атакой успехом не увенчались. Полосатый агрессор сосредоточил внимание на воротнике жилета. Гель уже не капал, а тек из разодранных ячеек.

Схватка длилась несколько секунд, и тут в нее вступил новый участник. Наконец-то опомнился второй солдат, с багром в руках. Он не придумал ничего лучшего, чем сбить багром кота с товарища. Замах получился славный, а удар мощный. Древко багра перебило Цюрикофу руку, потому что животное изловчилось и увернулось в последний момент. Солдат продолжал охаживать товарища багром, стараясь попасть по зверю. Удары сыпались градом. От новых увечий Цюрикофа спасали шлем и жилет. Он перестал кричать и только тихо завывал. Кот чертом прыгал по нему, прячась за голову и корпус солдата, как за живой щит. Полосатая молния показывала уверенные навыки ближнего боя. Не иначе, генетики с фабрики домашних животных славно потрудились не только над вызывающим окрасом, но и если не над извилинами животного, то как минимум над его инстинктами и определенными

боевыми рефлексами. Животное сражалось молча. Ни разу не мяукнув и не зашипев. Кот не пытался напугать человека, похоже, у него была одна задача: победить противника.

Наконец в схватке животного и людей наметился перелом. Судьба награждает за перенесенные страдания, но не всех. На ком она остановит свой выбор, никогда нельзя точно сказать. Но для рядового забрезжил свет в конце тоннеля. Да какой там свет. В него уперся яркий луч прожектора. Кота, изготовившегося к прыжку на нового, более достойного противника — солдата с багром в руках, — на мгновение ослепило. Этого мига и хватило для того, чтобы разведчик ткнул зверя багром, как шпагой. От острия мохнатый агрессор успел увернуться, но его вскользь зацепило крюком, и кот, широко растопырив лапы, полетел за борт.

Цюрикоф со стоном рухнул в проход между эвакуированными, которые испуганно жались друг к другу на узких металлических скамейках. Разведчик, оставшийся на корме, с изумлением наблюдал, как удивительный в своей настырности кот пытался плыть за амфибией. Но продолжалось это недолго, вскоре зверь исчез в кильватерной струе водомета. Мощь человеческой техники оказалась сильнее желания животного покататься с людьми.

Первая помощь подоспела после того, как прошла оторопь от схватки человека и домашнего животного.

Товарищи мигом сорвали пломбы с герметичной аптечки, которая входила в комплект первой помощи. Опечатывали их из-за красной коробочки со шприц-тюбиками обезболивающего. Лекарство создавалось на основе опиатов искусственного происхождения. Сильный наркотик мог не только прогнать боль, но и обеспечить ценителю дури быстрый пропуск в nirvanу. Поскуливавшему любителю семейства кошачьих вкололи прямо через форму дозу в истерзанную руку. После укола занялись изуродованной ладонью. Пострадавшие пальцы залили из баллончика обеззараживающей пеной, замедляющей некроз тканей, и зафиксировали лангетой. Затем руку до локтя замотали бинтами. Со стороны могло показаться, что рядовой натянул длинную дамскую перчатку в ретростиле.

Перевязанного Цюрикофа перетащили в кабину. Солдата усадили в командирское кресло. В нем он и затих, провалившись в уютное беспамятство, где нет ни воды, ни дождя, ни богомерзких тварей, принявших кошачий облик.

«Учишь молодых солдат действовать только по команде. А эти балбесы все равно действуют по зову сердца. Ничего, через полгода заматереют. Глазом не посмеют моргнуть, пока я им не прикажу!» — равнодушно подумал капитан, наблюдая с носа амфибии за всей этой кутерьмой.

Плавающий транспортер-амфибия «Арго» — вездеход двойного назначения, машина специфическая, и создавалась она для специальных условий. Разные модификации поставлялись как в армию, так и на гражданку. В войсках ее обычно называли коробочкой. В целевой нише машин высокой проходимости «Арго» занимала первое место. Пара гусениц большой ширины, определенная длина опорной поверхности, удачное расположение надежных катков, ведущих и направляющих, обеспечивало небольшое давление и хорошее сцепление с грунтом, уверенное преодоление различных препятствий и маневренность. Транспортер как бы «обтекал» местность и был вариантом машины «для полицейской службы и целей обороны». На коробочку можно было устанавливать различные виды оружия, в зависимости от задач, решаемых в бою, будь то оборона или наступление. Он был рабочей лошадкой различных видов и родов войск Содружества. На плаву амфибия могла развивать скорость до восьми километров в час и обеспечивать перевозку двадцати пассажиров.

Сейчас в десантный отсек набилось почти пять десятков измученных людей. Они вплотную сидели на скамейках, как сельди в бочке, и это не считая шестерых военных. Пора было возвращаться. Вода плескалась в опасной близости от края борта. Пока спасало только мастерство водителя, державшего плавный ход и умело обходившего опасные места.

«Снимем тех, кого заметили на крыше, и сразу же в лагерь».

Алешкин уже видел, что не ошибся. На краю крыши отчетливо просматривались

силуэты людей.

Новых команд водителю для корректировки курса не понадобилось. За штурвалом сидел сержант Рымов — командир третьего отделения. Старый служака прекрасно знал свое дело. В свое время он начинал службу механиком-водителем тяжелого штурмового танка «Вездесущий», бронированного гусеничного монстра, дополненного воздушной подушкой. Апгрейд включали, когда надо было преодолевать болотистую местность или песчаные участки. Алешкин помнил, как на лекции в военном училище преподаватель сказал, что стоимость совершенного механизма разрушения такова, что если танк два раза отлить из золота в масштабе один к одному, то это и будет реальная стоимость его производства.

Не отводя взгляда от деревьев, из-за которых все отчетливее была видна крыша, ротный краем уха слушал затихавшие постанывания подчиненного. Он был неприятно удивлен. Месяц назад к ним в гарнизон прибыло молодое пополнение — свежее испеченные солдаты, выпускники учебного центра. В линейных войсках новым командирам предстояло шлифовать и оттачивать военное мастерство, продолжая службу, начатую в учебке.

Несколько человек попали в роту Алешкина, заменив тех, у кого истек срок службы, оговоренный в контракте. Ветераны улетели с транзитным транспортником, который привез новое поколение.

Капитан прекрасно помнил информацию на каждого новичка. Ротный, до персонального знакомства, всегда досконально изучал личные дела каждого подчиненного. Как командир отдельной роты разведки, единственной в небольшом гарнизоне военной базы колонии, он мог забраковать любого, не отвечавшего высоким требованиям, предъявляемым к разведчику. Офицер помнил данные медицинских файлов. Отдельным пунктом указывалась степень восприимчивости военнотружущаго к боли. В учебном центре из «свежего мяса», заключившего контракт с Вооруженными силами Содружества, готовили пополнение по разным воинским специальностям. Людей, попавших с гражданки в казармы, «затачивали» под будущую специфику службы. Кандидаты, успешно прошедшие тесты в разведку и строгий физический и психологический отбор, приступали к спецкурсу подготовки. Им закладывали основную базу, которую потом доведут до совершенства офицеры в линейных частях. В спецкурс разведчика входила специальная медицинская подготовка. Точнее, обработка.

Военные медики — люди в белых халатах поверх камуфляжной формы — занимались тем, что блокировали будущим разведчикам участок мозга, отвечающий за восприятие болевых ощущений. Нет, врачи не превращались в мясников, и белые отглаженные халаты не расцветали кровавыми пятнами. Да и черепную коробку не вскрывали, противно скрежеща хромированными электропилами, как это было в далеком прошлом. А что делать? Ведь в человеческом скелете наипрочнейшая кость — черепная. Она защищает самое важное для человека — его мозг. Военная медицина шагала вперед, стараясь не отставать от научного прогресса. В эру освоения дальнего космоса на мозг можно было воздействовать не столь радикальными методами.

Новобранцы проходили курс спецтерапии. Поскольку их всех, как и много веков назад, подстригали под ноль в первый день прибытия в военно-учебное заведение для младших чинов, с прикреплением электродов на присосках проблем не было.

После курса терапии в комплексе с медикаментозными препаратами мозг переставал воспринимать боль как угрозу жизни организма, как сигнал об опасности. Будущий солдат не переставал окончательно чувствовать боль. Мозгоправы просто повышали уровень болевого порога до запредельных высот. Теперь разведчик или боец спецподразделения, если бы ему оторвало руку, мог сам себе перетянуть обрубок жгутом и, вколов стимулятор, продолжать сражаться.

Но такая медицинская обработка — удовольствие не из дешевых, поэтому проводилась она не всем военнотружущим. Хотя генералитет лелеял заветную мечту, чтобы любой стоящий под ружьем и носящий форму Содружества перестал чувствовать боль. Правда, некоторые их оппоненты из контрразведки резонно возражали воякам: «Нет боли — нет

результата». В чем-то и те и другие были правы. Все зависит от человека: какую форму он носит и в каком ведомстве служит...

Ротный сделал зарубку на память: когда все закончится, еще раз проверить медицинские файлы. Крики Цюрикофа, то ли от боли, то ли от страха, сигнализировали о его низкой психологической устойчивости. Непорядок. Такие бойцы в роте не нужны.

Алешкин прекрасно помнил свой первый бой. Будучи зеленым лейтенантом, ему пришлось участвовать в восстановлении порядка на одной планете, еще не прошедшей начальный этап террареформирования. Колония была молодой, а планета оказалась богатой на редкоземельные руды. Даже не надо было бурить шахты, в некоторых местах пласты горных пород выходили практически на поверхность. Хоть лопатой гребь.

Молодость и богатство ходят рука об руку с наглостью и самонадеянностью. Нет чтобы втихаря нарастить мускулы. Колонистам же показалось достаточным заказать контрабандой тяжелое вооружение для своих транспортеров и объявить о выходе из Содружества. Неприятным сюрпризом стало то, что у вчерашних первопроходцев, а ныне самопровозглашенной независимой Республики, выявились на вооружении безоткатные орудия и универсальные ракетные комплексы класса «земля — земля» и «земля — воздух». Залежи руд оказались не только многообещающими и перспективными, переселенцы в прямом смысле ходили по золоту. На нем они еще и ели, и пили, и спали.

Такую планету Содружество отпускать не собиралось. Бунт против системы нужно было быстро и жестоко подавить. Быстро и жестоко! Только так другие будут подчиняться. Непонятливым переселенцам не грех преподать урок, тогда и другим неповадно будет. Пораскинут мозгами на досуге.

На этой маленькой, но очень гордой планете пока имелся только один основной источник энергии. Переселенцы успели построить на побережье примитивную приливно-отливную электростанцию, обеспечивавшую всю инфраструктуру колонии: от света и тепла в домах до пунктов на космодроме. Конечно, были запасные энергогенераторы на случай аварии, но их мощности хватало ненадолго. Колонию можно было обесточить, захватив электростанцию на берегу океана.

Задача по усмирению казалась несложной и была вполне по силам отдельной мобильной космогруппе, патрулировавшей этот сектор космоса для перехвата кораблей с контрабандой и на случай возникновения каких-то чрезвычайных ситуаций. Пока корабль-матка висел на орбите, монотонно транслируя запись обращения официального представителя Содружества к новоявленному правительству не делать глупостей, о которых потом придется пожалеть, группа лейтенанта Алешкина высадилась с десантного аэробота-планера в двадцати километрах южнее станции, на мелководье прибрежной полосы.

Планер из композитных материалов тем и хорош, что не оставляет за собой яркого следа пламени. Небольшие вспышки маневровых двигателей не в счет. Пальма первенства в выполнении таких задач по праву принадлежала десантно-штурмовым подразделениям. Но судьба распорядилась иначе. Накануне задержали подозрительный корабль, и до выяснения обстоятельств штурмовая группа в полном составе осталась на его борту. По этой причине и болталась сейчас в стальной космической коробке корабля где-то далеко среди звезд.

Выбор командования пал на разведчиков из досмотровой группы, имевших допустимый боевой статус. Их было меньше взвода. Однако Алешкин не расстроился. Ему представился реальный шанс проявить себя в настоящем бою и заодно проверить, на что он способен. Редкая возможность для молодого выпускника военного училища.

Командирское умение... За него лейтенант волновался больше всего. Впереди его ждал самостоятельный боевой рейд. Первый в его военной карьере. Он получил блестящее военное образование, а опыт... Опыт копится долго, точнее, все годы офицерской жизни.

Группа незаметно высадилась — почти половина дела. Марш-бросок, рекогносцировка — и хилую охрану станции с ходу смели подбравшиеся на расстояние прямого выстрела без оптики. Один легко раненный в ногу во время зачистки помещений не в счет. Выставив боевое охранение, разведчики заминировали генератор и четыре из шести турбин. На

остальные не хватило взрывчатки. Да и приказ был прекратить подачу энергии колонистам, а взрывать только в крайнем случае, если что-то пойдет не так.

Как дистанционно отключить станцию, никто не знал, времени на запрос не было. А пленных пока не предвиделось. Офицер дорожил своими людьми и зря подставлять под пули не собирался. Штатный подрывник группы, не мудрствуя лукаво, «расчистил» проход в операторскую миной «Топор», предназначенной для борьбы с низко летящими воздушными целями. О быстром отключении колонии тут же бодро доложили на корабль-матку. Можно было высаживать тяжелую пехоту на больших десантных модулях, пока вырубались радары ракетных установок противокосмической обороны планеты.

Десант должен был закрепиться и расчистить плацдарм для высадки тяжелой бронетехники.

Все прошло, как планировалось. Высадились вдали от населенных пунктов и местного космодрома. Но к захваченной разведчиками станции первыми успели колонисты. Десант немного запоздал.

В том бою Алешкин был тяжело ранен. Его огневая позиция располагалась за бетонным пандусом, идущим вдоль всего комплекса построек электростанции. Большинство из них стояли на суше, а другие уходили далеко в океан. Осколок ракеты, разорвавшейся в воздухе, на излете попал в левое плечо. Офицер не стал его вытаскивать. Времени на это не было. Колонисты галдящей цепью перли на разведчиков под прикрытием вездеходов... Как раз сейчас на одной из их модификаций — «Арго» — капитан плыл по затопленному городу. Тогда Алешкин просто наложил самозатягивающийся жгут чуть выше раны, как полагалось по инструкции. Боль пришла сразу после ранения. Она полыхала белой волной на краешке сознания. Но офицер мог контролировать ее и продолжал стрелять, не забывая руководить боем. Потом разведчики перешли на запасные позиции внутри станции. Не идеальный вариант, но другого выхода не было. Восемь из двенадцати погибли. Все оставшиеся в живых были ранены, но никто из них не орал, как Цюрикоф.

Когда любителя кошек затаскивали в кабину, он умудрился зацепиться изувеченной рукой за крышку люка и, похоже, на мгновение отключился от боли.

Капитан скривился.

«Хотя ошибки у всех бывают, и военные медики не исключение. Значит, — вновь напомнил он себе, — надо будет просмотреть медицинские файлы еще раз».

Алешкин, тогда еще лейтенант, позволил себе отключиться, когда подошла подмога, и вражеские транспортеры всюду полыхали, а души их экипажей и расчетов ракетных комплексов поднимались к небу вместе с черным дымом. Последнее, что он увидел перед тем, как стукнуться защитным шлемом о бетонный пол, — колонисты бросают оружие и поднимают руки. Победа! Его первая победа после стольких лет учебы и муштры.

Офицер не обольщался по поводу своего героизма. Но в душе все равно гордился разведчиками и собой. Он знал — воля человека сильнее мозга. Мозг посылает команды нервным окончаниям, повинуюсь воле, хотя некоторые путают ее с душой...

На память о первом бое осталось железное плечо. Кость после попадания зазубренного куска металла от разорвавшейся ракеты расколошматило на десятки крупных и крошечных осколков. Это был даже не перелом, а месиво из костей в мешке из кожи. Медики долго не думали: фрагменты кости удалили, а плечевой и локтевой суставы соединили металлическим имплантатом.

Полтора месяца Алешкин рассматривал стены и потолок одноместной палаты. Роскошь, положенная офицеру. Рядовых лечили в двухместных боксах. Ничего лишнего и строгий постельный режим, хотя ноги целые. Медики решили не тревожить собранную заново руку, упакованную в регенерирующий и заживляющий кокон. Поэтому, выйдя первый раз из госпитального коридора на прогулку в сквер, офицер испытал чувство, сравнимое с выходом человека в открытый космос.

Через минуту очарование прогулки смазалось. Он присел на скамейку. Вдоль дорожки горбатились чахлые деревья с редкими треугольными листочками. За зеленью в госпитале

ухаживали не в пример хуже, чем за людьми. А поначалу, выйдя на воздух, он не мог отвести глаз от листьев. Впечатление ирреальности происходящего померкло. Перед ним был все тот же мир, из которого он выпал на шесть долгих недель.

Лежа в реабилитационном отделении после операции по замене родного предплечья на металлический имплантат, Алешкин еще не знал, что в его личном деле прибавилось несколько по-военному лаконичных строк:

«Во время проведения операции по восстановлению порядка, установленного Сводом законов Содружества, лейтенант первого класса Алешкин проявил мужество, стойкость, умение грамотно командовать личным составом в боевой обстановке и оправданную безжалостность к сепаратистам. Достоин досрочного присвоения звания «капитан» и выдвижения на вышестоящую должность».

При подготовке к выписке из госпиталя он вместе с полевым хирургом — травматологом, «отремонтировавшим» его руку, — от души посмеялся. Майор со всей дури хлопнул Алешкина по плечу и незамысловато пошутил:

— Ты человек военный, всякое может приключиться. Но по этой железке в руке тебя легко будет опознать. Даже если личный жетон на твоей героической груди расплавится. И не нужны будут никакие генетические экспертизы по идентификации тела.

Рука у медика была тяжелая, но боли Алешкин не почувствовал.

Через недельку его вместе с другими выздоравливающими вызвали на медкомиссию. Консилиум много времени не занял.

«Годен к службе без ограничений. Пора в строй, и так вы у нас залежались. Вот ваши документы и пропуск в штаб комендатуры гарнизона. Там получите новое предписание. Не опаздывать».

Медицинский конвейер работал без сбоев.

Годен — направо, не годен — налево. Все в штаб. Всем спасибо.

Звание капитана и должность командира отдельной разведроты он получил сразу после выписки из госпиталя. На два года раньше, чем положено. Забронзоветь в ближайшее время ему не грозило. Это удел старых генералов, которые точно знают, как победить в любой войне, а не молодых и амбициозных офицеров. У тех еще все впереди. Они тоже когда-нибудь состарятся, если не погибнут раньше, стяжав славу и очередные медальки и ордена на грудь.

Войну одинаково любят и молодые, и старые офицеры. Первым она нравится за шанс продвинуться вверх и сделать блестящую карьеру. Для военного человека в этом нет ничего зазорного. Очередная звездочка на его погонах — признание его заслуг как профессионала. Для вторых, чьи головы убелены сединами или лысы, как колено, а на погонах тесно от больших звезд, война — это прекрасный повод доказать свою необходимость, значимость и незаменимость. Как кому нравится. Молодые львы и дряхлые патриархи единодушны в своих пристрастиях. Они одинаково любят вкус кровушки.

Пусть гражданские политики с высоких трибун борются за мир, разоружение или сокращение расходов на военные нужды. Все знают, что у них ничего не получится. Наоборот, накал споров в мире это верный признак, что скоро за помощью обратятся к военным. А они не подведут, тут же включатся в борьбу за мир, только своими способами. Специфика службы обязывает. Уж извините, как можем, так и делаем. Ничего больше не умеем, только воевать за мир и порядок.

Правда, картину портило то, что новое назначение пришлось, как говорили в старину, «в захолустный гарнизон». Алатырь была обыкновенной, ничем не примечательной планетой. Местные власти постоянно заверяли Содружество в своей лояльности, превознося мудрую политику Земли до небес...

...Амфибия свернула с «дороги» и по дуге, забирая влево, нацелилась широким носом на дом, на крыше которого сидели люди. Поняв, что их заметили, они вскочили и на радостях стали размахивать руками.

«Еще свалятся со скользкой черепицы, — раздраженно подумал капитан. — Потом

ныряй за ними. Вылавливай».

Силовая установка, смонтированная в носу транспортера, гудела ровно и успокаивающе. Неожиданно под днищем раздался громкий скрежет. Словно кто-то невидимый пробовал гигантским ногтем на прочность обшивку корпуса. Скрежет усилился, переходя в непрерывный лязг. Транспортер качнуло, нос стал подниматься из воды, обнажив направляющие катки, обутые в стальные гусеницы.

Двигатель взревел. Механик-водитель переключил скорость. Амфибия дернулась, словно гигантская рыба, попавшая на крючок. Но уже в следующий момент нос опустился, мягко шлепнув по воде. «Арго» плавно перевалилась через подводное препятствие.

Обычно домики в центре города были огорожены «куриными» заборчиками высотой по колено. Здесь же спасатели в прямом смысле напоролись на исключение из правил. Если судить по уровню паводка — строение окружала внушительная ограда трехметровой высоты. Волна, поднятая транспортером; дошла до дома, возвышавшегося слева по борту. Отрикошетив от каменной кладки, она не растеряла силу и гулко ударила в борт. Брызги окатили всех сидевших в открытом десантном отсеке. На полу образовалась приличных размеров лужа. По ней тут же побежала рябь, возникающая от вибрации двигателя.

Мокрые и измученные пассажиры только сильнее втянули головы в плечи и еще теснее прижались друг к другу. Очередную превратность судьбы они встретили с равнодушием стойков, смирившись с безысходностью. Но не все. Один вскочил с откидной лавки, словно подброшенный невидимой пружиной. Это был низкорослый крепыш с ежиком волос. Дождь не смог пригладить упрямо торчавшие волосы. Из-под отворота куртки высовывался воротник спасжилета, редкая вещица для гражданского.

— Решил нас всех утопить?! — У мужчины оказался неожиданно визгливый бабий голос. — Поворачивай обратно!

Обладатель непокорных волос сделал попытку пробраться к капитану.

Лицо офицера передернуло судорога раздражения:

— Будешь квакать, когда я спрошу! А теперь сесть на место и заткнуться! Быстро!

Возмутитель спокойствия не собирался униматься. Он продолжал пробираться к офицеру, протискиваясь сквозь сидевших. Наступил кому-то на ногу, его пихнули в ответ. Раздался ропот, сменившийся руганью.

Радист Коэн, неотлучно находившийся рядом с командиром, шагнул к скандалисту и тычком открытой ладони сбил того с ног. Буза, на которую сейчас не стоило отвлекаться, была подавлена в зародыше. Начнется свалка, нарушится неустойчивое равновесие — и тогда реально можно черпнуть бортом воды. Случись такое, никому не поздоровится.

«Интересно, откуда у гражданского дорогой армейский жилет? — подумал Алешкин. — Ладно, потом разберемся. Всею свое время».

Бузотер, шепча под нос проклятия, пробирался назад на свое место. Косой ветер бросил в лицо Алешкину крупные дождевые капли, и все посторонние мысли разом вылетели из головы. Он начал прикидывать, как подвести амфибию к дому, с крыши которого ему предстояло снять очередных бедолаг.

Его опередил водитель транспортера. Он подработал двигателем, стараясь максимально подобраться к дому, ставшему спасительным островом для жильцов. Мешал островерхий козырек крыльца, утесом торчавший из воды, и верхушка неизвестной постройки. Не то беседка, не то оранжерея. В последнее время вошло в моду разбивать во дворах мини-оранжереи с искусственным микроклиматом. В них высаживали цветы, привезенные с других планет. Компания, решившаяся на такой рискованный проект, по слухам, отнюдь не бедствовала. Во всяком случае, индекс стоимости акций цветочников рос вопреки прогнозам скептиков...

Бывший механик-водитель штурмового танка, похоже, забыл, что он сейчас за штурвалом легкобронированной амфибии. Он упорно таранил носом препятствие, пробиваясь к затопленному дому. С тоскливым всхлипом ушел под воду сорванный козырек над крыльцом. Там остались торчать обломанные клыки опорных столбов.

— Стой! Хорош! — скомандовал капитан. Двигатель, взрыкнув, послушно сбавил обороты.

Лихо подобраться вплотную бортом к стене не получилось.

Алешкин с досадой подумал:

«При современном уровне развития оружия можно уничтожить целые народы, не повредив ни кирпичика. Тут же, чтобы спасти троих, одним махом снесли с крыльца крышу с кованым узором и разворотили кладку в два кирпича».

— Кошатник, ко мне! — крикнул он солдату, стоявшему на корме с багром в руках.

Рядовой первого класса Петкин послушно воткнул крюк в крепление и боком, стараясь лишний раз не задеть беженцев, ловко двинулся по узкому проходу между лавок.

Офицер без слов застегнул карабин на специальном кольце, пришитом к спине спасжилета солдата. От него шел трос, быстро разматывавшийся с катушки, закрепленной скобой на борту. На ремне бойца он застегнул пряжки трех комплектов подвесных ремней горной амуниции. Ремни, скрепленные между собой соединительными кольцами, напоминали аксессуары из набора садомазохиста. Их предстояло застегнуть и подогнать по размеру на тех, кто был на крыше. Но сначала солдату предстояло забраться на нее и закрепить там трос. И только после этого, застегнув сбрую на гражданских, спустить их по тросу в амфибию, как по канатной дороге.

— Вперед и вверх! — Вдаваться в подробности офицер не собирался. Все и так было понятно. Таким способом они уже сняли жильцов не с одной крыши.

Рядовой неловко попытался отдать честь и чуть не свалился за борт от неожиданного рывка. Механик в очередной раз двинул машину вперед и выиграл еще пару метров. Теперь с носа можно было перепрыгнуть на остатки опорных столбов крыльца.

Офицер выбросил руку вперед и успел схватить покачнувшегося солдата за воротник спасжилета. Осторожно балансируя, рядовой обошел по краю кабину и перебрался на нос. Следом за ним зазмеился трос, с тихим шуршанием сматываясь с катушки.

— Не тяни время, его и так мало, — подбодрил командир. — Не растягивай удовольствие. Шевели ножками, прыг-прыг... Давай!

И рядовой дал! Первый прыжок оказался удачным. Солдат, как по болотным кочкам, перепрыгивая по верхушкам столбов, добрался до стены. Затем подпрыгнул и кончиками пальцев зацепился за подоконник последнего этажа. Если считать от поверхности воды, то первого. На этом он исчерпал запас везения. Пальцы соскользнули с мокрого откоса, и боец рухнул в воду, подняв тучу брызг. Следующие две попытки «вперед и вверх» закончились с одинаковым результатом. Громкий плеск — и Петкин снова в воде. Похоже, солдату нравилось изображать диковинное водоплавающее со шлемом на голове, выпученными злыми глазками и воротником спасательного жилета, торчащим из воды.

— Жаба! — подвел итог третьей попытки радист и сплюнул за борт.

— Клоун, — равнодушно возразил командир. — Сгною в спортзале. Он у меня научится бегать по потолку, как муха.

— Верно! — проникновенно произнес радист и протянул ладонь к ручке сматывания троса на катушку. — Разрешите мне попробовать!

— Обожди, — попридержал офицер ретивого добровольца. — По-моему, он начал быстрее соображать после водных процедур.

Похоже, доблестному бойцу разведроты надоело изображать жителя вод. Он медленно проплыл вдоль стены, перебирая руками по каменной кладке. Перед собой солдат гнал небольшую волну и стайку мелкого мусора, принесенного потоком. Петкин добрался до угла здания и уцепился руками за хромированную трубу водостока, состоявшую из коротких колен.

Алешкин наблюдал за выгребавшим среди мусора солдатом, и в голову ему приходили всякие мысли. Превращение водоплавающего животного, представленного рядовым Петкиным во всей первоизданной красе, в прямоходящее затягивалось. Очередное падение в воду, злобный мат, перемежаемый отплевыванием грязной воды. Еще пара гребков. Новый

заход — и разведчик зацепился за трубу водостока. Человек, прошедший месяцы эволюции в учебном центре разведывательных подразделений Вооруженных сил Содружества, далеко ушел от прямого предка примата. Но из Homo Sapiens еще не успел превратиться в настоящего Homo Military. Солдат застрял на промежуточной стадии развития и становления настоящего профессионального бойца...

Повернув голову в сторону амфибии, Петкин махнул рукой и быстро, по-обезьяньи, начал карабкаться на крышу. Неизъяснимым образом он уловил угрожающие мысли ротного и сейчас демонстрировал чудеса ловкости.

Разведчик забрался на крышу и, расставив руки в стороны, протанцевал по покато́й черепице к круглой тарелке спутниковой антенны. Отстегнул от спасжилета карабин с тросом и намертво закрепил на основании треноги антенны. Затем отстегнул с ремня сбруи и сноровисто надел на людей: женщину и двух подростков. Продрогшая и уставшая троица путалась в ремнях армейской экипировки.

Все рано или поздно заканчивается, и со снаряжением тоже разобрались. Радист крутил ручку катушки, сглатывая лишние метры. Трос натянули, оставив небольшой люфт.

Подвеску с женщиной Петкин прицепил к тросу первой. Вместо того чтобы спуститься в амфибию, спасаемая неожиданно вцепилась мертвой хваткой в антенну.

Капитан, задрав голову, наблюдал за событиями на крыше.

Подчиненный, оживленно жестикулируя, что-то горячо доказывал женщине. Она отрицательно качала головой из стороны в сторону, как китайский фарфоровый болванчик. У родителей Алешкина такой стоял в шкафу среди расписанной золотом посуды, доставаемой исключительно по семейным торжествам. Последний раз сервис извлекали, когда он получил лейтенантские погоны. Тогда они собрались всей семьей.

Когда это было? Несколько лет назад, а кажется, прошла целая жизнь.

Капитан прогнал посторонние мысли о прошлом и снова устоялся на крышу. Солдат перестал размахивать руками и с досадой стукнул кулаком по раскрытой ладони. Потом отстегнул женщину от троса и закрепил карабин на одном из мальчишек, том, что помладше. Только когда дети оказались на борту, женщину удалось отцепить от антенны. По тросу она спускалась в паре с солдатом. Петкин перебирал руками по стальной жиле, провисшей под тяжестью двух взрослых людей, и периодически подпихивал женщину коленом в... поясницу.

Приняв на борт трех новых пассажиров, «Арго» еще больше осела в воду. Запас грузоподъемности и плавучести был практически исчерпан. Пора было возвращаться. Выгрузить спасенных в лагере — и снова в затопленный город, за новой партией.

Механик медленно дал задний ход. Амфибия осторожно разворачивалась, ложась на прежний курс. На миг машина оказалась поперек улицы, а заодно и бурного течения. Волна с шумом ударила в борт. Открытое всем стихиям десантное отделение окатило водой.

— А-а-а! Ты мне за все ответишь! — Видимо, холодный душ не остудил горячую голову, потому что крепыш, расталкивая людей, метнулся к командиру амфибии. — Мы все утонем!

Алешкин, осторожно пробираясь среди эвакуированных, медленно двинулся навстречу скандалисту. Паника могла привести к непредсказуемым последствиям. Еще двое-трое поддадутся истерике — и плохо дело. Обстановку надо взять под контроль. Быстро и жестко.

Крепыш оттолкнул женщину, мешавшую ему двигаться вперед. Поднял ногу, чтобы перебраться через откидную скамейку, и замер. Перед ним стоял командир спасателей, к которому он так рвался.

Под капюшоном камуфлированной плащ-накидки белело сердитое лицо. Офицер смотрел равнодушно и молча, словно перед ним стоял не человек, а надоедливое насекомое.

— Э-э-э, — только и смог выдавить из себя буян. Качать права сразу расхотелось. Боевой пыл улетучился.

Не проронив ни слова, Алешкин одной рукой крепко ухватил мужика за пояс, а другой за отворот куртки. Рывок, и коротко стриженный дебошир полетел за борт. Траектория

полета была короткой. Мутная вода плескалась почти у самой, кромки борта. На месте приводнения торчала голова в обрамлении воротника жилета. Спасательный жилет хорошо держал на воде. Скандалист быстро, по-собачьи, доплыл до ближайшего столба разрушенной беседки. Похоже, в деле спасения своей шкуры ему не было равных. Он интуитивно выбрал самую близкую и безопасную точку. Стена дома прикрывала это место от течения. Можно было держаться за декоративные выступы кирпичной кладки столба и, если хватит сноровки, забраться на крышу.

Плыть за амфибией жертва наведения порядка не пыталась. В отличие от кота яркой желто-черной окраски мужчина не был бойцом. В поединке один на один котяра дал бы ему сто очков вперед. Но у каждого в запасе есть свое оружие, намного опаснее клыков и когтей.

— Балласт за борт! — вполголоса одобрительно заметил радист. — Правильно!

— Передай на ближайшую амфибию координаты дома. — Алешкин махнул рукой в сторону здания, где пускал пузыри скандалист. Тот крепко обхватил столб обеими руками и, похоже, отпускать не собирался. — Пусть в первую очередь выловят этого водяного. Пока воды не нахлебался.

— Есть передать координаты! — Радист протиснулся в люк кабины, где находилась бортовая радиостанция.

...Алешкина арестовали прямо в лагере беженцев. За ними пришли, когда он вместе с солдатами пытался наскоро перекусить сухим пайком.

Саморазогревающиеся консервы мгновенно остывали под дождем, становясь водянистой бурдой. Твердокаменные галеты, много лет пролежавшие на складе «неприкосновенного запаса», на глазах превращались в бесформенное месиво, норотившее проползти между пальцев. Нормальный армейский обед под дождем. Бывало и хуже.

Вопреки всем правилам арест проводили местные полицейские, а не представители армейского ведомства. Паникера, которого Алешкин выкинул за борт, вытащили из воды спасатели с амфибии, на которую радист передал координаты «лишнего» пассажира. Истерик оказался главой миссии Содружества на планете. Официальный представитель Объединенного правительства клал зубы от холода и злости. Он жаждал крови обидчика. Окончания спасательных работ ждать не стали, хотя сейчас каждый человек был на счету.

Командир базы, непосредственный начальник Алешкина, ничего не смог поделать. В Своде законов было написано черным по белому: «Преступление против официального лица Содружества подлежит наказанию с предельной строгостью». А тут, как назло, под руку подвернулся глава миссии. В его обязанности как раз входил надзор за беспрекословным исполнением правил и законов. Все складывалось против капитана. Преступление налицо. Свидетелей хоть отбавляй. Никто не захотел вникнуть в суть дела. Разобраться.

Так Алешкин в одночасье стал преступником, попавшим под статью «за особо тяжкие преступления»...

Глава 2

Семья Алешкиных давно обосновалась на Мронии, планете аграрного типа, если судить по классификации Каталога заселенных миров Содружества. За год на ней успевали собрать до шести урожаев. Среднегодовая температура колебалась в пределах 23–26 градусов по Цельсию и идеально подходила под выращивание сельскохозяйственных культур.

И хотя недра не баловали людей полезными ископаемыми, никто не жаловался на жизнь.

Предпочтение отдавали пачуа розовой. Свое название растение получило за цвет. Яркорозовый стебель, розовые листья; сок, выступающий на линии среза, тоже был розовый. С высоты птичьего полета аккуратные розовые квадраты полянок прорезались темными просеками, которые оставляли за собой уборочные комбайны. Затем заполненные под

завязку короба с растениями приземистые вездеходы доставят на пункты сбора и переработки сырья. Но это уже сфера, полностью относящаяся к прерогативе правительства планеты. На монополию власти никто не роптал. Все равно основной доход от торговли шел на общие нужды колонии. Исключение составляли строго фиксированные выплаты фермерам — владельцам плантаций, прямо пропорциональные собранным центнерам. Пока стрелка благополучия всех занятых в аграрном секторе планеты неизменно показывала «хорошо» и «очень хорошо». Разницу можно было почувствовать, проверив банковский счет или сравнив котировки продажи сырья на внешних рынках.

Растению идеально подходил местный климат. Его можно было собирать на разных стадиях созревания. Молодые побеги использовали в парфюмерии для производства кремов, омолаживающих кожу. Быстрая ликвидация сеточки морщин вокруг глаз высоко ценилась женщинами бальзаковского возраста. Подросшую пачуа розовую на корню скупали фармацевтические компании, специализировавшиеся на лекарствах от бесплодия и таблетках, снижающих последствия радиационного облучения. Семена взрослых растений были незаменимы в кондитерском деле. Пирожные «Императорские» и одноименные конфеты были обязаны своим неповторимым вкусом невзрачным зернышкам из плодов растения. Синтезировать необходимый компонент для сладкой промышленности было дороже, чем закупать созревшие семена.

Если спрос в одной области падал, всегда можно было продать собранный урожай другим. Колебания на общепланетном рынке никак не сказывались на благосостоянии колонистов. Планета процветала, купаясь в изобилии.

Поэтому Алешкин-старший, выйдя в отставку, и выбрал Мронию.

Военнослужащий Содружества после двадцати пяти лет беспорочной службы имел право уйти из армии. Независимо от того, рядовой ты или генерал, уходя на заслуженный покой, ты получал на руки кругленькую сумму. Денежная выплата зависела от звания и должности. Ежемесячное пособие умножалось до семидесяти пяти лет. Да, сумма получалась немаленькая. Это позволяло отставнику завести собственное дело и обеспечить себе безбедную старость. Тем, кто перешагивал семидесятипятiletний рубеж, выплата возобновлялась, ежемесячно пополняя банковский счет ветерана. Государство ценило военных, а те, в свою очередь, старались продлить контракт, чтобы дотянуть до заслуженной пенсии.

Боевые награды тоже имели денежный эквивалент. Содружество не считало лишним поощрять мужество и храбрость. Юбилейные медали в расчет не брались.

Родителям Алешкина выходного пособия главы семейства хватило на покупку небольшой фермы, двух десятков гектаров, пригодных под посевы, и двухэтажного домика в городе. Остатки денег потратили на вступительный взнос. Без него в местную ассоциацию производителей пачуа розовой было не пробиться. Мера вынужденная и направленная на сохранение монополии. Желающих выращивать растение, пользующееся бешеным спросом, было чересчур много. Альтруистов, готовых добровольно делиться барышами, среди колонистов не наблюдалось. Круг производителей пачуа розовой был искусственно ограничен местной властью. Не последнюю роль в проникновении в закрытое аграрное сообщество сыграло то, что отставной подполковник был гражданином Содружества. На такой статус мог претендовать только человек, отслуживший установленный срок в Вооруженных силах. Все остальные, проживающие на освоенных планетах, в том числе на Земле, могли претендовать лишь на государственное гражданство. Теоретически это были те же права, но, тем не менее, гражданство Содружества давало определенные льготы.

Помимо Алешкиных, таким социальным статусом могли похвастаться немногие, чуть больше сотни человек. И это на всю планету, которая, правда, не принадлежала к числу очень заселенных. По Каталогу заселенных миров Содружества она относилась к классу «С» — с населением до двух миллионов человек.

Так Алешкины стали фермерами. Они сразу с головой окунулись во все те дела, что напрямую или косвенно были связаны с выращиванием растения, востребованного на

десятках планет, заселенных людьми.

Богачами их назвать было трудно, даже по местным меркам. Слишком малы посевные площади, а два бэушных автоматизированных уборочных комбайна периодически ломались и требовали ремонта. Тем не менее, семья отставного военного скоро пополнила ряды крепкого среднего класса, живущего хоть и не в роскоши, но в стабильном достатке. Двадцать пять лет беспорочной службы Алешкина-старшего обеспечили всей семье безоблачное будущее.

Пока отец с матерью выращивали пачуа розовую, единственный их отпрыск Ингвар занимался тем же, что и все дети. Рос, учился и шkodничал в меру сил и фантазии.

Время бежит быстро, а еще столько всего надо успеть сделать и добиться в жизни. Мальчишка не считал честолубие чем-то постыдным и с трепетом пытался прислушиваться к тому, что творилось у него в душе. Отголоски внутренних бурь вызывали у него смутное томление и радость от того, что ждет впереди. Стремящихся отличает от всех остальных — мечта. Витая в грезах, недоступных другим, они ни в чем себе не отказывают. Все сомнения давно отброшены. Если ни в чем не сомневаешься, то идешь к цели быстрее остальных. Правда, шансы свернуть шею тоже возрастают в геометрической прогрессии.

...Старший Алешкин очень гордился своей первой наградой. Ее вручали военнослужащим, выполнившим нормативы стрелковых соревнований и боевых стрельб. Это был заплетенный в косичку шнур из нитей тусклого черного цвета с закрепленным на нем золотым венком. В венке голубь, держащий в клюве оливковую ветвь — символ Содружества. Подвеской служили миниатюрные снаряды. Одним кольцом шнур крепился под правым погоном, другим — на третьей сверху пуговице кителя. Три стальных миниатюрных заостренных цилиндрика, подвешенных на нижнем конце аксельбанта, означали высшую степень.

Подполковник всю жизнь прослужил в артиллерии. В разговоре он всегда подчеркивал, что свой аксельбант получил не за учения. Им награждали истребителей бронетехники, ведущих огонь прямой наводкой. Артиллеристов дальнoбойных орудий, стрелявших с закрытых огневых позиций, вне прямой видимости врага, никогда не награждали шнуром «За меткую стрельбу». Точность их огня больше зависела от корректировщика на переднем рубеже и вычислителя установок стрельб, чем непосредственно от орудийного расчета.

Какую бронетехнику он жег прямой наводкой, старый артиллерист не рассказывал. Правда, это не мешало ему гордиться черной плетенкой, висевшей на кителе. Маленькому Ингвару она напоминала ядовитую змею с тремя клыками, вывороченными наружу, пригревшуюся и уснувшую на груди у отца. Он боялся, что она когда-нибудь проснется и тугими петлями обовьется вокруг его шеи в смертельной хватке взаимной любви. Отца было жалко до слез. Неужели он не видит притаившуюся опасность?!

Карапуз решил не откладывать дело в долгий ящик. «Задумано — сделано» — это было характерной чертой их рода. Если бы Алешкины имели герб, на нем можно было бы выгравировать эти слова как девиз. Герб отсутствовал, но принятые решения все равно стоило претворить в жизнь как можно быстрее.

Мальчишка вооружился садовыми ножницами, забытыми мамой на клумбе у входа в дом. У нее был маленький пунктик: живая изгородь вокруг дома должна быть строго определенной высоты. Молодые веточки, выстреливавшие вверх зеленые отростки, моментально срезались.

Китель со змеей, притворившейся аксельбантом, располагался в специальном отсеке платяного шкафа, отдельно от гражданской одежды.

Мундир висел на плечиках высоко, не дотянуться. Пришлось отложить секатор и перебежками пробираться в гостиную за стулом. Обратный путь занял вдвое больше времени. Тяжелый стул пришлось тащить осторожно, чтобы шумом не выдать себя. Наконец стул был установлен перед распахнутыми створками гардероба. Ингвар предусмотрительно выдерживал дистанцию до черного аксельбанта на расстоянии вытянутых рук плюс длинных ручек садовых ножниц. Его не проведешь, он нутром чуял коварную сущность твари.

Развести пластиковые ручки в стороны, свести...

Перед стальными челюстями черная гадина не устояла. Щелк! Голова со стальными зубьями, звякнув, шмякнулась на пол. Щелк! Щелк! Порезанный на несколько кусочков шнур «За меткую стрельбу» скорчился на полу.

Отец спасен! Опасность миновала. Поверженный враг уже не казался страшным, как на ките. Теперь черные обрезки не вызывали никаких чувств, кроме одного — благостного удовлетворения от выполнения задуманного.

К счастью юного спасателя, на растерзанный аксельбант первой наткнулась мама. Она раз в неделю перекладывала одежду листьями пугай-дерева, заменяя засохшие и потерявшие запах на свежесорванные. Пахучие листья исправно отпугивали вездесущих жучков, больших любителей полакомиться тканью.

Пришлось воспользоваться службой экспресс-доставки. Корабли, регулярно курсировавшие между колонизованными планетами Содружества, могли доставить любой товар, от пуговиц до морозильной камеры для скотобойни.

Через неделю новенький шнур незаметно пришили на законное место под правым погоном. Младшего Алешкина после короткой лекции «Как распознать врага» перетянули мокрым полотенцем по спине. Маменька целила пониже, но прицельное воспитание затруднительно, когда мелкое и шустрое чадо носится вокруг стола противозенитными зигзагами, уходя от родительской длани.

Спрятавшись под столом, мальчишка грустно размышлял: героические свершения, сопряженные с риском для жизни, удовольствие ниже среднего. Получить по хребту от любимой мамы ни капельки не больно, но крайне унижительно и несправедливо. В два раза выше его ростом, а так ничего и не поняла. Обидно.

Отцу ничего говорить не стали. Так потомок меткого артиллериста получил урок жизни: ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Алешкин-старший надевал форму редко, исключительно по большим праздникам. Большим в его понимании. Когда подошел очередной Праздник урожая и время надеть форму, отставной подполковник подошел к зеркалу. Собственным отражением он остался доволен на сто процентов. Вояка смахнул невидимые пылинки с обшлага старого мундира и удовлетворенно хмыкнул, разглядывая предмет тайного обожания:

«Сколько лет прошло, а он все как новенький!»

Черный шнур был официальным признанием заслуг. Неофициальное признание — синяя татуировка у основания большого пальца правой руки, размером с мелкую монетку. Тату представляла собой круг с заключенными в него двумя перекрещивающимися стволами орудий. Древняя эмблема пушкарей была отличительным знаком части, в которой служил и сражался отец. Наколоть такой символ имели право не просто прошедшие «крещение огнем», а проявившие исключительное личное мужество. Или спасшие погибавших однополчан.

На робкий вопрос сына: «За какое из двух свершений тебя отметили?» — отец, замаявшись, ответил: «Так уж вышло, что за оба сразу. Повезло, значит, тогда, подфартило».

В подробности прошлого отставной подполковник вдаваться не собирался. Если рассказывать все как было, никто в армию служить не пойдет.

В те годы только-только провозглашенное Содружество старалось набрать силу, сгребая в кучу непокорные планеты. Все вместе — сила. Время одиночек закончилось.

...Соседнюю огневую позицию накрыло бинапалмом. Летуны раздолбили своих же, с первого захода.

Одиночный бомбардировочный аэробот вынырнул из облаков, обронил черный контейнер с бинапалмом и, взмыв, вновь потерялся в низких облаках.

Контейнер ударил точно в центр позиции батареи и, вспухнув горбом пламени, расплескался во все стороны. Еще когда он оторвался от мутно-серого брюха бомбардировщика, необыкновенное чутье, профессиональный глазомер и мгновенный, почти бессознательный расчет подсказали командиру обреченной батареи, что от черной

смерти, падающей из поднебесья, не уйти. Она рухнет прямо на них.

Офицер сделал единственное, что было возможно сделать в оставшиеся мгновения, — во всю луженую командирскую глотку крикнул: «В укрытие!» — понимая, что артиллеристы не успеют. Последнее, что он отметил в сознании, — легкий хлопок, едва заметный шелестящий звук, мгновенно превратившийся в рев пламени, которое жадно пожирало все вокруг.

Верхний край стены огня на миг завис в воздухе, играя всеми оттенками красного, а потом тяжело рухнул вниз, растекаясь по позиции батареи.

Уцелел только корректировщик соседней батареи. Почти уцелел. Его выносной наблюдательный пункт располагался на небольшой высоте. Аккурат перед двумя батареями.

Огненный язык бинапалма не смог дотянуться дотуда, растеряв по пути свою мощь. До корректировщика долетело лишь несколько огненных брызг. Но и этого хватило за глаза. Алешкин-старший, тогда еще лейтенант второго класса, первый заметил живой факел, вылезший на бруствер окопа. Он долго не раздумывал и помчался на горку с полевым огнетушителем в руке. Зеленые баллоны с красной полосой входили в запасной комплект каждого орудия. Никто на них никогда не рассчитывал всерьез, а тутгодились.

Корректировщик уже не кричал от боли, лишь слабо трепыхался, пытаясь расстегнуть застёжки плавившегося защитного жилета. Краска и защитное покрытие шлема вздулись пузырями и покрылись трещинами черной коросты. Офицер залил белой химической пеной шевелящуюся головешку, отдаленно смахивавшую на человека. Взвалил обгоревшего бойца на закорки и дунул вниз по склону к своим, рискуя свернуть шею.

Опасная спешка была оправдана: на месте соседней батареи полыхал огромный погребальный костер. От огня начали рваться снаряды в укладках контейнеров. Сработал боезапас. От осколков стало темно в воздухе.

Алешкина кольнула мысль:

«Не умер бы от боли!»

Инъектор с антишоком остался в аптечке, закрепленной на тыльной стороне оружейного щита.

За раненым офицером на удивление быстро прилетел медицинский эвакуатор. Сегодня летчики действовали споро, хотя наносили авиаудары не туда, куда надо, но исключительно точно.

Когда сильно обгоревшего, без единого живого места, корректировщика грузили в авиаэвакуатор, он неожиданно пришел в сознание. Из-под слоя бинтов и дезинфицирующей пены на артиллериста смотрел один глаз, неестественно зеленого цвета. Раненый даже попытался протянуть руку своему спасителю, но сил хватило лишь обозначить движение.

Во взгляде товарища по оружию уже не было ни боли, ни тоски, только пристальное внимание, словно он старался запомнить каждую черточку лица лейтенанта, вытащившего его из огненного ада, разверзшегося на месте наблюдательного пункта. И больше ничего.

Когда горячка боев закончилась, реактивный артдивизион, в котором служил командир огневого взвода Алешкин, отвели в тыл на переформирование.

Необходимо было пополнить сильно поредевшие расчеты, а заодно провести профилактику и ремонт техники. В отличие от людей металл не выдерживал запредельных нагрузок. Практически все орудия требовали замены изношенных и изъязвленных изнутри реактивным топливом стволов.

Пока технари из ремонтного батальона занимались восстановлением материальной части, артиллеристы наслаждались заслуженным отдыхом. Офицеры принимали молодое пополнение, распределяя бойцов по огневым расчетам.

Пользуясь передышкой, Алешкин отпросился у командира реактивного дивизиона в госпиталь, благо тот находился недалеко от их артиллерийского парка.

Сонный дежурный приемного отделения госпиталя долго не мог понять, чего от него хочет лейтенант в пропыленном и пропахшем химической гарью защитном комбинезоне. Когда же до него наконец дошел смысл просьбы, дежурный пощелкал клавиатурой, и на

экране вспыхнули данные о доставленных в тот день раненых.

— К нам не поступали корректировщики с такими ожогами, — сообщил он, не отрываясь от экрана. — В тот день сбили два медицинских аэробота, как раз на вашем участке фронта. Твой друг мог быть в одном из них.

Потом, подумав, добавил:

— Может, его переправили дальше в тыл, у пехотинцев в армейском полевом госпитале ожоговое отделение не чета нашему, туда как раз отправляют всех с тяжелыми ожогами.

Алешкин резко развернулся и пошел к выходу.

— Рано расстраиваться, еще найдешь его! — крикнул дежурный ему в спину.

Артиллерист вышел в коридор, прошелестев занавеской. Дверной проем закрывали широкие полосы, нарезанные из пластиковых пакетов для трупов. Черные траурные ленты, тянувшиеся до пола, были прихвачены на притолоке хирургическими скобами.

Когда в авральном порядке разворачивали полевой госпиталь в прифронтовой полосе, оказалось, что у многих сборных модулей не хватает дверей. Контейнеры с комплектующими то ли потерялись по дороге, то ли их забыли на складе. В общем, при сборке модулей двери оказались в дефиците. Их ставили в операционных и в палатах с тяжелоранеными, требовавшими особого ухода и повышенного стерильного режима.

Приходилось обходиться подручными средствами. Импровизированные занавески, заменявшие двери, резали из подручного материала. Черных двухметровых пакетов на молниях не жалели, их было с избытком. С этим добром у тыловых служб промашки не вышло. Их запасли очень много и периодически продолжали подвозить еще...

Мощный кондиционер центрального охлаждения гнал прохладу по трубам, соединявшим зеленые коробки модулей. Агрегат натужно гудел, работая с перегрузкой. Судя по сбивавшемуся ритму двигателя под кожухом, кондиционер собирался в скором времени приказать долго жить. Ему была нужна передышка, которую военные медики не собирались давать, да и не могли.

Отфильтрованный холодный воздух играл черными пластиковыми змеями и вырывался наружу в жаркую духоту дня, тут же оседая каплями конденсата на стенах домиков. Капли не успевали скатиться на землю, без следа испаряясь под жгучими лучами солнца.

Проходя по коридору, Алешкину пришлось посторониться. Двое медиков в белых комбинезонах толкали перед собой каталку с телом человека в изорванной форме с петлицами и нашивками танкиста. На оголенной по плечо руке синели нити вен, из них торчали трубочки капельниц, заканчивавшихся бутылочками с разноцветными растворами. Лицо с остатками волос на полусодранном скальпе закрывала маска полевого реаниматора. Третий медик бежал сбоку. Он со всей силы бил танкиста по груди раскрытой ладонью и орал:

— Дыши, сука! Дыши, кому говорю!

На изуродованное лицо танкиста было неприятно смотреть. Удивительно, как среди посеченных лоскутов кожи уцелели глаза. Зрачки закатились. Глазные яблоки белели на безбровом лице, вызывая отвращение. Устыдившись своего чувства, лейтенант ускорил шаг. Хотелось побыстрее выйти на воздух. Пусть душный, пропыленный и прокаленный солнцем, но воздух, без запахов антисептиков и незнакомых лекарств. В госпитале физически ощущался сгусток боли и страданий.

...Алешкин-старший обо всем этом сыну рассказывать не стал. Всею свое время. Сам узнает об изнанке армейской службы, когда наденет погоны. Не одни авиаторы мастаки накрывать собственные войска. Случалось, и артиллеристы вколачивали в землю не только противника. Взаимодействие в кровавой круговерти частенько давало сбой: поди разбери, кто свой, а кто чужой.

— Накололи татуировку сразу после боя. Положили руку на гильзу и накололи. Сержант у меня был мастер на все руки. Глаз — алмаз. Потом из этой гильзы и выпили. Отметили, значит, то, что живы, и за удачу.

— У вас стаканов не было? — удивился сын.

— Почему не было? Были! Традиция такая — пить из гильзы. Да и крепче забирает, когда перемешивается с налетом от сгоревшей взрывчатки. Неудобно поначалу. Ну да дело привычки и сноровки. Аккуратно и, главное, медленно наклоняешь, чтобы все сразу не вылилось налицо. Гильза, она, понимаешь, длинная, а от этого все неудобства и происходят. Приноровиться надо.

Для детства характерны особенные качества ума, отличные от взрослых. Мерить жизненный опыт прожитыми годами еще рано. Ведь тебе всего шесть лет. Точнее, исполнится осенью, через полгода.

От большинства людей не ждут подвига. Живет человек, трудится, в меру своих сил зарабатывает на жизнь, воспитывает детей, болеет душой за то, что считает правильным. Человек такой всегда нужен. И он всегда незаметен. А если жизнь забросит его на какой-нибудь тихий участок, то его совсем забывают. Так забывают о сердце, которое не болит, а исправно работает, гоняя кровь по венам и артериям. Никому и в голову не придет поручить такому человеку — клеточке общества — дело посложнее да порискованнее.

С течением времени он и сам привыкает думать, что есть вещи для него и есть не для него. Годам к сорока порывы сделать что-то особенное, необыкновенное утихают. О них вспоминают с грустью и стыдливым смешком. Остается одно главное желание — быть не хуже других.

А ведь в жизни не обойтись без исключительного. Нужен задор, стремление сделать что-то важное. Всегда находятся люди «со взглядом вперед». Со временем то, что сделано ими, становится нормой для всех. В том числе для тех, кто с неба звезд не хватает.

Подвиги повторимы, но не для всех и не всегда.

Принято считать, что у секиры есть лезвие и есть рукоять. Но никак нельзя обойтись без середины. Алешкин-младший к середине себя не относил. И никто не подозревал, что он способен на большее. Разумеется, кроме него самого.

Так смотрят на человека до тех пор, пока он не попадет в ситуацию, в которой может опуститься ниже и продемонстрировать, что, в сущности, оказался хуже, чем о нем думали. Второй вариант — перешагнуть через себя и сделать то, чего никто не ожидал. Ингвар постоянно ломал голову, как можно проявить себя.

В девять лет он решил стать археологом, быстро раскопать ближайший курган и вписать фамилию семьи в историю планеты большими буквами. Идея прославиться была воспринята соседскими мальчишками «на ура». Алешкин легко решил разделить лавры первооткрывателя с друзьями. Жалко, что ли!

Вышли с утра пораньше. Шанцевый инструмент раздобыли быстро, легко и элегантно. Попросту украли, сняв лопаты и короткий виброром с пожарного щита, красневшего ярким «стоп-сигналом» у здания мэрии.

Мало-мальски приличных курганов поблизости от их городка не было. Пришлось довольствоваться небольшим бугром на окраине, недалеко от купола подстанции комплекса солнечных батарей.

Копали по очереди, сменяя друг друга. Лаз постепенно углублялся, ведя шkodливые ручонки к славе, ну и, разумеется, к богатству. Быть известным и без денег — нонсенс!

Судьба иногда награждает упорных, но не всех. Кто станет ее любимчиком и избранником, невозможно предсказать.

Через несколько часов каторжного труда землепроходцы были приятно удивлены. Под лезвием лопаты звякнул металл. Все оказалось намного проще и быстрее, чем они ожидали. Значит, все правильно: чем меньше сомнений, тем быстрее идешь к цели.

— Давайте лом, — безапелляционно распорядился Алешкин. — Быстро!

Никто не оспаривал его право как организатора великолепного приключения первым узнать, что же они откопали. Лом показался юным археологам самым подходящим для этого инструментом.

— Сейчас все узнаем! Главное в нашем деле — точность и сила. Ну, и, разумеется,

везение.

Алешкин незамедлительно решил последовать собственному совету. Он поднял лом, прицеливаясь к тусклому металлическому предмету, выглянувшему из-под земли.

Сказано — сделано. Занесенный лом чиркнул острым краем по низкому своду лаза...

Силовой кабель, идущий от подстанции в город, остался в тот день цел. Мальчишки не успели его перерубить. Их засыпало обвалившейся землей после неосторожного обращения с пожарным инструментом. Стоявшему ближе всех к выходу из низенького тоннеля повезло больше всех. Его присыпало землей по пояс. Выбравшись, как червяк, из земляного лаза, он помчался на подстанцию за помощью, на ходу размазывая слезы по грязному лицу.

Помощь пришла быстро. Откопали еще быстрее. В этом месте кабель проходил неглубоко под землей.

Курганокопатель заявился домой в сопровождении почетного эскорта работников технической службы подстанции комплекса солнечных батарей. Все с ног до головы были перемазаны землей и глиной.

Узнав причину визита, родители закаменели.

Первой в себя пришла мать, как и положено настоящей жене офицера.

Всплеснув руками, она заголосила:

— Отец, скажи же что-нибудь!

— Ему уже скоро десять. Он уже почти взрослый, — выдавил из себя Алешкин-старший.

На этом все и закончилось.

Взрослое чадо угрюмо сопело, не поднимая глаз. Алешкин-младший в диалог вступать не собирался. Все равно не поймут. Не оценят!

Мама сграбастала его в охапку и потащила в ванную отмывать от грязи — атрибута дел тяжких и несправедных. Отец пригласил спасателей в гостиную. Надо было отметить рюмочкой домашней настойки второй день рождения сына, а заодно подписать счет, выставленный специалистами по солнечной энергии за земляные работы. Настойка на пачуа розовой была отменной, а счет астрономический.

После плена земляной могилы Ингвар поумерил свой пыл и навсегда решил завязать с раскопками. Для него обвал прошел без последствий, если не считать появившейся легкой рассеянности и задумчивости, чего нельзя было сказать о других участниках экспедиции. Один из мальчишек перестал разговаривать. Только титаническими усилиями врачей он через год с трудом заговорил. Так и оставшись заикой на всю жизнь. Спать он мог только при включенном свете. Другой иногда начинал плакать без видимой причины...

Когда начался показ нашумевшего сериала «Прыжок к звездам», все мальчишки на Мронии поняли, кем они станут. Как только наступало время очередной серии, на улице невозможно было увидеть пацаненка моложе двенадцати лет. Вихрастая часть населения планеты с ободранными коленями и стесанными локтями заворуженно застывала перед мерцающими экранами визоров.

С первых секунд заставки, когда Капитан Дикий, командир звездолета «Далекая звезда», шел со своим экипажем по пенобетону взлетки, взрослые на всей планете получали сорокаминутную передышку. Пока экраны визоров выдавали очередную порцию приключений бесстрашного экипажа, можно было не бояться за намеренную порчу своей и чужой собственности, а родители не опасались, что к ним без спроса вломятся в спальню.

Рано радовались. До последней серии «Прыжка к звездам» было еще далеко, а все мальчишки колонии бесповоротно решили стать астронавтами. Эпидемия «звездной» болезни поразила всех, не делая исключений, от четырех лет и старше.

Молодая поросль тянулась в космос. Мелюзга, копаясь в песочницах, строила бастионы на астероидах и готовилась к отражению нашествия космических пиратов. Как всегда, коварного и внезапного. Дети постарше резали родительскую одежду, подгоняя по фигуре скафандры, без которых не обойтись в дальних перелетах между планетами. Предпочтение отдавали дорогим вечерним платьям с серебристым и металлическим отливом. На их

счастье, в моде были платья из переливчатого материала электра.

Близился праздник Первого урожая. Женская половина колонии собиралась блеснуть в прямом и переносном смысле новыми туалетами. Мужчины, как более консервативные, из года в год одевались в одно и то же. Это было в порядке вещей, как и обновки их половин.

Но оказалось, что все мамы остались без платьев на выход.

Под крики родительниц потомки бесстрашных колонистов разбежались во все стороны, как тараканы на кухне, когда включают свет. Их можно понять: раненый крысоскорпион не так страшен, как разъяренная женщина, обнаружившая, что осталась без любимого платья.

Самые мудрые — двенадцатилетки — начали с другого.

Алешкин быстро укомплектовал свой будущий экипаж. В него вошли трое приятелей, проверенных при поиске клада. Стоит ли терять время на ерунду? Пока другие возились в песке и кромсали тупыми ножницами одежду, великолепная четверка приступила к тренировкам по преодолению неприятных последствий невесомости.

Подходящий тренажер был найден в соседском палисаднике. За низкой декоративной оградкой ровно по колено росло дерево. Нижние ветви засохли, на них не было листьев. Одну из них, толщиной с лодыжку взрослого мужчины, и облюбовали под тренажер. Бесстрашные друзья по-обезьяньи вскарабкались по стволу и со всеми мерами предосторожности оседлали ветвь. Потом без пяти минут астронавты зацепились на ней согнутыми в коленях ногами и повисли вниз головой.

Сначала все шло по плану, потом кровь прилила к героическим макушкам и зазвучала звонкими молоточками в ушах. Лица приобрели красный цвет.

«Терпеть и не сдаваться!» — подбодрил сам себя Ингвар. Так всегда поступал в трудную минуту Капитан Дикий — командир звездолета дальнего поиска из сериала. Товарищи восприняли гундосый возглас как приказ. От висения вниз головой менялся не только цвет лица, но и тембр голоса.

Борьба с невесомостью продолжалась шестую минуту. Человеческая воля одерживала верх над готовым взбунтоваться организмом. Но в итоге победило притяжение планеты. Гравитация в очередной раз доказала, что она существует, и законы физики никто не отменял.

Ветка дерева, с виду такая прочная, неожиданно обломилась с противным хрустом ломающейся кости. Четыре диковинных плода ухнули вниз. Аккуратно подстриженный газон немного смягчил приземление, но не настолько, чтобы не обошлось без потерь. Притяжение Мроники приняло их в свои цепкие объятия.

Во время первой тренировки из строя вышла половина экипажа. Не самый плохой результат, если учитывать все ловушки, подстерегающие звездолетчиков в космосе. Двое отделались ссадинами и легким испугом. Легким, потому что все произошло неожиданно и слишком быстро.

Борт-инженер, который еще не отошел от обвала, случившегося во время археологических раскопок, получил тяжелое сотрясение мозга. Он точно угодил макушкой в единственный камень на всем газоне. К заиканию прибавилась временная немота, вызванная шоком и соприкосновением с куском твердой геологической породы. Заговорил он только через месяц. Речь была громкой и внятной, но не всегда связной. В себя он окончательно пришел через полгода, но путь к звездам был для него навсегда заказан. Да он особенно уже никуда не стремился.

Врач, рассматривая голограмму сканированного мозга, коротко сообщил малолетнему пациенту, пряча улыбку в пышных усах:

— Вам повезло, уважаемый! Могло быть и хуже. Правда, с такими травмами в астронавты не берут. Теперь вам в космос можно попасть только в качестве пассажира.

Это относилось и к Алешкину. Командиру экипажа не удалось отделаться испугом. В последний момент он попытался сгруппироваться и встретить опасность лицом к лицу. Результат — сломанное предплечье и расцарапанный лоб.

Ингвар осторожно придерживал здоровой рукой кокон из пеногипса, в который

упаковали сломанную кость. Он осторожно нянчил руку и зыркал исподлобья на врача. Пеногипс был игривого розового цвета и никак не подходил к трагической обстановке.

— И как же они, интересно, узнают? — шмыгнул носом Алешкин. — Мне сейчас только двенадцать. В запасе уйма времени.

— Из твоей медицинской карты. — Врач щелкнул по корпусу наручного компьютера, закрепленного широким ремнем-липучкой на запястье. Пальцы пробежали по кнопкам. — В ней все твои болезни, начиная с самого рождения. Надеюсь, ты не забыл, что у тебя в годовалом возрасте появилась аллергия на лактозу?

— На что?

— На молоко.

— Вранье! Я утром пил молочный коктейль! — возмутился Алешкин и тут же скривился. Под толстой розовой коркой больно кольнуло и нестерпимо зачесалось, словно там соревновались в беге две панцирные сороконожки. Добраться до них в ближайшие две недели не представлялось возможным. Пеногипса в больнице не жалели.

— К трем годам непереносимость прошла, — успокоил врач, заглянув в окошечко дисплея. — Ладно, дуй домой. Ты тут не один такой одаренный.

Из-за приоткрытой двери приемного отделения донеслось приглушенное подвывание.

На кушетке, затянутой белой тканью, ждала своей очереди следующая жертва сериала.

Источником жалобного воя был шестилетний карапуз, которого держала за руку мать, похожая на взъерошенную курицу. Отпрыск умудрился натянуть на голову колбу от светильника-ловушки. Такие вешают на открытых летних верандах и в беседках. Две недели в году нет спасения от крохотных ночных мотыльков синекрылок. Любители посидеть вечером на открытом воздухе спасались от докучливых насекомых при помощи таких биоловушек. Колба служила им стеклянным кожухом.

Сегодня ее попытались применить не по прямому назначению, но с пользой для великого дела. Цилиндрический стеклянный сосуд идеально подходил в качестве гермошлема. В доньшке было два отверстия, как раз для антенн. Правда, их не успели использовать для этой цели. Надо было просунуть обрезки цветной проволоки до того, как надеть колбу на голову. После того как прозрачный сосуд намертво застрял в районе шеи, закрепить проволочные антенны стало невозможно. Колба книзу сужалась. Чтобы ее надеть, пришлось аккуратно заправить уши и прибегнуть к помощи товарищей. Уши быстро распухли, и снять сосуд, похоже, можно было только вместе с головой.

Владелец роскошного, но очень тесного гермошлема со скорбью взирал на окружающий мир сквозь двухмиллиметровую стеклянную преграду. При каждом выдохе на стекле появлялось туманное пятнышко. Расплющенный нос напоминал поросячий пятачок. Конопатому лицу было тесно в прозрачной тюрьме, куда его так неосторожно засунул хозяин. Обладатель роскошного шлема сдерживался из последних сил, чтобы не зареветь во весь голос. Было видно, что его силы на исходе.

Ингвар замер в дверном проеме. От зависти перехватило дыхание. Как они сами не додумались до этого? Хотя, с другой стороны, такое под силу лишь малолеткам. У них голова поменьше и уши не такие оттопыренные. Но идея хороша. Надо будет это дело обмозговать на досуге. Времени у него хоть отбавляй. Целых две недели, пока не срастется кость. Мысли о будущем вспугнул густой бас за спиной:

— Признаться, мне это уже порядком надоело. За спиной Ингвара стоял врач. Он развернулся и скрылся в глубине приемного отделения. Раздалось какое-то бряцание. Через минуту медик появился с длинными хромированными ножницами. Хирургический инструмент выглядел в руках взрослого острым и опасным. Таким можно лишь ампутировать и резать, причиняя невыносимую боль.

Врач пощелкал в воздухе никелированными лезвиями и сурово осведомился:

— Мамаша, ушки будем оставлять или как? Ответом стал громкий рев. Колба резонировала, искажая звук. Получалось громко и угрожающе.

Медик вздохнул, отложил ножницы и пошел наполнять хирургический инъектор

смягчающим гелем. Густая жирная масса использовалась для нанесения на кожу и обеспечивала легкое скольжение сканера при эхолокации внутренних органов.

Отверстия для антенн оказались как нельзя кстати. Через них закачали инъектором гель. С громким хлопком колбу сняли с головы.

Этого Алешкин уже не видел. Он выскочил из больницы, как только услышал про уши бедолаги. Иногда приходится платить самую высокую цену за то, чтобы приобщиться к тайнам открытого космоса. Но видеть, как товарищу по несчастью отрезают уши, было выше его сил. Про сломанное предплечье он успел забыть и со всех ног помчался домой под защиту родных стен, подальше от врачей. «Мой дом — моя крепость», — любил говорить отец. Смысл пословицы только сейчас дошел до сознания.

— Твое поведение далеко от идеального, Ингвар, — сказал сыну Алешкин-старший, изобразив на лице кислую улыбку. — Помнится, ты мне что-то обещал после раскопок... кабеля. Тогда вас еле-еле успели откопать.

Алешкин-младший, нагнув голову, угрюмо ковырял пальцем пеногипс. Встречаться глазами с отцом не хотелось. Завтра надо в школу. Можно было отговориться болью в сломанной руке и не идти на занятия. Но сейчас подобное поведение означало малодушие, несовместимое с кодексом звездоплывателя. Капитан Дикий никогда не унижал себя ложью.

Он медленно поплелся к себе в комнату готовиться к завтрашнему учебному дню.

С переломом предплечья в астронавты не возьмут. С этим фактом пришлось немного пожить, чтобы привыкнуть. Немного, всего один день.

Гипс легкомысленного девчачьего цвета был на левой руке. К сожалению, Алешкин, как и большинство людей, был правшой. От школы отвертеться не удастся. Иногда руку неприятно дергало в месте перелома. Но он тоже не собирался унижаться, в первую очередь, перед собой, ссылаясь на боль. Вот если бы у него была астероидная чума, заболевание, широко распространенное среди астронавтов, тогда другое дело. Но у этой болезни были иные симптомы: кровоточащие язвы по всему телу и полная потеря зрения вместе с памятью.

В школу пришлось идти.

В этот день писали сочинение на вечную тему «Кем я хочу быть, когда вырасту». Неожиданно для себя мальчишка написал, что хочет стать офицером, как отец, и расписал на нескольких листах «почему» и «зачем», в два раза превысив заданный объем.

Еще большей неожиданностью стали оценки: «пять» за содержание и «двойка» за грамотность.

Объявив оценки на следующем занятии, учительница отметила Алешкина.

— Хоть кто-то написал с душой, — сказала она, раздавая электронные планшеты со школьными заданиями. — Что же такого важного произошло, раз ты решил бросить дальний космический поиск?

Не дожидаясь ответа, она сухо продолжила:

— Настоящему авантюристу форма идет. Фуражка будет выгодно подчеркивать черты твоего лица.

Военных на тихой аграрной планете не то чтобы не любили, к ним относились подчеркнуто нейтрально. Фермеры в душе считали, что выращивать пачуа розовую — вот настоящее дело, а маршировать «ать-два, левой» каждый сможет. Для этого мозгов не надо. А может, учительница просто вспомнила молодость. Тогда она была тайно и безответно влюблена в пилота звездного транспортника, раз в месяц прилетавшего забирать урожай. Они даже пару раз танцевали на празднике Первого урожая. Синяя форма и фуражка с высокой тульей так шли к его волевому лицу. Как давно это было... Почти два года тому назад.

— А вам нравится ваша работа? — осторожно спросил Алешкин, придав голосу максимум почтительности.

— Очень, — поджала губы учительница. — С детства мечтала проверять ваши сочинения.

Прерывистая трель звонка подвела черту под коротким разговором, возвестив

окончание урока.

Написав сочинение на заданную тему, он сделал первый шаг в выборе будущей профессии военного. Не самый лучший вариант для скучной аграрной планеты, но все-таки лучше, чем обычная жизнь...

Через два года Алешкин поступил в кадетский корпус на Земле. На вступительных экзаменах он получил двойку по общесодружественному языку, представлявшему смесь русского, английского, немецкого и затесавшегося к ним в компанию французского. Язык Содружества был официально введен в употребление и считался государственным с тех времен, когда исчезли границы и понятие отдельной страны. Тогда и началась эпоха колонизации космоса.

Несмотря на низкие оценки, Ингвара приняли в военное училище. У сыновей военных и имеющих гражданство Содружества офицеров всегда было преимущество перед остальными абитуриентами. Семейные заслуги военных династий ценились не меньше личных качеств. Старый девиз «Крылья отцов — дороги сыновей» не утратил своего значения. А уж заслуженные отцы и деды делали все возможное, чтобы их чада поступали в элитные военные учебные заведения. Среди поступивших попадались счастливчики и из семей гражданских, но таких было меньшинство. Военные всегда были отдельной кастой и чужаков принимали с неохотой.

Понятие рас и национальностей давно исчезло. Но свято место пусто не бывает. Люди стали делиться по такому признаку: с какой планеты ты родом. С развитой и процветающей или с захолустной, ютящейся на окраине Содружества. Это тоже учитывалось приемной комиссией.

Три года в кадетке тянулись медленно и пролетели в один миг. В закрытом учебном заведении дни тянутся как месяцы, а годы пролетают как недели. Парадокс.

Вообще-то приятных воспоминаний у кадетов было не так уж много. Жизнь в военно-учебном заведении текла размеренно и даже скучно.

Кадеты находили выход юношеской энергии в разнообразных проказах. Пик шалостей приходился на время окончания очередного курса. Считалось доблестью перепллунуть предыдущие заслуги старшекурсников и войти в неофициальную историю корпуса. Ингвар и его закадычный друг Асмус Райх решили негласные традиции продолжить и от старших товарищей не отставать.

Во время переводной сессии с курса на курс большой экран в центральном корпусе с расписанием занятий и временем сдачи экзаменов учебных взводов почти четыре минуты показывал двигавшуюся непристойную картинку. Кто-то из кадетов, продвинутых в компьютерном деле, обошел защитные программы локальной сети штабного компьютера и вот таким образом отметил конец экзаменов, после сдачи которых кадеты переводились сразу на два курса старше. Не мудрствуя лукаво, экран выключили. Было назначено служебное расследование. Но дознаватели из числа офицеров-воспитателей так и не нашли хакеров-самородков.

Начальник кадетского корпуса генерал-майор Фогель был вне себя. Стоя перед погасшей электронной панелью в два человеческих роста, он громко выругался:

— Дурачье!

И уже тише добавил:

— Если поймаю, то по выпуску... по выпуску отправлю учиться на рэбовцев (специалистов радиоэлектронной борьбы) или на разведфакультет. Там острая нехватка таких кадров.

Страшнее ругательства, чем «дурак», из его уст никто не слышал. Старик был добрый, но злопамятный. Об этой черте его характера все знали и на замечку генералу старались не попадаться.

Виновников неразберихи перед разводом на экзамены так и не нашли. На рэбовцев учиться никого не послали, хотя факультет считался престижным. В том году на них не пришла разнарядка. Наверное, набрали из других кадетских корпусов, где дисциплина

крепче и уровень знаний выше.

По этому поводу у Фогеля было свое мнение. Он любил говорить:

— Очень давно у офицера могло быть записано в личном деле: «Физически развит, умеет читать и писать. Другим наукам не обучен». И ничего, служили, и хорошо служили.

Избыточную энергию молодости офицеры-воспитатели старались направлять на учебу и физическую подготовку. Кадетам ненавязчиво помогали самосовершенствоваться. После выпуска предстояло распределение в высшие военные училища. Кем тебе предстоит стать — танкистом, пехотинцем, десантником или летчиком аэробота, зависело от успехов в учебе и уровня физической подготовки. Единицы попадут в Звездную академию. Там, помимо отличных оценок, требовалось идеальное здоровье, ни одной пломбы в зубах не допускалось, не говоря уже о переломах в детстве.

В высшие военные училища кадетов принимали без экзаменов. Если с учебой было хорошо, то учитывалось личное желание, если плохо, то распределяли туда, где оставались места.

С памятного дня поступления прошло три года. Настала пора шить курсантские мундиры. Кадеты прибывали в высшие военные училища уже в форме. Зачисление давно стало обыденной формальностью. Но до этого им предстояло пройти мандатную комиссию, определявшую их будущую специальность.

Возглавлял комиссию, в которую входили педагоги и офицеры-воспитатели, начальник кадетского корпуса. Старый генерал Фогель обстоятельно беседовал с каждым выпускником, выслушивал желания, давал советы и принимал окончательное и бесповоротное решение.

Также на заседании комиссии определяли фамилии тех отличников, кто достоин быть увековеченным в черном мраморе, которым были облицованы стены вдоль парадной лестницы. Там устанавливались памятные доски из красного мрамора. Цвета были подобраны не случайно, а в тон черно-красной кадетской форме. Ежегодно перед выпуском в корпус приглашали гравера. Он вырезал на красном полированном камне ультразвуковым резцом фамилии кадетов, окончивших училище с отличием. А еще на Лестнице Славы могли увековечить имя офицера-выпускника корпуса, отличившегося в инопланетных сражениях.

На первое Алешкин не надеялся, на выпускных экзаменах он получил твердую тройку по общему языку. Чем втайне гордился. Это вам не двойка с минусом. О втором варианте — попасть на мраморную доску с голографическим портретом — мечтали все кадеты. Проявить доблесть в бою — это вам не занудная зубрежка. Ничего, что фамилии выпускников появлялись там в основном посмертно. Есть же два офицера, которые удостоились такой чести при жизни. Один даже жив до сих пор и приезжал год назад выступить перед ними на плацу. Молодой майор, практически целый, если не считать механических протезов ног. Совсем незаметно, когда стоит, и некоторая неестественность при ходьбе. Если специально не приглядываться, то и не заметишь...

* * *

Сверху над крайней, еще не заполненной мемориальной табличкой начинался еще один ряд, на этот раз «живописный». В рамках из полированной стали висели портреты выпускников, героически павших на полях сражений. Голографические портреты сорок на сорок сантиметров молча смотрели со стен. Изначально был определен небольшой размер картин; предполагалось, что героев будет много, а свободное пространство на стенах Лестницы Славы было ограниченным.

Выбор на стальные рамки пал не из-за скудости бюджета, а потому что военным не нужна позолоченная мишура с вычурными завитушками. Тусклый глянец металла выгодно подчеркивал лица в разноцветных мундирах разных видов и родов войск. Под стальному обрамлению были и лица. Они взирали на проходивших мимо с легкой снисходительностью и отстраненностью. Вы еще «здесь»? А мы уже «там»! Плотные сжатые губы, выпяченные подбородки, взгляд прямой, без тени сомнения.

В галерее героев выделялся портрет лейтенанта первого класса, улыбавшегося во весь рот, так что были видны ровные белые зубы. Он выпадал из строгой линии голографических портретов прославленных выпускников кадетского корпуса, верных сынов и защитников Содружества.

Офицера в парадном кителе с эмблемами легкой пехоты на концах воротника кителя справедливо считали легендой в квадрате.

Прошло много лет, а Улыбчивого Вика знали все. Именно так, «улыбчивого», а не «весельчака».

Виктор Размантовский, выходец с небольшой планеты, где все население поголовно исповедовало католицизм, постоянно улыбался. Улыбался к месту и просто так. Так, во всяком случае, казалось окружающим, товарищам-кадетам, офицерам и педагогам. Потом к этому привыкли.

А поначалу все складывалось совсем по-другому. В конце первой недели пребывания Вика в кадетском корпусе его офицер-воспитатель лично отвел кадета в медблок к психологу. Всякое бывает. Может, что-то проглядели во время приемной медицинской комиссии?

Вердикт военного эскулапа был однозначен: «Годен к обучению и дальнейшей службе. Хотя в военно-космических силах. Такой стабильной психоустойчивости я давно не видел. К сожалению, не у всех офицеров можно наблюдать такую адекватную оценку окружающей реальности. Мальчик может в будущем принести много пользы нашему Содружеству».

При последних словах психолога взводный смутился и вместе с подопечным поспешил покинуть медблок. Пора, мол, возвращаться в учебный корпус.

Причины спешки были понятны только медику и офицеру. Месяц назад взводный умудрился в городском офицерском кафе напиться до такой степени, что доверительно сообщил соседям по столу (однако было слышно на весь зал):

— Я с детства мечтал стать энтомологом, изучать жучков, ловить сачком бабочек. Какого хрена я здесь делаю? И почему ношу зеленую форму?

Рухнуть плашмя у барной стойки и тут же забыться мертвецким пьяным сном не считалось чем-то зазорным в офицерском кафе. Но речь о бабочках и жучках, произнесенная с душевным надрывом, произвела на слушателей неизгладимое впечатление. На беду офицера-воспитателя, за соседним столом сидел кто-то из окружного начальства. Остальное было делом техники.

Утром, до общего подъема, взводного растолкал помощник дежурного по корпусу. Вежливо, но твердо он предложил офицеру срочно прибыть в мед-блок к психологу. Тот ждет не дождется пообщаться с несостоявшимся энтомологом. Разве место любителю насекомых в армии? Тем более на таком ответственном посту, как воспитание будущих офицеров?

Взводный моментально проснулся и, перескакивая через две ступеньки, лавиной скатился по лестнице. Трясущимися пальцами он застегивал мундир уже на ходу.

Что случилось накануне, он помнил смутно. Вчерашний день был покрыт непроницаемой пеленой, надежно скрывавшей от сознания любые воспоминания. Об этом он четко доложил медику со злым лицом, в белом халате, надетом поверх формы. Психолог был зол, что его вызвали ни свет ни заря, да еще в выходной день, из-за пустяка, не стоившего и выеденного яйца. На заполнение психотестов ушло ровно десять минут. Годен, вменяем, стабилен...

Глядя на помятое после вчерашней дружеской попойки лицо офицера, преданно тарашившего на него красные глаза, медик, с трудом удержавшись от ругательства, процедил на прощание:

— Закусывать надо, когда культурно отдыхаете!

...После той памятной встречи командир взвода ни на одну лишнюю минуту не собирался задерживаться у психолога. Белые панели медицинского заведения порождали смутную тревогу за безоблачное будущее своей карьеры.

Офицер и Вик вывалились из здания на свежий воздух. Размантовский сразу же улыбнулся солнцу, стрельнувшему ослепительным лучом ему в глаза.

Взводный, ничего не сказав, отвернулся. Виктор не был ни записным острословом, ни неугомонным весельчаком, таким рубахой-парнем. Просто у него всегда было хорошее настроение, которое, казалось, ничто не могло омрачить. А может, он просто улыбался своим мыслям или ощущениям?

Со временем к удивительной улыбчивости Вика привыкли и перестали обращать на нее внимание.

Когда Размантовского фотографировали для личного дела в лейтенантской форме перед выпуском уже в высшем военном училище, он не удержался и улыбнулся. Фотография одновременно попала как в личное дело, так и на первую страничку пластикового удостоверения личности офицера.

Во время короткой офицерской службы у Вика, теперь уже лейтенанта Виктора Размантовского, несколько раз проверяли документы.

Патрульные сразу «спотыкались» на первой странице. Согласитесь, не каждый раз можно увидеть улыбающееся лицо на серьезном документе, удостоверяющем личность. Особенно если это происходит в районе повышенной опасности, максимально приближенной к боевой обстановке. В полевых условиях в скрытый секрет или блуждающий патруль не брали электронные сканеры. К чему лишняя обуза? Предпочитали действовать по старинке, как и много лет назад. Тем более личные документы военнослужащих Содружества имели несколько постоянно меняющихся особенностей и их было практически невозможно подделать на отсталых или развивающихся планетах.

В богатых мирах со стабильной экономикой боевые действия практически никогда не велись. Для этого не было веских причин. Все были довольны друг другом и предпочитали договариваться, а не бряцать оружием.

Глядя на улыбавшегося с фото офицера, проверяющие впадали в легкий ступор, не веря своим глазам.

В тот памятный день патрульный поднял взгляд от удостоверения и внимательно посмотрел на Размантовского, сличая документ с оригиналом. Вик в ответ послушно и легко улыбнулся. Раньше его беспрепятственно отпускали, удостоверившись в сходстве.

Прозрачное забрало на шлеме лейтенант сдвинул вбок. Изогнутое бронестекло словно обтекало голову. Как вариант, его можно было поднять. Так в седой древности делали рыцари. Но у армейцев это считалось дурным тоном, потому что так они напоминали полицейских во время заслуженного отдыха в перерыве между разгоном недовольных демонстрантов. Таких демонстрантов, поверьте, хватало и на самых развитых планетах Содружества.

— Не похож, — процедил начальник патруля, не спеша перелистнув пластиковую страничку.

Он прекрасно знал требования, предъявляемые к фотографиям на документы строгой отчетности. Удостоверение личности попадало в этот список. Плюс ко всему это сулило небольшое развлечение в нудном патрулировании внутреннего периметра полевой базы.

— А так лучше? — Лейтенант снял бронешлем, продолжая улыбаться.

— Не похож, — занудно повторил старший патруля.

Вот тут и громыхнуло.

Как на грех невдалеке разорвалась шальная мина, выпущенная повстанцами из самодельного миномета. Они периодически обстреливали опорные базы Содружества из джунглей. Три-четыре выстрела — и непримиримые из числа недовольных колонистов без следа растворялись в бескрайнем лесном массиве.

Самодельный миномет — трубу на треноге — устанавливали без опорной плиты в нужном месте, а затем бросали на землю. Просто и без изысков. Ни о какой кучности или точной прицельности огня не могло быть и речи. Беспokoящий огонь по расположению войск скорее носил характер психологического давления. Не забывайте, кто здесь в гостях, а

кто настоящие хозяева планеты.

На этот раз блуждающая огневая точка выпустила две мины. Расчет миномета здраво рассудил больше не рисковать и отступил в глубь леса. А может, у них с собой и было всего два боезаряда?

Одна из мин разорвалась в опасной близости от Улыбчивого Вика, стоявшего с защитным шлемом в руке.

Вторая даже не попала на территорию полевого военного городка, разорвавшись на безопасном расстоянии за периметром боевого охранения.

Бум-м! Громким разрывом мина, упавшая недалеко от патрульной группы, оповестила весь мир о встрече с землей.

Осколки на излете посекали ветки деревьев. На головы и плечи патрульных и их жертвы посыпались листья, мелкие веточки и кусочки древесной коры.

Лейтенант Размантовский, уже не улыбаясь, поспешно надевал шлем на голову, инстинктивно втянувшуюся в овальные наплечные пластины легкого полевого бронезащитного костюма. Сейчас он напоминал рассерженную черепаху, по злому умыслу лишенную важного элемента панциря. Без улыбки он уже не походил на фотографию в удостоверении личности. Сходство с оригиналом мгновенно растаяло вместе с взрывом. Сержант тупо пялился на стоявшего перед ним офицера. Пауза затягивалась, грозя перейти в ступор.

Начальник патруля прекрасно понимал, чем могла обернуться лично для него гибель офицера, снявшего по его приказу шлем с защитным забралом. И все для того, чтобы он мог идентифицировать владельца документа. Прощай, сержантские нашивки! Здравствуй, передовая группа минной разведки на запутанных грунтовых дорогах леса.

Улыбчивый Вик постукивал костяшками пальцев по макушке шлема не в меру ретивого проверяющего. Тот смолчал, никак не выражая протеста. Ни словом, ни движением.

Размантовский палец за пальцем разжал руку сержанта, чтобы забрать свое удостоверение. Хватка у патрульного оказалась железная, а сам блюститель порядка со стороны напоминал человека, в мгновение ока превратившегося в соляной столп. Оказывается, библейские сюжеты могут проявляться не только на матушке Земле, а подчас в самых неожиданных местах, таких, например, как военная база — одна из многих тысяч, разбросанных по Галактике.

Путь командира взвода легкой пехоты и патруля пересекался у прохода из основной жилой зоны в парк тяжелой техники, где в это время подчиненные офицера возились с ежедневным обслуживанием легких боевых машин на воздушной подушке. Планета изобиловала заболоченными местами, которые перемежались массивами густых джунглей. Поэтому легкая пехота и тактические десанты с аэроботов были основными действующими лицами военных операций по принуждению к миру колонистов, несогласных с единственно правильной политикой Содружества.

Подчиненные молодого командира взвода ежедневно работали на технике, изредка делая перерывы на то, чтобы в очередной раз отполировать личное оружие и проверить подгонку индивидуальных легких боевых костюмов.

Ежевечерняя проверка показывала, что все в полном порядке. Каждое следующее утро несло новые занятия в парке техники. Это не было прихотью молодого самодура. Солдаты других подразделений тоже, словно огромные муравьи с четырьмя конечностями в пестрой форме камуфлированной расцветки, ползали по боевой технике, щелкали, собирая и разбирая замки орудий, в бесконечный раз проверяли точность оптических приборов и тестировали настройку электроники, которой была напичкана техника.

Военные психологи, «ловцы солдатских душ», никогда времени не теряли и не зря ели хлеб в своих уютных кабинетах, находившихся далеко от передовой линии фронта. Правда, как определить, где находится передовая? Локальные очаги военных конфликтов с раздражающим постоянством вспыхивали на разных планетах, зачастую находившихся за десятки парсеков друг от друга.

Так вот, военпсихи (как их за глаза называли в линейных частях) вывели незыблемую формулу: ничто так не отгоняет грустные мысли о смерти и увечьях, ничто так не сплачивает воинский коллектив, как постоянная ежедневная изматывающая противоестественная монотонная работа. Когда руки заняты, все ненужные мысли покидают голову. Если бы не было техники, то начали бы копать окопы полного профиля или ловушки на мамонтов.

Размантовский как раз спешил к солдатам проверить работу и поставить сержантам — командирам отделений новые задачи. Вот тут он и налетел на патруль.

Скучавшим патрульным, бесцельно шатавшимся на территории, надо было как-то убить время до конца дежурства. Прошла лишь половина их смены. Или, напротив, еще оставалось отбыть ровно столько часов, сколько они уже «оттянули» на посту? А тут чуть офицера, «целого» лейтенанта не угробили!

Возможно, если бы лейтенанта ранило осколком мины, все для него сложилось бы иначе. Скорее всего, даже очень неплохо.

Расставшись с не в меру ретивыми стражами военного порядка, Улыбчивый Вик поспешил к подчиненным. Путь прошел под гул канонады. Орудия дежурной батареи, зарытой в глубокие капониры, вели беглый огонь шрапнелью по джунглям. Артиллеристы били по квадратам, откуда их предположительно обстреляли. Боги войны решили закончить канонаду жужжаще-басовитым аккордом. На последний залп они не пожалели дефицитных термобарических боеприпасов. Снаряды проредили джунгли; там возникли огромные проплешины. Необхватные высоченные деревья превратились в невесомую труху, перемешанную с дерном. Над землей курился дым сгоревшей взрывчатки, нехотя поднимаясь к небу причудливыми спиралями.

Наблюдательный пост радиоэлектронной разведки не успел точно засечь огневую позицию партизан. Двух выстрелов оказалось мало для точного определения координат блуждающей огневой точки. Аппаратура «засечки» вражеской позиции выдала несколько наиболее вероятных вариантов, где могли находиться вражеские минометчики. Для более точной идентификации не хватало исходных данных: рассеивание разрывов, наклонная траектория, густота лесного просвета (сквозь кроны особенно не постреляешь). Но — чем богаты, тем и рады.

Предполагаемые данные передали артиллеристам на пункт управления огнем. Там не спорили, а сразу начали рубить джунгли на дрова. Для них враг сейчас был виртуален, представляя собой столбики цифр на экранах управления огнем.

Гигантский военный молот методично забивал снаряды-гвозди в зеленую стену джунглей...

Лейтенант мигом домчался до боевых машин взвода, преодолев расстояние до технопарка в рекордно короткий срок. Солдаты уже сидели внутри «Рапторов», под надежной броней. Операторы-наводчики прильнули к резиновым ободкам прицелов. Приплюснутые башни с тонкими стволами медленно поворачивались из стороны в сторону. Казалось, приземистые громады боевых машин легкой пехоты принимают к лесу в поисках жертвы. Операторы выцеливали невидимого врага в секторах, строго определенных для каждой бронированной единицы.

Люк «Раптора» с лязгом захлопнулся за офицером.

Для полного комплекта взводу не хватало только лейтенанта. Теперь Размантовский был вместе с подчиненными, заняв свое место в командирской машине по боевому расписанию.

Другие подразделения в этот момент не могли похвастаться полным комплектом личного состава.

После обстрела, во время радиопереклички, командир базы был приятно удивлен, что у него под рукой находится целый взвод легкой пехоты, сидящий в полной боевой готовности «на технике». Солдаты Улыбчивого Вика были готовы выполнить приказ в любой момент. А с этим делом в армии просто. Приказ всегда незримо витает в воздухе, и когда приходит его час, мгновенно материализуется, обретая плоть в виде коротких четких команд. Не всегда

приказ ведет к победе. Но всегда путь его выполнения обильно полит потом и кровью, отмечен обломками и остовами подбитой и сгоревшей техники.

Одна из особенностей любой команды или приказа — их надо отдавать без тени сомнения в голосе. Бойцам нравятся настоящие, сильные офицеры. Только таким они вверяют свои жизни и позволяют разрушать собственные судьбы.

У каждого человека есть личный эмоциональный груз воспоминаний. У кого-то он легче, у кого-то тяжелее. Командир маленькой военной базы, затерявшейся в джунглях, давно пребывал за гранью добра и зла. Он уже не испытывал никаких эмоций, став одним из безликих механизмов военной машины, умеющей лишь единственное — методично уничтожать и перемалывать врага. Да так, чтобы и косточек не осталось. Перетирать в костную муку. Любой ценой. А за ценой в армии никогда не стояли.

В наушниках лейтенантского шлема, автоматически подключившихся к внутренней связи «Раптора», зашуршали помехи, сквозь которые прорвался твердый голос командира базы:

— Четвертому взводу лейтенанта Размантовского совершить марш и выдвинуться к высоте триста шесть и четыре. Закрепиться на склонах и ждать дальнейших указаний. Как поняли? Прием!

— Вас понял! Готовимся к выдвижению. Десятиминутная готовность, — доложил офицер невидимому собеседнику.

Рядовой минометный обстрел не обманул старого вояку. Ветеран с обостренным, звериным чутьем почуял неладное. Разведчики, которые должны были вернуться из планового рейда еще два дня назад, пропали без следа. В установленное время на связь не вышли. Последнюю неделю небо затянуло сплошной пеленой низких облаков, цеплявшихся за верхушки самых высоких деревьев. Возможности спутников космической разведки, наматывавших бесконечные витки на орбите, сводились к нулю. Огонь артиллеристов в ответ на обстрел базы вскрыл расположение замаскированных орудий.

Неприметный наблюдатель, затаившийся в джунглях, мог спокойно, без спешки нанести огневые позиции на электронный планшет. Кодированный сигнал без помех передаст «своим» точную информацию о позициях огневых средств с привязкой к местности до метра.

Вызывать на помощь десант тяжелой пехоты для усиления, основываясь лишь на одной интуиции, было, мягко говоря, несерьезно.

Оставалось одно — разведка боем. Высота 306,4 находилась на таком расстоянии от базы, что в случае боестолкновения с повстанцами артиллеристы не смогли бы поддержать четвертый взвод огнем из орудий. Если колонисты решили устроить серьезную заваруху и сейчас сосредоточивают силы для широкомасштабной операции, то взвод на трех «Рапторах» рано или поздно столкнется с ними в районе высоты. Вокруг нее сплошные болота. Относительно небольшие участки земли представляли собой запутанный сухопутный театр военных действий.

Высота 306,4 господствовала над подходами к базе. Жаль, что далековато для артиллерийского огня. Ничего не поделать. Повстанцы тоже умели считать. Они давно выучили назубок все тактико-технические характеристики боевой техники Содружества. Война всех быстро учит, а потом принимает экзамен в бою.

Небольшие партизанские отряды и разрозненные группы периодически собирались вместе, объединяясь в крупную группировку. Молниеносно проводилась тщательно спланированная операция. Покончив с врагом, партизаны снова распадались на мелкие группы и бесследно растворялись в зеленом море джунглей. Таким способом несколько опорных пунктов были полностью стерты с лица планеты. Экспедиционный корпус Содружества нес безвозвратные потери. Технику уничтожали. Личный состав истребляли до последнего солдата.

Такая тактика приносила непокорным колонистам свои плоды. И главное было не прозевать момент сосредоточения сил партизан...

— Мы будем в отрыве от главных сил, — попытался прояснить обстановку командир взвода. — Как быстро можно вызвать поддержку авиации... в случае чего?

— В случае чего, — эхом отозвались наушники. В голосе командира базы прорезались саркастические нотки. — Интересно, присваивают звания досрочно за тупые вопросы? — Не дожидаясь, что скажет лейтенант, начальник ответил сам: — Если присваивают, ты должен быть уже как минимум майором. Постоянно быть на связи. Обо всем подозрительном немедленно докладывать оперативному дежурному по базе. Выдвигайтесь! — поторопил подполковник.

— Есть! Всем начать движение. Вперед! — продублировал команду взводный по внутренней связи.

Из ровного ряда томившихся в технопарке железных громадин, дернув стальными носами, начали выползать «Рапторы». Монолитность строя нарушилась. С лязгом захлопнулся неплотно прикрытый боковой люк. Колонна из трех машин с десантом легкой пехоты в стальных чревах двигалась пятнистой лентой, бряцая траками гусениц.

Выехав за территорию базы, механики-водители включили наддув воздушных подушек. «Рапторы» без помех перемахнули через широкий язык болота. Естественная преграда топи опоясывала полукольцом защитный периметр.

Ощувив под гусеницами твердую почву, машины судорожно дергались остроносими корпусами. Черные юбки воздушных подушек опадали волнами вдоль бортов. Механики переключались на обычный режим хода. Езда на воздушной подушке — дорогое удовольствие, быстро ведущее к перерасходу топлива. Впереди их ждал многокилометровый марш. Горючку стоило расходовать экономнее. Неизвестно, что ждет впереди. В джунглях еще ни разу не встречалась заправочная станция, на которой можно пополнить запасы топлива. А на память водители пока не жаловались.

Порыкивая двигателями, машины направлялись в сторону высоты 306,4. До сегодняшнего дня о ее существовании никто, кроме начальства и охотников-аборигенов, не знал.

Оставляя за кормой сизый дым выхлопных газов, «коробочки», выкрашенные в пятнисто-зеленые камуфляжные цвета, упрямо наматывали на траки километры бездорожья. Аляповатая палитра защитной раскраски делала машину малозаметной, почти невидимой в джунглях. При неработающем двигателе «Раптор» практически сливался с окружающим ландшафтом.

...Чутье не подвело матерого битого волка. Подполковник, командир базы, оказался прав на все сто процентов. Интуиция — неосознанный опыт старого вояки — подсказала ему самый правильный вариант.

События стремительно развивались.

На несколько мгновений стало оглушающе тихо, словно все вокруг замерло или притаилось.

Доклад командира взвода легкой пехоты по рации о занятии высоты совпал с нападением. Повстанцы атаковали под прикрытием леса.

«Рапторы» опередили колонистов на несколько минут. Много это или мало? Время в бою течет по своим законам, плохо соотносящимся с теорией относительности Эйнштейна. Секунды растягиваются в вечность, часы превращаются в мгновения.

Первый удар получила правофланговая машина. К ней одновременно протянулось несколько дымных щупалец противотанковых ракет, выпущенных из ручных гранатометов. Бортовая электроника засекла пуски и мгновенно отреагировала на угрозу. Компьютер пассивной обороны работал самостоятельно, в автономном режиме. Вмешательства экипажа не требовалось. «Умная» машина отстрелила кассеты с противоракетными аэрозолями. На пути стальных стрел со смертоносной начинкой, стремительно летевших к «Раптору», вспухли серебристые облачка.

Обманка сработала. Электронные взрыватели откликнулись на ложную цель, подорвав боеголовки ракет. К серебристым облачкам прибавились другие — бело-желтого цвета. В

воздухе кисло запахло сгоревшей взрывчаткой.

Надежно укрытые стеной леса истребители бронетехники не собирались останавливаться. Сегодня они не испытывали недостатка в боеприпасах.

Расчеты переносных противотанковых комплексов вели почти непрерывный огонь, делая редкие паузы на перезарядку. Среди деревьев появлялись вспышки, обозначающие очередной пуск.

Все новые следы ракет смертельно опасными росчерками пытались дотянуться до стальных «коробочек» легкой пехоты. Наводчики-операторы орудий открыли огонь по лесу, ориентируясь по данным тепловизоров, засекавших очередной огненно-жаркий старт на позициях гранатометчиков.

Живые консервы в бронеупаковке не собирались сдаваться задешево. Надо разменять свои жизни по курсу, невыгодному для врага. Не жизнь за жизнь, а душу за души. Чем больше, тем лучше.

Злые очереди тридцатимиллиметровых орудий выкашивали в лесу широкие просеки. Стволы деревьев разлетались в мелкую щепу. Некоторые деревья падали, образуя завалы из переплетенных крон, намертво сцепившихся ветвями. Буреломы резко контрастировали со свежими просеками.

На месте уничтоженных огневых точек, как по мановению волшебной палочки злой колдуньи, возникали новые, будто джунгли решили показать чужакам, кто здесь настоящий хозяин.

— База, прием! Я четвертый! Закрепились на высоте триста шесть и четыре. С марша вступили во встречный бой. Здесь многоэшелонированная засада. Предположительно, против нас действует сводный отряд. Точную численность установить не могу, — скороговоркой доложил по радиации взводный. — Требуется поддержка!

— Принял, — раздался в наушниках шлема голос начальника штаба. — Держитесь, вызываем штурмовики. Включите бортовой маяк для ориентации и наведения на цель.

...У правофланговой машины иссяк запас противоракетных аэрозолей. Контейнеры с кассетами, установленные на броне, опустели. Препятствия для летящей смерти больше не было. Почти синхронно в бок «Раптора» «клюнули» две ракеты. Машина, прекратив маневрировать, со скрежетом остановилась. Из десантного отсека горохом посыпались солдаты.

Откинулся верхний люк в башне, из него валил дым. Никто из люка не вылез, дым становился все гуще.

Пехотинцы занимали оборону, принаравливаясь к складкам местности. «Легкие» отстегивали с поясов складные саперные лопатки и, не теряя ни секунды, вгрызались в землю под перекрестным огнем.

К басовитым коротким очередям автоматических орудий боевых машин с обеих сторон присоединился сухой треск штурмовых винтовок и пулеметов.

Вокруг щелкали пули, поднимая кипучие фонтанчики земли. Плотность вражеского огня из леса нарастала.

Левифланговая машина, прикрывавшая командирский «Раптор», долго не продержалась. Полыхнул разрыв — повстанец ювелирно «положил» ракету ей точно под башню. «Коробочка» встала как вкопанная. Башня медленно, словно с усилием, поворачивалась вдоль деревьев, непрерывно поливая свинцовым дождем негостеприимные джунгли.

Из-под брони показались робкие язычки пламени. Из раскрытых люков поспешно выпрыгивали бойцы легкой пехоты. Низко пригибаясь, они старались поскорее и подальше убраться от подбитой машины. Наводчик вылезать не спешил. В горячке боя он методично всаживал очередь за очередью по огонькам выстрелов, мелькавшим среди деревьев.

Не каждому человеку суждено оказаться в нужном месте в нужное время. Как часто от этих слагаемых зависит успех!

Оператор орудия как раз был на своем месте. Он продолжал стрелять, заколачивая

снаряды-гвозди в стену леса. Внутренняя система пожаротушения отсрочила его гибель. Белая пена из раструбов задавила пламя, погасила веселые огоньки, разбегавшиеся внутри стального монстра.

Противотанковая ракета, вылетевшая из неприметного куста, росшего на опушке, пробила бортовую броню и попала в неизрасходованную боеукладку. В небо взметнулся фонтан пламени, затем оглушительно гроыхнуло. Жаркая волна прокатилась по лесу, заставив оставшихся в живых пехотинцев плотнее вжаться в землю. На излете она пригладила деревья на опушке и растворилась без следа в море джунглей.

Взрывом «Раптор» разнесло на части, разметало корпус, катки с обрывками гусениц превратились в бесформенные куски металлолома...

Последней в строю оставалась машина Улыбчивого Вика. Она пока избежала прямых попаданий, ловко маневрируя под защитой склонов и ложбинок высоты 306,4.

— База, прием! Здесь становится жарко! — взывал в микрофон рации лейтенант. — Без поддержки не продержаться. Прошу «добро» на отход.

— Оцените степень угрозы, — немедленно отзывались наушники голосом начальника штаба.

— Максимальная!

— Штурмовики скоро будут, — вклинился в эфир командир базы. — Расчетное время подлета — восемь-двенадцать минут.

— Долго! Очень долго! Охренели, что ли?! — завопил лейтенант, наплевав на субординацию. — Нам здесь не выстоять!

— Вы не имеете права допустить прорыва повстанцев, — скрипучим официально-казенным голосом отозвался подполковник... и отключился.

Все участники радиоразговора знали: необходимость в армии всегда ставится выше эмоций. Да и, наверное, всего остального тоже.

Некоторые начальники определяют ценность военного по шкале его возможностей сражаться. Не только на гражданке люди с возрастом становятся циничнее, обрастают толстой кожей, стремясь отгородиться от эмоций внешнего мира, чтобы спрятаться от укоров собственной совести.

Тем интереснее бывает найти в железном человеке неизвестную для подчиненных трогательную сторону.

Аэроботы штурмовой авиации еще прогревали двигатели на взлетной полосе аэродрома подскока, а с базы уже выдвигалась колонна тяжелой техники.

Броня двигалась в ту сторону, куда ушли юркие «Рапторы» взвода легкой пехоты.

В башне головного танка «Миротворец» сидел командир базы. Позвякивали металлокерамические пластины, дополнительно навешенные на защитный бронекостюм. Вопреки здравому смыслу и требованиям уставов подполковник лично повел ударную группу на выручку взводу, вцепившемуся из последних сил в высоту 306,4. Почему вопреки? Потому что командир должен руководить сражением, а не ходить в штыковые атаки. Ветеран не смог усидеть на безопасном командном пункте. За себя он оставил начальника штаба. Видимо, все-таки не успел обрасти толстой дубленой шкурой, положенной по возрасту и званию.

...Лейтенант всего этого не знал. Он не сводил глаз с дисплея, на котором тревожно мигал ярко-фиолетовый индикатор. Бортовой компьютер исправно сигнализировал — израсходована последняя защитная кассета с противоракетным аэрозолем. Машина была обречена.

Несмотря на потери, враг не снижал, а, наоборот, усилил натиск. Горсточка солдат, остатки полнокровного взвода, успела под прикрытием последней бронемшины закрепиться на господствующей высоте.

Малочисленный заслон на пути повстанцев отступать не собирался. Солдаты наглухо запечатали выход из джунглей крупного отряда партизан, не давая ему вырваться на оперативный простор. Слева и справа тянулись сплошные непроходимые болота с

равнодушно булькавшими бездонными бочагами.

— Десант, к машине, — принял единственно верное решение лейтенант. — Занять оборону!

Очередь из крупнокалиберного пулемета в ключья расплосовала пышную воздушную подушку из полимера и заклинила направляющий каток на правой гусенице.

— Всем покинуть машину! — проорал Размантовский. И неожиданно для себя спокойно добавил: — Шире шаг.

Сержант, командир отделения, продублировал приказ во всю мощь луженой глотки. В десантном отсеке раздался топот и лязг оружия о пластины защитных костюмов. Легкая пехота покидала стальное убежище. Верткий маневренный «Раптор» встал на прикол, превратившись в неподвижную легкобронированную огневую точку. Никто из вояк не строил иллюзий. Остановившись, «коробочка» стала идеальной целью для гранатометчиков. До поры до времени спасало то, что машина находилась в ложине, которыми высота была изрезана вдоль и поперек. Борта прикрыты. Хищный ствол орудия неотрывно смотрит в сторону джунглей. Прекрасный сектор обстрела. Идеальная позиция, созданная природой.

Оператор-наводчик и механик-водитель присоединились к десантникам. Выбираясь из люков, они не забыли взять с собой штурмовые винтовки, прихваченные фиксирующими скобами в гнездах внутренней обшивки. Команду два раза повторять не пришлось. И так понятно, «Раптор» доживал последние минуты на поле боя, а может, секунды.

Командир взвода занял опустевшее место оператора. Он с первого курса военного училища показывал неплохие результаты по огневой подготовке. Спасибо педагогам с погонами на плечах, не дававшим курсантам роздыху на полигонном стрельбище. Если собрать в кучу гильзы от «сожженных» на огневом рубеже патронов и снарядов, то получилась бы гора внушительных размеров.

Неожиданно эфир ожил в круглых горошинах микрофонов, закрепленных внутри шлема.

— Ты только держись, Виктор, — попросил командир базы. Слова прозвучали отчетливо, словно он был рядом, буквально за спиной.

Лейтенант не понимал, почему его голос приобрел умоляющие интонации, раз он такой большой начальник. Что удивительно, он, оказывается, знал подчиненного по имени.

— Ты только держись, прошу тебя, — снова попросил подполковник и добавил: — Ты меня понял?

— Так точно! — четко ответил Размантовский.

— Держись до подхода штурмовиков! — Командир повысил голос, ему казалось, что Улыбчивый Вик совсем не слышит его.

Взводный прекрасно все слышал. Он даже слышал дыхание начальника, словно тот приблизился к его уху, чтобы что-то нашептать, поделиться сокровенным, о котором никто не должен знать.

— Понял меня? — вдруг закричал подполковник.

— Так точно! — с прежней четкостью, как заводной, повторил Улыбчивый Вик и отключил рацию.

Голос в наушниках шлема отвлекал, мешал точно прицеливаться. И так все понятно. Он неожиданно успокоился — все ему прекрасно подчинялось: и руки, и ноги, и голова. Тихо урчали сервоприводы, поворачивавшие орудийную башню.

Лейтенант вжал лицо в обрезиненный прицел. Оптика послушно приблизила переплетение лиан и деревьев.

Среди стволов суетливо мелькнули тени. Офицер плавно нажал на гашетку электроспуска орудия. Силуэты в лесу потонули в огне и дыму разрывов. Справа подозрительно шевельнулись ветви куста. Лейтенант перенес огонь на него. На дульном срезе орудия запульсировали сполохи выстрелов. На месте, где мгновение назад зеленел куст, расцвел яркий цветок разрыва. На один гранатометный расчет вместе с боекомплектom стало меньше.

Колонисты перегруппировались, сосредоточив перекрестный огонь на последней, обездвиженной машине. Время, отпущенное «Раптору» судьбой, истекало. Пока он огрызался короткими точными очередями, залегшая пехота находилась под надежным прикрытием. Судьба — дама переменчивая. Особенно судьба военного.

Командирский «Раптор», пронзенный несколькими противотанковыми ракетами, чадно полыхнул гигантским костром, обливая землю наплывами горящего топлива.

У судьбы военного специфическое чувство юмора. То она поворачивается к тебе спиной, а потом, глядишь, уже улыбается тебе в лицо. Но этот задорный оскал предназначался остаткам взвода легкой пехоты.

В вышине приближался басовитый гул. Он рос, постепенно заполняя собой все небо. От края до края. Два звена аэроботов, пробив низкие облака, свалились из поднебесья. Ведущий, а за ним и другие штурмовики вышли на цель и начали сбрасывать яйцообразные контейнеры с бинапалмом. Через мгновение после их падения море джунглей накрыло одеялом огня.

Аэроботы замкнули круг, прицельно пикируя один за другим. Воздушная карусель — армейская классика противостояния неба и земли.

Крупному партизанскому соединению повстанцев не удалось прорваться к опорной армейской базе. Не успели они и отступить в джунгли, разбиться на мелкие отряды и затеряться в глубине непроходимой чащобы. Всех накрыло авиаударом штурмовиков.

Израсходовав подвесной боекомплект, летуны легли на обратный курс. Отбомбились — значит, работа сделана. Пора возвращаться на аэродром.

Эфир взорвался бурей приказов и команд. Остатки четвертого взвода, получив подкрепление, с веселой яростью вели стрельбу по полыхавшему лесу, вымещая на нем свой страх боя. Расстреливая магазин за магазином. Патроны уже можно было не экономить.

...Лейтенант Размантовский навсегда остался у всех в памяти Улыбчивым Виком. Он и в гробу, наверное, лежал бы, улыбаясь. Но это уже из разряда догадок.

Оставшийся в живых сержант из четвертого взвода излезил на четвереньках еще не остывший, выгоревший дотла «Раптор». Все, что осталось от командира, он тщательно собрал в защитный шлем. Щепотку пепла за щепоткой.

Из туч сыпал дождь, мелкий и безысходный.

Джунгли больше не горели, они дымились. Белесый дым зловеще поднимался К небу. Воздух пах пережаренным мясом и горелой древесиной. Все вокруг было покрыто копотью. Ветер поднял пепел и теперь посыпал черными снежинками грешную землю. Все стало черным вокруг. Все!

Фотография лейтенанта из личного дела, продублированная на удостоверение личности, перекочевала на стену Лестницы Славы кадетского корпуса. Так закончился третий и последний этап путешествия фотографии офицера с широкой улыбкой на лице.

Нижняя планка стальной рамы его портрета была более тусклой, чем другие. Она резко выделялась на фоне блестящих обрамлений, в которые были заключены голографические лики героев, прославивших корпус.

...У кадетов была традиция, ставшая верной приметой: прикоснешься рукой к рамке портрета Улыбчивого Вика — и грусть отступит, и печаль пройдет. Рамку регулярно начищали, доводя до первоначального блеска. Но она снова быстро тускнела от новых прикосновений ладоней...

* * *

Звездная академия была единственным военным заведением за пределами Земли. По давно установившейся традиции все военно-учебные заведения располагались на главной планете Содружества. Незыблемые правила ломать никто не собирался. Единственное исключение сделали для подготовки офицеров-астронавтов, да и то академия находилась на околоземной орбите.

Огромная космическая станция, оборудованная всем необходимым для подготовки будущих военных астронавтов, вращалась вокруг Земли, делая виток за витком, из года в год. Здесь вчерашние кадеты совершали первый учебный полет на челноках и стратосферных азроботах, списанных из космофлота.

От одного конкурса, связанного с состоянием здоровья — сорок человек на место, — становилось не по себе. Проклятая медицинская карта с отметкой о переломе ключицы поставила жирный крест на карьере военного астронавта. Надрываться с учебой не имело особого смысла. Лезть из кожи вон и не попасть в процент прошедших строгий медицинский отбор не вдохновляло.

До Звездной академии Алешкину было так же далеко, как до звезд. На комиссии по распределению Ингвар заикнулся об артиллерийском училище: «Хочу служить, как и мой отец». Генерал вопросительно посмотрел на начальника кафедры точных наук. Тот отрицательно покачал головой и вывел на доску-экран оценки выпускника. Старые служаки давно понимали друг друга без лишних слов.

В отличие от пятерок по огневой, физической и минно-инженерной подготовке, «тройку» по языку пульсировал красным. «Четверки» по точным наукам скромно чернели на экране.

Глядя на рослого кадета, генерал произнес ровным голосом:

— Похвальное усердие, но никак не подкрепленное оценками. Вы в курсе, что оценки — лишь показатель ваших знаний?

— Так точно. — Алешкину только и оставалось бодро согласиться и есть глазами начальство.

В парадно-придворное училище Алешкин не попал. В этот командный вуз, расположенный в центре столицы, брали курсантов под два метра ростом. Их привлекали на парады и торжественные мероприятия. До распределения в паркетники Ингвару не хватало ровно пятнадцать сантиметров. Да он особенно и не стремился в главный город Содружества. Изображая живой манекен в парадной форме, никогда не увидишь свою фамилию на красной мраморной доске почета.

Ингвар вышел из аудитории, где заседали вершители судеб. За спиной с сухим треском хлопнула высокая резная дверь — в главном здании кадетского корпуса хозяйничали сквозняки.

Оно было самым старым из всех построек. На первом этаже размещались кабинеты начальства и административных служб. Остальные этажи делили между собой аудитории кафедр. Несмотря на давно установленную центральную систему кондиционирования, достаточно было открыть два окна на разных этажах, как по коридорам начинали скользить легкие ветерки. Они носились наперегонки с кадетами-первокурсниками.

Без особой печали Алешкин двинулся в отдел кадров за предписанием к дальнейшему месту учебы. По старой традиции приказ о распределении в электронном виде дублировался на бумаге и запечатывался в пластиковый пакет под старину.

Официально кадет становился курсантом не тогда, когда надевал новую форму на вещевом складе, а по прибытии в высшее военное училище, вручив пакет с выпиской из приказа дежурному по штабу. С этого момента он значился курсантом первого курса и зачислялся в списки части. Любой военный вуз Содружества считался воинской частью со всеми соответствующими атрибутами.

Так кадет выпускного курса Алешкин оказался в командном училище на Тянь-Шане. Тяжесть грустного двустушия «Если от сына нету проку — отдавай его в пехоту» Алешкин ощутил на собственной шкуре. Утешало одно: он попал на спецфакультет, где готовили офицеров разведывательных подразделений. Три пятерки, затерявшиеся на фоне других оценок, умудрились сыграть роль, определившую дальнейшую судьбу молодого человека.

Кадет Райх зашел на мандатную комиссию через несколько человек после друга. Он попросил, чтобы его отправили учиться вместе с Алешкиным. Генерал-майор Фогель пропустил его просьбу мимо ушей. Райха отправили постигать азы военного дела на другой

континент, в Сан-Паулу. Там располагалось высшее военное командное училище, затерявшееся среди джунглей. В нем готовили специалистов широкого профиля, но основной упор делали на контрпартизанской борьбе.

Начальник кадетского корпуса слов на ветер не бросал, а в злопамятности мог потягаться с кем угодно. Прямых улик против друзей, устроивших неразбериху с расписанием экзаменов, у него не было. Но у какого хорошего начальника училища нет неофициальных источников информации? Генерал-майор Фогель был хорошим начальником и твердой рукой правил в своей вотчине.

Райх зло плюнул на паркет, отлакированный до зеркального блеска, показал язык двери, где заседали вершители их судеб, и помчался в отдел кадров догонять друга.

Государство не собиралось тратить лишние деньги, подтягивая курсанта до нужного уровня профессиональной подготовки. Получи то, что заслужил ночными бдениями в кадетском корпусе над электронными учебниками и конспектами. Армейской кузнице офицерских кадров всегда нужны надежные и чистые души в «квадратах» вакансий. Заполнить их — дело времени и мастерства педагогов в погонах.

* * *

Географическое положение училища на Тянь-Шане учитывало будущую специфику службы курсантов. Здесь все было под рукой, кроме джунглей. Десантные аэроботы с легкостью перебрасывали курсантов на отработку тактических заданий по плану учебного отдела. Вчера была горная подготовка, сегодня топаешь по пустыне, выполняя одиночное задание на выживание, а завтра в составе отделения отрабатываешь «задачу 21» — разведка местности в глухой тайге, захват и допрос языка.

Итоги первого курса обучения подводили в «поле». Общий переводной экзамен взводу Алешкина выпало сдавать в горно-лесистой местности отрогов Кунь-Луны. В отпуск поедут те, кто его сдаст. Особенность испытания состояла в том, что условным противником были курсанты последнего, четвертого курса. По замыслу командно-штабной игры противник захватил блокпост, затерянный среди снежных склонов. Разведывательно-диверсионные группы выбросили в разных местах.

Гады-старшекурсники знали местность как свои пять пальцев. Они не стали мерзнуть в продуваемых горными ветрами бетонных коробках блокпоста в ожидании, когда группы найдут друг друга и выработают план нападения.

Разведгруппа, в которой находился Алешкин, продержалась дольше всех, но и их в конце концов загнали на минное поле. Имитация противопехотных мин окрасила наст в оранжевый цвет. Первокурсники в полном составе уже считались условно убитыми. Хорошо хоть «Ату их!» не кричали. Первую группу вообще «уничтожили» при высадке из аэробота.

Старшекурсники все правильно рассчитали. Наиболее вероятные места высадки групп взяли «под прицел». И не лень им было тащить крупнокалиберный пулемет на плечах десять километров по пояс в снегу? Расчет «стариков» засел на сопке. Без пристрелочной очереди пулеметчик вlepил треть «бронбойной» кассеты в борт и двигатель аэробота, заходившего на посадку для выброски горе-диверсантов.

Повезло им. Не повезло младшекурсникам. Отпуск они провели при части, считай, на территории училища. Долгожданный отдых между занятиями был заменен ремонтом помещений училища и медпункта.

Неудачникам из «сбитого» аэробота повезло меньше всех. Им досталась самая грязная и тяжелая работа — ремонт бронедрома. Капониры и трассы, разбитые гусеницами и колесами техники, надо было привести в идеальный порядок.

Работу принимали все те же старшекурсники. От этих волчар, которые через год наденут офицерскую форму, снисхождения ждать не приходилось.

* * *

Две диверсионные группы курсантов почти одновременно вышли к точке сбора. О третьей не было ни слуху ни духу. Связаться с товарищами по радиации не представлялось возможности. На время учений по отработке освобождения блокпоста от врага был установлен строгий режим радиомолчания. Нелишняя мера предосторожности. Какими техническими средствами радиоэлектронной борьбы оснащен противник, никто не знал.

Нет точной информации, значит, надо подстраховаться. Всегда рассчитывай на худшее — это делает тебя сильнее. Даже без третьей группы сил на выполнение задачи хватало. Самоуверенность младшекурсников сыграла с ними злую шутку.

Отчаянные парни. Отчаянные и бестолковые. Они даже попытались организовать оборону, беспорядочно отстреливаясь во все стороны. Их позиция в заснеженной ложине оказалась заведомо невыгодной. Навязать противнику свои условия — это искусство. Преподаватели надеялись, что им удалось это вдолбить в коротко стриженные головы курсантов.

Господствующие высоты полчаса назад скрытно заняли боевые четверки старшекурсников. По легенде учений, часть захватчиков могла оставлять захваченный объект. Главное, чтобы не меньше половины личного состава оставалось на блокпосту. С этим было строго. Человеком больше уйдет в «бой» — и посредники могут засчитать поражение.

Огневой контакт из засады всегда скоротечен. Оставшихся в «живых» обошли с флангов и забросали имитационными гранатами. Две диверсионные группы были «уничтожены» за четыре минуты. Теперь список вражеских потерь стал полон. Третья группа, не вышедшая вовремя на место randevu, была перебита сводной четверкой снайперов раньше всех. Это именно их не дождались, выдвигаясь к штурму.

«Неплохо! Хороший результат!» — скупой похвалила ожившая рация голосом посредника.

Раз радиомолчание нарушили, значит, учения закончились.

За победителями прилетели аэроботы. В вихре поземки, поднятой двигателями, старшекурсники спорили грузились в десантные отсеки.

Невдалеке угрюмой толпой стояли «убитые». Проигравшие учебный бой по традиции возвращались в училище своим ходом. Трехсуточный переход по заснеженному плоскогорью с сухпайком, выданным на один день, станет им хорошим уроком. От двух разгрузочных дней еще никто не умирал. Проверено. На пустой желудок будут быстрее соображать.

Последним в аэробот поднялся командир старшекурсников. Повернулся — одинокая фигура на фоне опущенной аппарели — и издевательски помахал рукой неудачникам. Поземка усиливалась, обещая вскоре превратиться в бурю. Ветер донес его совет:

— У подножия горы Хвост Индюка можно набить горных куропаток. Если не будете зевать, как сегодня, будет что перекусить на обед. Там их полно!

Совет дал сержант выпускного курса Алешкин. Не грех поделиться опытом выживания с младшими товарищами. Ровно четыре года назад он так же провожал взглядом улетающие транспортники с победителями. Теперь настал его черед с ветерком добираться до училища.

Да, проигравшим предстоял трехдневный марш-бросок по долинам и по взгорьям. Если снега навалит, то и все четыре дня. В этих местах сильный восточный ветер быстро намечает сугробы. Снег заполнит узкие долины, преграждая людям путь домой.

...Годы обучения в высшем военном училище подходили к концу. Казалось, еще вчера сменил кадетскую форму на курсантскую, а уже пришла пора шить офицерский мундир с лейтенантскими погонами.

Примерки в ателье чередовались с выпускными экзаменами. Приятные хлопоты никого не огорчали. После выпуска молодые офицеры получили десятидневный отпуск и разлетелись по родным планетам. Все расходы за счет государственной казны. Содружество никогда не экономило на своих Вооруженных силах.

* * *

Последний раз Алешкин прилетал домой курсантом. Теперь он вернулся домой офицером. Отметить торжественное событие решили в тот же день. Приятное не стоит откладывать на потом. Пока мама хлопотала на кухне, отец оповестил друзей, соседей и просто знакомых, с которыми прятельствовал.

Ингвара усадили на почетное место во главе стола. Он сидел, тщательно скрывая смущение, в необмятой парадной форме с лейтенантскими погонами на плечах. По такому торжественному случаю отец надел свой старый подполковничий мундир со всеми орденами и медалями. Старик не забыл прицепить аксельбант «За меткую стрельбу» высшей восьмой степени.

В тот праздничный день отпрыск бравого вояки ничем подобным похвастаться не мог. На груди лейтенанта скромно красовались ромбики «поплавок» — знаков об окончании кадетского корпуса, военного училища и нашивка снайпера-стрелка 2-го класса, награда, полученная на выпускном экзамене по огневой подготовке. 1-й класс давали за меткую стрельбу по живым мишеням. Разница между двумя цифрами была такая же, как между небом и землей. В центре нашивки красовалась вышитая голова белого голубя с черными контурами перьев, оранжевым глазом и большим черным клювом, как у попугая. Нашивка неофициально так и называлась: «попугайчик». Лейтенант знал, что в войсках обладателя такого украшения солдаты будут называть за глаза «попкой» или «говорунчиком». В конце отпуска он собирался ее втихаря срезать. Все равно парадная форма понадобится только один раз, когда молодой офицер будет представляться командиру части по поводу назначения и прибытия в гарнизон к новому месту службы.

Когда все гости заняли места за праздничным столом, старый артиллерист встал с наполненной рюмкой в руке и одернул китель. Маленькие снаряды весело звякнули о ряды орденов и медалей, покрывавших выцветший от времени мундир разноцветной кольчугой. Тихий говорок гостей за столом стих. Все выжидательно смотрели на главу семейства. Лейтенант, спохватившись, вскочил, с грохотом отодвинув тяжелый стул с неудобной резной спинкой.

Отец и сын стояли друг напротив друга, разделенные столом. Старый подполковник в поношенном мундире, со славным прошлым и новоиспеченный лейтенант в форме с иголки, у которого еще все впереди.

Попугайская по цвету и изображению нашивка смотрелась на фоне знаменитого отцовского аксельбанта, как молодой новобранец рядом с седым ветераном. Это был кусочек ткани за выбитые очки при стрельбе по мишеням, а не боевая награда за огневое противоборство. Мелькнула мысль:

«Может, выйти на минутку из-за стола и быстренько спороть? Нашел, чем гордиться!»

Поздно спохватился. Глава семейства решил больше не затягивать паузу перед тостом.

— Кхе-хе-е, — прочистил горло ветеран артиллерийских дуэлей. — Служи, сын, по совести! Но и про присягу тоже не забывай. Помни, историю пишут победители, а читают ее неудачники и слабаки.

Коротко и лаконично, без лишнего славословия. Такой тост и должен быть в семье потомственных военных. Все встали, стараясь дотянуться и чокнуться с виновником начавшегося застолья, грозившего перерасти в шумный веселый праздник дотемна, а может, и до рассвета...

* * *

До нового места службы Алешкин добрался без приключений. На космодроме его подобрал армейский полугусеничный транспортер. На нем он доехал до контрольно-пропускного пункта военной базы. Все армейские гарнизоны Содружества стояли особняком

от поселений колонистов, подчеркивая собственную исключительность и независимость от местных властей. В случае чего так легче держать оборону и атаковать населенные пункты аборигенов, не боясь попасть по своим.

Водитель остановил машину у стеклянной будки контрольно-пропускного пункта. Сквозь стекло были видны фигуры дневальных по КПП в одинаковых белых защитных шлемах с широкой черной полосой — отличительный знак дежурного подразделения по части. Они как приклеенные стояли у стекла и пялились на вылезшего из машины офицера. Часовой с короткоствольным автоматом «Штурм» на груди замер у проходной по стойке «смирно». Если бы он не моргал, то его можно было принять за манекен, наряженный в форму.

«Ничего себе дисциплина, — мелькнула мысль у новоприбывшего. — Неужели хотят произвести на меня впечатление? Но ведь я для них просто еще один офицер, один из многих. Странно все это».

Его взгляд остановился на низкой скамейке справа от входа на проходную. Он ее сразу не заметил из-за вьющихся растений. На ней сидел солдат и курил самодельную сигару.

Некоторые заядлые курильщики-гурманы предпочитают покупать обработанные листья табака и самостоятельно сворачивать из них сигары-самокрутки. Удовольствие не из дешевых и требует определенного мастерства, которое оттачивается годами.

Рядовой был из настоящих ценителей. На его сигаре, зажатой между пальцев, не было ободка, фиксирующего внешний оберточный лист. Солдат не спеша затянулся и выпустил голубоватую струю дыма. Легкий ветерок снес на Алешкина терпкий аромат табака. Лейтенант сделал несколько шагов по направлению к невозмутимо сидевшему курильщику, который нагло игнорировал офицера.

Теперь любитель сигар был как на ладони. Лет сорока пяти, с волосами, поредевшими надо лбом. Густые бакенбарды сходились тонкой ниточкой под нижней челюстью, изображая жалкое подобие бородки. Верхняя губа была выбрита до синевы. Растительность на лице выдавала в нем уроженца одной из окраинных планет. Какой, лейтенант вспомнить не мог. Как-то видел по визору. Там в моде такая растительность на лице, дань местным традициям.

Он был одет в тренировочный комбинезон, расстегнутый на груди на две магнитные застежки больше, чем полагалось по уставу. Когда-то темно-зеленая ткань выцвела до белизны от времени и солнца. На плечах и рукавах ни знаков различия, ни нашивок, определяющих принадлежность служивого к роду войск. На ногах новенькие офицерские ботинки с ребрами-вставками жесткости для надежной фиксации голеностопа и армированной толстой подошвой. В такой обуви можно смело делать все, что душе угодно. Маршировать по плацу, ходить в горы, прыгать с брони на полном ходу без боязни вывихнуть ступню. В подошвах находились специальные амортизаторы, гасившие силу удара о твердую поверхность. В ботинках лежали медицинские стельки, «следившие» за нормальным состоянием кожи. Такую обувь можно носить неделями, не снимая. Удовольствие, которое не всем по карману. Специальные прокладки в наиболее уязвимых местах стопы спасали ноги от травм. Такая обувь была практически неотличима от уставной. Носить ее военнослужащим разрешалось, но покупать приходилось за свой счет. «Умная» обувь не предназначалась для повседневной носки. Такую старались приберечь для боевых выходов.

Внешний вид солдата дополняла широкополая панама с пижонским металлическим кантом по краям полей. Панама была уставная, но от другого комплекта формы. Блестящая окантовка — вообще самоделка. Подобные головные уборы Ингвар видел в учебном фильме по видеовизору на занятиях в родном училище. При должном умении и сноровке, отточенных многочасовыми тренировками, метким броском такой «модернизированной» панамы можно было покалечить противника или надолго вывести его из строя. Алешкин считал это пижонством и показухой.

Встретившись взглядом с офицером в парадной форме, рядовой никак на него не

отреагировал. Вместо того чтобы вскочить и вытянуться в струнку, он стал неторопливо тушить сигару о каблук ботинка, затем вальяжно пулянул окурок в пепельницу. Пепельницей служила гильза от крупнокалиберного снаряда, наполовину закопанная в землю. Отдать честь, приветствуя старшего по званию, солдат, похоже, не собирался.

Подобное пренебрежение к лейтенантским погонам уязвило самолюбие молодого человека. Алешкин чувствовал, что начинает злиться. В глубине души закипало глухое раздражение.

Наверное, начинать первый день службы с выволочки рядовому своей части не следовало. Хотя, с другой стороны, не мешало сразу показать себя начальником строгим и взыскательным. Это может сыграть на руку. На любой планете «солдатский телефон» в казармах работает быстро и бесперебойно.

Голос благоразумия успел подсказать, что он не в училище, а в дальнем гарнизоне. Здесь могут быть другие традиции, даже во взаимоотношениях офицеров и подчиненных. Да и нелишне вспомнить народную мудрость про чужой монастырь и свой устав, с которым туда соваться не рекомендуется. Но дисциплинарный Устав Содружества один для всех планет.

Победили понятия, заложенные годами казарменной жизни.

— Подойдите ко мне, — произнес лейтенант, стараясь придать своему голосу максимально возможную строгость, и поманил рукой курильщика, еще больше развалившегося на скамейке. Ингвар подчеркнуто обращался на «вы», чтобы исключить малейший намек на панибратство.

При звуках его голоса часовой, доселе неподвижно разглядывавший пустоту, дернулся, как от удара током. Одна из фигур, стоявших у стеклянной стены КПП, подняла руку к черно-белому шлему: то ли постучала по каске, то ли покрутила пальцем у виска. Точно не понять. Обзору мешало стекло — солнце выглянуло из-за туч, и стекло потемнело, ослабляя силу лучей.

Странные здесь были солдаты, дерганные и непочтительные.

Новоиспеченный офицер продолжил:

— Скажите-ка, где мне найти командира гарнизона? Да шевелись побыстрее! — Алешкин не удержался и сорвался на «ты».

Солдат, не торопясь, встал, аккуратно отряхнул с груди невидимые крошки пепла и, ухмыльнувшись, доверительно сообщил:

— Полковник Тромсон, командир гарнизона, а заодно и начальник базы, так сказать, по совместительству. Хм-м, два в одном, точнее, три. Еще и контроль орбитального пространства на мне... Конечно, если *вы* не против..

На расправившихся складках комбинезона блеснули два ряда орденских колодок. Прямоугольники планок, которые положено носить на кителе, чужеродно смотрелись на вылинявшей ткани.

«Да, — ошеломленно подумал лейтенант, — в этом монастыре свои правила, очень далекие от устава».

Не лучшее начало службы. Надо было спасать ситуацию.

Он вытянулся в струнку, вскинул руку к фуражке:

— Господин полковник, лейтенант Алешкин, представляюсь по случаю назначения под ваше командование.

— Я в курсе. — Полковник, и не подумав откозырять в ответ, просто протянул руку.

Здороваться с ним было то же, что и ручаться с ковшом бульдозера. Было видно, что говорит он вполголоса. Но от этого не становилось легче. Казалось, что тебе орут прямо в ухо. Настоящий командирский голос.

Не отпуская руки лейтенанта, полковник взглянул на его предплечье и спросил-уточнил:

— «Попугайчика» спорол? Правильно! Первую классность заработаешь, тогда и пришьешь.

На часового было жалко смотреть. Еще немного — и он грохнется в обморок. Фигуры за стеклом прилипли к стеклу. И отлипать не собирались, наблюдая за происходящим. Когда еще представится увидеть бесплатный спектакль из первого ряда?

— Завтра на общем построении представлю вас личному составу. Сейчас в штаб. Там сдадите сопроводительные документы оперативному дежурному. Он все покажет и расскажет. Потом устроитесь и познакомитесь с офицерами.

Продолжая говорить, полковник двинулся к КПП. Алешкин поплелся следом, стараясь не пропустить ни слова.

Неожиданно полковник резко обернулся, словно что-то почуял, и взглянул за плечо вновь прибывшему. Лицо его стало недовольным. Брови сошлись на переносице, на лбу и в уголках рта резко обозначились морщины. При этом Тромсон умудрился прищуриться. Его роскошные бакенбарды, казалось, ошетинились. Широко расставленные темные глаза смотрели внимательно, словно он целился в кого-то. Почти не разжимая губ, начальник базы скомандовал:

— Замри!

Лейтенант послушно застыл, боясь вздохнуть полной грудью. Он точно помнил, что за спиной нет ничего, кроме ровного полотна шоссе, на котором его высадил транспортер, прежде чем укатить на разгрузку контейнеров, доставленных с космодрома. По обе стороны шоссе расстиралось поле с невысокой травой. Инструкция по противодиверсионной обороне запрещала любые насаждения по периметру воинских объектов. Вдоль забора, опоясывавшего армейскую базу, тянулась пустошь двухсотметровой ширины.

Полковник медленно снял панаму и, сделав шаг в сторону, метнул головной убор.

— Вольно. — Офицер двинулся подбирать свой импровизированный снаряд.

Алешкин повернулся на сто восемьдесят градусов и посмотрел на цель, в которую метил начальник.

В траве судорожно билось короткое четырехлапое тельце, покрытое редкой шерстью, сквозь которую просвечивала розовая кожа. Тушка заканчивалась широким плоским хвостом. Рядом валялась удлиненная головка с открытой пастью, полной редких острых клыков. Ее, как бритвой, начисто срезало острыми металлическими краями панамы. Сама панاما валялась рядом. Несколько капель крови попали на ткань. Из обрубка шеи хлестало, как из открытого крана.

«Такое маленькое тельце, и столько крови натекло», — удивился лейтенант.

— Местная разновидность крыс. Мы их зовем плевунами, — пояснил полковник, отряхивая о бедро поднятую с земли панаму. Капли размазались красными пятнами. — Вообще-то они не опасны, если близко не подходить. Плюются ядовитой слюной прямо в глаза. Так что не зевай, смотри под ноги. Понял?

— Так точно! А какая у них дальность плевка?

— Метра два-три, — неопределенно пожал плечами метатель головных уборов. — Я не замерял. В санчасти из-за них постоянно кто-нибудь лежит. В основном из молодого пополнения. Никак этих плевунов с территории вывести не могу. Плодятся быстрее, чем мы их уничтожаем. К любым ядам адаптируются через поколение. Одной выжившей пары достаточно, чтобы заселить всю территорию базы за три месяца. Вот, опять появились! А ведь начальник химслужбы месяц назад мне клялся, что вывел их всех под корень. Пропали он пропадом, оптимист хренов! Я так и знал, что из этой затеи ничего не выйдет. Всю траву на газонах потравили, а плевуны опять тут как тут.

Полковник приказал дневальному по контрольно-пропускному пункту сопроводить Алешкина до штаба и показать комнату в офицерском общежитии.

Командир гарнизона оказался человеком заботливым. Хотя спуску не давал никому. Ни солдатам, ни офицерам. Всегда поощрял инициативу, но мог придираться к мелочам, изводя подчиненного из-за пустяка.

В штабе Алешкина никуда не определили, пообещав разобраться с документами завтра. Затем, на общем построении, его представили личному составу базы.

После официальной части последовало стремительное продолжение. Ни в одном гарнизоне Содружества еще никто не отменил традиционное «вливание» в офицерский коллектив. Лейтенанты, не занятые по службе, веселой гурьбой потащили Ингвара в офицерский бар. Надо было в первую очередь показать новичку место, где он будет проводить свободное от службы время. Поднявшись на высокое крыльцо по крутым ступенькам, они вошли в зал.

В баре было прохладно и малоллюдно. В дальнем конце зала за столиком сидели двое летчиков из эскадрильи аэроботов, приданных военной базе в оперативное подчинение. Они уныло ковырялись вилками в пластиковых контейнерах, заменявших тарелки, иногда делая несколько глотков из высоких темных бокалов. Полетов сегодня не было.

Новоиспеченные приятели начали сдвигать столы. Летчики тоже попали в водоворот перестановки мебели. Знакомиться, так со всеми. Прослыть скрягой Алешкина страшило не меньше, чем изменить присяге.

Ингвару набулькали в большой пузатый стакан для сока сразу из разных бутылок. С горочкой.

«Со знакомством! И до дна!»

Летчики тоже не собирались оставаться в стороне от веселых опытов со спиртосодержащими жидкостями. Они забрали у лейтенанта пустой стакан и теперь колдовали над ним, тихо перешептываясь. Закончив отливать и смешивать одним им ведомые дозы из разнокалиберной батареи бутылок, летуны вернули стакан виновнику торжества. Рослый капитан в синей форме Военно-воздушных сил лукаво улыбнулся и сказал:

— А теперь выпей это. За дружбу и будущее взаимодействие.

Просто и со вкусом.

От «этого», выпитого залпом, Алешкину стали видны необъятные космические дали и фейерверк под потолком. За длинным «сборным» столом одобрительно загудели. Фирменный коктейль летчиков «Закатный штопор» пользовался заслуженной славой у сухопутных военных. Еще пара тостов — и Алешкина окончательно и бесповоротно развезло.

«Нет совершенства в этом мире», — печально подумал он, пытаясь сфокусировать взгляд на широкой фигуре, угрюмо замершей в дверном проеме бара.

Картинка приобрела резкость, но радости это не прибавило. Торжественное мероприятие решил почтить своим присутствием сам командир базы. Как полковник и ожидал, все происходило по наезженной колее. Лейтенант в форме с иголки и все собравшиеся офицеры уже давно и успешно дегустировали местное горячительное. Единственное, что его обрадовало, — новичок еще не упал под стол. Но все равно каждый раз одно и то же.

Оценив количество бутылок на сдвинутых столах, Тромсон свел брови к переносице и собрался что-то сказать, но его опередили.

— Мой дорогой лейтенант! — неестественно громко и горячо даже для второй бутылки поделился с Алешкиным пьяный ас. — По-олковник ба-алышой ч-ловек, скажу я вам! Матерая глы-ик-бища! Зеркало нашей офицерской эволюции! За командира!

Собутыльники Алешкина в восторге заревели и дружно подняли бокалы, чтобы выпить за командира базы. Тромсон перестал хмуриться и выпил «за себя» вместе со всеми. Судя по всему, в офицерских кругах полковник пользовался серьезным авторитетом. Алешкин взял это на заметку и подчинился неизбежному... Дальнейшее он помнил смутно. Но что-то помнил.

Память сохранила то, как сосед справа сел мимо стула и со всего маху приложился подбородком о столешницу. Челюсть командира досмотрово-штурмовой группы не

выдержала встречи со столом и с хрустом сломалась в двух местах.

Еще он помнил пьяные глаза офицеров, осторожно выводивших под локотки невнятно мычавшего нового друга из бара. Потом была обыденная для старожилов потасовка на улице между связистами и артиллеристами. Разнимали их летчики и десантники, более привычные к коварному действию мешанины из алкогольных напитков. Потом был провал в памяти — как бездонный омут посреди стремительной реки...

Утром его ждало долгожданное назначение. Офицера «поставили» на должность командира досмотровой группы. Алешкин занял место лейтенанта, который умудрился сломать челюсть на его «проставлении». Один отправился в госпиталь, второй вернулся туда, откуда недавно прибыл: в космос. На борт патрульного звездолета, прочесывавшего межзвездное пространство в поисках нарушителей законов Содружества.

Ирония судьбы. Будучи кадетом, лейтенант никогда не мечтал попасть в Звездную академию. А вот на тебе, свое первое задание он выполняет на борту боевого корабля класса «крейсер». Мечты иногда осуществляются по законам, непонятным людям.

Глава 3

Внизу господствовали два цвета: белый и темно-синий. Под крылом воздушного судна сталкивались в вечном противостоянии берег и океан.

Пилот малого десантного аэробота-планера выдерживал курс, чтобы завершить посадку на побережье. Рывок — это на миг включились двигатели, стабилизирующие полет. Сквозь герметичную обшивку было слышно, как ревет ветер, словно задавшись целью сбить машину с курса.

Оглушительно взревели двигатели. Планер, клонув носом, стал резко снижаться.

Сильный удар. Разведчики одновременно, как по команде, мотнули головами вперед, а потом назад, звонко стукнувшись металлическими защитными шлемами о переборку. Тела не шелохнулись, надежно зафиксированные амортизационными ремнями в креслах-трансформерах. Оружие и снаряжение было закреплено скобами-держателями у каждого под правой рукой и под сиденьями на тот случай, если посадка окажется не такой мягкой, как хотелось бы.

Пилот посадил машину в точно указанном месте. Им попался настоящий ас. Приземление не отличалось особой мягкостью, но этого никто и не требовал.

Аэробот опустился на мелководье прибрежной полосы. Что ж, по воде так по воде. Щелк-щелк! Разведчики быстро, но без суеты освобождали оружие из ячеек.

В раскрытый люк повеяло прохладой. Разведчики резво, один за другим, выскакивали из него, взвалив на плечи привычный груз. Дальше им не по пути с извозчиком воздушных трасс. Они пойдут без него. Пилот останется со своей машиной. Для него задание уже выполнено, он доставил исполнителей на место. Теперь очередь за ними.

Первым, как и положено, выскочил пулеметчик, чтобы в случае чего прикрыть огнем товарищей, особенно уязвимых при высадке. Надежный «Аид» со скорострельностью три тысячи выстрелов в минуту в умелых руках — весомый аргумент в любом споре. Название пулемета говорило само за себя. У конструкторов, создававших настоящую «швейную» машину для смерти, было свое чувство юмора. Сколько саванов «сшило» чудо инженерной мысли, подсчету не поддается. Все предпочитают другие характеристики: надежность, скорострельность, безотказность в различных климатических условиях.

Короткие злые волны старались накрыть людей с головой. Преодолев мелководье, лейтенант со своими людьми выбрался на берег. Впереди шел пулеметчик. Замыкал короткую колонну снайпер.

Разведчики шли, загребая ногами песок. Из океана поднялось солнце. По данным, которые им сообщили на последнем инструктаже, день должен быть жарким. В том, что сегодня будет жарко, выпади хоть метровый слой снега, никто не сомневался.

...Власть, даже самая небольшая, всегда поднимает человека над остальными людьми.

Его качества более сильно выражены, чем те же качества у остальных. Качества эти покоряют остальных. Заставляют подчиниться.

Носитель власти должен постоянно учиться выдержке, терпению и спокойствию. Чем больше власть, тем выше ответственность, в первую очередь, за подчиненных и выполнение боевой задачи. Алешкин обладал этими достоинствами и раньше, но, получив приказ, переключил на выдержку все ресурсы своей души.

Сегодня Ингвар командовал горсткой людей, громко именуемой разведывательно-диверсионной группой. Тогда как без натяжек ее можно было назвать пехотным отделением. Правда, без положенных царице полей усиления и средств поддержки. В их деле не это главное. Разведгруппа есть разведгруппа — боевое слаженное подразделение, направленное на выполнение специфических задач.

Он, лейтенант, был нужен своим людям не столько для того, чтобы отдавать команды суровым голосом. И уж конечно, не для того, чтобы указывать, кто и что должен делать. Он выступал гарантом, что все вместе они — сила. Они — живой единый организм, спаянный целью, изнуряющими тренировками и бесконечными занятиями на полигоне и стрельбище.

Все вместе они — команда, а лейтенант нужен еще и для того, чтобы, поднявшись над сиюминутными делами, думать и решать в целом за всех, планировать будущее, начиная с получения задачи и дальше, мысленно вести бой с противником, — одним словом, «варить котелком». Так любил выражаться старший преподаватель тактики в военном училище.

Алешкин не опекал людей. Да в этом и не было ни малейшей необходимости. Во время марш-броска до электростанции он честно пытался предугадать будущий штурм, упредить события, отдать правильные распоряжения, которые каждый из разведчиков разовьет, дополнит и реализует.

Маленький отряд оставил за спиной бесконечную череду дюн, нанесенных ветром на побережье. Разведчики добрались до цели.

Они заняли исходные позиции у подножия высокой защитной стены из пенобетона, которой была ограждена с суши серая громада электростанции. Пока все шло без сучка и задоринки. Колонисты, видимо, уповали на неприступность стены и не потрудились выставить скрытые выносные посты охранения. Что взять с людей, покоривших мир чужой планеты? А ведь такие азы ратного дела доступны уровню подготовки простого сержанта, командира отделения. Любой боевой опыт прирастает практикой. Цена ему неизменна: кровь и человеческие жизни.

Микрофоны внутренней связи в защитных шлемах разведчиков были настроены только на прием. Режим радиомолчания установили, опасаясь, что у охраны станции может быть полевой переносный сканер. Простейшее устройство, но легко может засечь чужие переговоры — и тогда все пойдет прахом. Общение между членами разведгруппы только жестами или шепотом.

Ползком, вперед!

Ближе, ближе серые стены. Поблескивает роса на куполе главного здания технической службы. Хорошо, что электростанцию строили по типовому проекту.

Может, впереди ждет засада? Может, колонисты уже заметили ползущих диверсантов и ждут, когда те поднимутся, чтобы открыть огонь? Нет, не может быть. Сегодня их противники не профессионалы, а обыкновенные люди, взявшие оружие в руки. Но от этого они не становились менее опасными.

Послышался нарастающий гул. Начинаясь прилив, заработали турбины. Как кстати!

— Первая группа, вперед! — скомандовал Алешкин.

Четверо разведчиков вскочили и, подбежав к стене, отстрелили вверх тросики со стальными четырехлапыми якорьками-кошками на концах. Самоподтягивающие лебедки, закрепленные широкими ремнями на груди, бесшумно подняли бойцов наверх. Грохот механизмов и шум волн скрадывали все другие звуки.

Рядом с лейтенантом лежал радист, вторая тень Алешкина во плоти. Он обеспечивал дальнюю связь с главными силами космической группировки, болтавшейся на орбите, и, по

неписаным правилам разведчиков, личный телохранитель командира. Радист по долгу службы должен всегда находиться рядом с командиром, быть его живым щитом, прикрывающим от всех опасных неожиданностей боя. У него на спине горбатился бронированный кофр аппаратуры связи. Сам передатчик можно было закрепить и на запястье. Основную часть прибора составляли блоки перевода голоса в электронные символы — шифровки и дешифровки переговоров между разведчиками и старшим командованием. Вся аппаратура была надежно упрятана в оболочку защитного корпуса, обтянутого тканью, камуфлированной под цвет местности.

В случае угрозы захвата в плен радиста командир или последний оставшийся в живых из группы должен был застрелить его и уничтожить аппаратуру связи. Для таких экстренных случаев на внутренней стороне радиостанции, под предохранительной панелью, была предусмотрена кнопка. Принцип прост: сдвинуть в сторону и нажать пальцем. И главное, не забыть про радиста, если он еще жив. Такие жесткие правила были установлены в разведке очень давно и не изменились со временем. Не покрывив душой, командира и связиста можно было назвать самой неразлучной парой на время выполнения задания.

Разведчики и по совместительству диверсанты, если так надо командованию, всегда заведомо слабее врага. Их оружие — скрытность, засада, налет. Неожиданность — их родная мать, а главное, каждый шаг разведки должен быть для противника неразрешимой загадкой.

Пока все было тихо. Истекла минута, отведенная первой четверке. Стрельбы нет. Значит, пока все идет по плану. Теперь их очередь...

Оказавшись наверху стены, разведчики, переквалифицировавшиеся по прихоти начальства в штурмовиков, отстегивали замки тросов на груди. Не было времени возиться с крючьями кошек, намертво застрявших острыми стреловидными кончиками в пенобетоне. Первая группа рассредоточилась по станции.

Дежурные расчеты двух огневых точек с крупнокалиберными пулеметами разведчики молча вырезали.

«Из такого легко можно сбить даже десантный бот, — с уважением подумал лейтенант, глядя на стальные хоботы, уткнувшиеся в небо. — Атаки ждали с воздуха, а мы пришли со стороны моря».

Одинокого караульного, кемарившего у единственных металлических двустворчатых ворот, сняли без шума и пыли.

И вот тут везение кончилось. Никто не успел сообразить, что именно пошло не так. Утреннюю тишину разорвала длинная очередь в полмагазина.

Раздалось несколько взрывов гранат во внутреннем двореке. Взрывы глушились толстыми стенами приземистых построек технических помещений. Здесь строили основательно: надолго и всерьез.

— Огонь! — проорал во все горло Алешкин. Таиться дальше потеряло всякий смысл.

Из дверей, из разбитых окон построек выскакивали полуодетые колонисты. И тут же падали, сраженные перекрестным огнем разведчиков, успевших рассредоточиться боевыми двойками по электростанции и занять выгодные позиции. Те, кто уцелел, палили наугад, не причиняя атакующим вреда.

Первое замешательство охранников электростанции длилось недолго. Придя в себя и сообразив, что нападавших немного, они осмелели. Их огонь становился все плотнее. Колонисты попытались перегруппироваться и создать узлы обороны там, где их застали врасплох. Обслуживающий персонал электростанции, в синих комбинезонах с желтыми шевронами, был вооружен в основном пистолетами. Технари вовсю палили из своих пукалок. Никто не хотел оставаться в стороне в борьбе с наймитами Содружества. Будет что потом в старости рассказывать в кругу родных и близких людей, которым не посчастливилось сражаться с агрессорами.

Их разведчики выбивали прицельным огнем в последнюю очередь. «Синие мишени» со своим несерьезным оружием — пистолетами — представляли опасность лишь при ближнем огневом контакте. Приоритет отдавался вооруженным ручными пулеметами и

автоматическим оружием. Командиров, бестолково размахивавших руками и отдававших бестолковые команды, уничтожали в первую очередь. Главное — не дать врагу опомниться, организовать оборону и дожидаться подкрепления. Если верить карте на тактическом командирском дисплее, до ближайшего населенного пункта, откуда может прийти помощь местных сил самообороны, двадцать километров с хвостиком.

На броне полчаса хода, если не проводить минную разведку дороги. А ведь могут махнуть напрямик, по кратчайшему пути. Бронированный вездеход везде проползет. За это и любят транспортеры и военные, и гражданские.

Вместе с остальными подчиненными Алешкин ворвался в главное здание. Началась зачистка. Разбившись на двойки, разведчики рассредоточились по запутанным коридорам, проверяя помещения.

Двигались уступом: один идет впереди, второй страхует сзади и сбоку, чтобы не перекрывать себе сектор обстрела.

Не успев заменить опустевший магазин в штурмовой винтовке, лейтенант лицом к лицу столкнулся с выскочившим из-за угла колонистом с пистолетом в руке. Времени вставить новый магазин и передернуть затвор не было. Ингвар инстинктивно среагировал, швырнув во врага тяжелое оружие, целясь в голову, и плашмя рухнул на пол, уходя с линии огня. Абориген отшатнулся, успев выстрелить из пистолета. Мимо! Зато точной была очередь радиста. Колониста отшвырнуло в угол, где он и осел у стены.

Остатки оборонявшихся забаррикадировались в комнате отдыха обслуживающего персонала, переоборудованной в караульное помещение.

Их блокировала одна из двоек первой волны наступавших. Сколько там колонистов, никто не знал. Вопрос с последним очагом обороны решил сапер из другой двойки, пришедшей на помощь товарищам. Решил быстро и радикально.

В центре внутреннего двора журчал фонтан. Все вокруг было сделано из пенобетона, и он тоже не стал исключением. Может, архитектор решил не нарушать стиля или у строителей остались излишки материала? Среди пенистых струй возвышалась трехметровая фигура мужчины с гипертрофированными мышцами. Возле ног серого истукана, призванного, по задумке ваятелей, изображать собирательный образ покорителя планеты, поднимало голову из воды какое-то существо с широкими лапами-руками. Создание, скалившее пасть в улыбке, походило на гибрид дельфина и тюленя. Пенобетонный атлет не то протягивал руку в знак дружбы, не то собирался свернуть шею клыкастому монстру. Что символизировала скульптурная группа, понять с первого взгляда было затруднительно: покорение чужой природы или гармонию нового мира? На этот вопрос, наверное, не смог бы ответить даже сам скульптор.

Над бортиком фонтана показалась голова в защитном штурмовом шлеме и тут же скрылась в веере брызг, поднятых тугими струями воды. Они били из отверстий труб, проложенных по дну. Через несколько секунд из фонтана вылез разведчик в комбинезоне песчаной раскраски, облепившем тело, с десантной сумкой-вьюком, и быстро пополз к единственному окну караулки. Окно находилось на высоте полутора метров, и разведчик быстро оказался в мертвой зоне для засевшего внутри пулеметчика. Это был штатный минер-подрывник группы — рядовой первого класса Кинг.

Потом на вопрос «Что ты делал в фонтане?» минер ответил:

— Я называю это военной смекалкой и предусмотрительностью. Гм-м, некоторые называют это предвидением. Я правильно говорю, господин лейтенант?

В последний момент его успел заметить пулеметчик разведгруппы, не дававший колонистам высунуться из караулки. Несколькими короткими беспокоящими очередями он обстрелял окно. Попасть ни в кого не надеялся, но прикрыть товарища огнем — это была его святая обязанность. Когда подрывник ползком преодолевал последние метры, в окне с выбитыми стеклами никто не маячил. Оставшийся за ним мокрый след высыхал на глазах. Казалось, что чудовищ в фонтане было два. Одно ухмылялось первому колонисту, отвлекая его внимание, а напарник втихаря отправился поквитаться с его потомками за освоение

океана.

Братья меньшие любят возвращать венцу природы долги с процентами, немислимыми для цивилизованного общества.

Подрывники предпочитают решать проблемы одним махом. С собой у Кинга была спецмина и несколько накладных подрывных зарядов. Больше он не смог бы унести при всем желании. Мина весила одиннадцать с половиной килограммов при массе фугасного заряда семь килограммов. Эта мина — «Топор» — создавалась для борьбы с боевыми и многоцелевыми воздушными целями: штурмовыми и десантными аэроботами. В боевых действиях авиация играет не меньшую роль, чем бронетехника. «Летающие танки» часто действуют на сверхмалых высотах, пользуясь складками местности, прикрываясь деревьями и холмами, что затрудняет борьбу с ними. Изобретатели «Топора» решили лишить боевые аэроботы этого преимущества, «перекрыв» сверхмалые высоты... наземными минами.

Имевшийся у Кинга боеприпас легко мог накрыть кусок пространства над землей на высоту до восьмидесяти метров плотным направленным потоком шрапнели и тяжелых осколков. Стеной поражающих элементов можно «закрыть» воздушноопасное пространство, подходы к объектам, возможную площадку высадки десантников, блокировать взлетно-посадочные полосы космодромов противника.

Вот такую «дуру» минер разведгруппы рывком перевалил через подоконник и пособачьи, на четвереньках, бросился за угол. Замедлитель взрывателя он вручную поставил на три секунды.

Здание электростанции потряс грохот взрыва. Двойку, державшую под прицелом выход из караулки, тряхнуло так, что пулемет с сошками на конце ствола опрокинуло набок. Толстая стена караулки выдержала взрыв мины. А вот внутри все, что можно было уничтожить, разрушить и убить, было уничтожено, разрушено и убито.

— Просто супер, — выдохнул пулеметчик, отплеываясь от пыли, поднятой взрывом.

Он показал кулак высунувшемуся из-за угла подрывнику:

«Предупреждать надо!»

Тот в притворном смущении развел руки в стороны. Но даже с такого расстояния было видно, что он доволен своей работой. Последний опорный пункт обороны был уничтожен.

Первым к караулке подбежал Кинг с винтовкой наперевес. Творцу хаоса не терпелось полюбоваться делом своих рук. Пол устилали обломки мебели, перемолотые стальным смерчем в крупную щепку. Вперемешку с ними лежали куски тел и покореженного оружия. Стены иссекло осколками. Тут и там в панелях блестели горошины стальных шариков шрапнели. В углу скалилась голова с выбитыми взрывной волной глазами. По стенам и потолку змеились широкие трещины шириной с ладонь.

Минер замер в дверном проеме, не решаясь переступить порог. Перед его взором предстала картина смерти во всей ее расчлененной красоте и жестокости.

Кинг старался не зря, израсходовав единственную мину направленного действия и устроив мясорубку в комнате отдыха персонала, переоборудованной в караулку. Из нее шел крытый переход в основное здание, где располагалась операторская с главным пультом управления — сердце электростанции. Оттуда, с широкого подвесного моста, можно было видеть, как внизу с бешеной скоростью вращаются лопатки турбин, пеня приливную волну. Электростанция исправно работала, несмотря на то что обслуживающий персонал отсутствовал.

Для разведчиков, ввалившихся вслед за Кингом, работы не осталось. Стараясь не наступать на ошметки человеческой плоти, они двинулись дальше. В конце широкого и длинного помещения виднелась массивная полуоткрытая железная дверь с круглым штурвалом пневмозамка.

Еще какое-то время хлопали одиночные выстрелы и трещали короткие очереди. Пленных не брали. Штурмовики ставили последнюю победную точку в стремительной операции захвата. Командир разведчиков не мог позволить себе такую роскошь, как выделить хотя бы одного бойца для охраны пленных и раненых колонистов. Сейчас на счету

был каждый штык. Горстка разведчиков из разряда наступавших перешла в разряд обороняющихся.

— Что за шум? — прохрипели микрофоны в шлемах бойцов. Командир первый нарушил радиомолчание, установленное им же самим.

— Кинг разнес караулку «Топором», — мстительно сообщил пулеметчик. — Вырубил всех под корень.

— Кинг, ты ненормальный?! — поинтересовался лейтенант.

Все понимали, что они израсходовали единственную «серьезную» мину, в запасе остались только накладные подрывные заряды.

Оставалось уповать на то, что их не атакуют с воздуха. Правда, есть еще два крупнокалиберных пулемета, захваченных у повстанцев. С такими козырями в рукаве можно было пободаться.

— Чуть-чуть! — тут же бодро отозвался минер. — Вы сами учили действовать по обстановке. Гм... принимать нестандартные решения.

— Первая и третья двойки в боевое охранение. Кингу заминировать генератор и турбины. Без моего приказа не взрывать ничего! Повторяю для особо одаренных: ни-че-го больше не взрывать, — приказал командир.

— А начальник инженерного полигона никак не может понять, почему у нас на полевых занятиях постоянный перерасход взрывчатки, — подключился к разговору сержант Белов. Заместитель командира группы не упустил возможности «вложить» подчиненного. Он говорил монотонным спокойным голосом, но в каждом слове сквозила ирония. — Кингу дай волю, он все подорвет, до чего дотянутся его шкодливые ручонки. У него это вопрос не принципа, а стиля!

Старшему двойки минера то и дело приходилось сдерживать напарника при обходе помещений станции. Тот все время норовил забежать вперед, осматривал путь в поисках мин-ловушек. Никто не знал о его тайном увлечении: собирать любую информацию о таких неприятных сюрпризах. Когда вся группа, кроме боевого охранения, собралась вместе, Кинг снял шлем и, весело улыбаясь, казенным голосом доложил:

— Помещения на предмет обнаружения взрывчатых предметов осмотрены. Ничего не найдено.

— Нас не ждали, — подвел итог командир. — Это хорошо!

— Разрешите приступить к минированию?

— Действуй! — скомандовал Алешкин, но, спохватившись, предупредил: — Дублирующий пульт подрыва отдашь мне.

Кинг и старший его двойки забрали подрывные заряды. До этого смертоносный груз был поровну распределен между разведчиками. Чуть не приплясывая от возбуждения, минер ринулся по узкому мостику к гудящим турбинам. Напарник рванул следом, стараясь не отставать.

Разведчики знали, что им предстоит, и не питали надежд на легкий бой. Надо сражаться, вот и все. Они спешно оборудовали огневые позиции под надежной защитой пенобетонных стен. Станцию по переработке приливной волны в электроэнергию, жизненно необходимую людям на чуждой им планете, еще не прошедшей даже вторую стадию террареформирования, разведчики превратили в настоящую цитадель.

Колонистам придется наступать по пустыне, широко раскинувшейся от берега до горизонта. Осыпающиеся от любого прикосновения барханы — сомнительная защита от пуль, летящих со скоростью девятьсот метров в секунду. Иллюзия, дарящая мимолетную тень надежды уцелеть. Одно дело — обороняться в бетонных норах, другое — атаковать профессиональных солдат, верных слуг бога войны. Соотношение потерь при наступлении и обороне — цифры хрестоматийные, известные служивым со времен, когда в ходу были луки и копья с костяными наконечниками.

Из-за дюн донесся нарастающий гул моторов. Неожиданно в нем появились угрожающие прерывистые нотки, перешедшие в скрипящий визг. Яркими шарами взбухли разрывы ракет, вылетевших из кассет-контейнеров, установленных на транспортерах. Колонисты били прицельно, ни одна из ракет не упала рядом со зданием, где находился главный операторский зал. Турбины были установлены в глубине станции, между многометровыми направляющими, сделанными все из того же серого пенобетона.

Колонисты, не считаясь с потерями, упорно рвались вперед. Встреченные дружным огнем двух огневых точек, они откатывались под прикрытие железных коробок транспортеров и снова шли на приступ. К бортам и кабинам вездеходов были приварены самодельные бронелисты с навесными экранами из синтетического пластика. Корявые щиты со следами от кувалды и окалиной сварки были надежной защитой от кумулятивных боеприпасов и крупнокалиберных пуль.

Замолчал пулемет на правом фланге, установленный на стене электростанции. Огневую точку разнесло прямым попаданием ракеты с транспортера. Для верности расчет ювелирно положил вторую ракету по оплавленным блокам кладки импровизированного дота. Через несколько минут умолк второй и последний трофейный крупнокалиберный пулемет.

Подбадривая себя криками, колонисты в полный рост пошли в новую атаку.

Сдерживать их натиск было некому. Пришла пора отступать внутрь здания на запасные рубежи. Командир подал команду к отходу. Диверсанты короткими перебежками преодолевали двор, отделявший стену от технических построек. Спину Алешкину прикрывал неотлучный Коэн. Офицеру разворотило руку осколком от разорвавшейся ракеты. Кровь остановили, перетянув руку жгутом. Плюс ко всему лейтенант пару раз глубоко вдохнул для бодрости из аэрозольного баллончика с боевым стимулятором. Сразу стало легче.

На стене защитного периметра станции вскоре не осталось никого из диверсионной группы. У наглухо закрытых изнутри ворот возился один минер. У него в ногах валялся защитный шлем. Во время боя он «поймал» забралом пулю, отскочившую от стены. Бронестекло выдержало, но пошло паутиной трещинок, из-за которых ничего не было видно. Зашелку, поднимающую забрало, заклинило. Шлем пришлось снять.

Раздался громкий скрежет — это колонисты пытались выдавить ворота транспортером. Створки скрипели, выгибаясь внутрь. Такого напора они долго не выдержат.

Подрывник приматывал медицинским бинтом из индивидуального пакета гранату к заряду. Она сработает как детонатор. Все должно быть наверняка.

Кинг втихоря заначил один подрывной заряд. Без взрывчатки он чувствовал себя голым. Одной турбиной больше, одной меньше — все равно главный генератор превратится в искореженную грудку металлолома, в этом нет сомнения. Стоит лишь нажать кнопку на пульте подрыва.

В нагрудном кармане у Кинга лежал пенал с радиодетонаторами. Подрыв можно было бы осуществить дистанционно, издалека и без риска. Один детонатор был закреплен на запястье у него, второй — на запястье у лейтенанта. Но тогда сработали бы и заряды, заложенные на электростанции. Придется по-простому, без изысков. Выдернуть чеку гранаты, бросить самоделку под гусеницы, когда транспортер сорвет ворота. На отход солдат оставалась в запасе целая вечность... четыре секунды. Немало, по меркам скоротечного боя.

Армейская смекалка подсказала не самый остроумный выход из создавшегося положения. Но попробовать стоило. Он старался изо всех сил, пытаясь закрепить гранату на подрывном заряде. Получалось плохо. Точнее, вообще никак не получалось. Кинг просто-напросто не успевал. Антибактериальный бинт, намертво прихватывавший кожу, упорно отказывался держаться на металлическом овальном корпусе ручной гранаты.

Геологоразведочный вездеход, наспех переделанный в боевую машину, мощным ударом крепкого носа выбил ворота. Скрежеща гусеницами, вздыбился и начал взбираться на толстые створки, перегородившие путь. Затем стальная громадина замерла, опасно

наклонившись набок.

Сапер не успел доделать мину. Время, отпущенное судьбой, истекло. Кинг выдернул чеку и, придерживая гранату, так и норовившую выпасть из-под витков пластыря, сунул самоделку между медленно вращавшимися катками.

Солдатский долг надо выполнять до тех пор, пока бьется сердце. Подрывник Кинг его выполнил.

Грохотнуло и вспыхнуло. Машина дернулась и запылала, обливая все вокруг потоками горящего топлива. Искореженный металлический остов намертво закупорил проход на станцию.

Взрывная волна догнала отступавших разведчиков, тяжело толкнула в спины. Следом за топливными баками сдетонировал боезапас. Вход завалило огромными серыми глыбами с торчащими в разные стороны прутьями арматуры, изогнутыми, как паучьи лапы. Разорванная гусеница, простучав по тракам, растянулась на земле гадюкой, выползшей из огня.

Все вокруг заволокло пылью, поднятой сдвоенным взрывом. Одна из ракет вырвалась из погребального костра и с короткой дистанции угодила в фонтан. Мускулистый колонист и страшноватый представитель местной фауны разлетелись на кусочки. Двор засыпало бетонным крошечком вперемешку с обломками арматуры.

Каменная длань первопроходца, которую он тянул к монстру и никак не мог дотянуться, отлетела, словно выпущенная из пращи, и попала радисту в спину. Легкий защитный жилет не смог смягчить удар. Таскать на себе тяжелую защитную броню для разведчика роскошь. Ее можно позволить в малоподвижной позиционной обороне и при штурмовых атаках тяжелой пехоты, да и то на относительно небольшие дистанции.

Защитный жилет кроили из материала регулируемой жесткости. Боевая одежда из такой ткани, будучи мягкой в обычных условиях, при взрыве снаряда или мины вблизи бойца приобретала жесткость и прочность, защищая его от осколков. Полимерный материал мог самовосстанавливаться при небольших повреждениях.

Радисту показалось, что из него вышибло дух. Земля поменялась с небом местами, и его швырнуло оземь. Коэн попытался рывком вскочить, но сил хватило лишь на то, чтобы приподняться на руках. Привычная рация стала неподъемной. Она непосильным грузом давила на спину. Радист беспомощно шевелился, похожий на жука, приколотого булавкой. Камень угодил в поясницу. Только позже, в госпитале, выяснилось, что у радиста раздроблены два позвонка. Их заменили на металлические, из такого же сплава, как у командира плечо. А защитный жилет ничего, выдержал, даже не порвался, хотя так и не смог погасить до конца силу удара.

Алешкин вцепился здоровой рукой в ремни амуниции солдата и потащил к дверному проему. Штурмовая винтовка висела на плече, неприятно тычась прикладом в рану. Каждый шаг отдавался яркими вспышками на задворках сознания.

«Елки-палки, когда же все это закончится», — мелькнуло в голове.

Ингвар поймал себя на мысли, что ему не терпится убраться отсюда подальше. Будучи курсантом-первокурсником, он иначе представлял свой первый бой. Сейчас все происходило против них, а не за. Он точно знал, что солдат должен презирать смерть. Не пренебрегать жизнью, а именно презирать смерть. Вот только сейчас хотелось оказаться в местечке поспокойнее. Легко придерживаться правил тем, кто сидит в уютных штабных кабинетах, и пули над головой не щербят стены, осыпая каменным крошечком. Вот бы сюда всех тех, кто искренне считает, что знает, как правильно надо поступать в боевой обстановке. Испытали бы на своих штабных шкурах.

За стеной оглушительно гроыхнул взрыв. В пенобетонном периметре образовалась брешь внушительных размеров.

«Не оставят нас аборигены в покое. Упорные, гады».

Из пролома, образовавшегося в стене, шагнула фигура.

Алешкин попытался вскинуть винтовку одной рукой. У него почти получилось. Ствол

ходил ходуном. Фигура смазалась и начала пропадать, сливаясь с серым фоном стены. Следом за первой в полный рост появились новые фигуры. Они дрожали, словно рябь на воде или горячий воздух, поднимающийся над раскаленной жаровней.

Свой. Ствол оружия в руке лейтенанта медленно пошел вниз. Только Содружество могло позволить себе такую роскошь, как тяжелая броня. И только у отдельных штурмовых подразделений, в пропорции взвод на полк, она имела покрытие, регулирующее отражение и преломление света. Задача такого боевого костюма — делать бойца на поле боя практически невидимым. Но то в теории. Военным конструкторам еще предстояло потрудиться над своим ноу-хау.

Самый первый, вынырнувший из проема, не оглядываясь, как на прогулке, начал пересекать немыслимо грязный и развороченный двор. Все вокруг было засыпано серыми обломками битого пенобетона.

— Ну вот, Козн, и конец нашим мучениям, — подбодрил лейтенант радиста, скрючившегося на полу. — Держись! Ты у меня молодец, настоящий солдат.

К ним приближался закованный в броню тяжелый пехотинец. Радист смотрел на него пустыми глазами, словно в окна горит свет, а дома никого нет.

«Тяжелый» как ни в чем не бывало остановился перед разведчиком:

— Здорово, братцы!

— Задание выполнено. Станция находится в рабочем режиме. Мы заминировали генератор и турбины...

Перед глазами лейтенанта поплыли красные круги. Он попытался снять с руки пульт дистанционного подрыва. Не получилось. Алешкин рухнул на землю рядом с радистом.

— Нашего медика зацепило, но ничего, мы вас быстро доставим. С ветерком.

Мерцающая фигура наклонилась. Толстые пальцы в броне перчаток ловко сняли пульт с запястья лейтенанта. «Тяжелый» обернулся к стоявшим у него за спиной пехотинцам:

— Быстро грузите их! Живых и мертвых в разные боты. А не как в прошлый раз, дебилы!

«Погрузка — хорошо!» — мелькнуло в голове у Алешкина.

Ингвар потихоньку уплывал в серую муть беспомощности. Действие боевого стимулятора заканчивалось. Может, подбодрить себя аэрозольным баллоном из нагрудного кармана? Зачем, если уже и так все закончилось?

Радость командира разведчиков оказалась преждевременной. Не успели израненных и измученных диверсантов дотащить до эвакуатора, как лейтенант услышал треск и сдавленный стон. Следом прилетел гулкий удар, словно ударили молотком по пустой бочке.

— Ты что творишь, сука! — Следующий гулкий удар раздался уже почти у самого уха. Один пехотинец бил другого бронеперчаткой по защитному шлему. — Эти папуасы гребаные их не прикончили, так ты решил добить? Да?!

— Да хрен ему что сделается, — оправдывался костолом, пытаясь втянуть бронированную башку в плечи. — Все равно в госпитале их починят. Будет как новенький.

Тут он оказался прав.

Потом, в госпитале, он узнал причину мордобоя.

Пулеметчик разведгруппы потерял сознание от потери крови. Он вцепился в штатный «Аид» мертвой хваткой. Когда попытались разжать его руки, то не рассчитали силы и сломали ему лучевую кость. Все-таки программа разработки усовершенствованного боевого снаряжения для пехоты требовала, так сказать, некоторых доработок.

Почти бегом их тащили к распахнутой аппарели десантного аэробота. Не дожидаясь окончания погрузки, пилот включил двигатель. Ему тоже не хотелось здесь задерживаться. Горячий прокаленный воздух ударил в лицо. В голове Алешкина, как поржавевший болт, провернулась мысль:

«Надо было сразу бросить «тяжелых» на захват электростанции. Нас-то зачем сунули в мясорубку? Ах, да, боялись, что колонисты взорвут турбины. Но мы же не нашли ни одной мины. Нет, не так. У нас другая задача — обеспечить высадку главных сил, отрезать

основной источник энергии колонии. Значит, все правильно сделали. Все, как спланировало командование... Или нет?»

Их пронесли через проем в стене, пробитый направленным взрывом. Десантные аэроботы сели в тылу наступавших колонистов, как снег на голову. Хотя сейчас стояла одуряющая жара. Десант «тяжелых» рухнул с неба и сразу вступил в бой.

Потянуло запахом гари, пережаренного мяса, расплавленного топлива, кислятиной взрывчатки, потом донеслись злые окрики десантников, стонявших пленных в одну испуганную кучу.

Гулко грянул взрыв. В одном из горевших транспортеров сработал неизрасходованный боезапас. Посвист разлетающихся осколков перекрыл все другие звуки.

По пути им попался лежавший на спине тяжелый пехотинец. Бронекостюм не выдержал прямого попадания. Грудные пластины топорщились лохмотьями металла и полимерной брони. На лбу шлема краснел крест в центре белого круга. Единственная потеря среди десантников, пришедших им на выручку. Вряд ли сейчас медик сможет кому-нибудь поставить даже градусник или подсчитать пульс.

Лежа на ребристом полу эвакуатора, лейтенант отчетливо понял: они победили, он жив...

Нелегко досталась победа разведчикам — восемь человек погибли, четверо оставшихся в живых ранены. Двое из них тяжело. Дорогую цену они заплатили за прожитый вместе день.

Тяжелые пехотинцы заняли свои места в защитном модуле, рассевшись в креслах-трансформерах. Двух разведчиков усадили рядом с собой. Сегодня потери были у всех. Алешкина и радиста положили на пол, так как из-за ран они нормально сидеть не могли.

Кто-то из его подчиненных белел бинтами, которыми обмотали ему всю голову поверх толстого слоя дезинфицирующей пены. Кажется, это был заместитель командира группы сержант Чува. Среди бинтов видны были только глаза, даже рот замотали. Да, точно, он. Это его тяжелые костистые руки с толстыми негнущимися пальцами и сбитыми костяшками. Казалось, что руки жили отдельно от тела. Они, оставшись без дела, не находили себе места и непрерывно шарили то по ремням амуниции, то лезли в накладные пустые карманы штанов для запасных магазинов к винтовке. Чува что-то искал и никак не мог найти. А может, просто был не в себе или еще не отошел от горячки боя?

Чтобы скоротать время в полете, Ингвар решил подремать.

В себя он пришел от боли в раненой руке и собственного громкого вскрика. На него сверху вниз смотрел угрюмый сержант тяжелой пехоты. Устраиваясь поудобнее, он припечатал тяжелым кованым ботинком руку Алешкина, и боль вспыхнула с новой силой, ослепительно-белой волной прокатившись по всему телу. И, похоже, откатываться не собиралась. Все имеет свой предел, и болевой порог чувствительности тоже.

— Извини, браток! Щас я тебя подлечу.

Сержант воровато зыркнул по сторонам. Солдаты, зажатые поручнями ложементов, смотрели прямо перед собой, подчеркнуто не замечая, что творится вокруг. Чува перестал шарить по карманам и неподвижно сидел, безвольно свесив голову на грудь.

Сержант «тяжелых» расстегнул маленький клапан кармашка на запястье левой защитной перчатки. Из него он вытащил пахучий темно-смоляного цвета цилиндрик, размером не больше огрызка карандаша. Штурмовым ножом младший командир счистил с «карандашика» прилипшие песчинки. Вездесущий песок имеет противное свойство проникать в любую щель.

— Не пробовал в пленку заворачивать? — прошипел лейтенант сквозь стиснутые зубы. — Попробуй, может, понравится.

Он еле-еле шевелил языком. Шутка получилась корявой. От боли казалось, что мозг переворачивается внутри черепа.

— К хорошему продукту никакая грязь не пристанет, — доверительно прошептал сержант.

Он легко отхватил ножом от мягкого «карандаша» маленький кусочек. Мгновение

помедлив, отрезал еще. Порция стала в два раза больше. Командир отделения «тяжелых» кончиками пальцев подхватил лекарство с лезвия и бесцеремонно впихнул пахучий комочек в рот разведчику.

— Жуй! — гроыхнуло сверху. — Медленно жуй и глотай.

Командирский бас ни с чем не спутать. Сержант это приказывает или генерал, все равно.

Алешкин послушно шевельнул челюстями. Небо сразу приморозило. Во рту появился приторный вкус корицы с легким оттенком цветочного меда и каких-то незнакомых трав. Слюна загустела, в ней, как в патоке, намертво завязли зубы.

С потолка над лейтенантом свесилась веревка с петлей на конце. Офицер не успел удивиться. Петля развернулась, превратившись в змею с треугольной головой. На шее у нее болталась подвеска с тремя миниатюрными снарядами и гравировкой: «За меткую стрельбу». Ингвар попытался поднять руку, чтобы отмахнуться от черной гадины. Тело не повиновалось, превратившись в камень. Ни пошевелиться, ни позвать на помощь. Он скосил глаза. Фигуры солдат истончались на глазах и исчезали, превращаясь в туман. Неужели они ничего не видят? С потолка, из стен появлялись новые змеи. И все тянулись к нему, подбираясь все ближе.

Из последних сил разведчик разомкнул челюсти и плюнул, целясь змее в глаз. Попал! Он остался один против всего мира, сузившегося до десантного отсека, который кишел мерзкими гадами всех цветов и размеров.

Змея задержала головой, стараясь стряхнуть плевков. Миг — и она превратилась в цветок на изящной ножке. Бутон треугольной головы распустился, открывая разноцветные лепестки. Повеяло пряным запахом разнотравья. Остальные змеи как по команде замерли, поднявшись на кончиках хвостов. Одна за другой они тоже распускались цветками неопишуемых оттенков. Алешкин представить себе не мог, что краски могут быть такими насыщенными и яркими. Лепестки один за другим опадали, укрывая лейтенанта невесомым одеялом. Душистый цветок склонился к разведчику и ласково погладил по лицу, прикрыв глаза Алешкина широкими лепестками. Боль затихла, без остатка растворившись в одуряющем аромате. Цветы с нежными лепестками были повсюду. Вся ткань вселенной состояла из буйства разноцветья и запахов.

Ингвар спал и улыбался. Он был счастлив и бормотал во сне, напевая песню из далекого детства. Цветы мерно покачивались, кивая головками в такт музыке, а некоторые начали тихо подпевать офицеру тоненькими голосками...

— Быстро его торкнуло, — пробурчал один из пехотинцев, снял перчатку и вытер темный плевков с лица. — Быстро и капитально. Аж завидно!

Остальные «тяжелые» поспешно опускали бронестекла забрал на шлемах. Так, на всякий случай.

— Я же говорю, настоящему продукту грязь не помеха, — согласился сержант, а по совместительству доморощенный полевой анестезиолог. Спыхватившись, он пророкотал, словно перекатывал во рту свинцовые шарики: — Разговорчики! Даю вводную, персонально для тебя. Подготовиться к отражению воздушной атаки.

— Как это? — ненатурально удивился оплеванный и не в меру болтливый пехотинец. — Здесь даже амбразур нет! У этой железки только двигатели приделаны и рули управления.

Это было его ошибкой. Пререкаться с сержантом себе дороже.

— Если я прикажу, будешь управлять звездолетом класса «крейсер», — вызверился командир отделения. — Понял?

— Так точно! Буду! — оловянным голосом рявкнул рядовой, став на глазах меньше ростом.

После паузы он осмелился на вопрос. Семь бед — один ответ.

— Почему всего лишь звездным крейсером, а не боевой многофункциональной орбитальной станцией класса «С»? А что, я смогу. Только прикажите!

— Почему? По кочану! По твоему тупому кочану, солдат. Я сказал крейсер, значит... — Конец фразы заглушила звонкая затрещина боевой перчаткой по металлу защитного шлема, скрывавшего под собой пыльный ум рядового.

— Я не понял?! — «Тяжелый» ошарашенно потряс головой.

— Повторяю для особо тупоголовых, — ощерился сержант, поднимая руку для нового удара...

* * *

Когда видишь тяжелого пехотинца в первый раз, а если он еще из штурмового подразделения первой волны, то просто дух захватывает. Но потом оказывается, что и вес, и надежность, и цена этого чудо-комплекта не всегда соответствуют здравому смыслу.

Живые крепости, шагающие на двух ногах, вызывали у других легкую зависть и... неприязнь.

Боевой комплект тяжелого пехотинца состоял из костюма в полный рост с системой защиты от химического и биологического оружия, навигационной спутниковой системой, аппаратурой медицинского контроля, радиостанцией, нашьлемной телекамерой, позволявшей передавать в реальном режиме черно-белое изображение местности. В пуленепробиваемый шлем встроили гарнитуру радиостанции, откидной дисплей прибора ночного видения, устройство расширенной реальности, проецирующее на дисплей шлема картинку с радара. Не забыли о переносном кондиционере, чтобы человек в этой амуниции не задохнулся, компьютере, управлявшем всей этой мощью, и энергобатареях, обеспечивавших работу всего этого великолепия.

Остальные военные завидовали «тяжелым», а зря. Командиры подразделений тяжелой пехоты изводили конструкторов рапортами. Во-первых, солдат не может таскать на себе всю эту амуницию, а во-вторых, что ему делать, когда сядут батареи? Зарядные устройства обеспечивали надежную работу в течение двух часов, не более, потом их приходилось менять. Из-за такой «мелочи» пехотинцы не могли долго действовать в отрыве от основных сил и частенько попадали в неприятные ситуации. Попробуйте под огнем противника сбросить с себя эту грудю железа и воевать по старинке — штыком и прикладом. Тем более что к весу защитного комплекта прибавлялся груз оружия, боеприпасов и снаряжения, которое солдат таскает на себе.

Причиной создания боевых костюмов, напичканных электроникой по самую завязку, послужило ускоренное внедрение информационных систем, обеспечивавших взаимодействие между экипажами и расчетами боевой техники и другими подразделениями, действующими во время экспедиционных операций по наведению законного порядка на взбунтовавшихся планетах. Эти системы позволяли командиру каждой боевой единицы видеть позиции своих и все цели, обнаруженные подразделением. Командиры резонно возражали: стоит ли переносить их на снаряжение пехотинца? До этого с такими задачами успешно справлялись вышколенные сержанты. Конструкторы в ответ проникновенно прижимали руки к груди и горячо заверяли разгоряченных генералов, что да, они обобщат боевой опыт. Разберутся, что к чему, и в конце концов создадут самое практичное сверхсовременное снаряжение. А пока армия должна обходиться тем, что есть. Не надо расстраиваться. Сейчас достаточно интенсивно ведутся разработки экзоскелетов для тяжелой пехоты.

Боевой экзоскелет будет представлять собой наружный скелет из металлопластиковых силовых элементов-«костей», на которых закрепят системы приводов-усилителей конечностей пневматического типа, новые элементы энергоснабжения усилителей. В идеале солдат в экзоскелетоне будет гораздо быстрее двигаться, дальше прыгать, быстрее бегать, окапываться, зарываясь в землю, как крот, таскать на себе кучу оружия и боеприпасов.

Пока инженерам удалось создать только прототип экзоскелетона. Металлический

костяк, перевитый пучками проводов, смахивал на ожившего персонажа фильмов ужасов. Одним внешним видом он приводил создателей в благоговейный трепет, что уж говорить о врагах. Одна неувязка — новая разработка отказывалась нормально функционировать. Разработчики с жаром убеждали заказчиков, что все задачи, поставленные военными, они выполнят. В будущем. Надо чуть-чуть подождать. Вопрос времени. Во всяком случае, выделенные деньги они успешно осваивают.

Результат обещали получить уже в конце текущего года... или следующего. Как будут решаться задачи по разработке новых источников питания, пока неизвестно. Это второй вопрос повестки дня. И вообще, все надо делать по порядку. До энергобатарей яйцеголовые тоже обещали добраться. Да и что знают о таких продвинутых штучках с точной механикой и электроникой толстобрюхие генералы и поджарые лейтенанты?

Извечное противостояние заказчиков и исполнителей то затухало, то набирало обороты. Очередной всплеск страстей начинался после каждой операции, когда поднявших головы колонистов заваливали трупами солдат Содружества и попавшего под горячую руку мирного населения.

Чего стоил один бой в столице планеты Красная Долина. Сводный штурмовой отряд, незаметно просочившийся на главную площадь, попал впросак. Мозги индивидуальных компьютеров, регулирующих отражение и преломление света в камуфляже бойцов, дали сбой.

До этого на полигоне методом проб и ошибок специалисты в конце концов поняли — человек хорошо распознает и выделяет на общем фоне предметы, внешние контуры которых ему знакомы. Часто глазу достаточно частично распознать предмет, а дальше мозг дорисовывает в сознании все остальное. И наоборот, стоит показать предмет под таким углом зрения, под которым человек его никогда не видел, и хорошо знакомый объект не будет опознан.

В общем, непростая задача — сделать так, чтобы враг увидел, но не распознал то, что должно быть от него скрыто. Не распознав предмет, невозможно понять — представляет ли он потенциальную опасность или нет. В этом как раз и состоял основной принцип умного камуфляжа — делать «тяжелых» невидимыми, хотя они были видимыми.

Во время той операции на Красной Долине все произошло с точностью до наоборот. В самый неподходящий момент невидимки окрасились в ярко-красный цвет с нежно-персиковыми разводами.

Пока штурмовики соображали, что к чему, пытаясь отключить индивидуальные компьютеры защитных костюмов, их расщелкали, как в тире. Усиленная броня не поможет, когда тебя расстреливают в упор. С тех пор пехота старалась не пользоваться без лишней необходимости системой «невидимка».

В войсках новую разработку, стоившую многим бойцам жизни, прозвали «бешеная лягушка». Ни в чем не повинное земноводное удостоилось такой чести за умение мгновенно менять окраску на яркие угрожающие цвета с целью отпугнуть врага.

В свое оправдание создатели невидимок и защитных костюмов обиженно надували губы и нравоучительно сообщали тупоголовым армейцам, что за прогресс надо платить. А если армейские заказчики недовольны скоростью тяжело навьюченной пехоты, то могут подождать окончания разработок экзоскелетов или прибегнуть к помощи своих хваленых сержантов.

Офицеры ждать не хотели и не могли. В ход шло испытанное и проверенное средство: солдат должен бояться своего сержанта больше, чем врага. Младшие командиры словом и делом гнали валившихся с ног бойцов вперед. Когда заканчивался заряд электробатарей, в ход шли пинки, зуботычины и отборный мат. Забористая ругань действовала безотказно и наиболее эффективно. От рукоприкладства мордovorотов-сержантов солдаты были надежно защищены броней. Но все равно солдаты, особенно молодое пополнение, рефлекторно дергались в сторону, увидев сержанта с занесенным кулаком. Круг замкнулся: сержант — научно-технический прогресс — сержант.

Вот такие парни из тяжелой пехоты и пришли на помощь жалким остаткам разведывательно-диверсионной группы лейтенанта Алешкина...

Глава 4

Давно, еще на заре военной психиатрии, был сделан неутешительный вывод: в первых боестолкновениях четверть бойцов не может сдерживать рвотного спазма от страха. Почти такое же количество не в состоянии контролировать собственный кишечник. Неумолимая статистика кривлялась и одновременно показывала: меньше трех процентов попавших под обстрел могут правильно действовать в нестандартной ситуации. Почти всех в той или иной степени косил боевой стресс.

Запас психической адекватности солдата составлял не больше пятидесяти суток боев. Война оказалась тяжким трудом, не только физическим, но и психическим. Если каторжник в цепях рубит кайлом уголек в шахте, намереваясь добраться до центра Земли, то количество расходуемой им энергии ненамного превысит труд пехотинца в полной выкладке на учениях. Но запредельные физические нагрузки отстают от морального перегруза воинской службы.

На войне силы любого супермена имеют предел. Сверхчеловеческие усилия, растянутые во времени, могут угробить кого угодно. Надо не просто выжить. Надо победить любой ценой. За ценой никогда не стояли. И как тут быть?

Ответ лежал на поверхности. Один из аналитиков, работавших над решением проблемы, оказался знатоком военной истории. Все гениальное просто! Не надо изобретать велосипед, просто достаньте старый и смахните с него пыль. Для решения проблемы требовался наркотик.

История войн знала немало подобных примеров решения проблемы. Скандинавские берсерки жрали мухоморы, отдавая предпочтение свежесорванным. Рыжие бородачи отправляли в пасти красные грибные шапочки в кокетливых белых точечках, пока пена не шла струей, как из огнетушителя. В походы за море они брали мешочки сушеных грибов. Оседлые племена не выдерживали набегов полуголых бородачей в рогатых шлемах, крушивших все на своем пути и рубивших двуручными секирами всех, подвернувшихся под руку: и своих, и чужих. Без разбора и оглядки. Жителям побережья срочно понадобилось адекватное оружие возмездия. Желательно покруче.

Выход подсказали шаманы.

Племена, населявшие прибрежные леса, в качестве домашней скотины держали лосей. Свежее мясо и молоко всегда под рукой. В случае чего можно быстро пополнить запасы — лес вокруг. В те времена скотоводство у жителей северного побережья делало только первые робкие шаги.

Завидев среди волн полосатые паруса и зубастые носы драккаров викингов, аборигены бросались кормить домашнюю скотину все теми же... мухоморами. Мочу животных собирали в глиняные чаши.

Простые рыбаки, охотники и скотоводы перед боем принимали на грудь «теплый бодрящий пенный напиток». Кто сколько сможет выпить. Чем больше, тем лучше. Когда моча ударяла в голову, в прямом и переносном смысле слова, богобоязненные и тихие аборигены превращались в неустрашимых богов войны. Подпрыгивая от перевозбуждения и нетерпения, они ждали, когда к берегу причалят корабли незваных гостей. Викингам, бывалым воинам, приплывшим из-за моря, устраивали кровавую баню. Родное побережье тщательно зачищали, а многovesельные драккары сжигали. Рыбакам были без надобности неповоротливые громадины для дальних походов. С чудодейственным напитком мирные жители могли чувствовать себя в безопасности.

Аналитики Вооруженных сил Содружества, перелопатившие исторические и военные архивы, нашли массу подтверждений провидческому озарению шаманов.

С развитием военного дела солдаты и офицеры создаваемых профессиональных армий постоянно сталкивались с проблемой преодоления психологических проблем. Количество

неоправданных потерь требовалось сокращать. В те времена армейцев крепко выручал алкоголь. До боя принимали стакан для храбрости. После — уже стакан-другой для разрядки и осознания того, что остались живы.

Водка на передовой лилась рекой сутки напролет. Каждый имел флягу со спиртом и не разлучался с ней. Жидкий неприкосновенный запас никогда не переводился. Мусульманские армии не стали исключением. В них алкоголь заменили марихуаной и гашишем.

Волны битв прокатывались по странам и континентам, меняя названия государств и очертания границ. Очень скоро военные научились взбадривать себя всем, до чего могли дотянуться. В армии концентрация доморощенных умельцев на все руки зашкаливает за все мыслимые пределы.

С развитием научно-технического прогресса профессия военного становилась все сложнее, но от этого — не менее опасной. Переквалификация новобранцев в «настоящих солдат» стала делом непростым и дорогим. Подготовка профессионала, прекрасно владеющего высокотехнологичным оружием, — это только верхушка айсберга, скрытого под водой службы.

Как превратить живой боевой механизм обратно в гражданского человека, полноправного члена Содружества? Об этом не думали. Некогда было! На многих планетах полыхал пожар гражданской войны. Огонь требовалось срочно гасить. Мобильные сводные отряды Вооруженных сил Содружества мотались как пожарные команды от планеты к планете.

От одного очага к другому. Армейские подразделения прореживались противником сильнее, чем предполагали аналитики мобилизационной службы. Бреша требовалось срочно латать.

Объединенное правительство призывало в армейский строй людей и считало, что они должны быть на страже его интересов двадцать четыре часа в сутки. Желательно без отрыва на сон в боевой обстановке, который позволяет отдохнуть и восстановить силы. Устал? Поможем.

В планы Генштаба не входило зря терять драгоценное время. Генералы наяву грезил о бойцах, не знающих боли, страха и усталости. Претворить мечту в явь согласилась добрая фея в белом халате без единого пятнышка. Имя фея носила длинное и помпезное: Научно-технический консорциум.

В обмен на щедрое государственное финансирование химики и психологи из медицинского отделения Консорциума обещали сделать все возможное, а заодно и невозможное, чтобы облегчить тяготы и лишения воинов Содружества в нелегкой борьбе за единство и неделимость.

Ученые с головой погрузились в работу по решению задачи, той же, что стояла и перед шаманами, — созданию бесстрашного, не устающего, не спящего солдата. Руководство Консорциума так определило цель изысканий: «Устранение потребности во сне и инстинкте самосохранения во время фазы активных боевых действий».

Разрабатывавшуюся программу называли «Десять суток без сна, боли и страха». За точку отсчета взяли способности млекопитающих. Ученые знали, что дельфины никогда не спят. В противном случае они не смогли бы дышать в водной стихии и утонули бы. Здесь ученые уперлись в тупик. Дельфины, весело чирикавая, продолжали неумоимо плавать, а солдаты упорно хотели спать. Выцарапать решение проблемы у матери-природы не получилось.

Еще раньше ученые пытались изменить древо человеческой расы. Точнее, ее лучшей части — военных. На планете Ронаш водилась ничем не примечательная ящерица урх, размером с ладонь взрослого человека. Свое название она заработала за тот самый звук «ур-р-рх», который постоянно издавала. Ящерица как ящерица, если бы не одно «но». Во время сезона кладки яиц вокруг песчаного гнезда урхов нельзя было увидеть ни одного животного или птицы. Крупные хищники не являлись исключением.

Любое живое создание, по незнанию или из любопытства имевшее неосторожность приблизиться к песчаной пирамидке, внутри которой находилось будущее потомство урхов,

подвергалось немедленному нападению. Ни длина клыков, ни размер не имели значения.

Переход ящериц, разморенных на солнцепеке, из полудремотного состояния к ярости в чистом виде был настолько стремителен, что не оставлял шансов нарушителям границ их территории. Острые зубы и запредельная скорость движений лапок с острыми коготками обращали все живое в бегство.

Когда приходило время, и из яиц вылуплялись маленькие урхи, поспешно расплзавшиеся в разные стороны, родители теряли былую агрессивность. Взрослые особи становились обычными рептилиями, бросавшимися наутек при малейшем шорохе.

Представители чистой науки, не отягощенные этическими принципами вроде «не навреди ближнему своему», обратили заинтересованный взор на маленькие чешуйчатые создания. Вскоре они выяснили, что в брачные сезоны железа внутренней секреции урхов начинает вырабатывать гормон ярости.

Сама природа помогала урхам охранять потомство в момент, когда оно особенно уязвимо. То, что помогает ящерицам, то поможет и солдатам выжить на поле боя, решили ученые. Выжить и победить.

Потребовался человеческий материал, на котором предстояло опробовать синтезированную ярость в лабораторно-полевых условиях. Десяти добровольцам пообещали двухнедельный отпуск при части и премиальные в размере месячного оклада.

Первый этап эксперимента по «улучшению» боевых качеств солдата ученые провели на штурмовой полосе препятствий. В конце изнуряющего испытания бойцы должны были самостоятельно отрыть окопы полного профиля. Для этого им выдали складные саперные лопатки. Время преодоления полосы препятствий засекали секундомером в предвкушении суперрезультата. Он должен был намного перекрыть норматив. Этот результат не заставил себя долго ждать и превзошел все ожидания.

После инъекции синтетического аналога гормона урхов в брачный сезон первая пятерка добровольцев резво стартовала. Но никто из них до финиша не добрался. Аккурат после преодоления лабиринта и перед разрушенным мостом будущие отпускники остановились и начали подозрительно приглядываться друг к другу. Словно видели товарищей впервые, а не служили в одной части. В ход пошел шанцевый инструмент. И использовали его не по прямому назначению.

Испытуемые порубили друг друга саперками. Да так быстро и ловко, что никого в живых не осталось.

Вторая и последняя пятерка добровольцев улучшила результат предшественников на целых десять с половиной секунд, прихватив с собой на тот свет замешкавшегося лаборанта. Будущий ученый умудрился уронить инъектор на землю. Ошибка заключалась в том, что он потерял драгоценные секунды, шаря в траве в поисках дорогого прибора.

Несчастный случай. На производстве всякое бывает.

Добровольцев больше не было и в ближайшем будущем не предвиделось.

Ненужной огласки чудом удалось избежать. Проект от греха подальше тихо прикрыли. Всю документацию засекретили. Но первый кирпичик в постамент, на который рано или поздно взгромоздится универсальный солдат будущего, был уже заложен.

Следующим шагом стал поиск ответа в области химии. К счастью человечества, ее возможности далеко шагнули от порошка из толченых мухоморов к высоким технологиям.

Как нельзя кстати вынули из-под сукна рапорт одного полковника. Он командовал спецоперацией по наведению законного порядка на одной из захолустных планет, пожелавшей выйти из Содружества. Гражданское неповиновение носило локальный характер. Сепаратисты действовали исподтишка, нанося удары из непроходимых джунглей. Гоняться за небольшими отрядами бунтарей по зеленому морю леса оказалось занятием утомительным и неблагодарным.

Военные поражались выносливости повстанцев, совершавших многокилометровые марши по непроходимым лесам. Им приходилось все носить на себе: начиная от оружия и заканчивая продуктами и палатками. От баз снабжения их отрезали много недель назад.

Картину прояснили допросы пленных. В рацион колонистов входили коконы гусениц тинь. Из них появлялись на свет не бабочки, а разновидность местного летающего кузнечика. Насекомое в полете издавало характерные звуки «тинь-тинь», за что и получило свое название. Стоит сказать, что за время боев колонисты практически перешли на подножный корм. Но они знали, что серые полупрозрачные коконы-зародыши будущих стрекодух насекомых прекрасно, без следа, прогоняют голод, прибавляют силы, и спать после них не хочется.

Во время первых допросов на побасенки партизан о чудо-личинках не обратили внимание. Попросту пропустили мимо ушей. Контрразведчиков больше интересовали численность, вооружение, боевой дух, уровень подготовки воюющих против них.

Так информация и канула бы в Лету, если бы один из офицеров не поставил опыт на себе и своих подчиненных. Он командовал небольшой группой отборных бойцов-охотников за партизанами. Маленькие мобильные подразделения действовали автономно от главных сил, на свой страх и риск. Они скрытно рыскали по джунглям, выискивая отряды повстанцев. Спецгруппы, так же как и партизаны, давно перешли на подножный корм. Если обнаруженный отряд сопротивления был небольшим, то его брали «в штыки» и молчком вырезали. На крупные соединения партизан наводили по радиостанциям или электронным маячкам. Такой маячок, замаскированный под неприметный камень или обломок ветки, незаметно подбрасывали в расположение повстанцев. Электронный «жучок» выдавал в эфир короткие условные импульсы, сообщая разведывательному спутнику-ретранслятору координаты расположения врага.

Охотникам оставалось с безопасного расстояния координировать артиллерийский огонь и удары аэроботов. Такие спецподразделения скользили призрачными тенями под лесным покровом, минирова тропы, броды рек, устраивая засады и внезапные огневые налеты на базы врага.

Чтобы победить партизан, надо было жить, как партизаны, воевать, как партизаны, думать, как партизаны, и даже пахнуть, как они. Для осуществления последнего пользовались специальными аэрозолями, но через неделю жизни в джунглях надобность в распылителях отпадала. Запахи леса пропитывали все, начиная амуницией и заканчивая каждой порой тела.

Спецназовцы быстро перенимали тактику партизан, используя ее на свой лад. Пока крупные войсковые соединения действовали по периметру лесных массивов, сжимая кольцо окружения, группы спецназа в свободном поиске шерстили джунгли. Когда попадалась крупная цель, охотники объединялись и превращались в загонщиков. Они могли сковывать действия отряда колонистов до подхода главных сил или, наоборот, гнать их навстречу регулярным войскам, навязывая бой в невыгодных условиях.

Охотники и повстанцы были вне закона. На них не распространялись правила ведения войны. Ни тех ни других в плен не брали, если не было особой нужды в свежей информации. Обе стороны прекрасно знали об этом и никогда не действовали по-спортивному. У них были свои правила. Вернее, полное отсутствие правил. Главное — выжить в зеленом аду и победить.

Лейтенант Райх, командовавший одной из таких групп охотников, после быстрого «потрошения» языка, взятого во время налета на колонну партизан, был первым, кто узнал о секрете личинок тинь.

* * *

Поначалу пленный отказывался говорить. Он, связанный, лежал на траве у ног командира группы. Заломленные за спину руки затянули двойной петлей, для верности пару раз обмотав запястья веревкой. После этого подтянули руки к ногам и стянули их петлей «набросом».

Из кустарника бесшумно появился сержант. Пленный злобно зыркнул на него снизу

вверх.

Заместитель командира нагнулся к нему и прошипел:

— Еще раз так на меня посмотришь, считай, без глаз остался.

После этих слов он так же бесшумно скрылся в кустарнике.

Разведчик выбрался из зарослей на поляну, где возвышался конус муравейника, и замер с поднятой ногой. Он чуть не наступил на странный предмет, по форме отдаленно напоминавший яйцо. Оно было светло-голубым и отчетливо выделялось на подушке зеленых мхов. Сперва спецназовец решил, что он наткнулся на гнездо местной лесной птицы боко.

В носшибанул резкий запах. Он осторожно сделал шаг назад, не сводя глаз с голубого предмета. Запах стал слабее. На мину находка не была похожа, слишком броская окраска. Да и о пахучих взрывчатых сюрпризах он никогда не слышал. Что-что, а на отсутствие боевого опыта матерый охотник на двуногую дичь пожаловаться не мог. Загадочный предмет был покрыт не то скорлупой, не то плотной кожистой оболочкой. Его хотелось поднять и рассмотреть поближе. Разведчик сдержал неожиданный порыв любопытства. Дураков нет. Здесь, в джунглях, все ученые.

Он лихорадочно перебирал все возможные варианты, торопливо роясь в памяти. Одно он знал точно: неизвестное — значит потенциально опасное. Лучше дуть на молоко, чем остаться без губ. Не сосчитать, сколько самонадеянных новичков он лично похоронил. Только глупец назовет осторожного трусом. Из таких перестраховщиков, если они успевали заматереть, получались настоящие ветераны, краса и гордость их вида войск. Самым лучшим собеседником для себя он считал самого себя. Не перебивает, не умничает, просто идеальный друг. Правда, мысленная беседа давно превратилась в монолог. Но это не беда.

Нет, это не боко. Ни одна птица не станет откладывать свои яйца прямо на влажный мох. Тем более в опасной близости от муравейника. И этот неприятный запах, одновременно такой притягательный и манящий.

Слева, в кустах, раздался шорох. Оттуда выскользнула крупная ящерица. В этой местности их было больше, чем крыс на помойке в городских трущобах. Может быть, это ее яйцо? Отбой, ложная тревога? Ящерица уверенно, по-хозяйски, подскочила к яйцу и положила на него лапку.

Внезапно она дернулась всем телом. Определенно ее что-то напугало. Дальнейшие события развивались стремительно. На глазах яйцо... стало быстро расти!

Тонкая трещина расколола его оболочку и побежала дальше, разделяя яйцо на две равные полусферы.

Края треснувшей поверхности разошлись. Из щели между ними выскочила, вернее, стремительно выпорхнула, ядовито-желтая лакированная стрелка и клюнула ящерицу в бок. Пресмыкающееся вздрогнуло. От носа уродливой головы, покрытой длинными роговыми наростами, до кончика хвоста прошла судорога. И все. Ящерица застыла.

Ужалившая в бок стрелка сидела на подвижной белой шейке. Шейка быстро вытягивалась, на глазах увеличиваясь в размерах.

Наконец размеры загадочного существа определились. Над парализованной ящерицей возвышался прямой, как стрела, стержень. С легким хлопком он открылся наподобие зонтика, хищно нависнув над жертвой. Наконечник трансформировался в некое подобие шляпки. Из-под нее с треском выскочило сетчатое белое покрывало. Шурша, оно опустилось до самой земли, укрыв жертву тонким саваном. В тот же момент манящий запах усилился и стал распространяться от лесной диковинки во все стороны.

Буквально через пару минут все повторилось в обратной последовательности: покрывало втянулось под шляпку, зонтик сложился в стрелку, а ножка втянулась в яйцо, заметно увеличившееся в размерах. На месте парализованной ящерицы остался отбеленный скелетик, как напоминание о когда-то шустрой рептилии.

Сержант мысленно похвалил себя за осмотрительность и перестраховку. Перед ним так быстро и пышно расцвело то, что местные жители называют «смертью под вуалью», а ученые — сухопутным моллюском. Лесная тварь имела особый придаток, служивший для

передвижения. При помощи сильнодействующего яда он парализует жертву и впоследствии переваривает, укутывая мантией. Потенциальную добычу он привлекает разными способами. Днем приманкой является своеобразный запах, состоящий из букета феромонов, одинаково привлекательных и для зверей, и для птиц, и для... людей. Ночью удивительное создание вылезает из своей раковины-яйца, и на его теле проступают крошечные «фонарики», а из-под зонтика начинает струиться манящее призрачно-лиловое сияние. «Вуаль», основной функцией которой является выделение желудочного сока для переваривания добычи, тоже участвует во всеобщем свечении, добавляя нежные матовые отблески.

Человек для моллюска — слишком крупная добыча, но от этого не легче. Остаться без ноги или другой части тела не самая приятная перспектива. Беда ждет любого, кто очаруется дивным светом в ночной темноте.

Он обошел «смерть под вуалью» по большой дуге, не забывая внимательно смотреть под ноги. Надо быстро набрать муравьев и возвращаться. Поди, лейтенант его заждался.

Отсутствовал сержант недолго. Вернулся с листом на длинном стебле. По нему сновали огненные муравьи. Насекомых прозвали так из-за того, что место укуса начинало гореть, словно его прижгли сигарой.

Разведчик оттянул ворот пятнистой маскировочной куртки пленника и сунул за шиворот лист со жгучими созданиями. Райх равнодушно разглядывал колониста. Вчерашний фермер решил поучаствовать в войне. Игра в молчанку с профессионалами долго продолжаться не могла. На войне нет запрещенных приемов. Взялся за оружие — будь готов ко всему. Жизнь показала: в умелых руках все пленные начинают говорить без умолку. Только успевай задавать интересующие тебя вопросы. Главное — запустить беседу.

На психологические игры времени не было, а боль делает всех сговорчивее. Связанный по рукам и ногам колонист не стал исключением. Сначала он просто визжал, как девчонка, пока сержант не передал муравьев, со всей силы хлопая его по спине широкой, как лопата, ладонью. Офицер благосклонно кивнул. Клиент созрел на глазах. Прошло не больше минуты. Новый рекорд.

Пленный говорил без остановки. Асмусу оставалось вставлять уточняющие вопросы. Пленный не захотел рассказать о побочном эффекте при неправильном употреблении тинь... или не успел.

После допроса маленький отряд двинулся дальше, растворившись среди переплетения деревьев с неизвестными названиями.

На месте допроса земля вспухла малозаметным бугорком свежей могилы, аккуратно обложенной дерном. Ни один следопыт не найдет, пока не наступит...

Группа лейтенанта Райха уже почти месяц моталась по джунглям, а об отводе из леса не шло и речи. Командование неумоимо ставило по радиостанции очередные задачи, «нарезая» новые квадраты джунглей для поиска и зачистки. Из кожаного мешочка, снятого с пояса пленного, офицер вытряхнул на ладонь невзрачные серые коконы личинок. Подчиненные валились с ног от усталости. Скоро их можно будет брать голыми руками. Запас человеческих сил давно закончился. Солдаты пока держались на силе воле и его приказах.

Рация пискнула и выдала координаты нового квадрата. По данным космической разведки, там находилось несколько разрозненных групп вооруженных колонистов. Плевое дело для его группы. Во всяком случае, так мудро решило старшее командование из далекого штаба. До него было так же далеко, как до звезд. Партизаны были намного ближе. Рукой подать. На расстоянии одного дневного перехода. Но это расстояние еще надо было преодолеть, пройти, проползти. Если надо, то и «на зубах», но дойти, вступить в бой и уничтожить.

Мешочек пошел по кругу. Кто-то глотал серые природные пилули, другие равнодушно размалывали их зубами. Тинь оказались горько-мерзостными на вкус. На это не обратили внимание. Подобные мелочи не могли смутить людей, для которых лес давно стал вторым домом. Случалось употреблять в пищу и более пакостные создания, не входящие в рацион.

От пайков давно не осталось даже упаковки. Людей забрасывали в лес на две недели, а вышло как обычно...

* * *

Аэробот стремительно скользил под облаками, возвращаясь с рядового разведывательно-патрульного задания. Заодно летчики опорожнили подвесные баки со спорами грибов.

Нехватку съестных припасов, жизненно необходимых белков и углеводов испытали на себе не только разведывательно-диверсионные спецгруппы, но и запертые в джунглях повстанцы. Маленькие отряды на свой страх и риск рыскали по непроходимым чащам в поисках врага. Использовались самые разные методы борьбы с лесной «оппозицией».

В арсенале военных присутствовало ноу-хау, разработанное специально для этой планеты. Влажный климат джунглей стал естественным парником для разных видов грибов. От разнообразия их видов и форм у людей, впервые ступивших под сень леса, рябило в глазах. Грибы были повсюду. Некоторые в борьбе за выживание умудрялись закрепиться даже на камнях. Самым распространенным был съедобный гриб, внешне схожий с земным дождевиком. Он употреблялся в пищу в любом виде, хоть и сырым, стоило лишь очистить его от тонкой кожицы. Этот гриб составлял основу рациона лесных мстителей, поэтому встала задача сделать его несъедобным.

Вопрос решили в военных лабораториях быстро. В спорах изменили ген таким образом, что при созревании гриб начинал вырабатывать сильнодействующий токсин. Попадая в организм человека, он поражал нервную систему и вызывал паралич, но не был смертелен. Убивать врага не входило в планы военных, замысел был таков: больной становится обузой, ему требовалось лечение, уход. Чем больше партизан, пораженных ядовитыми грибами, тем скорее они теряют мобильность. Отряды из боевых единиц превращаются в полевые госпитали, неспособные вести боевые действия против войск Содружества. Кто бросит больного товарища? На этом и строился весь план.

Споры ядовитых грибов несли в контейнерах спецгруппы, уходившие в лес на задание. Ими засеивали звериные тропы, а животные разносили их на шустрых лапках в глубь джунглей.

Грибы нанесли врагу урон не меньший, чем огненный бинапалм, щедро льющийся с небес. Активная фаза боевых действий на время сошла на нет. Потом все закрутилось по новой в вихре зубодробительной карусели.

Летчики заодно провели подробную съемку тех районов, которые были выбраны после обработки материалов, полученных со спутников-шпионов. Возможности оптики аппаратов, развешенных на околопланетной орбите, были не безграничны. Они сверкали блестящими корпусами за пределами атмосферы, словно игрушки на новогодней елке, но перепроверять их данные должны были рабочие лошадки из Военно-воздушных сил.

Летуны провели съемку указанных районов и с чувством выполненного долга возвращались на базовый аэродром мобильной группировки.

Под облаками им нечего было опасаться. У повстанцев и в помине не было ни боевого воздушного флота, ни систем противовоздушной обороны. Стрелковое оружие на такой высоте не могло причинить ни малейшего вреда. Пулям не дотянуться до небес.

Судьба постоянно вносит коррективы в жизнь людей. Видимо, тыловые крысы подсустились, продав противозенитные ракетные комплексы со складов вооружения. Во время войны никому не удавалось отменить торгово-денежные отношения. Товаром стало оружие, а деньги — они всегда остаются деньгами.

Ракета класса «земля — воздух» с пышной грудью и тонкой талией угодила точно в воздухозаборник левого двигателя. Аэробот клюнул носом и ринулся навстречу земле. Запас живучести машины давал еще две минуты управления, за которые надо было успеть совершить вынужденную посадку. Подходящей посадочной полосы в джунглях не нашлось.

Рухнули прямо на лес...

Рация требовательно пискнула и сквозь треск помех выдала новое задание спецназовцам. Голос в наушнике доверительно сообщил:

— Я Кочевник, вызываю Пересмешника. В восемнадцатом квадрате совершил вынужденную посадку патрульный аэробот. Подбит из ПЗРК. Экипаж жив. Имеются раненые. Из-за наличия зенитных комплексов эвакуация с воздуха невозможна. Твоя группа к летунам ближе всех. Эвакуируй всех живых. Бот взорвать. Потом мы вас всех заберем. Конец связи.

Лейтенант первого класса Райх, командир спецгруппы с позывным «Пересмешник», подтвердил получение новой команды сверху.

«Все складывается хуже не придумаешь. Не успели приступить к выполнению приказа, а задача успела измениться».

Первое задание теперь выглядело намного привлекательнее и проще.

К месту экстренной посадки со всех уголков джунглей будут стекаться все, кому не лень. В первую очередь те, кто их сбил. Аэробот — лакомая добыча. А за пленных летчиков можно будет выторговать у командования планетарной группировки все, на что хватит фантазии у партизан. Если, конечно, сразу не повесят на ближайшем дереве или не закопают по шею в муравейники. С любителями поливать джунгли из-под облаков бинапаломом разговор обычно был коротким.

Наскоро перекусившие серыми коконами спецназовцы рванули в указанный квадрат. Еда поначалу показалась на один зуб. Здоровым мужчинам личинки были что акуле мышка. Однако многокилометровый марш до места вынужденной посадки они преодолели на удивление быстро. Это с учетом того, что им приходилось стороной обходить места, наиболее удобные для засад.

Обтекаемый сигарообразный корпус воздушной машины сильно пострадал во время приземления. Оставалось удивляться, что никто из экипажа не погиб. Все, кроме одного, получили ранения или переломы той или иной степени тяжести. От гибели летчиков уберегли противоперегрузочные кресла-полукоконы. Отрицательная перегрузка попыталась выбросить людей со своих мест. Но сработала автоматическая система притяга амортизационных ремней.

Борттехник сидел в кресле, безвольно свесив голову на грудь. Бортинженер нажал на замок, отстегнув привязные ремни. Он встал, сделал шаг и упал. Нога подломилась, в нос ударил запах крови. С пола он увидел командира, сидевшего за разбитой панелью управления, и треснувшие экраны мониторов. Приборы управления вышли из строя во время приземления.

«Долбаная ракета».

Система отстрела ложных целей не сработала. Удивительно, но главный бортовой компьютер не опознал ее как чужую.

Рука командира свесилась с кресла. На голубом фоне рукава комбинезона белели сломанные кости, проткнувшие ткань.

Перед глазами инженера появились черные ботинки. Бортстрелок уцелел. На нем не было ни царапины. Бортинженер не вскрикнул, не застонал.

Пластиковый пол притягивал к себе, словно магнит иголку. Летчик чувствовал его затылком и спиной. Было необычное ощущение, будто сломанная нога уже растворилась в нем.

— Командир... техник... — услышал он собственный голос, успев удивиться незнакомым интонациям. Разбитые губы превратились в оладьи и не желали нормально произносить слова. — Живы?

— Все путем. Ранены! — ответил бортстрелок. Вокруг потемнело. Инженер не видел, как самый бесполезный член экипажа метался по темному салону, залитому кровью, среди сорванных панелей обшивки и разбитого оборудования, с аптечкой первой помощи в руках.

Сейчас все его товарищи нуждались в нем. Если бы он мог раздвоиться, а еще лучше — расстроиться! Стрелок носился от одного к другому, делая уколы антишоковых шприц-тюбиков. Он одновременно успевал разрывать зубами упаковки перевязочных пакетов и срывать колпачки с баллончиков кровоостанавливающих аэрозолей. Расстроиться не получилось, а вот раздвоиться, пожалуй, удалось...

Командир аэробота очнулся, когда его подняли из кресла, мягкого и теплого. Его несли на тканевой подстилке из запасного комплекта выживания. Натекшая лужица крови хлюпала под ним в такт движению.

Мелькнула широкая расплывчатая фигура в разноцветных зеленых пятнах-разводах. Незнакомый голос довольно сказал:

— Мы успели первыми.

Ему вторил другой голос, с решительными командирскими нотками:

— Мы всегда первые. Всегда!

* * *

К летчикам охотники на партизан успели первыми, на полчаса опередив повстанцев. После стремительного броска через джунгли спецгруппа не испытывала усталости. Наоборот, люди рвались в бой. Взбодрившиеся до небес спецназовцы установили мины вокруг сбитого аэробота, оказали раненым первую помощь. Летчиков отволокли в безопасное место, чтобы не мешали. Охотники разделились на две группы. Одна заняла оборону рядом с завалившимся на бок воздушным судном. Другие отошли в лес. Первые успели отрыть и замаскировать окопы для стрельбы лежа, вторые затаились в чаще неподалеку, полностью слившись с окружающим ландшафтом.

Когда из джунглей показались партизаны, их ждало несколько сюрпризов. Один — приятный, они первыми из «коллег» успели к сбитому аэроботу. Остальные сюрпризы были похуже. Точнее, один гаже другого. Сначала повстанцы с ходу напоролись на минное поле, а следом на них обрушилось море перекрестного огня. Последнюю точку в скоротечном бою поставила вторая группа, затаившаяся неподалеку. Жирную такую точку.

Удары с тыла и флангов закончили полное уничтожение колонистов. Среди угодивших в огневой мешок живых не осталось. При обыске убитых нашли несколько кожаных мешочков с теми же серыми живыми катышками. Панацея от всех бед, тревог и лишений вошла в жизнь спецгруппы. Мешочки пошли по кругу. Не обделили и бортстрелка со сбитого аэробота.

Летун сам подобрал себе оружие, покопавшись в трофеях. Это был ручной пулемет «Аид». Так в команде охотников стало на одного пулеметчика больше.

Личинок запили водой из фляг, отбивая горькое послевкусие, от которого сводило челюсти. Про нормальную еду никто уже не вспоминал.

На еще не отошедших от горячки боя бойцов накатила новая волна бурлящей энергии. Казалось, за спиной выросли крылья. Стоит оттолкнуться одной ногой от земли, и достанешь до верхушек самых высоких деревьев. В эйфории бодрости спецназовцы не теряли ясности сознания, немного искаженного на свой лад. Их мозг быстро прокачивал возможные варианты развития боевой обстановки, работая с нечеловеческой быстротой, заставляя мысли вращаться со скоростью пули. Так же быстро и смертоубийственно.

...Волна ярости больше не отпускала. Она подхватила горстку людей и шквалом пронесла по джунглям. Спецназовцы на своем пути сметали, уничтожали и терзали все, что попадалось им под руку. Несколько новых разрозненных групп партизан, подбиравшихся к месту падения аэробота, были молниеносно уничтожены. Спецназовцы боевыми двойками и тройками рыскали вокруг места падения, нарезая круги по лесу, словно акула вокруг жертвы.

Когда командир группы понял, что в этом месте больше не найдется достойной «работы», он вспомнил о первой задаче, поставленной перед ними.

— За мной! — только и произнес офицер.

Подчиненные и раньше понимали командира с полуслова, а сейчас они вообще стали единым боевым организмом, объединенным желанием догонять и уничтожать.

Свора двуногих гончих в пятнистом камуфляже, увешанная своим и трофейным оружием с ног до головы, бесшумно канула в зеленом полумраке. Они все меньше напоминали людей и все больше принимали облик хищников джунглей. Настоящих лесных обитателей — беспощадных и кровожадных, рыскающих в поисках жертвы.

Перевязанные летчики лежали в замаскированной неприметной захоронке. Они с облегчением перевели дух, когда их кровожадные спасители растворились в джунглях. Только очутившись на борту прилетевшего за ними эвакуатора, сбитый экипаж почувствовал себя в безопасности... вдали от наземной спасательной команды.

Единственной потерей отряда в том скоротечном бою стал радист. Солдат в азарте дикой охоты наскочил на собственную мину.

Райх уцелел чудом. Он был неподалеку. От смертоносного металлического шквала осколков его прикрыл толстый ствол раскидистого дерева. Осыпало плечи посеченными с веток листьями, да еще немного контузило. Левое ухо перестало слышать. А так ничего. Издержки службы. Может, со временем глухота пройдет, а может, нет. Неважно.

Остатки спецназовца и обломки радиостанции разбросало в радиусе нескольких десятков метров. Хоронить практически было нечего. Жалкая кучка кровавых ошметков и нескольких кусков тела уместились на широком бирюзовом листе паучьей лианы.

Сборы были недолгими, похороны короткими. Обошлись без помпы и троекратного салюта над крошечной могилкой размером не больше кочки.

Синий комбинезон бортстрелка с золотыми шевронами и другими нашивками, которыми так любят хвастаться асы Военно-воздушных сил, заменили камуфляжем пестрой раскраски. Форму сняли с убитого повстанца, на глазок прикинув подходящий размер. Ничего, что обновка в дырках и красных подтеках. Пятна скоро высохнут. А дырки маленькие, диаметром всего девять миллиметров. Если специально не приглядываться, то и не заметишь.

Маленький отряд снова был укомплектован, полон сил и рвущейся наружу энергии. Ее надо было куда-то девать. Командир повел спецгруппу в район, где, по данным, переданным со спутника разведки, находились лагеря повстанцев. Очаги сопротивления власти Объединенного правительства требовалось погасить... навсегда.

Когда с врагом было покончено, командир впервые услышал голос в голове. Голос был визгливый и неприятный. Он принадлежал женщине. Особа, прочно обосновавшаяся в черепной коробке, оказалась кровожадной и на удивление нудной. Она изводила офицера одним и тем же бесконечным требованием.

«Убей! Убе-ей! Убе-е-ей!» — молоточками пульсировало в висках.

Кого «убей», голос не объяснял и в диалог вступать не хотел. Офицер здраво рассудил, что речь идет о повстанцах-колонистах. Очень скоро в районе, где орудовала спецгруппа, в живых не осталось ни одного мятежника. Во время боя голос умолкал. Нет ничего хуже, когда говорят под руку, мешая работать.

После бесславной гибели радиста поддерживать связь с Большой землей стало некому. Райх принял решение расширить зону боевых действий в поисках противника, а заодно и серых личинок. Без них спецназовцы начинали чувствовать себя, мягко говоря, неудобно.

Неадекватно команда загонщиков начала себя вести после третьего приема личинок тинь. Пропал сон. Все спецназовцы начали слышать голоса.

Во время допроса пленник не успел или не захотел поведать о побочном эффекте от применения чудо-стимулятора. Принимать его можно было лишь в экстренных случаях, делая перерыв на несколько дней. Иначе не избежать слуховых галлюцинаций, а потом и ярких видений наяву. Дозировка проста: личинку бросали в котелок с водой на десять минут. Дольше варить не стоило — концентрация стимулятора становилась опасной для человеческой психики. Первый симптом передозировки — в голове начинал звучать голос. Женский голос.

Попав в воду, тинь сразу начинала выделять внутренний секрет. Жидкость на глазах окрашивалась в синий цвет. Первый признак того, что походное пойло готово к употреблению. Котелка за глаза хватало на несколько человек. Несколько глотков — и вперед. Про усталость и сон можно забыть на несколько суток. Злоупотреблять зельем было нельзя ни в коем случае. Обо всем этом пленник не рассказал. А может, не спросили? Или попросту пропустили мимо ушей. У партизана была сломана челюсть в нескольких местах. Говорил он невнятно, проглатывая окончания слов. В джунглях все спешат, чтобы остаться в живых: насекомые, пресмыкающиеся, звери. Люди не были исключением.

Лейтенант перестал удивляться голосу, прочно обосновавшемуся у него в голове. Райх быстро привык к нему и списывал его появление на стрессовую обстановку и последствия контузии. Потом все пройдет. Вот разберутся они с повстанцами, и все пройдет, встанет на свои места. Потом, все потом. Пока жив хоть один повстанец, покоя не будет. В этом молодой офицер был твердо уверен.

Скоро он сделал новое открытие. Голос слышал не он один.

Вскоре они наткнулись на небольшую партизанскую базу. Даже не базу, а так, перевалочный лагерь, где можно было обзавестись едой и боеприпасами. Несколько палаток, затянутых маскировочной сетью, чтобы не заметили с воздуха.

Единственного часового обнаружил и бесшумно снял бортстрелок. Попросту заколол копьем. Он любовно вытесал его из длинной жерди, пояснив:

— Пулемет иногда клинит. Перекашивает ленту! А мне нужно безотказное оружие, что всегда под рукой. Мне так посоветовала теща.

Темнота плотно обступала со всех сторон. В неверном свете звезд скорей угадывались, чем виделись призрачные силуэты солдат, подкрадывавшихся к лагерю.

До разведчиков доносились неразборчивые обрывки разговоров. Характерные щелчки свидетельствовали о том, что кто-то снаряжает магазин патронами. Спецназовцы не спеша окружали лагерь партизан, готовясь к стремительной атаке. Работа привычная, ничего нового.

Но все могло сложиться по-другому. Они не заметили колониста в «секрете». Проморгали. На их счастье, колонист сам выдал себя.

Часовой шевельнулся, меняя позу. От того, что он долго неподвижно стоял, прислонившись к дереву, затекла спина. Под его ногой хрустнула ветка. Летчик оказался к ночному стражу ближе всех. Стрелять было нельзя. Нож висел на ремне неудобно, прикрытый прикладом пулемета. Бортстрелок ударил копьем почти наугад, ориентируясь на звук. Копье вошло в бок часовому, почти пронзив туловище насквозь. Острие пробило оба легких. Часовой силился крикнуть, чтобы предупредить товарищей, но губы лишь выдували кровавые пузыри.

Вынырнувший из темноты сержант подхватил колониста и, зажав рот ладонью, бережно, словно ребенка, уложил на землю. Без звука. Ни шума, ни пыли.

Обернувшись, заместитель командира группы одобрительно ткнул летчика кулаком в бок. Неплохо для новичка в джунглях. Очень неплохо. Так держать!

До этого бортстрелок мог похвастаться лишь десятками тысяч патронов, выпущенных по джунглям с заоблачной высоты. Он вел огонь, ориентируясь по данным датчиков тепловизора, подвешенных под днищем и на крыльях азробота. Мельтешение оранжевых пятен на экране, расчерченном сеткой координат, могло означать в равной степени как человека, так и крупное животное. Сверху не видно, по кому стреляешь. Профилактический огонь по джунглям носил скорее психологический характер и на общий расклад сражения повлиять не мог.

Форма солдат Содружества была пропитана спецсоставом и отметок на тепловизоре не давала. Вопросы с определением «свой — чужой» перед летчиками не стояло. Есть засечка, огонь!

Сейчас бортстрелок, упершись ногой в труп, дергал на себя древко. Наконец копье поддалось и, противно хлопнув, вышло из тела.

Тем временем спецназовцы, рассыпавшись волчьей стаей, окружали партизан. Замкнув кольцо, они синхронно двинулись вперед, выбирая цели так, чтобы не мешать соседу. Никто не должен был вырваться живым за смыкавшийся круг.

Через несколько минут все было кончено. Ни один повстанец не ушел.

Спящих в палатках партизан втихую прирезали. В темноте чуть не вышла досадная накладка. Четыре человека спали отдельно, в прочном загоне из веток толщиной в руку. Оказалось, что свои. Они попали в плен после разгрома тыловой колонны из нескольких машин. Везли продукты и топливо, очутились в клетке. Приехали, называется.

Пустить в расход или обменять невезучих тыловиков не успели. Разведчики оказались и здесь первыми.

— Смотрите-ка, они не прикончили пленных и даже не пытали, — произнес сержант, сбивая прикладом замок с клетки. Получилось с первого удара.

— Наверное, это значит, что они тоже люди, — заметил лейтенант.

Слово «сарказм» не входило в словарный запас его заместителя.

— Возможно, но им, похоже, доставляет удовольствие звериная жизнь в лесу.

— Как и нам, — буркнул Райх. Излишняя болтливость подчиненного начинала его слегка раздражать.

Пока остальные шарили в палатках и по лагерю, Асмус переговорил с одним из пленных. Рослый малый с бегаящими глазами оказался водителем топливозовоза. Успел выпрыгнуть раньше, чем тот полыхнул гигантским факелом. От него до сих пор пахло гарью.

Топливозовозы были мощными четырехосными грузовиками. Вытянутые баллоны цистерн закрывали от пуль и осколков защитные экраны. Иллюзорная преграда для чего-либо более крупнокалиберного. При любом нападении на армейские колонны наливники подбивали первыми. Из-за противопульных щитов четырехосные машины напоминали формой вытянутые гробы на колесах. Темно-зеленая окраска только усиливала мрачное сходство. За водителями этих катафалков сразу же закрепилось прозвище «зажигалки».

В ответ на вопрос, где они угодили в засаду, водитель ткнул грязным пальцем в подсвеченную рассеянным синим светом карту на командирском планшете. Такой свет через пару метров уже практически не виден, и его легко спутать с гнилушкой или светлячком.

— Северо-восточнее поселка лесозаготовителей. Там еще старый карьер рядом. — Водила шмыгнул носом и пояснил: — Руду добывали. Кажись, из домов на окраине по нам стреляли. Точно не помню.

Глаза его перестали шнырять по сторонам. Он шагнул к перевернутому столу и что-то подобрал с земляного пола. «Что-то» оказалось начатой пачкой галет в зеленой упаковке из армейского пайка. Похоже, спецназовцы и партизаны питались из одного котла.

Жадно, давясь, он захрустел галетами, глотая куски, почти не разжевывая. Оголодал. Пленных кормили скудно. А возможно, и не кормили вовсе? К чему переводить еду на врага. Их никто не звал к себе в гости на эту планету.

Откинув полог, в палатку заглянул сержант, заместитель командира группы. Правая рука офицера. Спецназовцы переглянулись. Командир указал глазами на водителя. Тот уже вытряхивал на ладонь крошки, заглядывая в хрустящий пакетик. Они начинали понимать друг друга без слов.

Сержант снял с пояса кожаный мешочек и протянул оголодавшему бедолаге.

— На, пожуй, местный деликатес.

Путаясь в самодельных завязках горловины, водитель развязал мешочек и одним махом высыпал его содержимое в рот. Проглотил, скривившемуся от горечи, протянули фляжку с водой. Запить. Сами охотники уже свыклись с постоянным горьковатым привкусом во рту. По лицу «зажигалки» пробежала судорога. Казалось, его сейчас вывернет наизнанку прямо в палатке. Хотя какая разница. Они не собирались задерживаться в лагере.

У командира появилась новая цель — поселок лесозаготовителей. Они тут шарят по лесу в поисках повстанцев, а враг спокойно засел в уютных домиках поселка. Днем он добропорядочный колонист, горячо поддерживающий Содружество. Ночью достал оружие

из захоронки и бьет в спину. Змеиное гнездо прямо под носом, а его никто в упор не видит. Выжечь каленым железом! Всех извести под корень! Примерно такие мысли сменяли одна другую в голове офицера.

Отряд не мог запросить поддержки главных в уничтожении поселка мятежников. Как некстати подорвался радист на mine. Хотя на войне мало что происходит кстати. Сами справимся. На руках есть козырь — фактор внезапности. Самые невыгодные шансы можно равнять в свою пользу.

Характерная черта профессионального военного — выбирать цель, руководствуясь приоритетами, вдолбленными в голову командирами. Он кладет на это собственные силы и чужие жизни. А потом убеждается, что есть задачи и поважнее.

Внезапно о себе напомнил замолчавший после боя голос.

«Убей! Убе-ей!» — прошелестело в голове.

Райх заметил, что сержант сжимает в руке длинный разделочный тесак.

«Такого у него раньше не было. Наверное, нашел в лагере. Зачем он ему?»

Командир вышел из палатки и сразу увидел зачем. Посередине лагеря, напротив входа в палатку, высилась аккуратная пирамидка из отрубленных голов. Выглянувшая из-за облаков одна из трех лун планеты робко осветила жутковатую сюрреалистическую картину.

— Ну, как? — поинтересовался из-за спины сержант. По голосу чувствовалось, что он горд собой и сделанным. — По-моему, ничего получилось. Должно впечатлить их приятелей! — Он довольно хохотнул и, подойдя к пирамиде, поправил за длинные волосы верхнюю голову. — Жаль, материала маловато. Хотелось бы сделать повыше. Помасштабнее!

— Я уже видел подобные художества.

— Да? И где он служит? — встрепенулся заместитель.

— Он уже давно умер и вообще был художником. Нарисовал картину — огромная пирамида посреди пустыни, сложенная из черепов. — К художествам подчиненного Райх отнесся равнодушно. Без эмоций. В душе после личинок словно все выгорело, превратилось в труху. — Надо будет тебе подарить коллекцию фигурок величайших военных преступников.

— Я же говорю, материала мало.

Сержант с досадой пнул любовно возведенную пирамиду. Слова офицера о том, что его опередили, неприятно задела самолюбие. Он с силой воткнул тесак в ствол ближайшего дерева. Посыпалась кора.

— Черепа — это хорошо. Откуда он столько голов в пустыне набрал?

Лейтенант проигнорировал вопрос и вкрадчиво поинтересовался:

— Сам додумался или подсказал кто? — Раньше необоснованного изуверства за сержантом не наблюдалось.

— А! — отмахнулся заместитель и как о чем-то само собой разумеющемся продолжил: — Голос приказал! — И постучал кулаком по голове. — Надоел, спасу нет. Гундит и гундит, как моя училка по географии в школе. Еще та ведьма была...

Офицер рассеянно кивнул. Значит, не один он такой... голосослышащий.

Сержант прошелся по захваченному лагерю. Все самое ценное с убитых он уже собрал. Содержимое найденных кожаных мешочков заместитель пересыпал в один и повесил на ремень. Потом передумал и переложил в подсумок, упрятав на самое дно, под запасные магазины.

Напоследок сержант прошерстил трофеи в захваченном лагере. Он нашел невскрытый контейнер с «Фобосами» — «умными» гранатами — и укладку термитных шашек. Запасливый вояка распределил дополнительный груз между всеми поровну. Не обделил и командира, проигнорировав субординацию. Никто не возражал. Куда сподручнее вести бой в населенном пункте, имея «карманную артиллерию». Свой боезапас охотники давно израсходовали. Грозди «Фобосов» подвесили с левой стороны на ремнях экипировки, чтобы удобнее было брать правой рукой в случае необходимости.

«Умная» граната — отличное многофункциональное оружие. Ее можно использовать просто как гранату, достаточно сорвать кольцо чеки. В «Фобосе» есть замедлитель — таймер времени на двадцать минут. Наилучшая особенность для подрыва или прикрытия отхода. Можно активировать липучку на боку цилиндра и прикрепить к любой поверхности. Имелся и чувствительный датчик, реагирующий на изменение объема пространства в закрытом помещении. Он реагировал на любое двигающееся существо размером больше собаки, вошедшее, например, в комнату. Датчик, засекая чужака, вызывал подрыв боеприпаса.

После взведения датчика все для «умной гранаты» становились чужими. Смертельная ловушка могла ждать жертву не больше пяти суток, потом граната, приведенная в спящий режим, взрывалась. Самоликвидация была предусмотрена для того, чтобы обезопасить своих от неприятных сюрпризов.

Использование «Фобосов» напрямую зависело от обстановки, в которую попадал ее владелец, от его фантазии и выдумки.

Распределив гранаты, заместитель командира спецгруппы собрал людей. Отряд пополнился новыми бойцами из числа бывших пленных. Сержант лично вооружил их трофейным оружием. Переодевать водителей в форму не стали. Камуфляж партизан был обильно залит кровью. Скотобойня, а не базовый лагерь. Запах мог выдать охотников. Над пирамидой из голов висела туча ночных кровососов. Ненасытная мошकारа втягивала хоботками гемоглобин, торопливо наполняя раздувавшиеся брюшки. Редко удавался такой пир. В лесу кто-то глухо рыкнул. Запах крови привлек внимание хищников покрупнее.

Разведчики в полном молчании смотрели на темный силуэт офицера. Луна вновь спряталась за облака. До рассвета было далеко. Но в джунгли, крадучись, уже пробирался свет. Ночная темнота потихоньку уступала место предутренним сумеркам. Лес наполнялся серыми смазанными тенями.

Спецназовцы замерли, превратившись в статуи. Многочасовое ожидание в засадах давно отучило их от лишних движений. Иногда им мерещилось, что их группа так далеко ушла от родной казармы, так глубоко забралась в зеленый ад джунглей, что уже никогда не найти пути на базу, что все они до скончания века так и будут скитаться среди деревьев, неся бесконечную службу.

Солдаты молча смотрели на командира, стоявшего перед ними. Он один точно знал дату возвращения и обязательно найдет путь домой. Неважно как, но найдет!

От этих мыслей в душах охотников на людей поднималась горячая волна уверенности и надежды, почти обожания.

Райх, стоя перед строем, неожиданно поймал себя на мысли:

«Странные мы люди, военные. И люди ли вообще?! Действуем как машины. Живем как машины. А механизмам без работы нельзя. Бездействие им противопоказано. Могут заржаветь...»

Сержант деликатно кашлянул. Командир вскинулся и задвинул речь:

— Враг коварен, но слаб. Мы прочесываем джунгли. За последние две недели мы накрыли восемь «точек» боевиков. Хотя командование считало, что в районе нашей ответственности их всего две. Не наша вина, что в штабе умеют считать только до двух. Все это время мы били по хвосту змеи. Пора оторвать ей голову. Мы и так знаем, что делать, — без приказов сверху! Стоящим внизу лучше видно. Все без затей, как на ладони.

Наша новая цель — поселок лесозаготовителей. Там вражеский центр, подпитывающий и координирующий действия партизан в джунглях. Двое идут головным дозором. Слева и справа по двойке боевого охранения. Новеньким не забывать «слушать лес». Выдвигаемся через девять минут. Доклад о готовности через шесть.

Сержант одобрительно кивнул. Другого он и не ожидал. «Зажигалка» потряс головой, к чему-то прислушиваясь, и сделал шаг к офицеру. Заместитель сцапал его сзади за ремень, молча развернул к себе и начал правильно подгонять по фигуре ремни чужой амуниции. Плечевые лямки перекручены, подсумки спереди, а не на попе. Водила, одним словом. Надо проверить остальных бывших пленных.

— По-моему, я кого-то слышу, — озираясь, шепотом сообщил водитель. Он послушно поворачивался из стороны в сторону, куда его вертел сержант.

— Мы все слышим. И что тебе говорят? — поинтересовался спецназовец, подгоняя застежки ремней, чтобы не натерли во время движения.

— Только два слова: «быстрее убей». Остальное не разбирать. По-моему, узнаю голос сестры. Правда, она умерла два года назад. Странно, да?

— Все в порядке. Говорят — делай! — Сержант хлопнул его по плечу, оставшись довольным внешним видом нового пополнения. — Главное — не думать. Это вредно для здоровья. Голова сразу начинает ныть. Держись рядом, «зажигалка». Не пропадешь.

Затем сержант занялся остальными, не забыв подкормить их серыми личинками. Иначе они не выдержат заданного темпа. Обуза разведчикам была не нужна. Предстояло совершить бросок и выйти к цели через сутки в расчетное время. Перед рассветом. Это самый подходящий момент к выходу на объект. Солнце еще не выползло из-за горизонта, люди крепко спят, видя сны. Особенность человеческого организма. В это время легче всего резать часовых и застать колонистов врасплох. На это и рассчитывал командир группы, собираясь напасть на поселок. Все на местах — нежатся в кроватках под одеялами. Ни за кем не надо гоняться по лесам. Намеченный план оставалось претворить в жизнь.

Летчик едва себя сдерживал. Ему хотелось рвануть вперед, не разбирая дороги. Сейчас он напоминал спринтера на старте. Сержант положил ему на плечо тяжелую ладонь и, наклонившись к уху, тихо сказал:

— Дав волю чувствам, ты не сможешь выполнить свою работу. Да и всех подведешь. Другой жизни у нас в запасе нет и не будет.

Тот послушно кивнул в ответ.

Со временем необходимость думать становится для военного обузой. Намного проще повиноваться рефлексам и приказам.

Есть перед маршем не стали, не хотелось. Вторую порцию личинок запили водой. Сержант снял с убитого полупустую флягу, наполненную местной разновидностью самогона. Перешагивая через лежавшие вповалку тела повстанцев, он подошел к офицеру и вопросительно тряхнул баклажкой: хлебом?

— Можно, — коротко разрешил Райх.

Молча посмотрев друг на друга, они выпили — за погибших, за удачу, за начало новой операции в бесконечной череде схваток.

Пара-тройка глотков — и передали другим по кругу. Отряд был собран и готов выдвигаться.

Оболочка личинок, соприкоснувшись с алкоголем, растворилась мгновенно и без остатка. Самогон стал катализатором, ускорившим реакцию. Пустые желудки мгновенно впитали органику, включив в обмен веществ организма.

— Вперед! — коротко скомандовал офицер и махнул рукой, поторапливая.

В голодных желудках урчало, в душах разгорался пожар, все полыхало и рвалось наружу. Самогон со стимулятором — это по-нашему. Держись, сонный поселок. Мы идем...

Первыми скрылись в густом кустарнике спецназовцы боевого охранения. Немного погодя следом двинулись остальные, растягиваясь редкой колонной. Сейчас солдаты жили в долг ради поставленной офицером цели. Организмы бойцов работали на износ.

Партизанская база осталась за спиной. В чащобе разнеслось далекое рычание. Джунгли жили своей ночной жизнью. Из леса донесся повторный рык.

Уже намного ближе. В кустах громко закопошились невидимые звери. Пряный запах крови тревожил и манил животных к обезлюдевшему человеческому жилью.

Из-за дерева высунулась приплюснутая морда, покрытая чешуей ороговевших пластин. Полутораметровое существо, подобие земного крокодила, безошибочно двинулось к пирамиде из человеческих голов. Запах смерти ему нравился и приятно щекотал ноздри. Следом за ним среди стволов замелькали серые тени. Из чащи появлялись все новые твари. Древнейший инстинкт подсказывал: опасности нет, а вот поживиться есть чем. После

двуногих конкурентов осталось много вкусной, еще теплой еды.

Скоро среди палаток было не протолкнуться от огромных ящериц, загребавших изогнутыми когтями землю. Самые опасные звери ушли — теперь настал их черед. Следом придут падальщики поменьше, продолжить пищевую цепочку.

...Под толстой подошвой высокого десантного ботинка хрустнула оранжевая, закрученная спиралью раковина крупного веретенообразного слизня. Слизни сплошной вереницей двигались через лесную тропу. Один из новичков припечатал ногой прямо по середине медленно колыхавшейся массы, ползущей живой лентой. Громкий хруст, казалось, разнесся по всему лесу. Сержант скривился как от зубной боли.

Райх вздрогнул, услышав хруст. Он привык, что его подчиненные работают скрытно и бесшумно, не оставляя на вражеской территории следов. Их как бы вообще не существует на этой планете. Никаких пустых оберток и банок от саморазогревающихся консервов из пайка, сломанных веток, оборванной паутины. О том, чтобы погреться у костра, не могло быть и речи. О таком можно только мечтать, и не вслух, а про себя. Новички из разгромленной колонны вели себя в лесу, как слон в посудной лавке, без намека на осторожность. Похоже, плен ничему их так и не научил.

Глухое раздражение разрасталось с каждым новым хрустом и громким шелестом формы о листву.

Асмус передал приказ по цепочке:

— Ускорить шаг! Сократить дистанцию!

Люди стремительно двигались через самые густые дебри. Сегодня слабым здесь не было места. «Накоптейлившиеся» охотники позабыли про усталость. Они без передышки отмахали восемьдесят километров с гаком. Карта говорила, что скоро они подойдут к границе леса, а там рукой подать до поселка.

К началу последнего марш-броска солдаты полностью сохраняли умственные и физические способности. Офицер был почти счастлив: бойцы не спят — служба идет. Сейчас под его командованием шагали уже практически зомби. Идеальные солдаты. Их вела вперед злая воля командира, с трудом отличавшего своих от чужих.

Кошмар, начавшийся в джунглях, стремился вырваться на оперативный простор...

Под утро добрались до края леса. Двойки маленького отряда собрались вместе. В это время года здесь светало рано. Самый нетерпеливый из освобожденных водителей дернулся вперед, намереваясь выйти из-под прикрытия деревьев. Ему не терпелось поквитаться с теми, кто уничтожил их колонну. Все были в полной уверенности, что без участия местных жителей не обошлось.

— Стоять! Дальше ни шагу! — скомандовал офицер.

Требовалось провести рекогносцировку. Оценить обстановку.

Между лесом и поселком лежало поле с высокой травой. На листьях и стеблях блестели мелкие бусинки росы. Первые насекомые уже проснулись и жужжали над бутончиками цветов.

Справа от поселка шла грунтовая дорога. На околице она делала петлю, а потом расходилась тремя колеями. Одна вела в поселок, вторая шла дальше вдоль джунглей. Третья, разбитая лесовозами, уходила в лес.

На перекрестке горбатились остовы разбитой техники. Машины, развороченные броневетки которых были покрыты рыжей окалиной, казались чужеродными пятнами на зеленом фоне травы. Цистерны взорвавшихся топливовозов распустились исполинскими цветами с лепестками из перекрученного железа.

Немного впереди, на обочине, лежала на боку сгоревшая легкобронированная машина боевого охранения. В правом борту «Раптора» чернели язвы двух кумулятивных пробоин. Судя по этим отметинам, сделанным реактивными гранатами, огонь вели именно из поселка. Люки на башне «Раптора» были закрыты. Значит, экипаж не успел выскочить из железной коробки, ставшей четырехместным гробом. Длинный тонкий ствол смотрел в сторону одиноко стоявшей на окраине водонапорной башни; вокруг ее покато́й крыши шла узкая

смотровая площадка.

Лейтенант попробовал поставить себя на место тех, кто устроил этот разгром.

Райх поднес к глазам электронный бинокль. Оптический умножитель послушно убрал расстояние, приблизив картину. Так и есть: на каменной кладке отчетливо просматривалась темная полоса. Такой след оставляет выхлоп из гранатомета.

Он оглядел поле, выискивая огневые точки партизан.

— Посмотри. — Командир передал бинокль заместителю. — В сорока метрах от холмика, слева. И ближе к нам еще одна.

Сержант посмотрел в бинокль и увидел места, оборудованные для засады. Лежали на них долго. Трава там так и не поднялась.

— Грамотно выбирали позицию, — оценил зам. — Быстро учатся, без всяких военных училищ. В самом начале чуть ли не в полный рост шли в атаку.

Лейтенант зло зыркнул на него и забрал оптику. Замечание насчет военного училища ему не понравилось.

Он разделил отряд на несколько групп.

— Вперед! Захватить и уничтожить!

Вдаваться в подробности офицер посчитал лишним. Есть враг, есть приказ. Осталось его выполнить.

«Когда видишь столько смертей вокруг, душа темнеет, а сердце черствеет. Как следствие — сокращение потерь. Не упущено драгоценное время на размышления: стрелять или нет. Этические размышления и голос совести — плохие помощники в скоротечном бою».

Боевые группы охотников с разных сторон входили в спящий поселок.

Немного запоздала группа, которую вел сержант. Она заходила в населенный пункт с противоположной стороны. В низине им преградила путь быстрая речка. Над водой стоял туман, исчезавший на глазах под первыми лучами солнца. Пришлось искать самое узкое место, чтобы зря не рисковать.

Путь надо было срезать, пройдя в опасной близости от уничтоженной колонны. Там могли остаться мины. Но сержант рассудил, что если такие и были, то после разгрома колонны их убрали. Кто станет оставлять опасные сюрпризы рядом с собственным домом?

Вблизи цистерна топливовоза походила уже не на фантастический цветок, а на исполинский искореженный череп, зиявший провалами глазниц. Исковерканное взрывом железо выдвинулось вперед нижней челюстью. Под глазницами застыли слезами потеки оплавленной брони. Череп плакал и одновременно ободряюще скалился, наблюдая за спецназовцами.

«Хороший знак», — неожиданно подумал сержант, глядя на череп.

Для остальных это была обыкновенная груда железа. Все, что осталось от мощного четырехосного топливовоза.

Он хлопнул рукой по оплавленной броне, пробурчав под нос:

— Мы вернулись, дружище. Не грусти. Не подведем.

Раньше за немногословным служакой такие странности не наблюдались. На ладони осталось рыжее пятно окалины.

Пригибаясь, бойцы неслышно двинулись дальше.

Тот, кто наносит удар первым, всегда имеет тактическое преимущество.

Они уже заняли практически весь поселок, условно поделенный на сектора по количеству групп. И тут кто-то из бывших пленных не выдержал. Накипело. С криком: «Получайте, суки!» — метнул в окно дома гранату.

Грохнул взрыв. Вслед за взрывом раздалось несколько хлопков.

Лейтенант поднял руку. Бойцы его группы замерли. Райх на слух определил, из чего стреляли. Огонь вели из универсального для города и леса оружия — дробовика. В отряде дробовиков не было. Такое хоть и автоматическое, но гладкоствольное оружие не поступало на вооружение армии. Эффективная дальность гладкостволок не превышала восьмидесяти

метров. Тактическими дробовиками вооружали полицейских. Кроме того, они были идеальным оружием самообороны. Гражданские имели право на владение дробовиками с обычными патронами. Но все знали, что достать боеприпасы со стреловидными или подкалиберными бронебойными пулями не составляет проблем. Лишь бы водились деньги. Любой рукастый мужик, не обремененный страхом перед законом, мог снарядить гильзу по собственному усмотрению, в зависимости от того, на какую дичь он собирался поохотиться: на четвероногую или какую-то другую. Дело вкуса и наклонностей.

«Бу-ум!» — грохнул еще один выстрел.

«Щелк-щелк!» — простучало на улице.

Один из водителей схватился за бок и сполз по стене, оставляя за собой красную полосу. Стреляли картечью.

Под огонь угодила группа сержанта. Разведчики уже при первом выстреле попадали, укрывшись, кто за чем смог. Огонь вели со второго этажа. На такое расстояние гранату точно не добросить.

Лейтенант, невидимый для стрелка, помахал своему заместителю. Ствол штурмовой винтовки, торчавший из-за каменного парапета, несколько раз качнулся из стороны в сторону. Охотники понимали друг друга без слов.

Райх перебежал под окнами дома, откуда велся огонь. Из-за ночной духоты они были открыты. Стрелок вел огонь из глубины дома, точно не определить, где его позиция. Бывалый «лесозаготовитель» попался, ничего не скажешь. Асмус улыбнулся уголками рта. Значит, он был прав. Не зря они сюда пришли. Не подвело чутье. Он подвигал щеками и несколько раз сложил губы трубочкой. Поднял голову ко второму этажу и неожиданно проныл высоким писклявым голосом:

— Не стреляй, дяденька. Не стреляй! Ответа не было. Как и новых выстрелов. Он добавил слезы в голос и захныкал:

— Солдат в ногу выстрелил. Больно-о-о!

— Ты кто? Что здесь делаешь, засранец? — раздался сверху густой бас.

— Да это я! Я, я! — зачастил офицер, быстро соображая. Главное — не сорваться с фальцета. — Я, как солдат увидел, сразу бросился сюда. Предупредить хотел. Ой, как боли-и-ит!..

— Дуй сюда, — покровительственно разрешил голос сверху.

На крайнем окне слева шевельнулась занавеска. Сержанту этого хватило. Длинной очередью он перечеркнул гардину. В комнате послышался короткий вскрик и звук упавшего тела.

Спецназовцы рассыпались боевыми двойками вдоль домов центральной и единственной улицы.

— Взбодри своих, сержант. Пора задать партизанам жару, — сказал лейтенант.

Заместитель командира группы коротко кивнул.

— Вы хотите, чтобы мы задали огоньку? Как прикажете. Зададим. — Он обернулся к своей группе. — Настала пора подпалить дома в нашем секторе.

Никто из водителей не двинулся с места. Тогда сержант подскочил к ближайшему дому, вынул термитную шашку и сорвал с нее чеку. Щелкнув, отскочила предохранительная скоба. Он бросил металлический цилиндр в окно.

Дом быстро превратился в пылающий костер. Порыв ветра опалил диверсантов горячим дыханием. Люди, пятась, отошли назад.

Сержант кивнул водиле, стоявшему к нему ближе всех:

— Займитесь остальными.

— Всеми?

Сержант обернулся, чтобы заорать на него, но передумал и сказал совершенно спокойно:

— Я думал, ты дурак, раз попал в плен. Сейчас вижу, что ты полный идиот, который не понимает простых команд.

— Тогда все произошло так неожиданно. Раз — и все полыхает. Прямо как сейчас!
— Выполнять! — В его хриплом басы звучал равнодушный металл приказа.
Сержант отвернулся, выискивая новую цель.
— Гранаты к бою! — дал петуха офицер и писклявым детским фальцетом скомандовал:
— О-огонь!

Солдаты начали бросать в окна гранаты. Двухэтажных домов было мало; в основном поселок был застроен одноэтажными приземистыми коробками, покрашенными в белый цвет. У одного домика от взрыва обвалилась крыша. Здания поджигали термитными палками. Жгли все, что поддавалось огню. Улицу затянуло дымом. Першило в горле.

Местные жители поначалу надеялись отсидеться в домах. Может, все обойдется. Не обошлось. Люди выскакивали из пылающих строений на улицу, попадали под перекрестный огонь и падали, скошенные пулями. В дыму становилось трудно понять, где свой, а где враг. Охотники за партизанами взялись за ножи, чтобы не попасть в товарищей.

Сержант сжимал в руке длинный разделочный нож, трофей из разгромленного партизанского отряда. Летчик прыгал по улице с окровавленным самодельным копьем и вопил во весь голос: «Добро пожаловать в лучший из миров!»

В этом хаосе Райху нельзя было ошибиться. Они еще не выполнили основной задачи — не нашли и не уничтожили врага, из-за которого была предпринята вся эта дерзкая операция.

За время боя, а точнее, побоища, они больше ни разу не услышали выстрелов чужого оружия. Может, партизаны успели уйти? Лейтенант снова и снова рыскал среди пожаров, между бойцами и носившимися полуодетыми местными жителями, рискуя получить пулю.

Из дыма выскочил мужик в майке и трусах, но с кухонным ножом в руке. На ногах были домашние тапочки со смешными пушистыми помпончиками. Он ударил зазевавшегося водителя в грудь. Лезвие вошло почти по рукоятку. Не везло сегодня «зажигалкам». Сказывалось отсутствие боевого опыта. Не дожидаясь, когда водила упадет, колонист двинулся к офицеру, по-бычьему наклонив голову.

Он держал нож лезвием вниз. Угрожающе, но дилетанта сразу видно. Таким манером только тыловики необстрелянных резать.

Райх даже не стал стрелять в набегавшего на него врага. На такого жаль тратить патроны. Лейтенант, как на образцово-показательных занятиях, сделал шаг в сторону и резко выбросил вперед винтовку, под углом снизу вверх. Ствол по самую мушку вошел под нижнюю челюсть. Провернув оружие, офицер дернул его на себя, уходя с линии атаки. Мужчина по инерции сделал еще несколько шагов и, словно наткнувшись на невидимую стену, тяжело опустился на колени в дорожную пыль. Нож так и остался в его руке. Спецназовец без замаха ударил прикладом по шее, метя в основание черепа. Громко хрустнули шейные позвонки. Враг упал ничком, уткнувшись лицом в землю. Человек был мертв, а тело продолжало жить. Ноги дергались, повинаясь последним сокращениям мышц. Тапки свалились, обнажив мозолистые ступни.

Асмус равнодушно переступил через агонизирующее тело, не желавшее умирать.

В конце улицы раздался мощный взрыв. Во все стороны полетели обломки. В горевшем здании от жара детонировали боеприпасы.

«Хорошо! Просто замечательно! — подумал командир маленького отряда. — Одной партизанской базой меньше».

Его совесть была чиста. Они не ошиблись!

С той стороны повалил особенно едкий дым, который облизывал людей, низко стелясь по земле.

— Все за мной! — крикнул Райх.

Солдаты начали стягиваться к офицеру. Задыхаясь в дыму, они уже плохо понимали, что к чему. Кругом бушевал огонь, перекидываясь с крыши на крышу.

Маленький отряд растянулся редкой колонной. Шли, держась середины улицы, в сторону, противоположную рвущимся боеприпасам. Поселок всюду полыхал.

За околицей огонь уже не мог дотянуться до охотников. Они цепью окружили горящий

поселок. Расстояние между некоторыми бойцами достигало пятидесяти метров. Но и в эту редкую сеть, поставленную профессиональными охотниками на людей, попадалась добыча.

Сержант вразвалочку подошел к офицеру.

— Я дурею от этих гражданских, — радостно оскалился в улыбке заместитель. — Всегда на это покупаются.

Он тягуче сплюнул и с чувством добавил:

— Слабаки! Против нас кишка у них тонка.

— Не стреля-а-ай, — проныл, почти проплакал Райх писклявым детским голосом и подмигнул последнему из оставшихся в живых водителей топливо воев.

Тот оторопело смотрел на своего нового командира.

Внешний вид высокого широкоплечего человека с холодными немигающими глазами не вязался с детским жалобным голосом, доносившимся из луженой офицерской глотки. Не верилось, что его голосовые связки могут издавать что-то, кроме рубленых коротких команд и четких приказов.

Из горящих домов с криками ужаса продолжали выбегать полуодетые люди. Огонь гнал их из-под защиты родимых стен. Они выскакивали из огня, чтобы напороться на огонь спецгруппы. Местных били одиночными выстрелами в упор. Иногда раздавался треск короткой очереди. Охотники на людей с головой окунулись в привычную стихию разрушения и выныривать, похоже, не собирались.

Поселок лесозаготовителей горел. Живых в нем больше не было, только обугливались трупы, большие и маленькие.

Вдали, на дороге, появилось небольшое облачко. Вскоре донесся еле различимый басовитый гул.

В сторону пепелища, еще недавно бывшего поселком колонистов, пылила армейская колонна. Бронированной змейкой извивалась техника. Пыль поднимали боевые машины огневого прикрытия на воздушной подушке. В центре сыто урчали двигатели гусеничных транспортеров с тяжелой пехотой.

Недавно здесь разгромили тыловую колонну обеспечения. Сожгли несколько бензовоев. Командование теперь не рисковало перебрасывать людей и материальные средства без мощного прикрытия. А еще месяц назад этот район был отмечен как спокойный, не попавший в зону действия партизан.

Лейтенант свернул оцепление и собрал всех подчиненных. Колонну встретили на перекрестке.

Не доезжая метров тридцати, головная машина боевого охранения остановилась. Двигатель гудел, работая на малых оборотах. Низкая башенка с тридцатимиллиметровым стволом автоматического орудия лениво сдвинулась в сторону. Казалось, стальное животное принохивается исполинским хоботом к жалкой кучке людишек, вышедших ему навстречу. Одна очередь осколочными снарядами — и от отряда не останется ничего.

Из-под надежной брони никто не спешил к ним с распростертыми руками. Мало ли кто расхаживает в камуфляже по дорогам. Догоравший поселок тоже не внушал доверия. Кто и зачем устроил эту заварушку? Вопросов больше, чем ответов.

Командир группы развел руки в стороны, показывая, что они пусты, и двинулся навстречу замершей бронемашине.

Зрачок ствола манил и притягивал взгляд. Черный тридцатимиллиметровый бездонный провал, в свою очередь, приглядывался к человеку, стараясь заглянуть в душу. Райх тряхнул головой, прогоняя наваждение. Женский голос в голове молчал.

Не доходя нескольких метров, офицер остановился.

В борту с лязгом открылся люк. Из него выпрыгнул на дорогу человек в черно-сером маскировочном комбинезоне.

— Здорово, — настороженно сказал он.

— Здорово, — эхом отозвался командир охотников.

— Ваша работа? — указал на дымящееся пепелище незнакомый военный. Он так и не

удосужился представиться.

— Наша, — подтвердил лейтенант. — База партизан. Была. Район от противника зачищен.

— Управление специальных операций?

— Временно переведены в оперативное подчинение командования группировки, — доложил Райх. — Подтверждаю полномочия. Мой личный номер ВП-053680.

— Это все?

— Все. Для проверки достаточно.

— Так вы откуда? — Офицер из колонны, не отрываясь, смотрел за спину Райху, где продолжило дымить пепелище.

Асмус показал рукой на зеленую стену джунглей.

Спецназовцев распределили по стальным коробочкам, по два-три человека на машину. В тесных десантных отсеках потеснились, принимая пополнение. Летчик наотрез отказался расставаться со своим копьем. Он ни за что не хотел выпускать заостренное древко из рук. Летун, привыкший к высоким технологиям, которыми был напичкан под завязку его аэробот, успел за несколько дней сродниться с самодельным копьем. И даже стал считать его чем-то вроде талисмана.

Ему объяснили, что как только доберутся до базы, так сразу вернут драгоценную вещь. Поколебавшись, он неохотно согласился. Жердь с заостренным концом, черным от засохшей крови, закрепили на броне, поверх ящиков с «зипами». В тесном отсеке летчика усадили между двумя тяжелыми пехотинцами, увешанными оружием. Поерзав на жесткой скамейке, он вроде бы успокоился.

С остальными было проще. Команда охотников беспрекословно выполняла команды. Прикажут выпрыгнуть с десятого этажа — выпрыгнут, не задумываясь. Раз так говорит командир, значит, так надо. Значит, там победа.

Вскоре колонна запыхала дальше. Техника в пятнистых разводах маскировочной окраски объезжала мертвый поселок. Точнее, выжженный участок земли с не прогоревшими до конца головешками. Это было все, что осталось от зданий.

Когда человеческая жизнь внезапно прерывается, начинает казаться, что ее никогда и не было. На месте колонны громоздились искореженные остовы техники. Там, где был поселок лесозаготовителей, дымилось пепелище. Единственное напоминание о том, что здесь жили люди.

Уползавшую колонну провожали два внимательных глаза. Еще немного — и техника исчезнет из поля зрения. Через километр дорога делала петлю и скрывалась за деревьями. Язык леса клином вдавался в поле. Люди не успели вырубить все лесные великаны, оставив этот участок на потом. Еще немного — и от колонны останется только оседающее на землю облако пыли и запах выхлопных газов от отработанного топлива. Глухо рокотнул двигатель. На прощание. Сизое облако выхлопа медленно расплывалось в воздухе, истончаясь на глазах.

О том, что здесь еще недавно были люди, напоминала легкая дрожь земли. Когда вибрация стихла, над травой поднялись глаза на отростках-ложноножках. Они медленно ворочались из стороны в сторону, давая почти круговой обзор их владельцу. Все это время за военными наблюдало животное — местная разновидность змеи-хамелеона. В борьбе за выживание эволюция наградила это пресмыкающееся выдвигающимися, как у улитки, глазами. Природный апгрейд и способность менять окраску помогали ему оставаться незамеченным и в то же время спокойно наблюдать за всем, что могло представлять опасность.

Люди ушли. Остался запах. И дорога, разбитая траками бронемашин. Запах гари был неприятен и щекотал ноздри. Змея-хамелеон инстинктивно понимала, что нужно как можно скорее убираться отсюда. Присутствие человека и его стальных слуг — машин всегда сопровождается чем-то неприятным для всего живого на этой планете.

Змея, не мешкая, переползла дорогу, стремительно меняя окраску тела под цвет грунта.

Глазки стремительно втягивались при малейшем шорохе, непрерывно осматривая все вокруг. Вскоре извивающееся тело скрылось в траве. На другой стороне изуродованной дороги оно сразу стало зеленым. Лишь вздрагивающие кончики стебельков указывали направление движения. Пресмыкающееся спешило поскорее убраться обратно в джунгли. Там легче затеряться в переплетении лиан и в буреломе...

Миновав трехлучье, колонна увеличила скорость. Дорога, разбитая мощными лесовозами колонистов, изобиловала рытвинами и ухабами. О нормальной езде на ближайшие два десятка километров пути до конечной точки маршрута можно было забыть. Бронемашины, покрытые пылью по перископ командирской башенки, то взлетали носом к небесам, то проваливались в бездну. Нередко они опасно кренились в особенно глубоких рытвинах. Люди в тесных десантных отсеках изо всех сил цеплялись за центральный поручень, чтобы не слететь с неудобных металлических скамеек. Под конец пути двигатели уже не натужно ревели, а, казалось, бормотали что-то заплетающимися языками.

Командир разведгруппы, приткнувшийся в углу железной коробки, неожиданно уснул. Впервые за десять дней.

Вереница причудливых сновидений побежала перед глазами, превращаясь в калейдоскоп. Офицеру снился не то кадетский корпус, не то казармы военного училища. Знакомые люди сплошь в военных мундирах спрашивали, когда же он наконец встретится с ними. Некоторые, это лейтенант знал точно, уже не числились в списках живых: погибли или пропали без вести. Не каждый военный может рассчитывать на персональную могилку с лаконичным текстом на надгробии. Кому как повезет. Потом Райх оказался в заснеженных скалах. Откуда-то появились люди в черно-белом горном камуфляже и с альпийским снаряжением. Они торопливо лезли вверх по кручам. Кто это, разведчик не знал, но сам оказался вместе с ними. Он взял в руки ледоруб и со всей силы вогнал его острый клюв в снег. Надо было постараться не отстать от ловких черно-белых фигурок. Лейтенант понял, что вместе с ними он должен захватить горный перевал и стремительной атакой сбить врага с господствующей высоты. Только вперед! Любой ценой!

Прямо перед своим лицом разведчик снова увидел черное орудийное жерло бронемашины боевого охранения. Сердце тоскливо екнуло, неприятно засосало под ложечкой. В ту же секунду в небе неожиданно появилась громадная летучая мышь, безостановочно нарезая круги. Ее тень размазанным пятном лихорадочно носилась по земле. Внезапно она стремительно спикировала и плавно опустилась на обломок скалы. И тут он увидел, что это не летучая мышь, а генерал Фогель, начальник кадетского корпуса. Генерал откашлялся и хриплым голосом вкрадчиво осведомился:

— Мала-адой человек, разве я вас этому учил? Смотрю, вы неплохо потрудились за последние дни. — В каждом слове звучал укор.

— Человек должен иметь мужество принимать мир таким, какой он есть. Каждый должен сам сделать свой выбор. Слабым нет места под солнцем. Останутся только сильные. Сильные духом. Тот, кто помогает противнику, сам становится нашим врагом, — на одном дыхании выпалил Райх. Он даже во сне робел перед начальником кадетского корпуса.

— Юноша, а вам не кажется, что бездумное выполнение приказа сродни преступлению? — Фогель говорил тихо, почти не разжимая губ.

Лейтенант почувствовал себя неудобно. Слова бывшего начальника вызвали глухое раздражение. Он не любил противоречий. По его шкале ценностей все было ясно и понятно. Живой враг — плохо, мертвый — хорошо. Все предельно просто, без всяких заморочек, которые можно по-разному толковать. Не найдя, как подостойнее возразить, он ответил строкой из детского стихотворения, неожиданно пришедшего на ум:

— Я не боюсь тебя, злодей. Моя душа чиста, как ясный день.

Старый генерал покачал головой:

— Прискорбно! В придачу ко всему, чувство юмора не пострадало, а это плохой знак.

— Они не знают, что такое долг!

— Но ты-то, надеюсь, понимаешь значение этого слова, не так ли?..

Асмус угрюмо молчал. Старик совсем запутал его вопросами.

— Налицо проблемы с душой — это минус. Но зато в стрельбе, рукопашной схватке и скрытном перемещении на местности тебя трудно превзойти — плюс. — Складывалось впечатление, что старик разговаривает сам с собой. — Если не делать добрых дел, душа потихоньку засыпает. Чем глубже и дольше сон, тем труднее проснуться.

Ни звание, ни власть, ни офицерский денежный оклад с высоким коэффициентом надбавок за участие в боевых действиях не были для Райха решающими мотиваторами в службе. Ему нравился сам процесс. Процесс лишения жизни других людей. При этом он не был ни садистом, ни маньяком. Правда, в этом лейтенант никогда и никому бы не признался. Даже самому себе. Что бы человек ни делал, он все может оправдать. Регулярно проводимые психотесты быстро выявят любое патологическое отклонение от нормы. Еще у него было особое интуитивное понимание воинского долга. Какое? Он и сам не смог бы толком объяснить.

На гражданке он давно попал бы в тюрьму на долгий срок. И это в лучшем случае. Здесь же, в армии, все наоборот: награды, почет и уважение. Асмус окончил военное училище всего два года назад, а на плечах уже три ромбика. Звание лейтенант первого класса он получил досрочно. Молодой офицер успел повидать на своем коротком веку столько грязи и ужасов, что хватило бы на взвод ветеранов. Но службой в спецвойсках он был доволен. Война стала для него родной стихией, в которой он чувствовал себя комфортно. Райх был рожден для войны. Не каждый человек может похвастаться, что он находится на своем месте в жизни, нашел дело по душе. Уж кто, как не старый генерал, должен был его понимать?

Фогель хотел что-то добавить, но закашлялся. Он замахал руками, превратившимися в перепончатые крылья. И без разбега взлетел в небо.

«Даже не попрощался. Ну и ладно! Хорошо еще, что не обозвал дураком», — с обидой подумал лейтенант и проснулся.

Было тихо, двигатели не ревели. Бронетранспортер стоял неподвижно. Колонна прибыла на место. Динамик в десантном отсеке прохрипел команду:

— Все из машин!

Можно было вылезать. Их встречали...

* * *

Поначалу отчету командира разведывательно-диверсионной группы лейтенанта первого класса Райха не поверили. Но в армейском управлении специальных операций все подлежало перекрестной проверке. Получив данные от других разведчиков, командование возликовало. Район, где действовали охотники, напоминал одно огромное кладбище. Задание было многократно перевыполнено. Масштаб действий одной группы впечатлял.

Без посторонней помощи спецназ был не в состоянии устроить подобный марафон смерти. Медики в один голос твердили, что при таких запредельных нагрузках у человека снижается способность воевать и убивать, а главное, принимать оптимальные решения.

На резню, учиненную в поселке, закрыли глаза. Победа оправдывает средства. Действия горстки солдат были выше всяческих похвал.

Штабные офицеры — похитители чужих побед — в этот раз ни на что не претендовали. Хотя обычно бывало иначе. Если операция проходит без сучка и задоринки, значит, она прекрасно спланирована оперативным отделом штаба. Чуть что не так, виноваты тупые солдафоны-исполнители, безответственно отошедшие от тщательно продуманного плана боевого задания.

Старшее командование кровавых подробностей знать не хотело. Вдаваться в мелочи — это ниже генеральского достоинства.

«Молодцы, парни! Все бы так воевали, давно разобрались бы с этой сраной планеткой!»

Им говорили добрые слова, обещали что-то дать, к чему-то представить. За спасение летчиков со сбитого аэробота. За уничтожение лагерей и баз повстанцев. За освобождение пленных из разгромленной колонны. А им хотелось нормально выспаться и не видеть снов, в которых снова и снова оживали картины боев.

На спецназовцев было страшно смотреть: худые, как скелеты, с заострившимися носами и черными кругами под глазами. Форма болталась на них, как на вешалках. Все поголовно не могли спать до тех пор, пока медики не вкололи им лошадиную дозу релаксантов.

А потом начались допросы...

На этих перекрестных допросах члены спецгруппы упорно не признавали своей вины. В сотый, а может, в двухсотый раз утверждали, что не уничтожали мирных жителей, а сражались с повстанцами. По ним вели огонь и пытались убить, но они первыми убили всех. Военные следователи сделали вывод, что у парней не все в порядке с головой после затяжных боев в джунглях. Обследование показало, что психически бойцы здоровы. Почти здоровы. «Почти», потому что все без исключения периодически слышали женские голоса.

Командир разведывательно-диверсионной группы хлопал глазами, силясь понять, что от него хотят. Разве он сделал что-то неправильно? Враг уничтожен! Район зачищен! Потом Райх попытался задушить следователя. Впоследствии офицер долго извинялся, оправдывая вспышку гнева:

— Мне так сказал голос. Проще сделать, как она говорит, а то не отвяжется.

Его боевой заместитель без долгих разговоров послал всех куда подальше. Общаться согласился только после того, как ему принесли распечатанную на принтере картину давно позабытого художника седой древности Верещагина «Апофеоз войны». Он долго вздыхал, рассматривая цветную репродукцию, где груда черепов с кружащими над ней воронами громоздилась посреди выжженной солнцем пустыни.

— Обскакал меня, зараза, — поделился он со следователем сокровенным. — Но здесь нет правды жизни.

— О чем это вы? — вкрадчиво поинтересовался военный дознаватель.

— Откуда в пустыне вороны, это же лесные птицы! — тыкая пальцем в картину, завизжал сержант. — Гнусная ложь! Я был первым! Я-а-а!

На этом короткий диалог с заместителем командира спецгруппы закончился. Он замкнулся в себе и не собирался отвечать на вопросы даже старших по званию. Вопиющее нарушение субординации для старого служаки.

Сержанта поместили в палату повышенной комфортности. Стены и потолок были обиты термопластом. Мягкий и прозрачный материал идеально гасил звуки и не позволял пациентам нанести себе увечье. Пятнистый камуфляж полевой формы заменили на белый балахон с магнитными петлями на поясе, обшлагах и штанах. Одетые в такую одежду при внезапном впадении в буйство фиксировались санитарами при помощи дистанционного брелока. Чтобы обездвижить по рукам и ногам, не приходилось даже входить в палату.

В последнее время вспышки гнева все чаще и чаще случались с заместителем разведгруппы. Хотя это в джунглях он был сержантом и членом самой результативной боевой команды. В госпитале он, по словам врачей, надолго прописался на втором этаже в отдельной палате. На втором этаже неврологического отделения госпиталя размещали и лечили самых буйных.

В палату, отделанную термопластом, он попал на следующий день после того, как ему показали репродукцию древнего художника. Он начал заговариваться. Навязчивая мысль была одна.

— Надо достроить пирамиду из черепов. — Охотник за партизанами ткнул пальцем в низкий потолок. — Ее вершина будет прятаться в облаках.

— Успокойтесь, голубчик. Все будет хорошо. Может, что-нибудь другое попробуем построить? Более нужное людям? Давайте попробуем вместе. А? — ласково предложил лечащий врач. Спятивший спецназовец оказался интересным пациентом. Настолько

интересным, что невропатолог и предположить не мог.

— Вместе? Да, вместе, — неожиданно легко согласился сержант. — Давай!

Боец резко перегнулся через стол и попытался ухватить врача за голову.

Классический захват за шею не получился. Несмотря на спецподготовку разведчика, военный медик тоже был не лыком шит. Вкрадчивый голос, как и быстрая реакция, атрибут психиатра. Неуловимым движением врач соскользнул со стула под стол и броском ушел в сторону.

Пока специалист по строительству пирамид заглядывал под стол, слуга Гиппократы неожиданно быстро на четвереньках выскочил в коридор, успев захлопнуть за собой дверь. После этого случая и состоялось принудительное переодевание сержанта в больничную одежду с магнитными фиксаторами...

С остальными спецназовцами дела обстояли ненамного лучше. Солдат признали инвалидами войны и отправили лечиться на другую планету, от греха подальше. Уничтожение поселка лесозаготовителей официально списали на зверства партизан, вконец озверевших в джунглях. Тем более что правду рассказать было некому. Никаких скелетов в шкафу, все очень по-армейски: деликатно и просто.

* * *

Оставшиеся у спецназовцев серые личинки кузнечика тинь передали в лаборатории Консорциума, работающие по контракту на армию. Полученное из них вещество вскоре научились синтезировать. Точный механизм действия полученного препарата и возможные побочные эффекты остались неизвестны. Согласно экспериментальным данным, передозировка у подопытных добровольцев могла вызвать немотивированную агрессию и повышенную нервозность. Некоторые начинали слышать голоса. Исключительно женские.

Препарат получил официальное название «продукт Д-30», неофициальное — «ведьмин голос».

Поначалу экспериментировали с грызунами. Хомячки дохли с воинственным визгом, пытаясь на последнем издыхании перегрызть прутья клетки. Концентрацию изменили пропорционально массе тела и перешли к опытам на обезьянах. Это был более дорогой экспериментальный материал, но опыты продолжались полным ходом. График работ срыву не подлежал.

Тщательный анализ химического состава зародышей прямокрылых насекомых выявил, что за уникальные вещества они в себе содержат. Синтезировать экстракт, порошок коричневого цвета, не составило труда. Полевые клинические испытания решили провести в подразделениях, действующих в боевой обстановке. «Продукт Д-30» стоило проверить в деле.

Опробовать новинку разрешили в подразделениях, ведущих военные действия на другой планете. У армейцев свои представления о морали. Кто может их судить? Только те, кто никогда не воевал. Химия широко раздвинула рамки человеческих возможностей. Зачем отказываться от такого подарка?

Для снижения концентрации и ослабления побочных эффектов чудо-экстракт добавили в армейский паек. Лучше всего «ведьмин голос» смешивался с шоколадом. Женщинам нравится сладкое.

Волшебные шоколадные батончики в скромной зеленой упаковке начали потоком сходить с конвейеров Консорциума. Армейские склады пополнились сладкой новинкой. Так «продукт Д-30» стал опытным армейским стимулятором.

«Ведьмин голос» на все сто процентов должен был оправдать возлагаемые на него надежды.

Технические службы Консорциума решили в благородном порыве помочь химикам справиться с побочными эффектами. У них была давно разработана установка — генератор ультразвуковых волн для разгона демонстрантов в городе. Прибор теоретически мог

подавлять вспышки агрессии и ненависти. Он был опробован на обезьянах. Их били электрическим током. После таких разрядов животные впадали в бешенство и начинали метаться по вольеру. Но через несколько секунд после облучения ультразвуком приматы впадали в меланхолическое состояние, близкое к сонному ступору.

Чтобы подавить бодрящее действие «ведьминого голоса», достаточно было нажать на кнопку и направить «Нирвану», так назывался генератор волнового поля, на солдат, если те выйдут из-под контроля.

Умение техников, создавших «Нирвану», вызывало восхищение. Но лучше бы они этого не делали.

Лабораторные испытания на обезьянах показали хорошие результаты. Биологически обезьяны во многом похожи на людей. Всего несколько хромосом разницы. Впоследствии какая-то из этих хромосом и сыграла злую шутку.

Испытания «продукта Д-30» решили провести в небольшом городке. Колонисты в свое время сделали из него укрепленный неприступный узел обороны. Город-крепость строился, когда колонисты воевали друг с другом за планету. Они уже давно помирились и теперь показывали кукиш Объединенному правительству.

Военные могли смахнуть город с лица планеты одним звеном штурмовых аэроботов. Но его приберегли для эксперимента. Требования полевых испытаний были таковы: десантники действуют без огневой поддержки с воздуха, бронетехники и тяжелой артиллерии. По условиям, они могли воевать только тем оружием, что взяли с собой. Надо учиться действовать в отрыве от основных сил.

Городок приютился над скальным отвесом у моря. Аккуратные домики отступали в глубь берега под защиту многометровой стены.

Атаковать должны были двумя группами. Первая, состоявшая из бойцов, прошедших горную подготовку, должна была высадиться с моря, захватить главные здания и удерживать их до прихода второй, основной, группы. Второй отряд выбрасывали тактическим десантом на суше, вдали от берега. По замыслу стратегов, солдаты должны были совершить многокилометровый марш-бросок по пересеченной местности, присоединиться к товарищам и полностью захватить город, подавляя любое сопротивление.

...Операция началась на рассвете и закончилась в то же время суток.

Десант, высадившийся с моря, про альпинистское снаряжение даже не вспомнил. Двойная порция батончиков с адской начинкой уже начала действовать. После штурмовой шоколадки скалы казались бугорками на лужайке, а прибрежные воды — не глубже лужи во дворе. Сейчас для солдат не было преград.

Хватаясь руками за каменные выступы, пучки травы, ветки чахлого кустарника, кое-где растущего в трещинах скального обрыва, десантники, высаженные со стороны моря, взобрались наверх. Штурмовики быстро осмотрелись. Прямо перед ними стояли аккуратные домики с окнами-бойницами. Стремительным броском городок был захвачен. Невидимые снизу наблюдатели, разместившиеся на борту аэробота, зависшего под облаками, радостно потирали руки. Все шло лучше, чем предполагали. Колонисты, взявшие в руки оружие, смотрелись на фоне «взбодрившихся» десантников бледно. Так дворовая шпана выглядит в сравнении с серийным маньяком. Зачистка города прошла так же стремительно, как подъем по горным кручам.

Вскоре показалась колонна солдат, отмахавшая по пересеченной местности многокилометровую дистанцию. Казалось, что все идет просто замечательно.

Для всех стало полной неожиданностью, когда по второму отряду открыли шквальный огонь. Стреляли бойцы, первыми ворвавшиеся в город. Огонь по своим нанес ощутимые потери. Но колонна ни на минуту не остановилась. Солдаты на ходу перестраивались в штурмовые порядки. Не пригибаясь, они в полный рост шли в атаку на городок. После десерта необстрелянные новобранцы рвались в рукопашную, обгоняя ветеранов.

Воздушные наблюдатели недоумевали. У них что, крыша съехала?

Так оно и было на самом деле.

Пришло время утихомирить разбушевавшихся солдат. На аэроботе включили «Нирвану» и пошли на снижение. Облученные «Нирваной» солдаты окончательно озверели. Они уже не отличали своих от чужих. Враг был повсюду. Сегодня пленных не брали.

Внизу развернулось братоубийственное побоище. На улицах городка доблестные солдаты Содружества кромсали друг друга. Местных жителей не видно было вообще.

Эксперимент над человеческим организмом вышел из-под контроля. Перепуганный человеческий мозг оказался мстительным и злопамятным. Чтобы выжить, он принялся уничтожать себе подобных.

Соревнование между возможностями Консорциума и ресурсами человеческого организма никто не выиграл. Проект под кодовым названием «Продукт Д-30» закрыли. Войска Содружества продолжали пользоваться старым проверенным аэрозолем. Стимулятору было далеко до «ведьминого голоса», но у него не было такого разрушительного побочного эффекта.

* * *

Лейтенанта первого класса Райха, командира группы специального назначения, «зачистившей» большой район джунглей и спалившей дотла поселок лесозаготовителей со всеми жителями, допрашивать начали уже в госпитале, сразу после интенсивного курса дезинтоксикации.

...Военный с майорскими погонами остановился у двери палаты, в которой лежал офицер. Сержант, охранявший больного, внимательно проверил документы, несмотря на разницу в званиях. Только после этого он провел по панели сенсора карточкой магнитного ключа, разблокировав электронный замок двери. И у сержанта, и у майора на левой стороне мундира блестели черно-белые эмалированные прямоугольники со щитом и мечом в центре — нагрудный знак военной полиции.

Высокое начальство не знало, что делать с боевым офицером. Сначала собирались наградить Райха орденом «Щит Содружества» 2-й степени. Трудно подсчитать, сколько партизан уничтожила спецгруппа под его командованием. Потом медалью «За спасение погибавших». Как ни крути, спецназовцы спасли экипаж сбитого аэробота. Все карты смешала мясорубка в поселке лесозаготовителей.

Как на грех, в межпланетную информсеть просочились данные о резне в поселке. Информация, как и вода, всегда «найдет щель». Кто допустил утечку, пока не знали. Если выразаться на профессиональном жаргоне, их слили. Причем слили одновременно в самые крупные информагентства, отличавшиеся нелояльностью к политике Содружества. Факт, что постарались свои. Вопрос: зачем? В армии всегда старались не выносить сор из избы.

Утечку информации допустил кто-то из спецслужб. Только они могли быть в курсе изуверских игрищ армейских коллег. Слишком дружно откликнулись репортеры. Служебное расследование по этому поводу быстро зашло в тупик. Козлом отпущения решили назначить лейтенанта. Все это было не случайно.

Майор умел быстро сопоставлять и анализировать факты. Вот только его мнения по этому поводу спрашивать не собирались. А делиться нелицеприятными для начальства умозаключениями полицейский не собирался. Потом боком выйдет.

Общественность требовала расследования и крови виновных. Дело замять не удалось. Призрак образцово-показательного трибунала с вынесением смертного приговора командиру, отдавшему преступный приказ, обретал все более реальные очертания.

Официально Содружество беспристрастно стояло на страже закона, перед которым все равны. Не хватает сноровки сделать так, чтобы все было шито-крыто, — получи на полную катушку.

Майор без стука вошел в одноместную палату. Не поздоровавшись, он бесцеремонно уселся на единственный стул для посетителей напротив кровати, на которой полулежал Райх. Палата больше смахивала на комфортабельную камеру. Вместо окна — имитация,

прямоугольный голографический экран. В зависимости от настроения и желания на нем можно было менять заставку: хочешь — лазурное море, хочешь — заснеженные горы или пекло пустыни. Дело вкуса.

Сейчас экран показывал голую безжизненную равнину, уходящую за горизонт. Ни травинки, ни кустика, ни камешка. Ничего. Ровная серая поверхность, вдалеке сливающаяся с небом.

— Интересный выбор. — Посетитель не спешил сообщить, зачем он пришел.

Пациент соизволил оторвать взгляд от унылого пейзажа на экране и посмотрел на сидевшего полицейского:

— Мне нравится.

— Сами выбирали?

— Да, сам.

Какой вопрос, такой и ответ. Возникла неловкая пауза.

Следователю не нравилось порученное задание. Исход дела и так был ясен. Данное ему командованием поручение надо было начать со снятия показаний с подследственного. Потом их запротоколировать, оформить материалы и передать начальству «по команде».

Офицер военной полиции смотрел на спецназовца почти нормальными человеческими глазами. Обычно в конце допроса они становились оловянными, делая их владельца похожим на биоробота.

Пора начинать. Сперва стоило раскатать клиента. Дать толчок к началу беседы и дальше вести в выгодном для тебя русле. Следак включил диктофон-ручку, торчавшую из нагрудного кармана кителя:

— Благодарность Содружества для вас неминуема. Она следует за вами по пятам, но никак не может догнать.

— Кто бы сомневался. — Лицо диверсанта оставалось бесстрастным.

Он приготовился внимательно анализировать все, что сейчас услышит. Раньше к нему заходили только врачи. А тут пожаловал высокий чин из военной полиции. Целый майор. Лейтенант не ждал от него ничего хорошего.

— Ты взрослый мужик, со стальным характером. Боевой офицер должен быть примером! Образцом для подражания! — Следователь хотел эмоционально взвинтить себя. Надо поймать кураж, а заодно подсластить горькую пилюлю, когда разведчик узнает, что он уже подследственный. — Вместо этого ты устроил массовое побоище. От мирного поселка осталось пепелище и головешки.

— Вы! — И без всякого анализа Райх понял, куда дует ветер. В придачу «дело пахло керосином». Так в старину говорили о предстоящих неприятностях. — Я с вами на брудершafft не пил и свиней не пас, — заискивать перед держимордой офицер не собирался.

Майор поджал губы. Сложно такого образумить.

— О ваших зверствах мы поговорим отдельно.

— Когда на паромной переправе артиллерийский тягач столкнул в реку машину с эвакуируемыми беженцами, никто и пальцем не пошевелил, — сказал лейтенант. — Мои солдаты всех вытащили из воды. Всех спасли! Сержант в полной экипировке нырял под понтоны. Чуть не утонул, пока пацаненка вытаскивал. Его туда течением затянуло. Потом он лично делал искусственное дыхание. Пока не откачал.

— Ваш благородный заместитель — тема для отдельного разговора. Он такую... гм-м... пирамиду из голов нарубил! — Их беседа начала смахивать на перебранку. — Искусственное дыхание, говорите! И что это значит?

— А это значит, что мы не звери. — Спецназовец прикрыл глаза. Бессмысленные препирательства начинали выматывать. Организм не успел окончательно восстановиться после непрерывной череды боев в джунглях. — А в поселке жители, через одного, повстанцы. И не поселок мы с землей сровняли, а партизанскую базу. Другим будет урок.

Следователь начал злиться, почувствовав, что упускает инициативу:

— Поясню. Нет, лучше процитирую первоисточник. Хотя сомневаюсь, что вы его

читали. «Не мечите бисер перед зверями. Ибо они обернутся. Узрят вас...»

— «...и растерзают», — с нескрываемым ехидством закончил спецназовец. — Вы думаете, что мы дуболомы? Наизусть только уставы знаем?

Вежливое негромкое покашливание, раздавшееся в палате, стало неожиданностью для обоих любителей цитировать Священное писание. Или знатоков?

У закрытой двери стоял рослый малый. Дверь не скрипнула. Язычок электронного замка не щелкнул. У него была неестественно прямая осанка человека, гордящегося своей военной выправкой. В глаза бросалась блестящая кожа на безбровом лице. Такой блеск остается после ожога, сведенного пластическим хирургом.

— «Обернутся. Узрят вас и растерзают». Хорошо сказано! — эхом повторил незнакомец, словно пробуя слова на вкус, и прищелкнул языком. — Евангелие от Иоанна, глава двенадцатая. Похвально, что наши офицеры знают на память содержание ТАКОЙ книги. Особенно молодые.

Ему на первый взгляд было под пятьдесят. Или далеко за пятьдесят?

— Ты палатой часом не ошибся? — взъерошился следователь. От неожиданности он забыл, что лично ему дверь открывал магнитным ключом вооруженный сержант военной полиции. Охрана круглосуточно дежурила в коридоре.

— Запись прекратить. Диктофон сдать мне. — Сейчас новый посетитель словно катал во рту стальные шарики. — Что за манера обращаться на «ты» к незнакомым людям?

Жестом фокусника он сунул руку под нос следователю военной полиции. На ладони блеснул жетон с лаконичной гравировкой «КСпН»¹ и идентификационным номером. Металлический символ власти в очередной раз оправдал ожидания владельца. Следователя как ветром сдуло со стула. Он поспешно вложил в раскрытую ладонь нового посетителя диктофон-ручку и суетливо шмыгнул в коридор. Все молчком, не поднимая глаз от пола.

— Быстро соображает. — Незнакомец с глянцевого кожей проводил майора взглядом. — Про долг и честь офицера этот хмырь ничего не вешал?

Незнакомец сел на освободившийся стул. Он заметил, что лицо лейтенанта наливается дурным румянцем от злости.

— Прошу прощения за то, что сразу не представился. Меня все зовут Хеймдалль, хотя это не имя, данное мне любимыми родителями при рождении. — Он широко и располагающе улыбнулся, поймав вопросительный взгляд лейтенанта.

— Понимал бы чего этот следователь... «Хеймдалль», я полагаю, это позывной.

— Да. А ваш позывной «Пересмешник».

— Я в курсе, — хмыкнул спецназовец. — Вы тоже пришли по мою душу.

— За ней! — серьезно ответил Хеймдалль, но тут же рассмеялся и добавил: — Шучу. Есть серьезный разговор. В конце концов, дураков вокруг много, а жизнь одна. Возможно, стоит поменять ее? Если получится выйти за пределы собственной скорлупы, человек, для которого слово «долг» не абстрактное понятие, может узнать, что вокруг происходит много интересного. Поверьте, я плохого не посоветую...

* * *

— Ну, у-уроды! — Ветер относил слова, предназначенные отцам-командирам. У двери бара для сержантского состава стоял свежее испеченный капрал с темными отметидами от содранных лычек мастер-сержанта на выгоревших пристежных погонах штурмовой куртки. — Су-у-уки!

Оружие солдат его отделения проверено, вычищено и сдано в пирамиды оружейной комнаты под охрану. Подчиненные отдыхают. Пора отдохнуть и ему от делов праведных. Примерно в таком порядке мысли сменяли друг друга в коротко стриженной голове Сикиса

¹ Командование специального назначения.

Торбеке.

Жалобно тренькнул звонок над дверью в бар. Экс-сержант проторенным путем двинулся к стойке. На завсегдатая бара для младшего командного состава никто из присутствовавших не обратил внимания.

Между вторым и пятым заказом коктейля «Взрыв на орбите» он встретил приятеля из мобильно-штурмовой бригады, с которым пару раз ходил в рейды. Йохан Коростыль служил в сводной снайперской группе. Однополчанин осторожно пригубливал какое-то термоядерное пойло из высокого бокала. Его глаза потихоньку сползали к переносице.

«Так и косоглазие можно заработать. Как он потом сможет попадать в цель? Парню надо налить чего-нибудь другого».

Трогательная забота подрывника не знала границ.

Обменявшись рукопожатиями, сослуживцы стали пить вдвоем, потягивая содержимое своих высоких бокалов почти в полном молчании. И так все было ясно. Застолье изредка разбавляли тостами: «За победу!», «За смелых и удачливых!», «За косоглазие врага!». Вот и весь разговор.

Последний тост провозглашали чаще других. Перерыв делали лишь для легкой закуски. После седьмого захода бармену надоело наливать. Его внимания требовали другие клиенты. Он выставил початую бутылку перед еле-еле удерживавшими равновесие собутыльниками. Этот жест служителя Бахуса они встретили одобрительным бормотанием.

Все хорошее заканчивается раньше, чем плохое. Через полчаса бутылка показала доньшко, как и портмоне служивых.

В кредит не обслуживали, несмотря на горячие заверения о завтрашнем дне. Бармен, задумчиво протирая стаканы, заметил:

— У господ военных «завтра» значит «никогда».

Шатающаяся парочка вывалились на крыльцо бара для сержантского состава, вися друг на друге. Кто кого поддерживал, определить было невозможно. Да в этом и не было нужды.

Из тени у крыльца выдвинулась другая двойка. Противоположности стремятся на встречу друг с другом. Пьяные в зюю ветераны чуть не угодили в лапы патруля военной полиции.

Людам в черно-белых шлемах вход в бары был заказан. Даже в неслужебное время и в гражданке их безошибочно вычисляли и выносили на пинках из питейных заведений для армейцев. Что тоже не способствовало зарождению ростков дружбы и взаимопонимания.

Друзья как по команде застыли на верхней ступеньке. Завидев патруль, они передумали спускаться. Снайпер и сапер заботливо придерживали друг друга под локоток. Все внимание и силы уходили на сохранение зыбкого равновесия.

— Нарушаем? — заботливо осведомился ражий детина, ковыряя декоративную брусчатку носком тупого ботинка с армированной подошвой. Судя по нагрудной бляхе, он был старшим военно-полицейского патруля.

— Пошел в жопу! — Храбрости ветеранам было не занимать.

Да, для полицейских бар был неприкасаемым. Приказ командира базы. Военные человечки тоже имеют право отдыхать на полную катушку. В жизни любого военного должны быть место и время, не регламентированные уставами и приказами. Военные психологи были согласны с тем, что надо поддерживать зыбкую иллюзию власти человека над повседневностью.

— Увидимся... — Патруль в черно-белых касках удалился за высокую живую изгородь, окаймлявшую военный бар по периметру.

Очаги отдыха для тех, кто вернулся с задания, специально окружали высокими кустами. Для тех, кто готовится к боевому выходу, не стоит видеть лишний искус. Те, кто отдыхает, не видны тем, кому завтра в бой. Логика. А посередине военная полиция, стоящая на страже порядка.

Плюнув вслед черно-белым, капрал Торбеке, еще утром бывший мастер-сержантом, обратился к другу и собутыльнику:

— Меня надо выбросить на помойку.

— Нет, меня. — Коростыль бережно держал друга-подрывника за плечи, словно боясь, что тот взорвется всей мощностью своего тела, отторгая неуютный окружающий мир.

— Нам обоим место на помойке, — послушно согласился сапер, шаг за шагом спускаясь по ступенькам. В бар возвращаться не было денег. А в отдельном блоке общежития для младших командиров ждала заветного часа припрятанная литровая бутылка НЗ. Плох тот сержант, даже если он уже капрал, у которого нет в заначке огненной воды на черный день. — У тебя было когда-нибудь религиозное переживание?

— Нет! — снайпер был прямолинеен, как угол казармы.

— А я слышу голоса, — пьяным голосом поделился с товарищем подрывник, мужественно преодолевая очередную ступеньку.

— Херня все это, — еле-еле шевеля языком, заявил снайпер. — Чем больше думаешь, тем гаже на душе.

— Вот и я об этом, — не унимался подрывник. — Мне кажется, что злой ангел смерти нашептывает дурное. Изыди! — Сикис истово перекрестился. Оба они стояли на земле, неосторожно покинув обитель неприкосновенности. — Аллилуйя! — Подрывник поднял руку, чтобы перекрестить друга.

— Аминь... — эхом раздалось из кустов живой изгороди.

Из высокой поросли возникли две широкоплечие фигуры в черно-белых шлемах.

Короткий треск разряда электрошоковых дубинок подвел итог культурного вечернего отдыха двух ветеранов из мобильно-штурмовой бригады. Через двадцать минут они лежали на холодном полу в камере первичного дознания для временно задержанных гарнизонной гауптвахты базы. Три бетонные стены, четвертая — решетка из толстых прутьев. Скучный интерьер с намеком на практичность.

Первым очнулся сапер и тут же попросил закурить. Ответом был издевательский хохот. Сквозь прутья решетки открывался унылый вид на стол дежурного по комендатуре.

Мордастый рыжий сержант с бесцветными ресницами и красными глазами не соизволил оторваться от кроссворда в армейской газете «За Сдружество».

— Закурить не найдется? — еще раз просительно осведомился Торбеке, втайне надеясь найти взаимопонимание.

Бульдог из военной полиции отрицательно мотнул вислыми щеками и, так и не поднимая глаз от военной газеты, показал арестованному кулак. Он на ощупь достал из нагрудного кармана сигару и, смачно откусив кончик, прикурил от массивной зажигалки из резного полированного камня, стоявшей в центре столешницы. Не каждый комбат мог бы похвастаться таким дорогим излишеством, украшавшим казенную мебель. Клубок змей и огонь, вылетающий из их пастей, — это подходило скорее командиру базы, а не сержанту из военной полиции.

Сикис тяжело вздохнул и отвернулся. Курить хотелось очень-очень сильно. Да и на свободу тянуло. Внутри разгорался пожар никотинового голода, перемежаемый отблесками надвигавшегося похмелья. В сумме они подтолкнули организм, нетвердо стоящий на ногах, к поступкам необдуманным и недальновидным.

Товарищ по несчастью валялся в углу камеры и приходит в себя, похоже, пока не собирался. То ли сапер оказался более крепким малым, то ли у него выработался иммунитет к электрошоковым дубинкам, но он уже был на ногах.

Подрывник похлопал, а затем пошарил по карманам. Результат ноль. Все забрали. Осталась цепочка на шее с двумя жетонами-«смертниками» и электронные часы на руке. Немало. Сапер удовлетворенно хмыкнул и засунул руку под погон. Пальцы нащупали мягкую пластину, повторявшую по форме погон. Подрывник смял ее в руках. Податливая масса светло-желтого цвета послушно меняла форму. Пластид — вещь незаменимая. В этом сапер смог убедиться в очередной раз. Скатав взрывчатку колбаской, он снял заднюю крышку с корпуса часов. Вытащил из хронометра батарейку и ногтем аккуратно скovyрнул схему таймера. Пара минут — и электродетонатор с десятисекундным замедлителем

подрыва был готов.

Он закрепил колбаску под язычком замка, вмонтированного в решетку, окольцевав один из прутьев. Легкий щелчок по микросхеме, и цепь замкнулась. Десять... девять... Сикис отскочил к противоположной стене. Шесть... пять... Он лег на товарища, закрыв его своим телом. Мало ли, вдруг чего не рассчитал. Три... два... Подрывник прикрыл голову руками и открыл рот в надежде ослабить акустический удар. Один...

Ба-ам!

Самоделка сработала на славу. Направленный взрыв вынес замок «обезьянника» и игриво развернул прутья веером. Кусок искореженного железа вдребезги разнес каменную зажигалку и врезался в стену.

Полицейский схватился руками за грудь и захрипел. Хрип перешел в сипение, словно пробитый мяч стравливал воздух. Сержант кулем рухнул на пол и, дернувшись напоследок, затих.

Сапер потряс головой. От взрывной волны привычно заложило уши. Из камеры выходить уже не хотелось. В конце коридора раздавался быстро приближавшийся топот ботинок и знакомый уху лязг оружейных затворов. Протяжно завывала сирена. На базе «сыграли» противодиверсионную тревогу.

Топот приближался. Курить сразу расхотелось...

Прибывший по экстренному вызову врач констатировал у дежурного по комендатуре остановку сердца. Коллеги погибшего полицейского не имели медицинского образования и молниеносно поставили задержанным свой диагноз: «обширные ссадины и кровоподтеки мягких тканей тела, а также обширные ушибы жизненно важных внутренних органов».

Коростыль, потерявший сознание возле бара, пришел в себя через двое суток, но уже в камере для осужденных. Промежуточную станцию «временно задержанные» он пропустил. Судьба подхватила приятелей-собутельников и теперь мчала их со скоростью экспресса на магнитной подушке. Поезд, на который они по дури сели, ненадолго притормозил на станции «осужденные» и теперь собирался отправиться в тупик с глухой стенкой.

...Снайпер смог открыть лишь один глаз, и то с трудом. Второй заплыл от синяка и смотреть на мир не мог. Он попытался сфокусировать зрение на двух смазанных человеческих силуэтах. Они инородными пятнами выделялись на сером фоне камеры.

Одна из фигур шагала из стороны в сторону, не в силах устоять на месте, и безостановочно тараторила. Голос принадлежал саперу:

— Мы на все согласны. Если понадобится нырнуть в канализацию, нырнем!

— Вам там как раз самое место. — Второй голос был снайперу незнаком и симпатий не вызывал. — Обоим.

— Где я? Кто здесь? — попытался прояснить ситуацию Коростыль.

— А! Спящий красавец проснулся. — Сейчас вторая фигура обращалась к мастер-сержанту. — Повезло тебе, что сетчатку не отбили, а то бы так здесь и остался. Канителишься тут с вами. А стоит ли?.. Сможете?

— Конечно! Оправдаем доверие, — зачастил сапер. — Мы готовы хоть куда. В самое пекло!

— Ну, это легко устроить. Скоро у вас откроются новые горизонты. Небо с овчинку покажется. Обещаю...

* * *

У всех есть мечта. Военные мечтают о новом оружии. Конструкторы средств уничтожения себе подобных мечтают «отжать» побольше денег на разработку. И те и другие мечтают. А когда грезы не воплощаются в жизнь, начинаются взаимные обвинения...

— Кто выпросил на командно-полевые учения с боевой стрельбой экспериментальную партию боевых экзоскелетов? Кто, я вас спрашиваю?! — брызгая слюной, гневно вопрошал главный конструктор прототипов. Он стоял в окружении инженеров

конструкторского бюро и многочисленных ассистентов. — А у вас просто украли уникальное, не имеющее аналогов оборудование! Увели из-под носа. Сказками о пожаре, в котором все сгорело дотла, прикрыли свои шкуры от наказания. Это какая должна быть температура, чтобы даже болтика не осталось?!

— Вы прекрасно знаете, что это была идея КСпН. Они напрямую подчиняются Председателю Содружества. И больше никому. Сухопутные войска отдельно, каэспээновцы сами по себе. — Представитель армии, генерал-лейтенант, плотный, кряжистый, тяжелый, как свинец, затянутый в темно-зеленую ткань формы, наливался дурной кровью. Кожа начала краснеть от воротника на форменной рубашке, быстро переползая на лысую голову. — На все у вас есть уважительные причины! А вот результата у вас нет! Только отговорки, оправдания.

— Результат был! Потребуется еще время на производство и доводку новой партии.

— Вы не поняли, что я сказал? Армия в пропаже не виновата. Мы за каэспээновцев не отвечаем.

— А-а! Все-таки пропажа! — Главный конструктор подскочил к генералу и бесцеремонно начал тыкать того в грудь тонким пальцем с обгрызленным ногтем. — Ассигнование урезали на проект. И еще чего-то хотите. Быстрее! Выше! Сильнее! Изготовить через месяц! Чего еще изволите?!

Скорее всего, генерал бы изволил, чтобы у конструктора отросли рога и копыта, а сам бы он провалился в тартарары сдавать зачет по преодолению полосы препятствий посреди океана расплавленной лавы.

Офицер с надеждой посмотрел на пол под ногами гражданского оппонента. С полом было все в порядке: ни трещин, ни запаха серы. Мимолетное яркое видение, навеянное «чего еще изволите?», померкло и рассеялось, словно мираж в пустыне.

От взаимных обвинений быстро перешли к оскорблениям.

— Не морочьте мне голову каэспээном. Вы все, в погонах, одним миром мазаны, — верещал ученый, брызгая слюной и трясая сухонькими кулачками перед перекошенным лицом военпреда. — Вы все, как из одного инкубатора. Лощеные штабные шаркуны! Только невыполнимые задачи ставить мастаки да каблуками щелкать. Бегемоты толстомордые!

Последние слова он сказал зря. Конструктор погорячился. Ни «лощеным», ни «шаркуном» генерал не был. Свои красные лампасы и шитые золотой нитью погоны с зигзагом он честно выслужил, пройдя все ступени: от рядового пехотинца до генерала. Пареньку с захудалой планеты, вращавшейся на окраине Содружества, жизнь ничего не преподносила на блюде. Все приходилось выгрызать самому, доказывая образцовой службой, на что он способен. Приходилось и гореть, и тонуть, и голодать в окружении. А вот с «бегемотом», да еще и «толстомордым», — удар ниже пояса. При одном взгляде на квадратную оплывшую фигуру старшего офицера, словно вырубленную пьяным плотником из дубовой колоды, возникали ассоциации с большим и опасным животным. Последователь учения о реинкарнации мог бы и согласиться с конструктором, что генерал был в прошлой жизни бегемотом или станет гиппопотамом в следующей.

Хваленая армейская выдержка дала трещину.

— Просто у меня кость широкая! — Офицер набычился и съездил по уху склочника, посягнувшего на честь мундира и лично его внешний вид.

В последний момент яйцеголовый попытался увернуться, но реакция у гражданских не та. Жалобно звякнули о пол стеклышки очков с тонкой, под золото, оправой. Осколки веером брызнули в разные стороны.

Конструктор взвизгнул и вцепился руками в мощную шею генерала. С таким же успехом можно было бы попытаться задушить заводскую трубу. Бело-зеленый клубок из двух сцепившихся тел разняла свита ассистентов и адъютантов. Помощники высоких договаривающихся сторон с большим удовольствием понаблюдали бы за битвой титанов и дальше. Но чутье людей, доведенных начальством до состояния покорной угодливости, подсказывало, что запоздалый гнев руководства потом выльется на их головы.

Генерал стряхнул с себя руки офицеров-порученцев. Он сжимал в кулаке белый лоскут: нагрудный карман халата, выданный с мясом. Бросив трофей на пол, военпред, отдуваясь, прошипел:

— Сроку тебе два месяца. На все про все: доводку и отладку. Иначе сам побежишь в атаку, с калькулятором наперевес. Это я тебе обещаю!

Развернувшись на каблуках, он направился к выходу из ангара, где находились испытательные стенды с новыми образцами вооружения, на ходу потирая шею.

— Шагай-шагай! Раз-два! Ножками топ-топ, — зло прошипел вслед ученый.

Он сжимал в потном кулаке оторванную красно-золотую петлицу с торчащими обрывками ниток и, близоруко щурясь, буравил взглядом удалявшуюся тумбообразную фигуру.

— Понимал бы чего, солдафон!

Последнее слово осталось, как всегда, за наукой.

За перепалкой, переросшей в схватку, наблюдал неприметный человек, стоявший особняком. От грубого начала до бесславного конца. В общей сваре он не принимал участия. На нем была куртка-жилет техника с множеством карманов и широкий пояс с подвешенными к нему инструментами. На ногах красовались высокие армейские ботинки, начищенные до зеркального блеска. В них были заправлены зеленые штаны от повседневной военной формы. На голове ладно сидело кепи с эмблемой Консорциума, обмятое по углам, как у сержанта не первого срока службы. Такой наряд сыграл на руку любителю смещения стилей. Он достиг своей цели: оставаясь на виду, не привлек внимания ни одной из противоборствующих группировок.

Военные посчитали его сотрудником конструкторского бюро. Инженеры проигнорировали его присутствие, принимая за одного из свиты главного военпреда. Какой нормальный человек будет тратить столько времени, полируя обувь до появления собственного отражения? Исключительно армеец. Дитя бессмысленных казарменных правил.

«Где два месяца, там и все четыре, если не больше. Немало. Оно и понятно — какой спрос с ученых? — Незнакомый снял с головы кепи и провел ладонью по абсолютно лысой голове с неестественно блестящей кожей. — Да и эти, в форме, тоже хороши: чуть что — «мы не виноваты».

Он вновь надел кепи. Потом сделал жест, словно хотел ребром ладони провести над козырьком, из-под которого смотрели ярко-зеленые глаза, проверяя, точно ли по центру располагается несуществующая кокарда. В последний момент удержался и, резко опустив руку, зашагал к выходу из ангара с испытательными стендами. У него сегодня было еще много дел, которые он не мог кому-нибудь передоверить. Если хочешь быть в чем-то уверен, сделай это сам...

Глава 5

Суд не определил срок приведения приговора в исполнение. Винтики, вращающиеся в чреве Фемиды, действовали по собственным законам, неизвестным простым смертным. В приговоре заодно проскочила фраза о подрыве дисциплины в Вооруженных силах Содружества. Обвиняемый от защиты отказался, назвав происшедшее «досадным недоразумением». Капитан Алешкин до самого момента вынесения приговора не верил в реальность происходящего.

Из зала суда Ингвара препроводили под конвоем в одиночную камеру городской тюрьмы. Преступление против официального представителя Содружества на планете Алатырь относилось к категории тяжких. Впрочем, как и на всех остальных. Свод законов не давал таким преступникам ни снисхождения, ни возможности обжаловать приговор. Былые заслуги в счет не принимались. Лишение Алешкина воинского звания автоматически переводило его в разряд гражданских преступников со всеми вытекающими последствиями.

Смертный приговор. Точка.

Потянулись тягучие дни ожидания за решеткой.

В стену камеры была намертво вмурована потускневшая стальная пластина, заменявшая зеркало. Не разбить, не вытащить, только если вместе со стеной. В помутневшей от времени поверхности крохотная камера неуловимо изменила очертания. Маленький пенал-гробик одиночки: три на шесть метров. Откидная кровать, откидной стол, откидной стул, полка, водопроводный кран, отверстие в полу вместо унитаза. И лампочка на потолке, забранная решеткой. Вся обстановка максимально стремилась к утилитарности. Тусклая лампа не гаснет ни на минуту. Сначала неживой свет раздражает, пытаюсь попасть под закрытые веки, потом привыкаешь.

Кругом разлиты холодная враждебность, равнодушие к жизни и обезличивание, которое можно сравнить с безымянной могилой на кладбище.

Течение времени здесь теряло свою остроту. Каждый следующий день — точная копия предыдущего. Ничего нового, лишь изматывающее ожидание неминуемого. Временами казалось: лучше уж пусть побыстрее все закончится.

В один из таких дней дверь камеры бесшумно открылась. Алешкин оцепенел. Сердце екнуло и бешено застучало. Все тело зацементировало чувство безнадежности.

В камеру вошел рослый мужчина в темном гражданском костюме. Дверь вернулась на место. В левой руке он держал электронный планшет. В глаза сразу бросался неестественный блеск кожи на безбровом лице. Такой появляется после ожога, сведенного пластическим хирургом. Интересно, где так можно обгореть?

На глянцевої коже выделялись зеленые немигающие глаза. Судебный исполнитель, пришедший поинтересоваться для проформы о последнем желании? Палач? Неестественно прямая походка выдавала в посетителе человека, привыкшего носить форму.

— Надеюсь, не помешал? — вежливо осведомился незнакомец.

«Еще издевается. Не так я себе представлял свой последний день».

— Нет. Располагайтесь. — Алешкин обвел рукой камеру. — Раз вы здесь, то, скорее всего, пришли по мою душу. Можно было и не спрашивать. Мы с вами в неравном положении.

— В нашей славной семье, офицерском корпусе Содружества, все равны. Но старшие по званию равнее других. Согласен, не стоит забывать об этом.

— Как мне к вам обращаться? — угрюмо уточнил Алешкин. Приведение приговора в исполнение откладывалось. На час? На день? — Звание несколько затруднительно определить, если человек одет в гражданку. Вы не находите?

— Хеймдалль. Просто Хеймдалль. И на «ты»! — осклабился незнакомец. Ухмылка отдаленно напоминала волчий оскал. — Вопросы?

— Э-э... Если мне не изменяет память... — оторопел арестант.

— Не изменяет, — подтвердил посетитель и продолжил за Алешкина: — Хеймдалль — страж богов, обитающий у края мира и охраняющий мост-радугу от врагов. Он видит и днем, и ночью и слышит, как растет трава в поле и шерсть на овцах. Его зубы из чистого золота, а у его пояса висит рог, звук которого будет слышен во всех уголках мира. Звук его рога возвестит о начале Рагнарека — последней битвы на земле. — Он вновь осклабился в улыбке, показав ровные белые зубы. — Еще вопросы есть?

— Никак нет, — ошарашенно пробормотал разжалованный капитан. Согласитесь, не часто камеры смертников посещают скандинавские боги. Но он тут же поправился: — А как же насчет старшего по званию? В этом я даже не сомневаюсь.

Этот вопрос о количестве и размере ромбиков на своих погонах посетитель пропустил мимо ушей.

— Во-первых, кадет к кадету может обращаться на «ты» вне зависимости от возраста и звания вне служебной обстановки. Негласные правила кадетского братства еще никто не отменял. — Перехватив недоумевающий взгляд Алешкина, он продолжил: — Да. Я так же, как и ты, выпускник кадетского корпуса. Только я семилетчик, в отличие от тебя. Зря они

сократили курс обучения до двух лет. Знаешь, как мы вас называем?

— Полуфабрикаты, — хмыкнул арестант. Можно подумать, именно от него зависела система военного образования Содружества.

— Во-вторых, Хеймдалль, как ты, наверное, догадался, — не имя, а позывной, ставший именем. Я к нему привык, и ты так меня и зови. Нет возражений?

— Нет, — отозвался Ингвар, незаметно для себя втянувшийся в беседу. Разговор заинтриговал. Хеймдалль затронул темы не просто понятные, а близкие офицеру. — А на «ты», потому что мы с тобой общаемся неофициально? Так, что ли, выходит?

— Именно так, — подтвердил семилетчик, рубанув рукой воздух. — Теперь у тебя все будущее, в том числе и служба, может стать неофициальной. Да и жизнь до определенной степени тоже. Как будто ты потерялся для всех... Навсегда.

— Человеку в наше время потеряться невозможно, — тихо ответил арестант.

— Невозможное возможно. — Голос был веселый, но по внешнему виду было не похоже, что Хеймдалль забавляется, издеваясь над заключенным в камеру смертников. — Для начала стоит придумать тебе позывной вместо имени. По-моему, «Дикий» — в самый раз. Таким не побрезгует и астронавт. Да что там астронавт, капитан звездолета дальнего поиска от такого не откажется. А? Подходит? — Он по слогам повторил, словно пробуя слово на вкус: — Дикий! Кстати, ты не думал стать астронавтом или археологом? Позывной под стать людям героических профессий, да? Ладно, можешь не отвечать, сам догадаюсь: собирался. Может, тебе нравится позывной «Геркулес»?

— С таким только в гладиаторы.

— Я знал одного Бамбука, но он недолго засорял эфир. Настоящее дерево, а не человек. Значит, если нет возражений, остановимся на Диком.

Алешкин смотрел исподлобья. Вроде бы советуется, спрашивает, как лучше, а выходит все равно, как он задумал. Любой вопрос подразумевает утвердительный ответ. Хотя, с другой стороны, арестант не сомневался, что если не согласится, то ему пойдут навстречу. В мелочах всегда уступают, исподволь подводя к главному. Вот тут уступок не будет. Или «да», или обратно в старую жизнь, которая, похоже, заканчивалась.

— Откуда вы все знаете?

— Обязан, — пожал плечами всезнайка. — Специфика службы и все такое. Я сотрудник внутренней службы КСпН.

— В первый раз слышу, что у Командования специального назначения есть еще и такая служба. Не знал о такой.

— И не должен знать. О нас вообще никто не знает. Правильнее будет сказать: знают лишь те, кому положено по долгу службы и соответствующему статусу, — быстро поправился бывший кадет. — Таких мало. Слишком узок круг посвященных в задачи, которые мы решаем. Повторюсь, у нас узконаправленная специфика. С чем бы сравнить, особенно не вдаваясь в подробности. Образно выражаясь... — Собеседник прищелкнул пальцами и дальше продолжил ровным менторским голосом. Похоже, эмоции он использовал только тогда, когда они были ему нужны для доходчивости. — Мы как бы бродим в лабиринте. Вроде нашли выход, ан нет, опять тупик!

— Скверно, — с наигранным сочувствием поддакнул Алешкин. Слишком образное объяснение было интригующим, но ни на йоту не внесло ясности.

— Нет. Наоборот, бодрит, — удивил ответом Хеймдалль и без всякого перехода продолжил, положив ладонь на электронный планшет, принесенный с собой: — Вот тебе чисто гипотетическое задание: просмотри файлы. Здесь досье на людей, которых ты можешь возглавить для выполнения специального задания. Пока не важно, какого. Информация о предполагаемом месте, где предстоит... гм-м... поработать. Читай, анализируй. Выбор за тобой.

— Ты так свободно общаешься со мной, преступником, приговоренным к... — Алешкин запнулся. Язык не поворачивался сказать, к чему его приговорил трибунал. — Не боитесь... не боишься, что тебе это выйдет боком?

— Мораль решил мне прочитать? — вопросом на вопрос ответил Хеймдалль.

Теперь он упирался обеими руками в стол, стоявший между ними, и почти нависал над ссутулившимся арестантом. Под его манеру вести беседу трудно было подстроиться. Встречные вопросы сбивали с мысли, мешали сосредоточиться и вычленить главное. А самое важное — понять, что на самом деле хотят от него. Алешкин не поспевал за ходом мысли каэспээнвца. Так что же ему нужно, в конце концов?

— Даже и не думал, — искренне ответил Алешкин. Бывший капитан, а теперь Дикий. Детские желания сбываются, хотя и с большим опозданием. Самое главное, что сбываются. — Пытаюсь понять, что ты за человек. Кто ты такой?

— Не ломай голову. Мозг выкипит. Если найдем взаимовыгодные точки соприкосновения, тогда и познакомимся поближе. — Он пробежался пальцами по столу, словно пианист по невидимым клавишам, разыгрывая неведомую партитуру. Неслышная музыка звучала сегодня для одного. Для исполнителя. — Надеюсь, у тебя не сложилось превратное впечатление, что я морочу тебе голову?

Алешкин не мог отвести глаз от рук нового знакомого. На левой, у основания большого пальца, синело пятнышко татуировки — маленький круг с перекрещенными стволами орудий. Точь-в-точь, как у отца. Кололи впопыхах, на скорую руку. Круг больше напоминал овал, скособоченный на одну сторону.

Ингвар кивнул невпопад, молча отвечая на вопрос, который услышал, но смысла не понял.

Хеймдалль повторять не стал. Он считал, от повторения слова теряют силу и новой ясности в разговор не вносят. Интеллект Алешкина аналитики службы оценивали достаточно высоко. Он проследил взглядом, куда тот уставился, и убрал руки со стола.

— Почему я? — не поднимая глаз, судорожно выдохнул разведчик. Сдавило горло, но он продолжил: — Я не наделен особыми талантами, не отмечен экстраординарными способностями. Обыкновенный человек. Как и всем, мне снятся черно-белые сны...

— Согласен, — не дал договорить Алешкину Хеймдалль. — Таких, как ты, военные училища ежегодно штампуют пачками. Баловнем судьбы тебя... гм-м... не назовет даже неисправимый оптимист. Звезд с неба не хватаешь. Почти всего в жизнь добился сам, в первую очередь, благодаря ослиному упрямству и навыку ставить перед собой цель. Правильно определить задачу — способность не менее важная, чем умение ее достигнуть. Действительно, в тебе нет ничего особенного. Почти такой же, как все. Почти. Одно слово, а сколько в него можно вложить смысловых оттенков. В наше время повышенная совесть — минус. Но! Всегда есть шанс превратить минус в жирный плюс и сделать его личным достоинством. Так, чтобы на тебя не показывали пальцем и не крутили у виска. И не шептались за спиной...

— На меня и так никто не показывает пальцем и тем более не шепчется за спиной! — настала очередь Алешкина перебить собеседника. Он демонстративно оглядел скудный интерьер камеры, не забыв заглянуть себе за спину. Там, разумеется, никого не было.

— Отговорки, оправдания...

Хеймдалль заложил руки за спину. Он стоял в полный рост. Неожиданно он широко улыбнулся и доверительно сообщил:

— А мне снятся цветные сны, с прекрасным звуком и с продолжением. Надеюсь, в будущем тебя ждет то же самое. Не пожалеешь, поверь мне.

В очередной раз ему удалось сбить Алешкина с толку.

«При чем здесь сны?»

Цветные или черно-белые — разведчику было глубоко наплевать. Чужие ночные грезы вообще ни с какого бока не затрагивали душевные струны арестанта. Логические ассоциативные цепочки, выстраиваемые каэспээнвцем, путали и наводили на мысль: работа мозга Хеймдалля навсегда останется тайной за семью печатями для постороннего. Своим Алешкин для него еще не стал. И станет ли когда-нибудь? Появившееся опасение затаилось и не желало уходить.

Хеймдалль исподволь, не торопясь, подводил беседу к какой-то мысли, известной ему одному. Паутина слов, в которую, как в кокон, он запутывал приговоренного, пока не внесла ни намек на ясность. Ежу понятно, от Алешкина чего-то хотят. Для чего-то он нужен внутренней службе. Какое задание? Что за люди? Просто так таинственный посетитель, спрятавшийся за позывным-именем Хеймдалль, облеченный большой властью, сейчас бы не распинаясь перед ним, сотрясая воздух абстрактными понятиями и ни к чему не обязывающими словами. О том, что его власть, как и полномочия, велика, говорил тот факт, что он находится в камере смертников и ведет непринужденную беседу с ее обитателем. По тюремным правилам сюда могли войти люди только в одном случае: для приведения в действие процедуры исполнения приговора...

Единственная связь Алешкина с внешним миром осуществлялась через небольшое прямоугольное отверстие в двери. Оно было не больше стандартного листа бумаги. Три раза в день охранник просовывал в него одноразовый контейнер с едой: по первому времени подследственному, а теперь осужденному. Подтверждением того, что, кроме него, Алешкина, на планете есть и другие люди, были руки охранника. Одинокое заключение выкидывает разные подлые шутки с человеческим сознанием. Одна из них — иллюзия одиночества. Ты один, и весь мир, вся вселенная сузилась до размеров камеры: три на шесть метров. Не станет его, и весь мир исчезнет, схлопнется в черное ничто. Еще одним побочным эффектом многодневной изоляции стало то, что Алешкин неожиданно для себя мог без оглядки погружаться в раздумья, тягучие и медлительные, словно сонные рыбины в стоячей воде.

Из грустных раздумий его выдернул на поверхность голос Хеймдалля:

— Некоторые вещи нельзя забыть. А я привык возвращать долги, даже если прошло много времени. Так много, что одни успели вырасти, а другие состариться.

Хеймдалль продолжал стоять, покачиваясь с пятки на носок. Может, он бы и присел, но единственный стул был занят Алешкиным. Тот сидел, сгорбившись, не делая резких движений. Сидеть на месте, когда к нему кто-то заходит, было положено по правилам внутреннего распорядка. И правильно. К чему суетиться? Прикажут встать — встанет.

Интересно, речь шла о возврате должков или настоящих долгов?

В разговоре наметился просвет, небольшая зацепка. Оттолкнувшись от нее, можно было, как из кусочков, сложить подобие картины.

— Не морщи лоб и расслабься. Все равно ничего не поймешь, пока не придет время, — без тени сарказма обратился к нему каэспээновец.

— Мысли читаешь?

— Нет, у тебя все на лбу написано крупными буквами. — Он большим и указательным пальцами показал размер букв. — Как бегущая строчка на информационном табло.

Алешкина передернуло от подобного сравнения. Он набычился:

— И когда оно придет, это время?

Диалог менял направление, как скачущий с ветки на ветку бельчонок.

— Когда ты отсюда выйдешь?

Ингвар потупился. Сказать ему было нечего. Выход отсюда был один, и он прекрасно знал куда.

— Может, и никогда, — продолжил с хохотком Хеймдалль, но, спохватившись, быстро поправился: — Шутка! Не надо унывать, это не к лицу боевому офицеру. Прояви немного терпения. Если договоримся, то очень скоро...

Тихо пискнул сигнал вызова на его коммуникаторе, закрепленном на руке в виде браслета.

Хеймдалль поднес руку к уху. Выслушав информацию, ответил:

— Да ладно! Сами выкрутимся, не привыкать! — И отключился, не попрощавшись. — Пора! Труба зовет!

— Труба Страшного Суда! — не удержался от ехидной реплики Алешкин.

Каэспээновец обрадовался:

— Здорово, что перестаешь хандрить! Узнаю кадетскую закваску. — Хеймдалль хлопнул его по плечу. — Кстати, о начале Страшного Суда возвестят НЕ ТРУБЫ. Верь мне, я редко ошибаюсь...

Не прощаясь, бывший кадет шагнул к двери. Та бесшумно скользнула в сторону, а затем вернулась на место, отгородив постояльца одиночки от внешнего мира.

Заключенный снова остался наедине с собой, но теперь у него был электронный планшет. Рука непроизвольно легла на темный пластик овальной кнопки «пуск». Мигнул и тускло замерцал экран, покрытый защитной пленкой. Алешкин вынул из углубления корпуса сдвоенное кольцо для управления «рабочим столом» экрана. Надел на пальцы и щелкнул курсором по папке «Личные дела».

Для служебного пользования

СПРАВКА-ОБЪЕКТИВКА № 02876

Капитан Ингвар Алешкин, пол мужской. Личный номер СА-023814.

Окончил кадетский корпус и Тянь-Шаньское военное командное училище по специальности офицер тактической разведки. Последняя должность — командир отдельной разведывательной роты. Воинское звание «капитан» присвоено досрочно. Высококвалифицированный специалист с боевым опытом. В боевой обстановке способен в критических ситуациях принимать тактически правильные решения. Добросовестный исполнительный командир. Легко находит общий язык с подчиненными. Был ранен.

Имеет следующие награды: орден «Щит Содружества» 2-й степени, медаль «За верную службу».

Классная квалификация «снайпер-стрелок 1-го класса».

Физически развит хорошо. Согласно психотестам здоров.

Позывной «Дикий».

Особые приметы: на правой руке саблеобразный шрам от осколочного ранения.

За нарушения Свода законов Содружества лишен воинского звания, государственных наград и приговорен к смертной казни.

Приговор приведен в исполнение.

Для служебного пользования

СПРАВКА-ОБЪЕКТИВКА № 03159

Капитан Асмус Райх, пол мужской. Личный номер ВП-053680.

Окончил кадетский корпус и Сан-Паульское военное командное училище по специальности офицер противодиверсионной обороны и контрпартизанская борьба. Последняя должность — командир отдельной разведывательно-диверсионной группы специального назначения. Воинское звание «капитан» присвоено досрочно.

Высококвалифицированный специалист с боевым опытом. В боевой обстановке способен быстро принимать правильные решения в критических ситуациях. Не любит рассказывать о себе. Замкнут. О подчиненных говорит с удовольствием. Мобилен. Не честолобив. Обладает специфическим чувством юмора. Добросовестный исполнительный командир. Принимал участие более чем в тридцати рейдах по ликвидации незаконных вооруженных формирований мятежных колоний на разных планетах. Всегда готов в трудную минуту, с риском для жизни, прийти на помощь товарищу. Был дважды ранен.

Имеет следующие награды: ордена «За заслуги в боях», «Щит Содружества» 1-й степени, «Щит Содружества» 2-й степени, медали «За храбрость», «За спасение погибавших».

Классная квалификация «снайпер-стрелок 1-го класса».

Физически развит хорошо. Согласно психотестам, психически нестабилен. После углубленного лечения может быть использован как одиночный боец-разведчик в целях стратегической разведки.

Позывной «Пересмешиник».

Особые приметы: над правой лопаткой и голених звездообразные шрамы от минно-взрывных ранений.

Во время выполнения специального задания получил смертельное ранение, несовместимое с жизнью. Скончался в госпитале. После кремации тела прах отправлен родственникам для последующего захоронения на родине.

Для служебного пользования

СПРАВКА-ОБЪЕКТИВКА № 01857

Капрал Сикис Торбеке, пол мужской. Личный номер СА-023814.

Окончил два курса Римской семинарии. Отчислен за ересь, несовместимую с каноническими требованиями. Добровольно изъявил желание служить в Вооруженных силах Содружества. С отличием окончил учебное заведение для младшего командного состава, по специальности минно-саперное дело и взрывотехника, с последующим присвоением звания «мастер-сержант». Последняя должность — командир отделения по обезвреживанию взрывоопасных предметов десантно-штурмового батальона. Разжалован из мастер-сержантов в капралы за перегибание дисциплинарной практики и неуставные отношения в состоянии алкогольного опьянения с представителями военной полиции из охраны гарнизона базы постоянной дислокации. В своих поступках последователен, что привело к снижению воинской дисциплины во вверенном ему отделении.

Высококвалифицированный специалист с боевым опытом. Неоднократно принимал участие в боевых рейдах по установлению порядка, определенного Сводом законов Содружества. Во время проведения одной из спецопераций, после гибели всех офицеров сводного отряда, взял командование на себя и успешно с ним справился. В боевой обстановке добросовестный исполнительный младший командир. Спиртосодержащие напитки употребляет редко, но в состоянии алкогольного опьянения себя не контролирует. В местах постоянной дислокации подразделения требует постоянного контроля со стороны командования. Неоднократно был контужен.

Имеет следующие награды: медали «За храбрость», «За минную войну», «За верную службу» и нагрудный знак «За обезвреживание мин». Классная квалификация «мастер-сапер». Физически развит хорошо. Согласно психотестам практически здоров.

Позывной «Сапер».

Особые приметы: отсутствуют две фаланги на мизинце левой руки; термический ожог на запястье от неосторожного обращения с детонатором от ставной мины в состоянии алкогольного опьянения.

За нарушения Свода законов Содружества лишен воинского звания и приговорен к смертной казни.

Приговор приведен в исполнение.

Для служебного пользования

СПРАВКА-ОБЪЕКТИВКА № 07354

Мастер-сержант Йохан Коростыль, пол мужской. Личный номер БН-01574.

Добровольно изъявил желание служить в Вооруженных силах Содружества. С отличием окончил учебное заведение для младшего командного состава по специальности стрелок-снайпер, с последующим присвоением звания «мастер-сержант». Последняя

должность — заместитель командира сводной снайперской группы, приданной в усиление мобильно-штурмовой бригады. Обладает рядом положительных качеств прирожденного солдата. Мастер маскировки. Подтянутый, требовательный и непреклонный по службе, но без царя в голове. Наизусть знает таблицы стрельб и поправок ведения огня и все, что связано со стрелковым делом. В других нормативных документах и уставах разбирается, средне. Легко подпадает под чужое влияние.

Высококвалифицированный специалист с боевым опытом. Принимал участие в боевых рейдах по установлению порядка, определенного Сводом законов Содружества. Неоднократно действовал в одиночных поисковых вылазках как «свободный охотник». В ходе боевых действий зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны. Будучи в полном окружении вызвал «огонь на себя». В боевой обстановке добросовестный исполнительный младший командир. Был дважды контужен.

Имеет следующие награды: орден «Щит Содружества» 2-й степени, медали «За храбрость», «За верную службу» и нагрудный инсигний «За меткую стрельбу» 4-й степени.

Классная квалификация «мастер-снайпер».

Физически развит хорошо. Согласно психотестам здоров.

Позывной «Стрелок».

Особые приметы отсутствуют.

За нарушения Свода законов Содружества лишен воинского звания и приговорен к смертной казни.

Приговор приведен в исполнение.

Арестант по несколько раз прокрутил джойстиком страницы личных дел на электронном планшете. Значок курсора полз по мерцающему экрану. Текст сменялся фотографиями анфас, в профиль и три четверти. Слова складывались в лаконичные строчки текста.

Фигурантов скучных досье роднило одно, в то же время являясь и главной причиной их будущего неизвестного совместного задания — высшая мера наказания. Смертная казнь. Попросту говоря, «вышка». Как кому больше нравится. Между строк можно было прочесть, что они добровольно согласятся искупить вину и верят в успех выполнения неизвестного задания. Деваться все равно некуда. А так хоть какой-то призрачный шанс испытать судьбу.

Читая строки выписок из личных дел, капитан почувствовал себя так, словно кто-то крепко сдавил ему сердце. Алешкину стало больно, острая обида и жалость к себе захлестнули его. Вспомнилось, что он пережил и перечувствовал с тех пор, как надел военную форму еще в кадетском корпусе. Он горько усмехнулся. Усмешка, должно быть, вышла жалкая. Впервые Ингвар подумал, находясь в камере: «Хорошо, что я сижу в одиночке и меня никто не видит».

Список пронумерованных файлов с личными досье будущих подчиненных заканчивался файлом, который отличался от предыдущих. Он был обозначен не цифрой, а имел собственное наименование — «Безвозвратная».

То, что Хеймдалль не такой человек, который может сделать что-то просто так, Алешкин уже понял. А вот содержимое последнего файла не принесло никакой ясности. Информация из него могла заинтересовать только ученого, изучающего историю освоения новых планет во время первой и второй волн экспансии. Да и то с поправкой: если исследователя интересует спелеология на Богом забытой планете.

Ингвар не пренебрег новой информацией. Это был еще один кусочек общей картины.

Файл содержал материалы о планете, именуемой Безвозвратная.

Таким названием она была обязана людям, высадившимся на ней. Будущие колонисты еще перед полетом твердо решили никогда не возвращаться на Землю и не поддерживать с прародиной никаких контактов. Этой установкой определялся состав пассажиров, поднявшихся на борт звездолета. Здесь собрались недовольные всем и вся: изгои социальных групп, еретические секты всех религий мира. Складывалось впечатление, что власти

задались целью собрать всю накипь с kloкочущего котла антисоциальных элементов, чьи интересы шли вразрез с общепринятыми нормами общества, и удалить с Земли. Помимо религиозных фанатиков, среди пассажиров хватало и высоколобых интеллектуалов, чьи взгляды на науку и технический прогресс не вмещались в рамки официальных теорий.

Когда корабль стартовал с околоземной орбиты, по ним особенно никто не загрустил и не всплакнул. Скатертью дорожка, с глаз долой — из сердца вон. Чтобы избавиться от тех, кто будоражит общество, никаких затрат не жалко. Пусть на неосвоенной планете изобретают, проповедуют, творят и строят новое общество, как им заблагорассудится.

Первых колонистов, высадившихся на Безвозвратной, ждал приятный сюрприз. Недалеко от места посадки тянулась горная гряда, исчезающая за горизонтом. Вулканическая активность планеты осталась в далеком прошлом. Оказалось, что старые низкие горы, стесанные временем и сглаженные ветрами, изрезаны пещерами, как хороший швейцарский сыр.

Пока из привезенных материалов строили первый поселок, разветвленная сеть пещер стала убежищем для колонистов.

Потом начались дразги, быстро переросшие в распри и кровавую междоусобицу. Началось с малого, как правильно креститься, а закончилось цветом кожи и разрезом глаз...

Очень кстати прилась теория одного ученого-колониста о форме черепа и избранности обладателей «правильных» черепов. Покрытую пылью веков и надежно похороненную в темных столетиях теорию он ничтоже сумняшеся выдал за полет своей гениальной мысли. И был приятно удивлен, когда белая часть колонистов восприняла ее «на ура».

Колонистов было почти шестьдесят тысяч. Огромный звездный корабль, ставший временным домом для всей разноплеменной оравы, прибыл в свою последнюю гавань. Опустившись на поверхность планеты, звездолет встал на вечный прикол. Обшивка корпуса и внутренние конструкции должны были стать строительным материалом для создателей нового мира. Все шло в дело.

Перспектива дележки драгоценного металла тоже не способствовала росткам доброты и милосердия. Разделка корпуса периодически прекращалась. Оружие, предназначенное для защиты от местных обитателей, пошло гулять по рукам. Появились стихийные вооруженные формирования. Они подчинялись только своим духовным наставникам и новоявленным партийным лидерам и отличались легким уклоном в экстремизм и сильной направленностью на бандитизм.

Те, кто не смог ужиться на матушке Земле, остались верны собственному эго.

Люди, расколовшись на враждебные лагеря, расплозились по планете в разные стороны. Раковая опухоль нового человеческого общества дала первые метастазы. У полуразделанного корпуса осталась не самая многочисленная группировка, но самая сплоченная, сцементированная дисциплиной и жесткой волей капитана, зачастую переходящей в жестокость. Большинство членов экипажа не предали командира. Лишь пара десятков человек примкнули к уходившим, руководствуясь только им известными вкусами и пристрастиями.

Новое племя на лике Безвозвратной возглавил старый офицер космофлота, матерый волк звездных трасс. Он объявил себя диктатором с временными, но неограниченными полномочиями. Так главной властью новой цивилизации на планете стала хунта.

Жизнь осколка человеческой расы потихоньку налаживалась.

Первым делом ввели звания и новую форму, со всеми положенными знаками отличия и регалиями. Не забыли и о наградах за заслуги. Статус любой власти незыблем до тех пор, пока опирается на символы, даже если они выглядят как мишура. Одно условие — они должны вручаться в торжественной обстановке и при как можно большем количестве зрителей. Отними у служивого человека форму, и вы не найдете более несчастного существа на свете.

Новой власти требовалась своя идеология для выживания. В борьбе с раскольниками и

отщепенцами капитана поддерживали адепты религиозного течения католического толка. На Земле сектанты называли себя скромно — «служители Истинной веры» — и придерживались крайне правых взглядов. На новом месте они остались верны себе, хотя и проявили гибкость мышления. Приверженцы религии с радостью поддерживали светскую власть в лице новоявленного диктатора. Мечты тех, кто грезил, что принесет свет новой веры, сбывались, трепетные мечты обретали вполне реальное воплощение, подтвержденное материальными благами.

Лютеранская расчетливость нравилась командиру до поры до времени. Заигрывать с судьбой надо осторожно. Незаметно можно перегнуть палку и упустить удачу.

Католики ревностно принялись за дело, желая укрепить свое положение на шатких весах нового мира и заодно продемонстрировать лояльность к свежее испеченному диктатору. Духовные отцы и не мечтали, что карты могут лечь так выгодно для них.

Они реанимировали забытый опыт прошлого — создали святую инквизицию.

Посчитав, что костры из сушняка бесперспективны, новоявленные инквизиторы, засучив рукава, приступили к строительству муфельной печи. А что? В ней можно в свободное от основной работы время заняться обжигом посуды. Глядишь, и производство фарфора удастся наладить. В предгорьях с избытком хватало глины разных цветов и сортов.

Все хотят заставить считаться с собой. Но не стоит играть с властью, даже если она делает первые шаги. Можно покалечиться.

На роль первой жертвы инквизиторы выбрали сыроедов. Небольшая община тихих людей, исповедовавших отказ от любой мясной пищи, входила в состав экспедиции и отвечала за адаптацию сельскохозяйственных культур в новом мире. Ботаникам было в ультимативной форме предложено отказаться от богопротивного заблуждения и в полном составе принять католичество. Иначе же — добро пожаловать в печь. Она, правда, пока не достроена, но это всего лишь вопрос времени. Сказано было горячо и очень убедительно.

На следующее утро не досчитались большой партии колонистов. Сыроеды, и не только они, исчезли. К горам в некоторых местах вплотную подступали девственные джунгли. В них растворилась группа колонистов в несколько сотен человек, растворилась бесследно, впрочем, как и все их предшественники. С собой они прихватили почти все контейнеры с семенами и пророщенным материалом для посадки. Люди, оставшиеся в раскуроченном космическом корабле, теперь не могли рассчитывать на агрокультуру — один из основных источников белка. Запасы сублимированной пищи на звездолете должны были иссякнуть через полтора года. Дальше колонисты могли рассчитывать только на себя. Скоро цивилизации предстояло перейти из стадии юности в период взросления.

Поняв, что окормлять тихих и безропотных ботаников не получится из-за отсутствия таковых, глава служителей Истинной веры решил переключиться на тех, кто остался. Нести свет Истинной веры в неизведанные джунгли он посчитал преждевременным и неразумным.

Лесные вырубки, расчищенные под поля, остались без посевов, а капитан еще и без биологов и генетиков. Они не стали дожидаться, когда до них дойдет очередь. Пустоши быстро зарастали колючками сорняков.

Надо было срочно переориентироваться на другую цель, чтобы не заикливаться на прозе жизни.

В тот день мимо служителей проходили строители, занятые на демонтаже корпуса. На их комбинезонах красовались шевроны с вышитыми пятиконечными звездами — знак принадлежности к космофлоту. Лучшей кандидатуры на роль новой жертвы не придумать. Организатор и духовный лидер новоявленных инквизиторов вскинулся и возопил, тыча пальцем в желтые звездочки:

— Вы добровольно носите на себе печать Зверя! Снимите, покайтесь и будете прощены! Ибо гореть вам в геенне огненной! Узрите свет Истинной веры!

На сей раз чутье изменило вздорному старику. Во время перелета члены экипажа с иронией и пренебрежением относились к безобидным чудакам, одетым в длинные черные рясы с клобуками. В корабельных коридорах попадались экземпляры и поколоритнее. Одни

«дети солнца», увешанные с ног до головы бубенчиками, чего стоили. Поговаривали, что дзинькающие на разные лады при каждом шаге бубенцы имеются и на интимных местах, скрытых разноцветной одеждой...

Вчерашние астронавты серьезно отнеслись к словам «гореть» и «геенна огненная». Побросав инструмент и позабыв про демонтаж, они помчались докладывать капитану о новой задумке духовной власти. Призрак муфельной печи принимал все более реальные очертания, грозно маяча недостроенной трубой новенького крематория. Торжественное мероприятие по случаю огненного душеочищения могло состояться со дня на день. Самый короткий и верный путь спасения заблудших — через мучительную боль и страдания. Это была единственная стройка, возводимая ударными темпами.

Братия черного ордена работала, засучив рукава, без перекуров. Строительство прекращалось лишь с наступлением темноты. Одна беда — ночь в это время была длиннее дня. Астрономический день на Безвозвратной равнялся двадцати шести земным часам. А время года соответствовало ранней весне или поздней осени. С этим еще не успели разобраться. Хватало других забот по обустройству.

Диктатор не стал тратить время на увещания зарвавшихся служителей Истинной веры.

— У них логика, которую мы никогда не поймем. Она заставляет их убивать людей, а иногда и самих себя. У нас тоже есть своя логика — не просто выжить, а создать новый мир. Наш мир. Без этих ненормальных, заикленных на миссии очистить души людей, впавших в грех, — наставительно сказал капитан.

Сказано было с чувством и без заминки, словно главный астронавт давно хотел высказать наболевшее и только ждал повода.

Суровый практик всегда предпочитал слову дело.

Он кивнул на почти достроенную муфельную печь и приказал своему старшему помощнику, по совместительству начальнику генерального штаба вооруженных сил планеты:

— Взорвать! К... матери!

Техников со звездами на шевронах подгонять не пришлось. Приказ получен, подрывные заряды заложены. Взрывчатки не пожалели. Ее хватило бы на крематорий повышенной мощности. Глава ревнителей Истинной веры, а по совместительству Великий инквизитор, кинулся спасать любимое детище. Тщетная попытка дилетанта разминировать каменную постройку привела к досрочному вознесению на небеса.

Так одним колонистом стало меньше, а на Безвозвратной появился первый мученик, пострадавший за веру.

Отцы святой инквизиции не стали дожидаться, когда примутся за них. Они истово перекрестились и последовали вслед за предшественниками в джунгли.

Кто-то сгинул без следа в девственных лесах, другие, наоборот, выжили, отвоевывая у джунглей метр за метром. Народ был тертый, привыкший к выживанию еще на Земле. Планета потихоньку заселялась. Обособленные очаги человеческой цивилизации тянули щупальца все дальше и дальше...

Еще в файле, помеченном «Безвозвратная», шло описание пещеры с названием «Два капитана». Алешкин пожал плечами, но текст прочитал внимательно. Описание, на его взгляд, могло представлять интерес исключительно для профессионального спелеолога. Начав читать, он незаметно для себя увлекся. Человек, описавший эту пещеру почти сорок лет назад, назвал ее «Два капитана» из-за двух огромных сталагмитов у входа — «духов-хранителей». Вход широкий, почти пятьдесят метров, арочный свод правильной формы. Весь потолок усеян гигантскими сотами из неизвестного материала. Все ячейки были пусты. Какие твари жили в них и откладывали ли они мед — неизвестно. Если судить по размерам сот, то их обитатели должны были быть размером с кабана. Огромного такого кабаника с крыльями, а может, и кого-то другого. Потому что каменный пол под ними был усыпан длинными полыми иглами с зазубринами на острых концах. По утверждению

пещероописателя, здесь могла укрыться по меньшей мере треть колонистов, и каждый уголок среди камней мог бы служить им спальней. Учитывая, что всех колонистов, считая членов экипажа, было почти шестьдесят тысяч, размеры пещеры действительно впечатляли.

При обустройстве пещеры были сделаны находки, потрясшие первооткрывателей. Они представляли собой некое подобие защитных доспехов, сделанных из камня. То, что это не игра природы, было заметно невооруженным глазом. На поверхности темно-зеленого камня виднелись сколы. Рукотворная броня была вытесана из цельного куска. Мастерству древних каменотесов можно было только удивляться. Хорошо сохранился лишь панцирь, выточенный из горной породы. Все бы ничего, но в нем обнаружили целых шесть прорезей для конечностей и узкая щель по центру, шириной в ладонь. Остальные части доспеха не уцелели. От них остались небольшие осколки. Находку обнаружили, расчищая пол от камней, сорвавшихся из-под свода.

Кроме панциря с отверстиями, больше ничего не нашли. Кто его носил, так и осталось загадкой. Ни фрагментов костей, ни намек на окаменевшую органику не обнаружили. Бог весть сколько столетий или тысячелетий пролежало в пещере древнее изделие. Не факт, что это были именно остатки доспехов. Человеку свойственно оценивать находки, примеряя их к собственной персоне.

При расчистке другого завала в дальнем конце пещеры обнаружили тоннель, ведущий в глубь горы, и несколько идеально круглых дисков из того же темно-зеленого камня. Породы, не встречавшейся в выходах ископаемых к поверхности этого района. Геологоразведчики качали головами — такой минерал им был неизвестен.

Каменные кругляшки, размерами идеально совпадавшие с подставками под пивные кружки, с обеих сторон были покрыты изображениями треугольников. Равнобедренные, прямоугольные, равносторонние треугольники разных размеров сплетались в непрерывный узор.

Не вызывало сомнения, что находки изготовлены разумными существами.

Версия о том, что каменный панцирь являлся элементом защитного доспеха, у многих вызывала сомнения. Материал, из которого его изготовили, был слишком тяжел и хрупок. Долго в нем не побегаешь и не посражаешься. Археологов, а тем более специалистов по инопланетным культурам, в составе экспедиции не нашлось. Заниматься изучением находок было некому. Перед колонистами стояла другая, более важная задача — выжить в чужом мире. Ломать голову над объяснением найденных предметов не стали. Вопросов было больше, чем ответов. Точнее, ответов не было вообще.

Находки были историей мира. Мира, который людям еще предстояло познать.

Тоннель, скрытый под завалом, оказался руслом пересохшей реки. Причудливо петляя, он тянулся в глубь горы на двадцать километров. Это только тот участок, который прошли исследователи. Дальше смельчакам преграждал путь подземный водопад. Штурмовать водную преграду не стали. Зачем? Нового ничего не нашли, а идти катакомбами, ежеминутно рискуя свернуть себе шею, попасть под обвал, не решились.

Дальнейшие сведения файла носили отрывочный характер. Но все они так или иначе касались пещеры «Два капитана». Колонисты продолжали вести строительство, выходя из подземных убежищ на белый свет.

Следующий текст рассказывал об одном старом охотнике. Преследуя раненого зверя зумбу (разновидность местного парнокопытного, но холоднокровного животного), он бросился вслед за ним в пещеру — и с тех пор больше никто его не видел. В документе приводились и другие случаи исчезновения в пещере людей.

Поисковые партии возвращались ни с чем. Преодолеть водопад никому не удалось. Были найдены многочисленные отнорки и боковые проходы, в которых можно было блуждать без года вечность. Катакомбы образовывали сеть протянувшихся на многие километры лабиринтов. Если бы через каждую пару шагов поисковики не отмечали путь светящейся краской, то никогда не выбрались бы обратно на поверхность. Катакомбы без следа поглотили немало любопытных и любителей острых ощущений, отправившихся туда

на свой страх и риск. В местном фольклоре появились легенды о злых духах, заманивающих людей в пещеры.

Исследование пещер — одно из тех странных занятий, которые внушают нормальному человеку безотчетный страх. Лишь единицы могут манить рискованные похождения во тьме подземного мира, когда пробираешься в давящей на уши тишине по бесконечным сужающимся проходам. Для тех, кому знаком страх замкнутого пространства, это самый короткий и надежный путь к помешательству.

Отголоски детских воспоминаний Алешкина о поисках клада и найденном вместо них силовом кабеле подстанции были ярки и свежи, словно произошли вчера, а не многие годы назад.

Для него поиски сокровищ под землей были чем-то совсем другим. Ему вовсе не хотелось услышать над головой грохот обвала, осыпающихся пластов земли и навсегда остаться погребенным в черном безмолвии. Стремнины подземных рек, озера без дна, коварные невидимые пропасти не будоражили воображение разведчика. Человек в здравом рассудке не согласен умереть голодной смертью в одной из каменных ловушек, как бы ни манили тайны подземного мира. Лучше побыть у входа в ожидании тех, кто отважился лезть в темноту.

После того как без следа пропала поисковая партия спасателей, отправившаяся на розыск исчезнувших в подземных лабиринтах, колонисты решили понапрасну не испытывать судьбу.

Под землей не было и не могло быть никаких сокровищ. Да и откуда им там взяться? История человеческой цивилизации на планете не насчитывала и века. Отправлявшиеся на поиски приключений на собственную голову и другие части тела должны были знать: рассчитывать им придется лишь на себя и собственные силы. Официально власти сняли с себя всякую ответственность.

На этом месте текст об истории Безвозвратной обрывался.

Следующий файл начинался подборкой цветных фотографий.

Судя по качеству снимков, их сделали фотоаппаратом, встроенным в армейский оптико-электронный бинокль. Далеко до идеала, но рассмотреть то, что на них изображено, вполне возможно. Под различными ракурсами был снят древний танк времен Второй Великой войны.

Сквозь ветви незнакомых деревьев светило яркое малиновое солнце. Танк с квадратной башней одиноко стоял среди необхватных деревьев. На заднем плане угадывались вершины гор. На угловатой башне и броне хорошо просматривался толстый слой слежавшейся палой листвы. Непонятно, как широкая махина с длинным стволом оказалась среди лесных великанов. Или деревья выросли после того, как танк занял свою последнюю позицию?

Дальше фотограф снимал крупным планом еле-еле различимые опознавательные знаки древней боевой машины. Отмытая дождями броня сохранила остатки темно-желтой краски. Такой камуфляж вызывал вполне понятное недоумение. Он был бы более уместен в пустыне, чем среди буйства зелени тропического леса.

На боку башни, а также на ящике для снаряжения проступал полустертый временем и ветрами большой тактический номер «121». Крупным планом сфотографировали треугольник с изображением пальмы и красный четырехугольник с маленькой буквой «s» внутри.

Этот же номер был продублирован на небольших пластинах ромбической формы, закрепленных на боку и корме танка. Это было хорошо видно на снимке.

На корме было нарисовано еще что-то, похожее на абрис крадущегося хищника. Точнее не определить. Ветка дерева и облупившаяся во многих местах краска не позволяли понять, что за зверя нарисовали неизвестные танкисты.

К снимкам прилагались комментарии специалиста.

Экспертное заключение сотрудника архивной службы Музея истории военного

искусства Земли:

«Бронеобъект на снимках идентифицирован как немецкий танк «тигр», поступивший на вооружение 504-го батальона из так называемой нулевой серии, 1943 года выпуска. Машины первой и второй рот были отправлены в Северную Африку. Характерная особенность всех танков 504-го батальона — прямоугольный кожух выхлопных труб, как на представленных снимках. Позже нигде такие кожухи не применялись.

Перед отправкой в Африку все «тигры» выкрасили в «пустынные» желто-коричневые цвета. Танки имели знаки различия подразделений. В обеих ротах использовался отличительный знак батальона тяжелых танков «крадущая пантера».

Треугольник с пальмой является официальной эмблемой Африканского корпуса — соединения вермахта, сражавшегося в Северной Африке под командованием фельдмаршала Эрвина Роммеля.

В ходе ночного марша «тигр» с бортовым номером «121» бесследно исчез со всем экипажем. Чрезвычайное происшествие случилось 8 февраля 1943 года недалеко от одной из многих пирамид, щедро разбросанных древними египтянами среди пустыни.

Расследование по горячим следам ничего не дало. «Тигр» словно растворился на бескрайних просторах пустыни. Поиски прекратили из-за контрнаступления 1-й американской бронедивизии и авиационных налетов англичан. Экипаж объявили пропавшим без вести. Потом стало вовсе не до розысков. Наступила черед непрерывных боев. У «тигров» закончилось топливо и был расстрелян весь боезапас.

По причине окружения остатков батальона тяжелых танков, приданных 7-му полку, обездвиженные машины были взорваны своими экипажами.

6 марта 1943 года началось последнее наступление немцев в Африке против англичан на линии Марет, закончившееся тяжелым поражением. Остатки панцер-гренадеров повел в атаку подполковник Бааде. От непрерывных боев и придирок командования у него случился нервный срыв. Хотя еще неизвестно, что больше травмировало психику офицера: постоянный свист пуль над головой или грозные непрекращающиеся понукания командования.

Он повел подчиненных в последний прорыв, надев шотландский килт и размахивая мечом, который успел вытащить из своего подбитого «тигра». Безобидное на первый взгляд увлечение сыграло с поклонником военной старины злую шутку. Подполковник, ощутивший себя непобедимым шотландцем из древней саги, шел впереди редких цепей автоматчиков. Но и это не помогло, отчаянная атака захлебнулась под перекрестным огнем.

В середине мая Тунисский плацдарм был ликвидирован. В плен попали почти 230 тысяч немцев и их союзников итальянцев. Большая часть десантных барж и лихтеров Прибрежной эскадры была потоплена огнем танков или самолетов прежде, чем они успели хоть кого-то эвакуировать. Одним из немногих счастливцев оказался и подполковник Бааде. Несмотря на то что на нем не было ни одной царапины, усилиями медиков он был отправлен в лазарет. Баржа с ранеными и больными из полевого госпиталя по счастливой случайности уцелела. Офицер стоял на корме, опираясь на меч, глядя на удалявшийся берег. Ножны он потерял в бою. Его определили в категорию контуженых. Личное оружие санитары забрать не пытались, обоснованно опасаясь получить пациента с новым диагнозом. Почти нормальный офицер. Тем более клетчатую юбку он сам снял после боя, стащив штаны с убитого. А где вы видели полностью нормальных людей в действующей армии?

После себя подполковник Бааде не оставил никаких личных дневников или других записей. Погиб в апреле 1945 года при обороне Берлина».

На этом безумная мешанина из фактов заканчивалась.

Алешкин выключил планшет, положил его под жесткий синтетический валик, заменявший подушку, и лег на узкую откидную койку.

Этой ночью бывший командир разведроты долго не мог заснуть. Он сохранял внешнее спокойствие. Стороннему наблюдателю невозможно было догадаться, что творится у него внутри. Он думал о прошлом, анализировал визит Хеймдалля и приходил к одному выводу: надо соглашаться. А дальше будь что будет. Кривая вывезет.

Хеймдалль. Задание. Досье. Танк. Хеймдалль. Задание. Досье...

На следующий день Хеймдалль не заставил себя долго ждать. Он появился ни свет ни заря. У Алешкина не было часов. Время завтрака еще не пришло, значит, было раннее утро. Бывший кадет не стал тянуть резину. Коротко поздоровавшись, он сразу взял быка за рога:

— Ты подумал над моим предложением?

Экс-капитан сидел за столом, уже не сутулясь, и медленно поднял голову от электронного планшета, лежавшего перед ним. Очень не хотелось встречаться с холодными немигающими глазами посланца скандинавского эпоса. Неопределенно пожав плечами, он ответил:

— Наверное, я должен для проформы согласиться, а потом устроить глобальную подлянку с побегом и погоней. Вы... ты пытаешься дать мне новую цель в жизни, а зачем?

Хеймдалль выжидательно смотрел, не перебивая. У Алешкина сложилось необычное впечатление: у загадочного собеседника есть козыри, которые тот собирается пустить в ход, но не сейчас. Приберегает до поры до времени, как опытный игрок. Впереди многоходовая партия, и еще предстоит собрать всех игроков за одним столом.

— Психотесты показали: ты больше, чем офицер. Служба для тебя — страсть, а не работа. Раньше в офицерском корпусе подобных тебе было много. Сейчас остались единицы. Поверь. Мне трудно найти таких, как ты, а тех, с кем можно работать плечом к плечу, еще труднее.

Посетитель, заложив руки за спину, прошелся по камере. Три шага вперед, три назад.

— Если человек верит, ему легче жить. Только надо убедить человека, помочь найти ему задачу по силам. — Хеймдалль резко развернулся на каблуках и остановился, перестав мерить шагами камеру. — Да или нет?

— Да!

— Молодец, Дикий. Другого решения я от тебя и не ожидал, — не моргнув глазом одобрил он выбор Алешкина. — Правильно, нужно уметь плавать в этом мире. А сейчас нам пора. С вещами на выход.

Алешкин взял электронный планшет, но подниматься из-за стола не спешил.

— Теперь я могу узнать цель будущего задания?

— Для торжества недобра... — Хеймдалль задумался, потирая подбородок, и после паузы продолжил: — Подчеркиваю — недобра, это одно слово, а не абстрактного зла, достаточно хороших людей, не предпринимающих никаких действий.

— Кто-то из древних сказал? — уточнил Алешкин. Он никак не мог привыкнуть к запутанным ответам на конкретные вопросы.

— Точно! У наших современников ума хватает лишь на полеты к новым далеким планетам. А оглядеться и увидеть, что вокруг творится, времени уже не находится.

— Можно выразиться яснее? Куда ты клонишь?

— Выражаясь метафорично, всегда должно существовать зыбкое равновесие между хаосом и контролем. Подробности потом. Так сказать, в процессе совместной службы или работы. Как будет угодно. Пойдем, нам пора. — Хеймдалль хитро подмигнул Ингвару, поднял правую руку и щелкнул пальцами. Дверь камеры смертников послушно открылась. — Всего-то и делов.

Путь на свободу оказался неожиданно короток. Они прошли по коридору мимо одинаково безликих дверей. Ни номеров, ни каких-либо других обозначений. Коридор закончился глухим тамбуром-переходником. Возле него переминался с ноги на ногу пожилой полицейский с нашивкой «служба охраны» и пластиковой сумкой на магнитных застежках в руках. Обычно в таких хранят запасные фильтры-мембраны к бронемашине химико-биологической разведки. Их появлению он ни капли не удивился.

Хеймдалль без слов забрал у охранника сумку.

Щелкнули застежки. Он вывалил содержимое прямо под ноги Алешкину. На пол упали ботинки с высоким берцем и армейский прыжковый комбинезон для десантирования на лес без знаков различия.

— Переодевайся. Здесь все твоего размера, — поторопил Хеймдалль подшефного.

Два раза повторять не пришлось. Так быстро Алешкин не одевался даже на первом курсе военного училища по команде «Подъем! Тревога!». Тюремная роба поменялась местами с формой.

— Готов, — шепотом доложил Алешкин, глядя на Хеймдалля сверху вниз.

Тот, сидя на корточках, поспешно заталкивал арестантский наряд в сумку.

— Разрешите. — Тюремщик протянул руку к сумке.

— Открывай, — коротко бросил Хеймдалль. Просьбу он проигнорировал, зажав сумку под мышкой.

— Между прочим, это казенное имущество, — проныл охранник.

— Да-да, я в курсе. — Хеймдалль отодвинул охранника в сторону и припечатал открытой ладонью кнопку у того за спиной.

Бронированная дверь медленно поползла в сторону. За ней оказался каменный мешок с точно такой же дверью. Они подошли к ней. Пока первая не закроется, вторая не откроется. Шлюз-переходник — необходимая мера предосторожности на режимных объектах.

Алешкин не удержался и, не оборачиваясь, громко сказал:

— Прощайте!

— До скорого, — мстительно бросил им в спины тюремщик. — Кто хоть раз у нас побывал, обязательно возвращается.

Хеймдалль не успел обернуться, чтобы окоротить не в меру язвительного охранника. Дверь закрылась, отгородив их от тюремного коридора. Наружная дверь не спеша уползала в стену, открывая путь на волю.

— Тебе пора познакомиться с товарищами по будущим победам. Возражений нет? — поинтересовался Хеймдалль.

Ингвар согласно кивнул. Слова застряли в горле. Он чувствовал себя заново родившимся. Огромный и прекрасный мир снова принял его в свои объятия.

* * *

Хеймдалль собрал группу в полном составе в одном из загородных поместий, принадлежащих внутренней службе КСпН. Официально купчая оформлялась на подставных лиц. Предпочтение отдавали домам, находившимся вдали от посторонних глаз.

Встреча состоялась в одной из бесчисленных комнат подвального помещения, больше смахивавшего на бункер. Несколько столов и стульев из темного пластика. На стене большой экран. Спартанский интерьер соответствовал решаемым задачам. Без изысков, все подчеркнуто функционально.

Хеймдалль приглашающим жестом предложил подшефному занять место. За столами уже сидели трое мужчин, перед ними лежали включенные электронные планшеты. Алешкин вошел со своим. Со дня освобождения он не расставался с ним ни на минуту. Двоих он узнал сразу — Сапер и Стрелок. В электронных досье были их фотографии анфас, в профиль и три четверти. Третий человек сидел в стороне, и лицо его находилось в тени. Столы не были прикреплены к полу, все-таки не тюрьма — этим и воспользовался последний из немногочисленной группы. У Ингвара стало тепло на сердце. Он догадался, кто это.

Человек не удержался и сказал голосом генерала Фогеля:

— Мала-адой человек, как вы оказались в этой компании? Разве я вас этому учил?

Райх собственной персоной! Кто б сомневался в его талантах.

Друзья по кадетскому корпусу крепко обнялись.

— Старик еще жив? — похоже, Хеймдалль узнал интонации начальника кадетского

корпуса.

— Живее всех живых, — подтвердил Алешкин.

— Я вас всех переживу, — скрипучим голосом Фогеля сообщил присутствующим Пересмешник.

— Поживем — увидим, — философски заметил Хеймдалль и поторопил: — Прошу занять места! Потом поговорите. Время для этого у вас еще будет.

Хеймдалль задержал взгляд на Райхе.

Жестокий — и, тем не менее, дьявольски хороший офицер. А сам-то он об этом знает? Слишком занят, разыгрывая из себя зубодробительного служаку. Вероятно, так получилось случайно. Идеальная кандидатура на командира группы. Прекрасный подчиненный, о котором может мечтать командир. Согласно психотестам, проведенным в госпитале, «на данный момент стабилен». Жаль, врачи не гарантируют, что он не слетит с катушек в самый неподходящий момент. Лишь сильная воля помогла спецназовцу не раствориться в пучине безумия. Чего нельзя сказать о его подчиненных и приблудившемся к ним летчике со сбитого аэробота и водителях топливозаправщиков. Но его, Хеймдалля, не обмануть. Таких он чуял за версту. Цель жизни Райха — убивать. Призвание и любимое дело — готовиться к тому, чтобы убивать хорошо.

— Персональное пожелание Пересмешнику. — Хеймдалль вытянул руку и несколько раз согнул указательный палец. Красноречивый жест — так нажимают на спусковой крючок. — Не надо убивать всех попавшихся у тебя на пути. Пленных надо допрашивать. А этим удобнее заниматься, когда они еще живы.

— Постараюсь.

— Верится с трудом, — буркнул каэспээновец.

— Всевышний дал людям тела во временное пользование, — подал голос Сапер. — С ними надо обращаться поаккуратнее.

Пересмешник даже не взглянул на говорившего. Но отреагировал незамедлительно. Глядя прямо перед собой, он ровным голосом процедил:

— Еще раз встрянешь без разрешения в разговор офицеров, я тебе пасть зашью. Жрать будешь через трубочку. — Только теперь он соизволил повернуть голову и в упор посмотрел на Сапера. Таким взглядом можно было легко остановить «Раптор». — Понял, капрал? Не слышу ответа!

За подрывника ответил Хеймдалль. От его подчеркнутой доброжелательности мгновенно не осталось и следа. Любую свару он привык гасить в зародыше. Лучше сразу избавляться от проблем, которые могут возникнуть в будущем.

— Тихо! — его змеиный шепот был прекрасно слышен всей четверке. — Заткнулись оба. Здесь нет офицеров, сержантов, рядовых. Здесь вообще никого нет. Ни вас. Ни меня! — Хеймдалль ткнул себя пальцем в грудь. — Вы... мы все мертвее мертвого. От нас в этой реальности остались лишь могилы с надгробиями.

— А кто тогда здесь сидит? — не удержался Сапер. Спohватившись, он демонстративно прикрыл рот ладонью. — Молчу-молчу!

— Правильно делаешь, — одобрил Хеймдалль. — Слушать сюда! Два раза повторять не буду. Здесь находится специальная штрафная разведывательно-диверсионная группа внутренней службы Командования специального назначения. Цели и задачи вашего будущего задания расписаны в индивидуальных планшетах. Ознакомьтесь позже. За уши никто не тянул. Все дали согласие добровольно. Э-э-э, под давлением внешних обстоятельств. В которые сами и вляпались. Кто по дури, кто из-за служебного рвения, кто... Неважно почему. Причины разные. Результат один — вы все здесь. Ваше будущее зависит от того, как справитесь с заданием. Более подробно все нюансы знает командир группы, — он указал на Алешкина. — Все остальные — его подчиненные, — он обвел рукой остальных. — Зарубите себе на носу: командир и подчиненные. Еще раз повторяю: нет ни офицеров, ни младшего состава. В случае любой ошибки, умышленной или по недомыслию, которая может привести к срыву задания, — сейчас он обращался к Ингвару, — виновного

уничтожить немедленно. Вид смертной казни выбрать по собственному усмотрению. Слабое звено подлежит выбраковке. Все ясно?!

— Так точно! Ясно! — подтвердил приказ командир группы.

— А вам? — ядовито осведомился Хеймдалль у остальных.

— Так точно! — в один голос ответили остальные.

— Вопросы есть?

Все молчали, переваривая услышанное. Свое будущее они не представляли безоблачным. Но чтобы так жестко и безапелляционно... Сапер поднял руку, как примерный школьник. Дисциплинированно дождался разрешающего кивка Хеймдалля и только после этого спросил:

— У меня каменное надгробие? Или на бюстик бронзовый расщедрились?

— Хороший вопрос, — заулыбался Хеймдалль. От напускной злости не осталось и следа. — У тебя урна в колумбарии. Бюстик, даже самый простой, ты еще не заслужил. Хотя, может, в будущем, после настоящей смерти...

— Не надо! — поспешно возразил Сапер, выставив перед собой ладони. — Согласен на колумбарий при жизни. Большое спасибо.

— Остальные ничего не хотят узнать о надгробиях со своими именами, фамилиями, датами? — Хеймдалль пристально смотрел на бойцов. — А?

Ответом было молчание. Никто не хотел.

— И правильно делаете. В старину бытовала примета: тот, кто однажды умер и успел обвестись могилой, будет жить долго. Не обязательно — весело и счастливо, но долго.

Сапер пробурчал под нос:

— Вот непруха. Жлобье. Всего лишь урна. Хотя и на том спасибо.

— Не за что, — сказал каэспээновец.

— Действительно не за что.

Хеймдалль решил окончательно расставить все точки над «i»:

— Впрочем, мы отвлеклись. В седой древности военным, совершившим преступления, давали шанс искупить вину кровью. Из них комплектовали подразделения: штрафбаты и штрафные роты. В батальонах служили офицеры, в ротах — сержантский и рядовой состав. Перед ними стояли самые тяжелые, порой невыполнимые задачи. Так сказать, «к каждой бочке затычка» при прорыве вражеской обороны. Во время наступления штрафники служили частями прорыва. Они всегда были на острие атаки. Пришло время возрождать традиции. Негоже забывать старый опыт. Так, хватит болтать, — оборвал сам себя Хеймдалль. — А теперь немного конкретики.

Он дотронулся до запястья, где был закреплен коммуникатор. На электронном панели-экране в полстены загорелась карта местности, испятнанная условными знаками. Каэспээновец широким жестом обвел лучевым стилем район, окрасившийся в ярко-желтый цвет:

— Это зона, где, по полученным данным, скорее всего, находится ваша цель. — Он указал на красный четырехугольник, расположенный в центре желтого пятна.

— Насколько достоверны данные? — спросил Пересмешник.

— Аналитики, кажется, считают их достаточно верными, — ответил Хеймдалль, делая упор на словах «кажется» и «верными».

Алешкин скептически хмыкнул. Парни из стратегической разведки стабильно ошибались в трети случаев, оправдываясь потом нехваткой исходных данных.

— Участвовали ли вы в разработке операции? — спросил командир группы.

— Участвовали ли мы в разработке операции? — повторил каэспээновец, теперь делая упор на слове «мы». Он покривился. — Конечно, наши специалисты называли другие возможные места, где, как я считаю, объекта поиска не было и нет. — Хеймдалль сделал паузу, давая им время переварить услышанное. — Мы подозреваем, это именно то место, где находится наша цель и до которого нам никак не удастся добраться. Все зубы обломали. — Он еще раз ткнул в красный четырехугольник.

Новая страница в историю Безымянной была вписана корявым военным почерком. В армии всегда с подозрением относились к каллиграфии.

— Это была почти обычная операция, — сказал Хеймдалль, не дожидаясь новых вопросов. — «З» и «Д».

— Поясните, — попросил Пересмешник.

— Не подарок, — ответил Хеймдалль довольно безразлично. — «Зачистить и доложить», — вот, что такое «З» и «Д».

— «Обычная операция» — это штабное выражение, — осторожно заметил Ингвар. — Означает, что полное уничтожение десанта не предполагалось?

После паузы Хеймдалль ответил:

— Практически все десантники погибли или пропали без вести. Какая-то аномалия, а не спецоперация. С планеты вернулись на орбиту всего два десантных аэробота с ранеными. Никакой ясности. Безвозвратные потери списали на взрыв двигателей большого космотранспортника первого класса. Самого крупного в серии. Как обычно, все засекретили.

— Речь идет об аварии на корабле «Замерзший свет»? — спросил Стрелок. — Насколько я помню, в новостях говорили о проведении переброски войск для плановой замены гарнизонов на планетах Дракони́л.

— Точно! — подтвердил Хеймдалль. — Власти официально сообщили, что переброска войск носила характер плановой ротации. Надо разобраться, что там творится. То тут, то там мы сталкиваемся с... гм-м... проявлением силы и возможности перемещаться в пространстве на колоссальные расстояния. Прикладная физика не исключает такое, но теоретическую базу пока под это дело еще не подвели. А все ниточки ведут к этой планете. Аналитики считают, что все ответы можно найти в запретном районе. Трудно оперировать обрывочными данными. Вам предстоит добыть недостающие фрагменты мозаики. На месте разберетесь. Главное — добраться дотуда.

Хеймдалль обвел взглядом лица сидящих перед ним: молодые, нарочито бесстрастные. Эти лица не горели желанием отличиться. Но обе стороны знали правила игры — назад хода нет. Только вперед.

Он стал медленно и вдумчиво объяснять план будущей операции, получившей кодовое название «Прыжок за горизонт». Условное обозначение не должно нести даже намек на истинный смысл. Красиво, загадочно — и ладно. Все в угоду конспирации, с учетом возможной утечки информации.

Группа будет высажена с борта рейсового звездолета. Он зависнет на орбите Безвозвратной якобы для устранения мелкой поломки. Действовать будут под видом местных жителей, сборщиков корней редкого и поэтому дорогого растения ругава. Оружие, снаряжение, документы и еда уже приготовлены. Все с поправкой на местную специфику. Высадят их на окраине запретной зоны. До объекта добираться придется самостоятельно. На своих двоих. Десантироваться ближе опасно для здоровья и бесполезно для дела. Проверено широкомасштабным десантом с тяжелой техникой и другими штурмовыми группами.

— После выполнения задания у нас есть шанс вернуться к прежней службе? — У Стрелка еще остались призрачные надежды.

— Нет, — отрубил Хеймдалль. — В обычную жизнь дорожка вам заказана. Мы вместе напишем новые страницы в ваших биографиях.

— Гарантии есть? — не унимался Стрелок.

— Никаких, — обронил Хеймдалль. — Все зависит от вас. Справитесь — тогда впереди новая жизнь. Не получится, значит — судьба. Мы отвлеклись. Давайте о деле. Планета Безвозвратная никогда не входила в Содружество и, похоже, добровольно присоединяться не собирается. Местная власть и слышать не желает о каких-либо официальных контактах с Объединенным правительством. Пробовали высаживать крупный тактический десант на планету. Без толку! Были еще попытки добраться до объекта в районе, объявленном закрытым. В том числе и для местных жителей. Исключение ни для кого не

делают. Пробовали меньшими силами. В последний раз решили подобраться издалека. Собрали сводный диверсионный отряд. Он должен был подойти к цели через пустыню. Но исчез без следа. Словно его и не было на планете. Как я говорил, от ударного десантного подразделения осталась разбитая техника и груды трупов. От этих вообще ничего. Ни единого следа. Очередь за вами. У маленькой группы есть реальный шанс пройти дальше всех. Дойти и узнать в конце концов, что там происходит.

— Против широкомасштабного вторжения полнокровного экспедиционного корпуса Содружества никому не устоять, — заявил Стрелок. — Все просто. Нужен не один десантный транспортник, а четыре. А на орбите подвесить боевые космические платформы. Всем каюк. Просто и без затей!

— Трудно оценить технологическую опасность того, с чем мы столкнулись, — возразил Хеймдалль. — Представьте на минуту, что будет, если в руках ученых из Научного консорциума окажется такая сила. Наше общество и так сходит с ума. Надо помочь ему выздороветь или хотя бы поддерживать его в стабильном состоянии. — Хеймдалль говорил с жаром и убедительно. Похоже, он сам ни на йоту не сомневался в своих словах. — Кто, будучи в здравом уме, доверит яйцеголовым такую «игрушку», которую мы в глаза не видели? О ее возможностях мы можем судить лишь по плачевным результатам десантного наступления. Чтобы предотвратить утечку информации, пришлось пожертвовать транспортником. Методы сохранения секретности разные и способы их применения тоже разные. Поверьте, это допустимо для сохранения *такой* тайны. На войне не обходится без потерь. А мы находимся на острие удара. Хорошенько запомните, для каэспээнновца главное — это не героически погибнуть, а выполнить задание.

Райх одобрительно кивнул. Выражение «цель оправдывает средства» не вызывало у него никакого отторжения.

Хеймдалль выдержал паузу, затем продолжил:

— Можете считать меня параноиком. Не возражаю. Но, как говорится, если ты параноик, это еще не значит, что ничего не происходит. Поверьте на слово, чутье меня еще ни разу не подводило. Поэтому я до сих пор жив. Да и вы тоже.

— Мы действуем официально? — поскучнел Райх.

— Скорее нет, чем да, — пожал плечами Хеймдалль. — Вы Имеете всю информацию, которой мы располагаем. Посвящать в новые детали, если таковые возникнут, будет командир группы. По ходу дела. На боевое сколачивание группы дается неделя. Больше не имеет смысла. Вас учить — только портить.

— Мы будем готовы, — заверил Алешкин. Больше ему ничего не оставалось.

— Конечно, будете, — хмыкнул Хеймдалль. — Куда вы денетесь? Вы должны дойти до цели. Иного варианта нет.

Хеймдалль обвел взглядом лица штрафников. Он ожидал всплеска эмоций: гнева, ругани, недоумения, паники. Но общим, что объединяло новоиспеченных штрафников, было безразличие.

«Возможно, и эти слишком горды, чтобы показывать свои чувства, — устало подумал Хеймдалль. — Они храбрые, профессионально хорошо подготовленные, но удивительно бесстрастные люди, если не считать Сапера. Этот не упустит случая поиронизировать».

Сейчас штрафники казались Хеймдаллю больше актерами, чем бойцами. Начиная службу, они, исполненные энтузиазма, старались изо всех сил: новая нашивка на плече, еще один ромбик на погоне или медалька на грудь. Чувствовалось, что четверо людей, сидящих перед ним, прониклись тем же фатализмом, чувством обреченности, которое он заметил в себе, попав из ожогового отделения госпиталя во внутреннюю службу Командования специального назначения. Между этими событиями был отрезок времени, о котором не хотелось вспоминать. Он нашел летчика, пилотировавшего штурмовой аэробот, который по ошибке сжег его батарею. Хеймдалль бездарно попался после того, как убил летуна в номере офицерского общежития. Тогда он еще не умел грамотно замечать следы... Ничего, импульсивность — одно из свойств молодости, которое проходит с возрастом, уступая место

рациональной осторожности, балансирующей на грани параноидальной подозрительности.

«Я в их годы был молод и великолепен. Э-эх, время никого не красит».

— Мы дойдем, — равнодушно обронил Пересмешник. — Мы сделаны не из того теста, что они! Мы штрафники. — Он словно пробовал новое слово на вкус.

Похоже, новый статус в табели военной иерархии его ничуть не огорчил. «Настоящий офицер может выдержать все». Судя по кислым лицам Сапера и Стрелка, у них в головах крутились другие мысли. Что с них взять, с нижних чинов?!

Глава 6

Вокруг Безвозвратной не вращалось ни одного орбитального комплекса, ни одного маломальского метеоспутника, не говоря уже о военных. Уровень колонии был слишком низок, чтобы можно было позволить себе такие технические примочки, являвшиеся атрибутами развитой цивилизации. Пока об этом и речи быть не могло. Правительству еле хватало скудных средств на содержание наземных подразделений. Небольшие по численности вооруженные силы представляли собой мобильные отряды, выполнявшие карательные функции, если возникнет такая необходимость.

Для претворения в жизнь задуманного плана решили действовать энергично. На орбите завис грузовой транспорт. Капитан неожиданно решил провести профилактику основного двигателя. Бортинженер доложил, что все параметры в пределах нормы, но есть сбои в синхронизации между внешним и внутренним контурами. Двухчасовая остановка двигателя и вынужденная задержка никак не сказывались на графике полета. Допустимые опоздания из-за технических сбоев были обычным явлением среди грузовых транспортов — рабочих лошадок космоса.

Пока корабль лежал в дрейфе, от его стального брюха отделился невидимый для сканирующих систем малый десантный аэробот, замаскированный под спасательную капсулу.

На Безвозвратной не было ни агентурной сети, ни дипломатического представительства Содружества. Группа Алешкина находилась не в лучшем положении.

Аэробот стремительно падал, приближаясь к планете. Трясло немилосердно. Корпус мелко дрожал. Вибрация чувствовалась всем телом. Казалось, что от нее нервы, натянутые как струны, начинают потихоньку резонировать. Десантники вцепились в скобы амортизационных кресел, чтобы удержаться на месте. Пилот нашел длинную поляну в джунглях. Несколько десятков метров земли, окруженной стеной деревьев. Резко снизились. Аэробот грузно опустился, примяв днищем траву. Летун оказался мастером своего дела. Все остались целы. Немного помяты, но целы. Посадка в утреннем лесу прошла спокойно. Без нештатных ситуаций.

С тихим шипением опустилась аппарель. Первым в автоматически открывшийся люк выскочил Стрелок, за ним Ингвар. Каждому из десантников хватило несколько секунд, чтобы покинуть борт и оказаться на земле. Стрелок залег у выхода, держа полянку под прицелом своей винтовки. К ним присоединились Сапер и Пересмешник. Вся группа оказалась на земле. Аэробот дернулся, будто живой, и начал подниматься. Турбины, свистя и завывая, набирали обороты.

Воздушное судно взмыло над землей и растворилось в небе, затянутом низкими перистыми облаками, подсвеченными первыми робкими лучами солнца.

Десантники были одеты в поношенные комбинезоны неопределенного цвета, но с множеством карманов. Излюбленная одежда сборщиков ругавы — местной загадки то ли флоры, то ли фауны. Ученые ломали голову, сомневаясь, куда отнести ругаву — к растениям или животным? Сначала ее причислили к животным организмам из-за схожести с полипами, но другая группа ученых приводила аргументы, доказывающие, что местная диковинка — это растение. Споры продолжались.

Ее ценность заключалась в вытяжке, на основе которой получали препарат, резко

замедляющий старение человеческого организма.

Ругава росла в джунглях на стволах деревьев, образуя блюдцевидные наросты под цвет коры. У нее были короткие отростки, похожие на корни. Ими ругава, как и положено паразиту, присасывалась к деревьям, качая соки. Охотники поодиночке и группами прочесывали джунгли в поисках драгоценной диковинки природы. Ругава встречалась редко, а попытки выращивать ее искусственно ни к чему не привели.

Под прикрытием легенды можно было оправдать свое пребывание в любом уголке леса. Если окажешься на чужой или запретной территории, всегда можно сослаться на то, что заблудился.

У них даже имелась лицензия, разрешающая поиск ругавы, — потертый листок бумаги с оттиском печати. Кто-то предусмотрительный в свое время отдал приказ, по которому в архиве внутренней службы КСпН хранились образцы документов, имеющих хождение во всех обитаемых мирах. Серьезное оружие и спецсредства находились в тайнике, до которого еще нужно было добраться. По тому же приказу все колонизованные планеты оборудовались закладками для экстренных случаев. Сейчас все четверо были вооружены допотопными полуавтоматическими карабинами и разномастными ножами. Только Стрелку удалось выклянчить у Хеймдалля винтовку со съемной оптикой. Шестикратный коллиматорный прицел с разболтанными креплениями привел снайпера в состояние, близкое к шоковому. Допотопная оптика и рядом не стояла с армейским стандартом.

«Что мне делать с этим антиквариатом? Эти линзы «на коленке» шлифовали!» — завопил снайпер, первый раз взяв в руки винтовку.

Он привык в армии к другому оружию. Стрелок изматерился, пристреливая винтовку.

Все снаряжение и оружие искусственно состарили. Оставалось удивляться, как карабины еще не развалились у них в руках.

«Вы еще самонаводящийся ракетомет с собой прихватите. Откуда у простых сборщиков ругавы деньги на дорогое оружие? А такое старье как раз по карману, — отмел все просьбы Хеймдалль. — Будешь дальше ныть, заберу прицел. Снайпер — тот, кто стреляет точно в цель, а не далеко». Это уже относилось персонально к Стрелку.

Карты-навигаторы представляли собой наручные часы с широким экраном. Они исправно показывали местное время. Двадцать шесть часов в сутки.

После приземления надо как можно быстрее покинуть район высадки. Пилот горячо убеждал, что их засечь невозможно. Во всяком случае, приборы в кабине не зафиксировали направленного облучения поисковых систем.

Ему всей душой хотелось верить, но не стоило сбрасывать со счетов неучтенный фактор: передвижной патруль, визуальный пост наблюдения или случайных сборщиков ругавы. Таких же искателей удачи, как и они сами. Вот только разведчики, в отличие от промысловиков, не могли убраться с планеты без главного приза. Информация о загадочном объекте — их пропуск в дальнейшую жизнь.

К «идти туда, не знаю куда» военный привыкает в первый месяц службы после присяги, «делать то, не знаю что» — во второй. А вот «действуйте по обстановке» будет всегда выводить человека из себя. Будь ты хоть трижды военный.

Алешкин поднял с земли за лямки рюкзак со снаряжением, стандартным для лесных промысловиков, и коротко скомандовал:

— Уходим!

Небольшой отряд двинулся в лес. Их встретили высокие деревья, похожие на пальмы, но со светлой корой из плотно подогнанных друг к другу продольных чешуек. Ничего нового. Им не впервой рыскать в джунглях. Чего только с ними не случалось! Естественный отбор существует и среди армейцев. До выхода в отставку доживают самые подготовленные, умные и осторожные. Чего им стоило выбраться из передраг смертельной круговерти, знали только они сами.

Разведчики молча растворились в зеленом сумраке леса. Редкие лучи солнца с трудом пробивались сквозь кроны деревьев. Из мира исчезло разнообразие красок. Людей со всех

сторон окружал зеленый цвет и полутона: от ярко-изумрудных листьев до темной зелени лиан. Почти земные джунгли, с поправкой на местный колорит хищной флоры и фауны. Об этом никто не забывал. Все внимательно смотрели не только по сторонам, но и под ноги.

Колонна из четырех человек скорым шагом двигалась по лесу. Шли гуськом, стараясь передвигаться бесшумно. Все, что могло ненароком звякнуть и громыхнуть, давно было тщательно упаковано и подогнано.

Переменилась и походка. Она стала особой. Шли «волчьим шагом»: ступню ставили с пятки на носок перекатом, чтобы ни одна веточка не хрустнула под ногой. Валежника на земле хватало.

Ингвар разбил команду на пары. Мелкие группы наименее уязвимы для обнаружения. В том, что чужой лес полон неожиданных сюрпризов, диверсанты не раз убеждались на собственной шкуре. Правда, это было на других планетах, но вражеская территория редко встречает непрошенных гостей с распростертыми объятиями. Обычно чужаков ждет горячая встреча. Очень горячая. Со всеми положенными атрибутами: огонь из всех видов оружия, взрывы и ожесточенные рукопашные схватки.

Себе в напарники Алешкин выбрал Сапера, за которым надо было постоянно присматривать, чтобы тот не попал в какой-нибудь переplet или лишний раз не сцепился языком с Пересмешником. У него был особенный взгляд на картину мироздания и место человека в нем.

Так и до членовредительства недалеко. У Райха тоже было особенное видение места нижних чинов в своем ближайшем окружении. Неважно, что все в маленьком отряде БЫВШИЕ. Бывшие офицеры, бывшие сержанты и как люди они тоже бывшие. Про то, что никто из них в списках живых не значится, в разведгруппе не забывали. Хотя это ничего не меняло. Еще удавит Сапера втихаря и скажет «несчастный случай» или что-нибудь похлеще придумает, вроде «так он всегда и был такой, просто не дышит». Вон как Пересмешник на подрывника зыркает. Думает, никто этого не замечает.

Разделив маленький отряд, Ингвар сообщил товарищам, что дальнейшее передвижение по двое может происходить в произвольном порядке: как в колонну, так и шеренгой. Главное — не терять из виду своего напарника и хотя бы одного бойца из другой двойки. В особенно густой чащобе пары сходятся вместе. При движении обязательно делать остановки через шесть-семь минут, чтобы осмотреться и послушать лес.

Закончив краткий инструктаж, командир определил направление движения. Если верить карте-навигатору, они должны придерживаться маршрута, который по широкой дуге подбирался к конечной точке. Объект, обозначенный треугольником на карте-навигаторе, призывно пульсировал ярко-красным цветом. Мерцающая геометрическая фигурка манила к себе и одновременно предостерегала. «Будь осторожен, — подмигивал треугольник. — Не спеши. Путь в обход бывает короче».

Из раздумий, навешанных красным маячком-ориентиром, Алешкина вывел голос Пересмешника:

— Не слышу команды. Приказывай, мой капитан.

— За мной! — очнулся от мыслей Алешкин.

Он пошел первым, указав направление движения. Остальные молча двинулись следом. Обсуждать или комментировать приказы никто не собирался.

Группа успела отмахать несколько километров, забираясь все глубже в лес. Они не могли видеть, как по поляне, где происходила высадка, пробежала стремительная тень.

Над местом десантирования пролетел беспилотный самолет-разведчик. Слишком дорогое удовольствие для местных заштатных вооруженных сил с окраины Содружества.

Хищный силуэт и изогнутые стреловидные крылья не оставляли сомнения: небо расчертил ионосферный беспилотник. Последняя новинка в бесконечной череде разработок военной авиационной промышленности. Прототип, еще не вошедший в серию. Авиаразведчик мог наблюдать за поверхностью планеты с высот ионосферы. Это был его потолок. Выше начиналась экзосфера, переходящая в космическое пространство.

Для чего он спустился с недостижимой высоты, паря под низкими облаками, почти глядя сверкавшими на солнце крыльями верхушки деревьев? Нецелесообразно использовать дорогую технику для рядового патрулирования леса. Даже если это запретный район. То, что это не плановый полет, стало понятно после того, как беспилотник клюнул носом и заложил новый вираж. Он сделал несколько кругов над местом высадки группы. Знающий человек сразу бы понял — посадка аэробота не прошла незамеченной. Беспилотный разведчик набрал высоту. Он продолжал нарезать в вышине круг за кругом, постепенно увеличивая радиус небесной спирали.

Стеклянные глазки камер и стержни направленных микрофонов считывали информацию с джунглей. Он уже далеко отлетел от места, где десантники вошли под полог леса, но все равно упорно и методично продолжал прочесывать объективами местность.

Наконец оператору, издали управлявшему беспилотным разведчиком, надоело любоваться однообразным зеленым пейзажем. Небесный согладал, повинаясь команде человека, переложил воздушные рули хвостового оперения. Металлическая птица взмыла, уходя за облака.

...Когда идешь по джунглям, надо все время смотреть под ноги, чтобы ненароком не споткнуться о корни, которые, подобно набрякшим венам на руках грузчика, пересекают узкую тропинку. Надо глядеть в оба и вовремя нагибать голову, чтобы не напороться на низко склонившиеся ветки и не зацепиться за лианы. В трухлявых стволах деревьев зияют глубокие дупла. Часто такие прогнившие великаны преграждают разведчикам путь. Обомшелые колоды буйно заросли хищной зеленью. Вокруг разросшихся лесных гигантов выются толстые лианы, закрученные в причудливые узлы.

Среди стволов обозначился еле видимый просвет. Разведчики ускорили шаг. Сейчас темп задавал идущий впереди Пересмешник. Диверсанты продирались напрямик через колючий кустарник, сквозь переплетения лиан, гибких, но крепких, как страховочный трос.

Из зарослей вышли на небольшую полянку. Алешкин машинально поднял голову вверх — туда, где между смыкавшимися верхушками могучих деревьев был виден кусок вечернего неба. В этой чащобе он чувствовал себя букашкой на дне огромного лесного моря.

«Здесь и заночуем. Парням надо отдохнуть перед завтрашним днем», — решил Ингвар.

— Лагерь ставим здесь. Подъем в четыре часа утра. В четыре двадцать мы отправляемся дальше. Нам предстоит длительный переход, — сказал командир, внимательно оглядывая поляну — крошечный островок травы среди джунглей. Вроде ничего подозрительного. — Я дежурю первый. Следующий Сапер, потом Стрелок. На «час быка» заступит Пересмешник. Его смена последняя.

Однокашник коротко кивнул. Райх был не в обиде на командира за то, что он «нарезал» ему самую тяжелую смену. Он оценил это как знак доверия. Время перед рассветом военные называют «часом быка». Человеческий организм так устроен, что в это время суток сон самый крепкий. Бдительность притупляется. Более подходящего момента, когда легче всего резать часовых и застать противника врасплох, не придумать.

На это и рассчитывал командир, назначая Пересмешника. Когда Райх на посту, накрыть спящих диверсантов просто так не получится. Спецназовец сам мог устроить мастер-класс и показать, что можно сотворить с теми, кто мирно досматривает последние сны.

— Сапер, прикрой подходы к лагерю, — закончил отдавать указания командир.

Пока товарищи расстилали накладки-спальники, Сапер, как акула вокруг жертвы, нарезал круги вокруг бивака. По периметру поляны, немного в глубь леса, он расставил сюрпризы. На земле и на деревьях «выросли» «ананасики» — мины в форме ананаса и размером с кулак взрослого человека, с характерными металлическими взрывателями, лучеобразно раскрывающимися во время постановки на боевой взвод.

Внутри каждой мины находилось несколько сотен крошечных зазубренных пластиковых иголочек, которые разлетаются во все стороны после взрыва заряда, находящегося внутри «ананасика». Страшное, неприметное оружие. Если извлечение осколков из тела раненых доставляет немало хлопот хирургам, то удалить глубоко

впившиеся иглы просто нереально! Попробуй найти в джунглях врача. В лучшем случае можно рассчитывать на индивидуальную аптечку или санинструктора с точно таким же набором неотложной медицинской помощи.

Щедро засеивая лес диковинными «плодами», Сапер маскировал их толстым слоем листьев, покрывавшим землю. В ноздри бил запах прелой листвы. Он поднял сначала один лист, потом другой, рассматривая их. Каждый из них совсем иной, чем виденные им раньше. Ни одного знакомого очертания. Вокруг стояли чужие деревья с неведомыми названиями.

Сапер поставил мины с таким расчетом, чтобы толстые стволы закрывали поляну от смертельной начинки «ананасиков». Любой решивший подойти к лагерю со стороны леса был обречен. Закончив с установкой охранного минного поля, Сапер вышел на поляну и показал командиру большой палец:

— Все в порядке! Гостей услышим раньше, чем они до нас доберутся.

— Ложись спать! Не теряй зря времени. — Командир поудобнее перехватил карабин.

Спальники расстелили широким квадратом — ноги к голове, не забыв позаботиться и о минере. Даже подушки надули. В случае нападения лежащие мгновенно могли занять круговую оборону, не перекрывая огнем сектор обстрела товарища.

Сапер залез в спальник последним, следуя примеру Стрелка и Пересмешника. Машинально проверил, под рукой ли оружие и поясной ремень с самыми необходимыми вещами на случай нападения: подсумок с запасными магазинами и нож в чехле.

Чернильная темнота наступила почти внезапно, как это обычно бывает в джунглях. Небо, как бы опирающееся на верхушки огромных деревьев, сначала сереет, потом быстро гаснет.

Коснувшись головой подушки, подрывник уже ничего не видел и не слышал. Заснул мгновенно и крепко, как и раньше, словно был дома. А ведь отделяла его от родины бездна пространства. Теперь он находился в центре событий «особого задания». На самом дне лесного моря, но среди своих...

Ночное небо над головой неожиданно посветлело. Из-за облаков выплыли две луны. Та, что побольше, была лимонно-желтого цвета, у второй, поменьше, преобладал синий оттенок. Алешкин вспомнил: «У планеты два спутника. Неплохая подсветка местности для бодрствующего в ночи».

Будто две огромные лампы, высоко подвешенные над джунглями, луны давали неестественно-призрачный свет. Когда тучи плотно затянули небо, вернулась непроглядная темень. Словно крошечный метеорит, прочертив в воздухе зигзаг, промчался мимо часового лесной светлячок.

Из зарослей вдруг донесся пронзительный свист. Он напоминал звук падающей бомбы и вибрировал на высокой ноте. Затем внезапно понизил тон и прекратился, но мгновение спустя раздался снова. От неожиданности Ингвар чуть не выстрелил на звук, но в последний момент успел придержать палец на спусковом крючке. На свист в джунглях отозвалась какая-то тварь. Может, птица или животное? Поди-ка разберись. Ее голос напоминал удары пластиковой колотушки по изогнутому листу металла.

Время его смены, под аккомпанемент ночных звуков, пролетело незаметно.

...Пересмешник осторожно тронул командира за плечо. Алешкин открыл глаза, словно и не спал. Посмотрел на командирский дисплей, закрепленный на запястье. Пора.

— Подъем! Хватит дрыхнуть!

Наскоро перекусили, пока Сапер осторожно снимал минное поле. Отряд выступил в точно назначенное время — задолго до того, как небо побелело и внезапно рассвело.

Минер шел третьим в колонне. Есть пищевой брикет из сухого пайка и запивать водой из фляги ему пришлось на ходу, чтобы группа не выбилась из графика. У него времени на завтрак не хватило. Впереди их ждал марш. Дневной многокилометровый переход сквозь лесные дебри.

Четверо людей равномерно шагали по мягкому мху. Или густому лишайнику? Не разобрать. Ботаников среди них не было. Они наклонялись под упругими ветвями деревьев,

огибали топкие ямы, наполненные вонючей водой. Но еще труднее было обходить громадные завалы, нагроможденные весенними бурями. На планете мощные ураганы были предвестниками лета.

Завалы на целые километры преграждали путь в джунглях. Не продрасться сквозь скопище поваленных необхватных стволов, выкорчеванных пней и перебитых сучьев, торчащих как острые ножи.

В лесу стояла жаркая изнуряющая духота. В воздухе пахло перепревшей листвой. Несмотря на то что солнце стояло почти в зените, в джунглях царили сумерки. Переплетенные ветви высоких деревьев смыкались над головами разведчиков непроницаемым зеленым шатром.

Лесной полумрак кипел жизнью. В кронах деревьев летали разноцветные птицы и огромные, размером с сомбреро, бочкообразные бабочки. В ветвях и в траве жужжали и гудели насекомые. Между ветвей изредка пролетали лесные «пичуги» с перепончатыми крыльями, вспугнутые людьми. Похоже, летающие создания еще не перешли на новый виток эволюции, когда у них должны появиться перья. В одном месте дорогу преградила крупноячеистая сеть с металлическим отливом. Свежей сверкающей паутиной были затканы несколько деревьев и место с особенно густым кустарником. Осторожно, стараясь не дотронуться до паутины толщиной с альпийский шнур скалолаза, разведчики обошли ловчую сеть. Не хотелось думать, что хозяин паутины может находиться где-то рядом.

Был момент, когда диверсанты, обходя опасный участок джунглей, были на волосок от смерти. Но узнать об этом им не довелось.

Люди не видели, что за ними из глубины кустарника настороженно наблюдают несколько пар глаз. Кончики нитей ловчей сети сходились к ее создателю. Среди переплетения ветвей притаилось огромное создание размером с годовалого бычка и телом сколопендры, заключенным в прочный зеленый хитиновый панцирь. Голова с несколькими парами фасеточных глаз заканчивалась устрашающими челюстями. Серповидные орудия смерти легко могли перекусить человека пополам. Местные жители называли эту тварь перевертышем.

Человеческая поступь и тонкая вибрация паутины потревожили его дрему в гнезде, свитом в самом центре густого кустарника.

Затаившийся перевертыш проводил взглядом четырех человечков, забавно пятившихся от его логова. Ему не надо было поворачивать голову, чтобы постоянно держать их в поле зрения. Три пары глаз с каждой стороны трапецевидной головы давали круговой обзор и легко позволяли следить за потенциальной добычей.

Лесному монстру пару раз удавалось лакомиться двуногими существами, но они редко забредали в его владения. Однако сегодня у него по меньшей мере было две причины, чтобы оставить людей в покое.

Во-первых, он недавно, всего три дня назад, плотно перекусил выводком рогатых лесных свиней во главе с их мамашей, размерами не уступавшей ему самому. Теперь можно было долго не беспокоиться о пропитании. Спокойно переваривай добычу в дремотном оцепенении, пополняй запас жизненно необходимых веществ.

Во-вторых, его смутил резкий запах оружейной смазки. Он перебивал запахи леса, вызывая неприятные воспоминания. Так же пахла одна из его жертв, единственная, которая смогла причинить ему боль и нанести несколько маленьких ран. Дырки от пуль в хитине панциря быстро затянулись, но странный запах и чувство боли запомнились. На память лесная тварь не жаловалась.

Сегодня люди пахли так же. Перевертыш, разморенный и отяжелевший от еды, решил зря не рисковать. Он прикрыл три пары глаз и опустил голову на землю. Жвалы пару раз шевельнулись и замерли. Чудовищная сколопендра погружалась в спячку, из которой ее выдернули непрошенные гости.

Спустя несколько часов четвертка наткнулись на новую находку.

Группа двигалась по дну сухого оврага. Стрелок, шедший впереди, остановился. Он

медленно поднял винтовку и повернул ствол в сторону. Снайпер замер в этой позе, потом снова ткнул стволом, показывая на что-то.

Шедший сзади Алешкин осторожно подошел и одними губами спросил: — Что нашел?

Вместо ответа снайпер показал рукой. Слов не потребовалось. Посередине оврага лежали три трупа мужчин. Комбинезоны защитного цвета почти сливались с травой. Лица успели потемнеть, в глазных впадинах копошились насекомые. Более крупные лесные падальщики не успели воспользоваться дармовой закуской. Учитывая влажный климат и цвет кожи, убитые лежали здесь от силы два дня. Овраг стал полем боя. Нет, бойни. Оружия рядом с трупами не было, как не было и стреляных гильз.

Они лежали рядом на спине, все трое, будто их тут положили могильщики. Мужчина справа был убит пулей в живот, второму очередью разворотило грудь, а третьему — лицо.

К разведчикам присоединилась вторая двойка.

Большие черные пятна на одежде — отметины пулевых попаданий. Голова третьего — просто месиво. От лица ничего не осталось.

Пересмешник поднял с земли палку и теперь колдовал над мужчиной, которому пуля угодила в голову. Отбросив палку в сторону, он сообщил:

— Ему выстрелили прямо в затылок, практически в упор. Волосы на затылке опалены. Стреляли из девятого калибра, а перед этим заставили встать на колени.

— С чего ты взял? — спросил Алешкин.

— Сам посмотри. — Райх указал на штанины убитых, измазанные на коленях землей.

Вокруг трупов валялись три выпотрошенных рюкзака с немудреным скарбом. Алешкин поднял прозрачный пластиковый пакет. Там лежали два разлапистых корешка ругавы.

— Глянь-ка, — показал он пакет Пересмешнику. — Кто-то грохнул собирателей кореньев. Хреновую легенду нам придумал Хеймдалль. Тут, похоже, с ними особо не церемонятся.

— Запретный район, — пожал плечами Райх. — Странно, что ругаву не забрали. Вроде бы она здесь в цене.

Алешкин засунул пакет в рюкзак. Сгодится для подтверждения маскировки. Если успеет показать при проверке. Хотя, похоже, здесь сначала стреляют, а потом досматривают.

— Уходим! На двойки не расходимся. Держимся вместе, — скомандовал командир и показал вверх.

Группа поднялась по относительно пологому склону оврага. Перевалив через край, разведчики вновь окунулись в переплетение джунглей.

Последним из оврага вылез Сапер, задержавшийся по уважительной причине. Достав один из «ананасиков», подрывник аккуратно подложил фрукт под труп с изуродованной головой. Осторожный поворот предохранительного кольца. С металлическим щелчком раздвинулся веерообразный взрыватель — мина встала на боевой взвод.

Сапер сказал сам себе:

— Если повезет, уничтожим парочку этих уродов. Шакалье любит возвращаться на места своей «боевой славы».

Отряхнув ладони, он бросился догонять товарищей. У него за спиной прожужжало крупное насекомое с крапчатым матово-синим брюшком, похожее на земную муху. За ней другое. Мухи любят заступать в караул у трупов.

«Сегодня они нажрут до отвала. Маленьким падальщикам любая смерть идет на пользу».

Дальше отряд шел в колонну по одному. Впереди Пересмешник, ему нравилось быть на переднем крае. Он всегда всеми своими пятью чувствами — в разведке.

Зелень джунглей сменилась желтизной. Диверсанты двигались через кустарник, все ветви которого покрывали пахучие желтые цветки. Любое прикосновение поднимало облака желтой пыли. Пока разведчики могли идти, придерживаясь выбранного направления. Но с каждым шагом кустарник становился все гуще, смыкаясь в сплошную стену. Под ногами стелились ползучие лианы, так и норовящие подставить подножку. Ботинки бороздили

желтую пыль под ногами.

Неожиданно справа от Райха раздалось постукивание, словно кто-то развлекался кастаньетами. Разведчик замер как вкопанный. Он внимательно вгляделся в куст, откуда доносились звуки.

Среди ветвей стыдливо пряталось существо ростом с ребенка. Покрытое с ног до головы пылью, оно настолько сливалось с кустами, что выдавало себя лишь звуком и большими выпуклыми глазами. Создание уставилось на человека внимательным мутным взглядом.

— Кто там? — тихо спросил Сапер. В колонне он шел вторым.

Создание встрепенулось. Его глаза наполнились злостью. Оно выскочило из кустов и, быстро шагая, словно человек, двинулось к Саперу. Подрывник инстинктивно сделал шаг назад и, наткнувшись на лиану, упал навзничь.

Не вставая, он попытался поднять винтовку, но приклад запутался в лианах. Подскочивший к нему сзади Алешкин присел на одно колено. Он не успевал помочь товарищу выпутаться из зеленых канатов. Командир вскинул винтовку, уперев руку в колено. Цевье послушно легло в подставленную ладонь.

Вспышки выстрелов прошли в нескольких сантиметрах от лица подрывника. В уши минера ударил чудовищный грохот, он стал валиться обратно на землю.

Убитое животное сложением напоминало человека маленького роста. Короткие ноги заканчивались детскими ступнями с изогнутыми острыми когтями. Шея практически отсутствовала, морщинистая кожа, покрытая желтой пылью, напоминала грубую мешковину. Приплюснутая голова с шишковатыми наростами вблизи уже не походила на человеческую: круглые выпуклые глаза с вертикальным зрачком, курносый нос с вывернутыми ноздрями. Безгубый рот напоминал щель, открывавшую острые треугольные зубы, покрытые желтой пеной. Прямо от шеи тянулись два перепончатых крыла, изломанных выстрелами. Райх стволом винтовки расправил на земле складки крыла. Изнутри они были покрыты тонкими костяными пластинками. Из пасти вывалился длинный язык с желтым налетом.

— Зубастик, оказывается, не прочь повегетарианствовать, — заметил поднявшийся с земли Сапер. — Пыльцу он тут, что ли, жрал? Или слизывал?

Ответить ему не успели. С той стороны, откуда пришла группа, раздались специфические звуки — так постукивают клювами некоторые виды птиц, привлекая внимание друг друга. У твари клюва не было, значит, звуки выстрелов привлекли каких-то обладателей костяных пластинок. Невидимые кастаньеты приближались, щелканье нарастало.

— Ходу! — рявкнул Алешкин и первым ломанулся сквозь кусты.

Снайпер прикрывал отход. Он пристрелил двух тварей, неосторожно появившихся на расстоянии прямого выстрела. Еще одну убил Пересмешник, разmozжив ей голову прикладом. Тварь внезапно выскочила прямо на него. Другие существа не спешили нападать, прячась в желтом кустарнике.

Ветви с желтыми соцветиями царапали лицо и руки. Но прикрыть лицо никто не мог, руки были заняты оружием.

Костяной стрекот сливался в один сплошной жуткий гул. Алешкин только собрался приказать занять круговую оборону, как пахучие желтые заросли закончились. Рано или поздно все заканчивается, и не только плохое.

Отряд вывалился на поле, заросшее высокой травой. Сзади продолжали раздаваться треск и костяное пощелкивание. Звуки становились громче. Твари догоняли.

Пересекать открытое пространство днем было опасно, но другого выхода не было. Времени на обход не оставалось.

Алешкин отдал команду на бросок через поле:

— За мной! Бегом марш!

Разведчики, не пригибаясь, рванули за командиром. Преследователи остались далеко

позади.

Они пробежали почти через все поле. Одежда на солнце взмокла от пота. До ближайших деревьев осталось метров двадцать, рукой подать. Последний рывок — и они затеряются в переплетении стволов и лиан. Скорее в лесную прохладу. Джунгли укроют, спасут.

— Стоя-ать! — обрушился голос с небес. Разведчики по инерции пробежали еще несколько шагов.

— Стоять, кому говорю! Замерли на месте! Не шевелиться! — Голос, усиленный громкоговорителем, звучал с такой силой, словно сумасшедший орал прямо в ухо. — Глухие, что ли?

Приказ подтвердила очередь из пулемета. Бам-бам-бам! Перед диверсантами запрыгали черные фонтанчики земли, выбитые пулями. Линия изорванного дерна четко очертила границу, за которую переступать нельзя. Дальше смерть. Люди замерли как вкопанные, боясь пошевелиться. Против такого аргумента не попрешь. Убедившись, что его команда выполнена, голос продолжил, в нем слышались откровенно издевательские нотки:

— Оружие на землю. Кто-то рыпнется — пристрелю!

Алешкин осторожно положил винтовку, за ним то же самое проделали остальные.

— Пять шагов вперед, шагом марш! Диверсанты повиновались.

— Все делать медленно: снять рюкзаки, ремни, карманы вывернуть. Пять шагов вперед. Марш! — продолжал грохотать голос. Чувствовалось, что обладатель громкоговорителя привык повелевать.

Он одобритительно заметил:

— Понятливые попались. Хорошо! Дольше проживете. Руки на затылок. Во-от так!

Ингвар медленно снял с себя рюкзак, расстегнул ремень с закрепленными на нем подсумками с запасными магазинами, флягой и ножом. Он не сводил глаз с леса, лихорадочно перебирая в уме возможные варианты развития событий: «На кого же мы напоролись? Из огня да в полымя!»

В глубине джунглей натужно взревел мощный двигатель. Ломая кусты и тоненькие деревца, оттуда выехал полугусеничный открытый транспортер-вездеход «Панцирь».

«Мама дорогая, роди меня обратно».

Через низкие бортики на землю спрыгивали люди, вооруженные «Штурмами». Автоматы не самой современной модификации, но от этого не менее смертельные в умелых руках. Рассыпавшись редкой цепью, автоматчики окружили разведчиков. Ловят каждое движение, пальцы на спусковых крючках.

Солдат было шестеро. Все в оливковой форме со знаками различия регулярных вооруженных сил планеты. Из общей массы выделялись двое в черных сетчатых комбинезонах. У них были современные пистолеты «Рекс». Они щеголяли кобурами, пижонски пристегнутыми к бедрам поверх комбинезонов. Один из черных, похоже, был здесь за главного. Он поднял руку и отстегнул закрепленный на горле громкоговоритель — армейский усилитель голоса. Любитель громко покомандовать даже не стал доставать пистолет из кобуры. Другой в черном комбинезоне уже вовсю потрошил рюкзаки диверсантов. Расстегнув верхний клапан, он бесцеремонно вываливал содержимое на землю и брезгливо ворошил вещи ногой, обутой в высокий шнурованный ботинок. Шмонал он проворно, со знанием дела. Чувствовался многолетний опыт досмотров. Очередь дошла до баула Сапера.

Когда из рюкзака посыпались «ананасики», черный поступил не профессионально: вместо того чтобы мгновенно отпрыгнуть и залечь, он застыл в позе замороженного павиана, тупо пялясь на то, как ему под ноги падают желтые металлические «фрукты». Один из «ананасиков» от удара о землю громко щелкнул и ошетинился веером железных «листьев». Мина встала на боевой взвод. Достаточно одного неосторожного прикосновения — и прогремит взрыв.

Сапер неодобрительно хмыкнул. Он всегда относился с почтительным трепетом ко

всему взрывоопасному и ожидал такого же отношения от всех остальных. Черный оттаял и сделал осторожный шаг назад, когда последний «ананас» перестал качаться, замерев на земле.

Двое местных солдат остались в вездеходе: один за рулем, второй за пулеметом «Зубр», установленным на турели. Сейчас крупнокалиберный ствол смотрел на разведчиков, окруженных со всех сторон.

«Непрофессионально. При скорострельности три тысячи выстрелов в минуту пулеметчик перекрошит в кровавое месиво не только задержанных, но и своих товарищей. В первую очередь надо опасаться этих двоих в черных комбинезонах. Судя по ухваткам, они самые подготовленные и явно здесь главные».

Алешкин поймал взгляд второго черного, который вразвалочку подошел к пленным, но не вплотную. Предусмотрительный. Дистанция между ними намного превышала расстояние вытянутой руки. Не дотянуться. Да и остальные настороже.

Ингвар постарался придать лицу простецкое выражение, наиболее соответствующее обыкновенному сборщику кореньев. Во всяком случае, так ему хотелось думать.

— Куда так спешите? — Главный рассматривал их, словно перед ним были тараканы, а не люди. Сразу угадывался профессиональный «охотник на людей». Простое черное кепи с длинным козырьком не могло обмануть Алешкина.

Глаза из-под козырька смотрели на четырех оборванцев, измазанных желтой пылью, уже не брезгливо. Они стали цепкими и колючими.

— Напоролись на стаю хищников, — ответил Алешкин и тут же зачастил: — Господин, мы ничего плохого не делали. Просто ищем ругаву. Зарабатываем на пропитание тем, что боги леса пошлют. У нас и лицензия есть. Все честь по чести. Разрешите показать? — Алешкин потянулся к нагрудному карману. — Два корня нашли и... вот эти железки. Может, скупщики хорошую цену за них дадут? На каждую вещь найдется покупатель.

Черный понимающе улыбнулся Алешкину, словно встретил старого друга, шагнул к нему и коротко, без замаха, саданул кулаком под дых. По телу прокатилась волна боли. Ингвар сложился почти пополам, но на ногах устоял. Он широко раскрытым ртом жадно ловил воздух, одновременно стараясь отстраниться от боли.

Ударив, черный тут же отступил назад, бдительно выдерживая безопасную дистанцию.

— Чего только не найдешь в лесу! Кого только не встретишь! И горе-копатели раздобыли всего два корешка? Сноровки на большее не хватает? — Охотник за двуногой дичью откровенно глумился, наслаждаясь властью. — Интересно, за каким хреном искатели кореньев поперлись в заросли желтоцвета во время его цветения? Даже дети знают, что костяные птицы обожают желтую пыльцу. В это время они слетаются со всей округи. А тут лесовики прут напролом через желтоцвет! Улавливаете?

Не уловил бы только последний идиот. «Сборщики кореньев» получались круглыми дураками.

— Кто вы, залетные? — На слове «залетные» черный сделал ударение. — «На нас напала стая хищников», — передразнил он Алешкина, подражая его интонациям. — Учите матчасть, юноша!

— У нас есть лицензия, — робко напомнил Ингвар, но доставать из кармана вытертую на сгибах бумажку не спешил. Предыдущая попытка показать официальный документ еще напоминала о себе болью при каждом вдохе.

— Сборщики в лесу, да еще и с лицензией — новые премиальные. Работать в джунглях не всегда комфортно, но уж слишком прибыльно. Хорошо! — Черный рассмеялся над собственной незамысловатой шуткой. Когда у тебя в руках чужая жизнь — это так повышает тонус. Бодрит.

Он достал из набедренной кобуры пистолет и указал стволом на Пересмешника:

— Ты! Встать на колени!

Разведчики неподвижно стояли, положив руки на затылок. Все ждали, что будет дальше.

Черный двинулся к Райху походкой генерала. Он не шел, а шествовал, наклонив голову немного вперед и не сводя глаз с того, кого выбрал в жертву.

— Ты чё, оглох или совсем тупой? Не слышишь, что я говорю? Сейчас я тебе ушки-то прочищу! — Черный с силой ткнул разведчика пистолетом в ухо. Прицельная мушка на стволе глубоко разодрала мочку. Алая струйка тоненькой змейкой побежала по шее и затекла под воротник. — На колени!

Пересмешник издал слабый стон. Медленно согнул одну ногу и опустился сначала на одно колено, потом на другое. Его лицо, прежде спокойное и мужественное, с легкой тенью надменности, враз переменялось. Левая щека дергалась. Он смотрел на своего мучителя снизу вверх, заискивающе улыбаясь.

— Меня посетила идея. Можно даже сказать, озарение. — Охотник за головами был доволен собой. Пленный явно «поплыл». Стоило ткнуть стволом в башку, и тот сразу дал слабину. Сейчас он все узнает. — Никакие вы не промысловики. Тогда кто?

— Мы... мы-ы... — промычал Пересмешник, не в силах связно говорить.

Неожиданно он расплакался. Поникие плечи тряслись как в падучей, в горле клокотало от рыданий. По щекам побежали слезы, оставляя темные дорожки на коже, желтой от пыли. Он громко шмыгал носом, не в силах остановиться. С разведчиком приключилась форменная истерика.

Черному было забавно смотреть, как суровое мгновение назад лицо исказила гримаса отчаяния и животного ужаса. Райх, раболепно стоявший на коленях, не вызывал ничего, кроме безразличия. Спецназовец оказался банальным трусом.

Стрелок презрительно сплюнул и тихо выругался:

— С-сука!

Второй черный зашел сбоку и открытой ладонью отвесил Пересмешнику звонкую затрепину:

— Жить хочешь?

Разведчик испуганно и часто закивал.

— Говори! Проживешь дольше других.

— Мы готовились... Нас заставили... — Райх с мычания перешел на невнятный скулеж. Руки, сложенные на затылке, ходили ходуном. Разведчика била крупная нервная дрожь.

Водитель вездехода приподнялся с кресла, чтобы лучше видеть допрос. В узкую прорезь лобового бронешита было плохо видно бесплатное представление, слишком небольшой обзор.

Солдат, державший Алешкина на прицеле, тоже во все глаза смотрел на разворачивающееся действо. Командир группы сообразил, что и другие служивые сейчас пялятся на допрос. Нужен был толчок.

Старший черный наклонился к пленнику. Сейчас он разговорит эту лесную крысу или кто он там на самом деле. Он собирался поднять стволом мокрое от слез и пота лицо пленника, чтобы начать задавать вопросы. Один за другим, снисходительно внимая ответам.

Стоявший на коленях сам посмотрел ему в глаза. Он продолжал плакать, слезы текли в три ручья, вот только взгляд стал цепким и насмешливо оценивающим. Сломленные духом так не смотрят.

Пересмешник резко выбросил руки из-за головы. Левою он вывернул запястье черного; в этой руке тот держал пистолет. Правую впечатал мучителю в пах. Он все рассчитал верно. Охотник за головами инстинктивно нажал на спусковой крючок. Выстрел прогремел над ухом. Пуля, выпущенная в упор, угодила второму черному в живот. Помощника заплечных дел мастера отшвырнуло назад. Райх продолжал выкручивать руку главарю. Тот откинулся назад и попытался пнуть разведчика в лицо каблуком. Но нога попала в воздух. Два тела сплелись в рычащий клубок, пистолет отлетел в сторону.

В тот момент, когда грянул выстрел, Алешкину показалось, что время остановилось, а воздух стал таким густым, что можно резать ножом. Жаль, ножа нет!

Солдат напротив него только поворачивал голову, а командир группы уже бросился на него. Он вспомнил слова инструктора рукопашного боя в училище: «Удар пантеры» — бей врагу в лицо согнутыми напряженными пальцами. Хоть один да попадет в глаз. Повезет — выколешь оба».

Отбив локтем в сторону ствол автомата, Алешкин ткнул растопыренной пятерней в лицо противнику. По ладони потекло что-то скользкое и горячее. Короткий удар по корпусу уложил солдата на землю. Ингвар изо всей силы опустил ногу в высоком ботинке на шею поверженному. Под подошвой громко хрустнуло.

Алешкин повернулся. Стрелок додушивал своего охранника. Важно посильнее передавить шейные вены. Сознание померкнет через семь-восемь секунд. Потом смерть.

Алешкину хотелось передвигаться быстрее. Все вокруг, казалось, движется, как в замедленном кино. Пулеметчик орал на оглянувшегося водителя. Тот своей «тупой башкой» загоразживал ему сектор стрельбы. Сапер, проигнорировав своего охранника, бережно поднимал с земли мину. Он схватил ее за корпус так, чтобы не коснуться «листьев» взрывателя, стоявшего на боевом взводе.

Ингвар прорывался сквозь желе сгустившегося времени. Он видел, что не успевает преодолеть расстояние до последнего охранника и коротким рывком сломать тому шею. Он подхватил с земли автомат убитого и одиночным выстрелом, как в тире, снес ему полчерепа. С выстрелом совпало несколько событий. Сапер забросил «ананасик», как гранату, в вездеход, успев крикнуть: «Ложись!» Оставшийся в живых черный умудрился боднуть головой Пересмешника и вырваться из захвата. С низкого старта он рванул к вездеходу. Профессиональному живодеру не было равных в деле спасения собственной шкуры. В мгновение ока он перекатился и исчез под днищем.

В этот миг траектория «ананасика» закончилась внутри машины. Взрыватель мины, в отличие от гранаты, сработал мгновенно, без замедления.

Ба-ам! Взрыв ударил во все стороны. Внутренности кузова окатило вихрем сотен маленьких пластиковых иголок. Никого за пределами вездехода не зацепило, бронированные борта и днище предохранили. Зато салон изнутри стал похож на гигантскую подушечку для иголок.

Водитель и пулеметчик погибли мгновенно, превратившись в людей-дикообразов.

Солдат скорчился, навалившись грудью на пулемет. Под весом его тела турель развернулась в сторону. Уже мертвый, он сжал гашетку и не отпускал. Пулемет начал стрелять одной непрерывной очередью. Цепочка желтых трассирующих пуль била, точно струя из лопнувшей трубы. Деревья на опушке джунглей взрывались и распадались на куски в клубах пыли. Обрывки лиан с силой раскачивались над землей как разорванная паутина. Пулемет в руках мертвеца дергался, словно его сотрясал приступ икоты. И вдруг замолк. Лента с патронами закончилась.

— Все целы? — крикнул Алешкин, озираясь. С земли он подниматься не спешил. Смотрел на свои руки, вцепившиеся в трофейный автомат, и не мог заставить себя их разжать. Внезапно захотелось полежать хотя бы несколько минут с закрытыми глазами. — Все живы?

Сапер и Стрелок вразнобой подтвердили:

— Да, живы.

— Целы.

Пересмешник не отзывался.

Алешкин рывком вскочил на ноги с автоматом на изготовку. Сапер показывал на что-то у него за спиной. Командир обернулся.

Среди деревьев мелькнула тень. Черный, единственный уцелевший из противников, воспользовался замешательством после взрыва. Он вылез из-под вездехода с противоположной стороны и рванул в лес. За ним с небольшим отрывом мчался Райх. В правой руке у него что-то блеснуло, отразив солнечный лучик.

Пересмешник неумолимо сокращал дистанцию.

«Надо догнать. Затеряется среди деревьев — попробуй его потом найди. Второго шанса не представится. Наведет на наш след, потом не оторвемся. Да и ушки не мешает ему почистить».

Эти мысли делали Пересмешника нечувствительным ко всему остальному — к собственному свистящему дыханию, к ругани, которая рвалась из горла, к крови, что снова потекла из разодранного уха. Догнать!

И он догнал черного, грохнувшегося на землю. Тот умудрился подвернуть ногу и попытаться отползти в кусты, судорожно шаря по бедру. Вот досада! Вместо привычной ребристой рукоятки пистолета пальцы нащупали пустую кобуру.

Тяжело дыша, Пересмешник вкрадчиво спросил:

— Поговорим? Ты никуда не спешишь?

Райх сделал шаг вперед. Перебросил короткий нож из одной руки в другую. Обоюдоострая полоска стали хищно сверкнула на солнце.

— Чего молчишь? Язык проглотил или плохо слышишь? Щас я тебе ушки-то прочищу.

Черный сделал слабую попытку отползти от спецназовца. Не вышло. Он уперся спиной в ствол поваленного дерева, затравленно озираясь. Дальше хода не было. Охотник и жертва поменялись местами...

— Собрать оружие! Пора обновить арсенал.

Алешкин подошел к убитому. Солдат лежал, уткнувшись лицом в землю, руки все еще сжимали автомат. На стриженном под ноль затылке, вокруг круглого входного пулевого отверстия, сползал вниз, не оставляя следа на коже, шарик крови.

Все, кроме снайпера, поменяли допотопную рухлядь на «Штурмы». Стрелок успел привыкнуть к пристрелянной винтовке. С убитых сняли подсумки с гранатами и запасными магазинами. Не забыли и про пистолеты. Удобные кобуры-трансформеры можно было носить как угодно: на бедре, на поясе или под мышкой. Достаточно подогнать ремни, остальное дело вкуса и привычки. Нашли современное поисковое оборудование: два оптико-электронных бинокля и ручной полевой сканер. Хорошо! Как раз по биноклю на каждую двойку.

Стрелок, оставшийся со своей верной винтовкой, пистолет повесил на правый бок, а гранатных подсумков взял два.

«На всякий случай», — пояснил он.

Когда обыскивали вояк из перебитой засады, выяснилось, что второй черный еще жив. Он свернулся калачиком, обеими руками зажав рану. С него сняли оружие и до поры до времени оставили в покое, стянув спереди руки его же поясным ремнем.

Алешкин и Стрелок складывали в рюкзаки вещи, выброшенные при обыске. Сапер занимался любимым делом: бережно упаковывал «ананасики» до лучших времен и настоящего дела.

Ни у солдат, ни у черного не оказалось ни документов, удостоверяющих личность, ни жетонов. Ничего. Армейская форма еще ни о чем не говорила, как и приличное оружие.

— А вот и наш пострел. — Стрелок первым заметил вынырнувшего из леса Пересмешника.

Разведчик шел к товарищам широким скользящим шагом. Судя по его ухмылке, он был доволен собой и окружающим миром.

— Догнал? — уточнил Алешкин.

— А то! — ослабившись, подтвердил разведчик. — От меня никто еще не уходил. Даже по душам успели поговорить. Но недолго... Плакал, как девчонка. — Райх осторожно потрогал продолжавшее кровоточить ухо.

Алешкин достал пластырь из аптечки, найденной в вездеходе. Заклеил рану. Неизвестно, какая зараза может попасть.

— Челюсть ему сломал, что ли? — спросил Сапер.

— Нет, сердце у него оказалось слабое, как и в твоём случае.

— В смысле? — опешил Сапер. Он никак не мог привыкнуть к черному юмору Райха.

— В прямом. Ты в штрафники за что попал? За то, что мотор отказал у сержанта военной полиции, когда ты решетку в обезьяннике подорвал. Смотрите.

Пересмешник подошел к подбитому вездеходу, разжал кулак и прилепнул какой-то обрывок на бронированный капот. Аккуратно разгладил его пальцем. Это был неровно срезанный кусок кожи с татуировкой: прямоугольник с мечом и щитом, эмблемой военной полиции.

Все ошарашенно молчали, переваривая увиденное.

— Получается, мы своих перебили, — выдавил Стрелок. — Теперь снова трибунал и к стенке прислонят.

— Нет, — покачал головой Пересмешник. — Этот, в черном комбезе, отставник. Как я понял, наемник, работает здесь по контракту. Работал. Все болтал про их зону ответственности. У них оперативное задание отлавливать всех сборщиков кореньев. Такую ориентировку по рации передали. Район действия патрульных — до реки. Дальше запретная зона и для них. Зона в зоне. Кто туда попадает, обратно не возвращается.

— У нас тут еще один живой есть. — Сапер указал на второго черного, скорчившегося на земле.

Пересмешник неспешно подошел к пленному и наклонился над ним. Черный явно был не жилец. Он лежал без сознания и, похоже, не собирался задерживаться в этом мире. Разведчик равнодушно рассматривал побледневшее лицо с заострившимися чертами. Потом кончиками пальцев коснулся берца правого ботинка. Как фокусник, выудил из него короткий ножик. На рукоятку был насажен обренок эластичной трубочки от капельницы.

Спецназовец развернул клинок острием вперед и, с хрустом ломая ребра, вогнал его в грудь раненому. Для верности Пересмешник повернул кисть руки, поворачивая лезвие в ране по часовой стрелке. Черный выгнулся на земле. Тело напоследок несколько раз содрогнулось и затихло.

Зачем человеку зря мучиться? Пересмешник не был сторонником бессмысленной жестокости. Он не видел смысла в боли ради боли. А все должно иметь смысл. Райх не считал гуманность абстрактным понятием, но понимал ее по-своему.

Пересмешник одним рывком достал нож из тела убитого. Помедлил и распорол левый рукав комбинезона от плеча до локтя. На незагорелой коже инородным пятном выделялась татуировка. Этот тоже был из бывших военных полицейских. Или действующих? Кто их разберет.

— Похоже, они тут верховодят, — констатировал Стрелок.

— Разберемся. — Пересмешник тщательно вытер нож о черную ткань. — Всему свое время.

— Не помню, чтобы нам выдавали такие ножи, — Алешкин не переставал удивляться сюрпризам однокашника по кадетскому корпусу.

— В госпитале много свободного времени, делать нечего. Вот я его и смастерил из подручных материалов. С ним не так одиноко, — пояснил Райх и неожиданно подмигнул Саперу. — Береженого сами знаете кто бережет!

— Нож у тебя какой-то корявый получился.

— А ты попробуй что-нибудь дельное сварганить из железки от кровати, — огрызнулся Пересмешник. — А я на тебя посмотрю.

— У меня в камере смертников ничего не оторвать было. Там все предусмотрено в расчете на таких умельцев, — сказал Алешкин. — Не поверю, что ты ограничился одним резакон!

— Правильно делаешь, что не веришь. Смотри, как я жилу из кабеля от кардиометра приспособил. — Разведчик вытянул из отворота левого рукава проволоку с петлей на конце. Петлю он надел на заклепку отворота правого рукава. Движения его были бесшумны и уверенны. — Ко всему надо готовиться заранее. В том числе и к тюряге.

Пересмешник развел руки в стороны. На мгновение вспыхнул отблеск на пол-лица: между рукавами натянулась тонкая проволочка. Движение вверх и в сторону, и проволока

провисла. Разведчик подошел к одинокому низкорослому деревцу с корявой верхушкой. Резко поднял руки. Каждая сделала четкое круговое движение. Спецназовец скрестил кисти, и проволока, образуя петлю, вспыхнула на тоненьком стволе. Диверсант рывком натянул ее — и верхушка дерева отделилась от ствола. Райх отстегнул металлическую удавку от одного рукава и аккуратно спрятал в другой.

— Очуметь! — восхищенно произнес Сапер. — А я еще никого в рукопашной не завалил. Не знаю, получится ли у меня когда-нибудь.

— Скроняга! Вездеход с пулеметчиком кто уделал? — Стрелок шлепнул напарника по плечу.

— Убивать легко, — подтвердил Райх. — Намного труднее к этому привыкнуть. Требуется какое-то время. А вообще-то, ко всему привыкаешь.

— Я не хочу к этому привыкать, — вскинулся подрывник.

— Не привыкай, — равнодушно обронил Пересмешник.

Он прошелся по месту побоища к своему рюкзаку.

— Перевооружаемся. — Райх оглядел товарищей, увешанных трофеями.

Действительно, дальше маскироваться не имело смысла. Их искали. Надо было срочно улучшать огневую мощь группы.

Он взял один из трофейных «Штурмов» и передернул затвор. Черный рычаг легко дошел назад, послушно клацнул, но в исходное положение не вернулся, застряв на половине пути. Оружие заклинило.

Райх отбросил автомат в сторону. Непонятно кому сказал: «Сука жопорукая». То ли производителю оружия, то ли бывшему хозяину автомата. Благо трофейного железа на земле хватало.

В разбитом вездеходе нашли несколько продырявленных упаковок сухого пайка. Рюкзаки забили под завязку, не считаясь с весом. Запасные магазины, гранаты, брикеты вакуумных упаковок сухого пайка топорщились под плотной тканью.

Пересмешник перезарядил свое новое оружие. Вопросительно посмотрел на Алешкина и кивнул в направлении леса:

— Пора?

Не отыскав больше ничего полезного, разведчики двинулись в лес. На шум стрельбы и взрывов могли пожаловать другие подвижные патрули. Самое время сматывать удочки. Не стоит лишний раз искушать судьбу.

Разведгруппа скрылась в лесу. До реки, если верить карте-навигатору, оставался дневной переход. Со слов бывшего военного полицейского выходило, что его коллеги за реку не сунутся. Шли с максимальной скоростью. Продвигаться в джунглях — не значит бежать или идти. Это значит ковылять, протискиваться сквозь заросли, проклинать все на свете, продираться сквозь зеленое переплетение. У людей складывалось ощущение: что-то живое распласталось под ногами, капает на головы с деревьев. Лианы были похожи на огромные темные кружева, связывавшие деревья в одно целое. А деревья выглядели так, будто их вырвали с корнем и снова бросили на землю, где они проросли и покрылись коростой лишайников.

Лес напоминал филиал ада, о котором только мечтают бесы. В нос шибали такие запахи, что сердце пропускало удары. Это была полоса препятствий, устроенная самой природой.

...Над местом побоища, как ручной стервятник, пролетел беспилотный самолет-разведчик. Глазки объективов камер равнодушно осмотрели все, что осталось от моторизованной засады: истерзанные тела, искореженный вездеход. Стальная птица зафиксировала картину недавнего боя и скользнула обратно в облака...

Впереди, выбирая дорогу тем особенным, цепким, все замечающим взглядом, который вырабатывается у разведчиков, шел командир группы. Световой день заканчивался. Алешкин все рассчитал правильно. Они должны были до ночи достигнуть реки. Дойти, доползти на зубах, но сделать это. Сгущались сумерки. Солнце зашло за верхушки деревьев.

Скоро ему на смену заступят в караул две луны.

Они вышли на берег широкой реки, которая неторопливо текла в обрамлении лесных великанов, словно после нелегкой работы. Надо было найти место поуже и, если повезет, — брод. Разведчики двинулись вдоль берега, под прикрытием леса, вплотную подступившего к урезу воды.

Через два километра река делала резкий поворот. Идущий впереди Алешкин поднял вверх руку, согнутую в локте, — сигнал «всем замереть». Пересмешник, замыкающий, тут же шагнул в сторону и бесшумно залег за поваленным деревом. Идеальная позиция, если впереди враг.

Вдоль берега стоял искалеченный лес. Вокруг черных воронок — крошево измочаленных, успевших засохнуть веток, скрюченных опаленных широких листьев, рассыпавшихся в труху под ногами. Земля все еще источала горькато-кислый запах взрывчатки.

«Не все рассказал Хеймдалль. Ох, не все!» Вокруг было тихо и печально. Впереди виднелось кладбище изуродованной техники.

В этом месте река сужалась. Неизвестный командир совершил фатальную ошибку, решив здесь форсировать водную преграду: относительно небольшое расстояние между берегами и неглубоко. Похоже, не один он считал это место идеальным для переправы. Враг предугадал направление удара и устроил на противоположном берегу засаду. Переправа обернулась «огневым мешком».

Из воды торчали кабины затонувших десантных вездеходов. Головная амфибия почти выбралась на противоположный берег, да так навечно и застыла, нависнув гусеницами над землей. Корма была скрыта под водой. Река обтекала темно-зеленые прямоугольники. Казалось, что вода стоит неподвижно, а кабины плывут.

На берегу застыли два «Миротворца» и три легких «Раптора». Видимо, под их огневом прикрытии амфибии надеялись перемахнуть на другой берег. Тут они и попали впросак. Враг дождался, когда машины вытянутся поперек реки, и обрушил на технику огонь, а заодно разобрался и с их прикрытием. Похоже, «Миротворцы» и «Рапторы» пытались маневрировать, но так и не сумели отступить. Подбитая бронетехника, расстрелянная с противоположного берега, замерла со сбитыми катками, разорванными гусеницами и мятыми продырявленными бортами. Ржавые надгробия экипажам. Больно смотреть.

Алешкин мысленно восстанавливал картину боя. Почему технику и людей не десантировали за рекой, а заставили форсировать ее и принять бой на незнакомой местности в невыгодных условиях?

Скорее всего, здесь разыгралась трагедия — один из этапов операции «зачистить» и «доложить». Иногда, когда людей отправляют на заклание — это называют «отвлекающий маневр» или «разведка боем». Всегда кто-то должен умереть, чтобы другие жили.

Подбитые боевые машины ржавели здесь, вероятно, еще с того времени, когда был предпринят первый и последний широкомасштабный прорыв в запретный квадрат.

Пока Алешкин проводил рекогносцировку, Сапер не смог усидеть без дела. Он успел обследовать ближайший к разведчикам «Раптор» со скособоченной башней. На темно-зеленом фоне люка отчетливо виднелась пятилучевая морская звезда в белом круге. Оповестительный знак десантников военно-морских сил. Морская звезда была визитной карточкой элиты морской пехоты. Ее имели право носить лишь подразделения первой штурмовой волны — лучшие из лучших.

...Из открытого бокового люка на землю вывалился полуметровый тубус с плечевыми лямками. Следом из машины вылез Сапер, бережно прижимая к груди два ребристых диска. Ингвар, наклонив голову к плечу, посмотрел на него. Надо же, стоило командиру отвернуться на пару минут, а подрывник успел смотаться на разведку.

Сапер привалился спиной к броне и затараторил, оправдываясь:

— Я залез через задний люк. Внутри все искорежено. По-моему, там противотанковая ракета взорвалась. Вряд ли кто-то выжил, но тел нет. Удивляюсь, что хоть это под сиденьем

уцелело. — Он одной рукой поднял с земли контейнер, а потом от избытка чувств поцеловал ребристый верхний блин.

Алешкин ничего по поводу такой самодеятельности говорить не стал, лишь заметил по поводу трофеев:

— Дополнительный груз. Стоит ли переть лишние килограммы?

— Не-ет! Вот это будет наш дом, — с жаром возразил Сапер, продевая руки в лямки тубуса. Ребристый предмет он успел положить в рюкзак. — А криогенному фугасу вообще цены нет. Не думал, что когда-нибудь буду его держать в руках. Официально их в производство не запустили. Посчитали, что «Изморозь» нерентабельно использовать из-за ее дороговизны.

— Странно все это, — подал голос Стрелок. Он тоже успел порыскать среди искореженной техники. — Ни трупов, ни костей не видно. Хотя, может, зверье растащило?

Вода текла между полузатопленных амфибий, похожих на уснувших бегемотов. Противоположный берег поднимался вверх. Там стеной стояли деревья, оплетенные лианами.

— Почти пришли, — обернулся к спутникам Алешкин. — За рекой начинается запретная зона. Сейчас пойдем туда, где нас никто не ждет. Пришла пора нанести визит вежливости.

В этом месте река была бурной. Пенная вода неслась у самых ног, брызгая на ботинки с высокой шнуровкой.

— Пойдем вдоль потока? — осторожно уточнил Стрелок. — Поищем брод?

— Зачем? — спросил командир. — Нам прямо.

Он осторожно ступил на первую кабину. Его ботинок тут же обдало брызгами. Алешкин протанцевал по железным островкам и вскоре уже стоял на противоположном берегу.

Стрелок и Сапер переглянулись. Оба подумали одно и то же: неосторожное движение, поскользнешься — и течение закружит, растерзает тело о торчащие из воды камни.

Следующим перешли поток Стрелок и Райх. В отличие от командира они шли неторопливо, балансируя, расставив руки в стороны. Снайпер один раз слегка дрогнул, чуть не поскользнувшись на мокром от брызг металле крыши. Глядя на товарищей, двинулся Сапер. Замыкающий почти преодолел бурный поток. Неожиданно нога скользнула на клочке пены, выброшенной водой на крышу кабины. Тяжелый рюкзак потянул вбок, автомат стукнул под колено. Стремительно несущаяся вода мелькнула перед глазами, сейчас захлестнет и швырнет на камни.

Но он не упал. В последний момент Пересмешник прыгнул к нему, с хрустом повернул руку в плечевом суставе и подхватил падающего. Выгнувшись, он с натугой вытащил из потока мокрого по пояс подрывника.

— Как водичка? — весело спросил он. — Не холодная?

— Бодрит, — еле смог выдавить из себя разведчик, хлопая ресницами. Он повернулся и плюнул в воду.

— Бодрость это хорошо. Она нам не помешает, — задумчиво произнес командир группы. — Впереди нас ждет неизвестно что. Справитесь?

Стрелок невозмутимо пожал плечами. Остальные промолчали. Главное — приказ. Их задача просто выполнить его.

* * *

На берег шагнул человек, одетый в черный комбинезон. Он не стал идти дальше, оставаясь под прикрытием низких ветвей с густыми листьями.

К месту давнего боя у реки вышел отряд из двадцати человек. Все одетые в одинаковую черную форму и вооруженные до зубов. Среди них не было солдат местной армии. Только профессионалы, подобные тем, кто командовал моторизованным патрулем,

который уничтожили разведчики.

Диверсанты, переправившись через реку, перешли невидимую границу разрешенного района, оказавшись в запретной зоне. Туда не рисковали забираться даже черные, отвечавшие за перехват чужаков. Разведгруппа разминулась с противником на полчаса. Наемники уверенно шли по их следу от места боестолкновения с засадой. Их вел следопыт из местных жителей, зарабатывавших на жизнь охотой и сбором корней. Начальство смотрело сквозь пальцы на такое отступление от правил.

Проводник особым красноречием не отличался. Жизнь в джунглях приучает к немногословию. Когда охотники на людей вышли к месту переправы разведчиков через реку, он коротко сказал, указывая на противоположный берег:

— Они уже там. Догнать и обложить, час ходу.

— Лезут и лезут. Все им нейдет. — Старший зло плюнул под ноги.

Перебраться на тот берег означало верную смерть для всех: и для дичи, и для охотников. На его памяти оттуда еще никто не возвращался. Ни живым, ни мертвым.

Он продолжал стоять, положив руки на автомат, висевший на груди.

«Впрочем, всех нам не переловить, джунгли большие. Разве тут угадаешь? Стараешься рассуждать, как они, и попадаешь в беду. Ждешь хитрости, а они выбирают простейший маневр. Прут напролом. Ждешь простейшего маневра, а они выбирают уловку».

Группа потеряла двоих людей, подорвавшихся на заминированном труп. Еще трое были тяжело ранены. Драгоценное время на погоню было потеряно из-за оказания медицинской помощи и эвакуации. Если бы не эти «мелочи», то их жертвы не успели бы улизнуть за реку. Ну и ладно! У него есть четкий и недвусмысленный приказ нанимателя. За реку не соваться ни под каким предлогом. Ослушников ждет досрочное расторжение контракта. На сленге наемников «досрочное расторжение контракта» означало одно — смерть.

Командир охотников за людьми повернулся и махнул рукой, давая команду на отход. Черные тени бесшумно растворились в лесу, словно их здесь и не было. Всем хотелось поскорее убраться подальше от этого гиблого места.

Ни разведчики, ни охотники за головами не обратили внимания на бугор, поросший пожухлой травой, желтевший в стороне от подбитой техники. Сгоревшие громадины танков тесно прижимались друг к другу, словно малые детки, потерявшиеся в дремучем лесу. Плечом к плечу, стальным бортом к борту не так страшно встречать последнюю минуту бытия, когда реактивная смерть разит из-под полога джунглей.

Ржавые громадины замерли памятником тем, кто лежал под желтым бугром, приняв смерть вместе со своими стальными друзьями. В глубокой яме-могильнике покоились экипажи и десант боевых машин.

Двумя направленными взрывами в земле была выбита пятиметровая конусовидная воронка. Неизвестная похоронная команда не поленилась: укрепила стенки братской могилы жердями и выложила камуфлированными брезентовыми пологами, взятыми из ЗИПов² несгоревших машин. Трупы бережно уложили в воронку. У некоторых под рукой было личное оружие. Могильщики заботливо собрали с поля боя все, что находилось рядом с павшими солдатами. Не был забыт никто, кроме тех, кого унесло течением. Тела были переложены срубленными ветвями и пересыпаны тонким слоем земли, чтобы запах тления не так чувствовался. Верх братской могилы был заложен люками от бронемашин, сверху укрытыми срезанным дерном... с противоположного берега. Люки, сорванные с нечеловеческой силой, топорщились «розочками» вырванных краев креплений. На это мог бы обратить внимание лишь эксперт-криминалист. Но таких в этих местах отродясь не видели.

Неизвестная «гроб-команда» постаралась на славу. Никакой падающий не смог бы

² Запасы и принадлежности.

добратся до тел.

Могильщики уделили странное внимание погибшим. Не каждое государство так заботится о своих павших. Похоронная команда не думала о бутафории. Никакого надгробного знака, никакой отметины на берегу реки. Никаких ненужных следов, только конкретное дело. Неизвестные не отдали последних почестей погибшим. Но похоронили их, словно павших однополчан. Кто захочет, чтобы его косточки растащило по норам хищное зверье?

Кто-то позаботился, чтобы тела погибших не достались лесному зверью. Никто не увидит: ни свои, ни чужие. За всякой, казалось бы, случайностью, если внимательно присмотреться, всегда обнаруживается чья-то воля. Или ее осколки. Нужно только поглубже копнуть...

Шум реки остался за спиной, поглощенный стеной деревьев. Они шли гуськом, друг за другом. Запахи реки сменились запахом гниющих растений и палых листьев. Четверо ступали скольльзящим волчьим шагом. Впереди шел Райх, пригнув широкие плечи и опустив голову.

«Будто овчарка, взявшая след. Ни за что не свернет, пока не вцепится в глотку», — с уважением подумал Стрелок. Он давно расчехлил винтовку и нес ее на груди, повесив за ремень на шею.

Десантники двигались, сгибаясь под тяжестью оружия и груза. У каждого, помимо туго набитых рюкзаков и оружия, на поясе — гранаты, пистолеты в кобурах и ножи. Тяжелее всех было Саперу. Он еще тащил за плечами трофеи, найденные в подбитом «Рапторе». Дополнительный груз непривычно давил на плечи и тянул назад. Замыкал колонну Алешкин с автоматом наперевес.

Смеркалось. Все вокруг скоро потонет в непроглядной темноте. Они бесшумно шли, скорее угадывая, чем видя друг друга.

Для ночных зверей и птиц наступал «день». Стая коротколапых животных с вытянутыми челюстями и торчащими наружу острыми клыками кралась по лесу. Звери двигались за разведчиками, иногда припадая длинными мордами к земле. Хищники взяли человеческий след, но пока выдерживали безопасную дистанцию, терпеливо дожидаясь, когда окончательно стемнеет.

Звери семенили на коротких лапах. Их шкура была рыжей. Демаскирующий цвет нимало не смущал животных. На своей территории они чувствовали себя полновластными хозяевами. Впереди шел крупный самец. Он слаженно вел стаю по следу, изредка глухо порывая.

Параллельным курсом со стай в джунглях бесшумной тенью скользил смазанный силуэт. Призрачное существо стремительно двигалось на четырех конечностях. Время от времени оно замирало, вставая на задние лапы, и к чему-то прислушивалось. Вновь опускалось на четвереньки и мчалось по лесу. Неизвестное существо обогнало разведгруппу. Завал оно преодолело на задних лапах, осторожно перешагивая через стволы. Потом стремительно забралось на высокое дерево, плотно прижимаясь всем телом к коре.

Оно все правильно рассчитало. Разведчики подошли прямо к дереву, в кроне которого затаилось создание.

— Мускусом пахнет, — громким шепотом сказал Сапер. — Прямо-таки воняет.

Райх шикнул на болтуна. Алешкин, идущий следом, бесцеремонно ткнул Сапера кулаком в спину: «Заткнись».

В сумерках пары давно сбились в одну группу. В стремительно сгущавшейся темноте легко можно потеряться. При звуке человеческого голоса невидимка всем телом подался вперед, старательно вслушиваясь в разговор. У леса больше ушей, чем листьев.

Диверсанты миновали дерево с затаившимся в густых ветвях наблюдателем. Выждав некоторое время, существо спустилось на землю. Оно двигалось по стволу головой вниз, не потревожив листву и не ободрав ни кусочка пористой коры.

Коснувшись дерна, оно легко выпрямилось в полный рост и потеряло передние лапы,

отряхивая палые листья. Потом подняло лапы к голове, шумно втянуло носом воздух и, вздохнув, произнесло:

— Му-ускусом па-ахнет. Прямо-таки-и во-о-оняет.

Голос был глухой и тягучий. Повторяя слова Сапера, лесное создание словно перекатывало в пасти твердые камушки.

В темноте послышалось сопение и еле-еле слышное мягкое прикосновение подушечек лап к палой листве. Еда близко. Правда, те четверо двуногих еще не знают, что скоро станут закуской.

Древолаз замер у ствола. Сейчас он стоял на задних конечностях. Его силуэт в сумраке напоминал контуры человеческого тела.

Рыжие хищники ускорили бег, неумолимо сокращая расстояние до людей. Спустившееся с дерева существо сделало два широких размашистых шага, заступая дорогу стае. Оно неподвижно замерло как статуя, невесть откуда взявшаяся в джунглях.

Хищники как по команде остановились, словно налетев на невидимую стену. Рыжие отступать не собирались. Опасность или добыча? Вожак фыркнул. От неизвестного исходил резкий запах, неприятно щекотавший ноздри и будивший неясное чувство беспокойства. Крупный самец не мог отступить, имея за спиной голодных сородичей. Покажешь слабость, потом стая тебя же и растерзает. Нападать первым тоже не хотелось. Преградившее им дорогу существо рыжие видели впервые.

Неизвестный не выказывал страха и не собирался бросаться наутек, спасая жизнь и шкуру. Странно. Вожака это насторожило. С ними никто никогда не связывался. Когда стая выходила на ночную охоту, все старались поскорее убраться с ее пути.

Вожак зарычал, открыв пасть, полную острых клыков. Под шкурой перекатывались бугры мышц, рыжая шерсть на загривке встала дыбом. Зверь присел на задние лапы, готовясь к прыжку. Это станет сигналом к атаке для собратьев. Добраться до горла, сомкнуть челюсти, повалить и прижать к земле.

Существо неуловимо переместилось, сразу оказавшись рядом с изготавившимся к атаке зверем. Оно стремительно сграбастало передними лапами вожака и одним движением согнуло в дугу. Громко хрустнули ломающиеся позвонки хребта. Голова вывернулась под неестественным углом.

Одиночке этого показалось мало. Победитель вырвал зубами из загривка вожака кусок мяса и шумно начал пережевывать, смачно хрустя позвонками. Обмякшую рыжую тушу он легко, как пушинку, бросил в сторону оторопевших зверей. Угрожающее рычание сменилось тихим поскуливанием. Стая, оставшись без вожака, сразу растеряла всю свою уверенность и агрессивный пыл. От невесть откуда взявшегося противника накатывали волны опасности. Рыжие развернулись и бросились прочь от этого места, не разбирая дороги.

Существо, дождавшись, когда стихнет треск сучьев под лапами ночных охотников, вытерло лапой грудь, на которую попали капли звериной крови. Почти человеческим жестом потерло передней конечностью нос и громко чихнуло. Клочок рыжей шерсти прилип к верхней губе и неприятно щекотал ноздри.

Создание перестало смотреть вслед улепетывающей стае и повернуло голову в ту сторону, где скрылись диверсанты.

— Мускусом па-ахнет, — бормотнул победитель схватки, дернув подбородком.

Он резко опустил на четыре лапы и в два прыжка скрылся в зарослях...

Налетевший ветерок прошуршал в кронах деревьев. В призрачном свете двух лун кривлялись тени от ветвей и лиан. Казалось, они приплясывают от нетерпения в ожидании людей, желая познакомиться с ними поближе.

Разведчики готовились к ночлегу. Сапер успел до прихода темноты установить минное поле вокруг лагеря. Первым в охранение отрядили Стрелка. Остальные начали распаковывать накидки-спальники.

— У каждого человека в жизни бывают моменты, когда без поддержки ангела не

обойтись, — обронил Сапер. Раньше за ним не замечали привычки разговаривать с самим собой вслух. Про себя — сколько душе угодно.

— Ты сам-то его видел? — с подковыркой уточнил Стрелок. — Веришь в то, что говоришь?

— Видел и верю, — ровным голосом подтвердил подрывник.

— Ну-ка, ну-ка! — опешил Стрелок. Поскольку ему выпало дежурить первым, он был не прочь перекинуться парой фраз. Все равно не в ущерб его сну. — С этого места поподробнее.

Не сговариваясь, все посмотрели на подрывника. Не часто можно встретить человека, лично видевшего ангела. Зато любой служивший в армии может похвастаться, что часто сталкивался с антиподами божественного существа — сержантами. У них нет ни рогов, ни копыт, и серой не воняют, но повадки имеют самые подлючие. Как и положено нечисти. Они могут устроить любому солдату персональный ад. Сержанты не забудут заботливо провести подчиненного через все его круги. После их опеки никакой враг не страшен, как его ни малюй. А Сапер, значит, видел ангела!

— Рассказывай, — потребовал Стрелок.

Алешкин тихо вздохнул: начинается! Пересмешник делано закатил глаза и покачал головой. Перед сном он решил разобрать свой пистолет. Разобрать. Смазать. Собрать. К оружию, как и к дружбе, Райх относился с трепетом.

Стрелок не стал ломаться и нарочито будничным голосом начал говорить:

— Наш взвод возвращался на базу из рядового патрульного рейда. Меня поставили замыкающим в арьергарде. Я должен был поставить несколько мин. На тот случай, если кто-то вздумает пойти по нашему следу. Такие сюрпризы никогда не бывают лишними.

— Правильно, — одобрительно кивнул Райх. После себя он оставил немало таких «подарков» на разных планетах.

— Так вот, — неспешно продолжил сапер. — Маскирую я, значит, дерном противопехотку. Установил на неизвлекаемость. Только собрался вставать с четверенек, как вижу, среди деревьев появились люди. Доплюнуть можно. Повстанцы шли с нашей стороны. Наверное, тоже возвращались из рейда. Ума не приложу, как мы с ними разминулись. Не лес, а проходной двор. Чуть шевельнешься, и ты труп...

— Ха-а! Ты столкнулся с бесами, — с хохотком бесцеремонно перебил его торопыга Стрелок. — А говорил, видел ангела.

— Дай договорить, — поморщился Сапер. — Он явился ко мне в образе густого куста, за которым я сидел, боясь шевельнуться. Я их вижу, они меня нет. Следующие минуты стали самыми неприятными в моей жизни и, наверное, самыми тяжелыми. Автомат за спиной, стою в позе «зю». Один совсем рядышком прошел, было слышно, как тяжело дышит. Огибая кустарник, они переговаривались. Увидят или нет? Когда партизаны прошли, я на одном дыхании догнал остальных. Куст стал для меня ангелом.

— Повезло, — равнодушно сказал Пересмешник и вернулся к сборке пистолета.

— Красивая метафора: ангел, явившийся в виде куста, — оценил рассказ Алешкин. — Образно мыслишь. Нет на тебя военного психолога! Он бы много чего смог рассказать о твоих нереализованных желаниях и детских обидах.

— Не скажите, — серьезно возразил Стрелок. — Наша рота однажды попала в засаду. Мое отделение сразу отсекали от своих. Короче, угодили в «огневой мешок». Эти уроды колонисты почти подобрались на бросок гранаты. У нас боеприпасы на исходе. Полный крындец выходит. Делать нечего: пришлось вызывать огонь на себя.

— Ну и как? — оживился Сапер.

— Вот именно, «и как», — оскалился бывший окруженец. — Вдарили по нам из главного калибра. Осколочными. Всех покрошило: и ваших, и наших. Один я уцелел. Чудом уцелел. Я залег в выемке между двух корней, торчавших из земли. Оттуда и отстреливался. Дереву ствол перебило. Оно на меня и завалилось. Полностью прикрыло собой. Не раздавило, корни помешали. Между ними впритык места хватило. Все ребята из моего

отделения там лежать остались. Что из этого получается? Я тоже видел ангела. У тебя он был в виде куста, а у меня как ствол дерева?

— Нет, как корни, — съязвил Пересмешник.

— Главное в жизни, да и в любом деле — вера, — с надрывом произнес Сапер.

Он собирался что-то еще добавить, но его перебил Пересмешник, показав собранный пистолет:

— Я верю в него. Верю в себя. Верю в нашу команду... Даже в тебя верю, набожный ты мой.

— Отбой! — скомандовал командир группы. Он больше не собирался слушать, кто во что верит. Насколько он помнил, за всю историю человечества теологические споры ни к чему хорошему не приводили. — Стрелок, разбудишь меня. Пересмена каждые три часа. Всем отдыхать.

Он демонстративно натянул на голову капюшон спальной накидки так, чтобы полностью закрыть лицо. Красноречивый жест подчеркивал: любая болтовня на сегодня закончена.

Все остальные, за исключением счастливчика, сподобившегося лицезреть небесное создание в облике, далеком от канонического, последовали примеру командира.

— А вот... — встрепенулся Сапер.

— Что «вот»? — прошипел Алешкин из-под капюшона. — Спать!..

* * *

Еще одна ночь на чужой планете сошла на нет. В джунгли пришло утро. Ночная мгла сменилась серым сумраком. Прямые лучи солнца не пробивались сквозь густую листву. Наверное, и днем будет ненамного светлее.

Наскоро позавтракали трофейным сухпайком, с удовольствием переместив содержимое саморазогревающихся брикетов в желудки. Еще теплую фольгу от упаковок спрятали под дерном, надрезав неширокий зеленый пласт.

— В путь, — коротко сказал Алешкин и поправил на плече ремень «Штурма».

Они двинулись вперед короткой колонной, ставя ноги след в след. Лишних впечатлений разведчики старались не оставлять. Из-за жары и влажности все потели. Одежда липла к телу. Капельки пота скатывались со лба на глаза. Марш по лесу понемногу отбирал силы. Наручная карта-навигатор показывала, что до объекта совсем немного. От силы полтора-два километра. Ингвар вел группу, ориентируясь по отметкам, обозначенным на дисплее.

На прогалины старались не выходить. Солнце палило нещадно. Казалось, что местность эта абсолютно не исследована, что они — первооткрыватели этих дебрей.

Когда в очередной раз остановились «послушать лес», Алешкин заметил, что Райх призывно машет ему рукой, схоронившись за пышным кустом с густыми листьями. Рядом с ним в высокой траве лежал Стрелок. Командир жестом позвал Сапера. Они, пригнувшись, подошли ко второй двойке и залегли рядом. Командир вопросительно посмотрел на Пересмешника.

— Посмотри-ка! — Райх осторожно отвел в сторону ветку с широкими листьями.

В просвете между ветвей виднелись дома. Двойка Пересмешника первой обнаружила объект. Они добрались до финишной точки маршрута, обозначенной на дисплее электронной карты красным ромбиком. Хорошая новость, если бы не одно «но»: они не так представляли себе объект, из-за которого полегло столько народа.

Разведчики во все глаза смотрели на раскинувшийся перед ними поселок. Вид был самый мирный, похожий на цветную картинку из рекламного проспекта. Низкие заборчики геометрически точно поделили участки перед домами на квадратики зеленых лужаек. Поселок походил на мазок белой краски на зеленом фоне.

За поселком тянулись к небу тускло-серые скалы. Серебряной ниточкой струилась по ним речка. Над горами клубились вытянутые белые облака.

Если верить карте, за этой горной грядой начиналась пустыня, протянувшаяся на три сотни километров. Сплошная волнистая равнина сыпучего песка, абсолютно лишенная растительности. Путник, очутившийся за горами, не смог бы увидеть ничего, кроме мертвого песчаного моря.

Последняя попытка подобраться к объекту была предпринята как раз со стороны пустыни. Расчет делали на то, что технику легко засечь, а на своих двоих человеку подобное не по силам.

С левой стороны крайние домики — белые одноэтажные коробки с покатыми крышами — выходили в широкое поле. В одном месте лес дотянулся зеленым языком почти до самой околицы, словно приглашая незаметно подкрасться и заглянуть в окошко ближайшего дома.

Слишком легко и просто. Но такую возможность тоже не стоило сбрасывать со счетов.

Небольшое озеро устроилось между отвесной скалой и домиком, стоявшим на отшибе.

Все это походило на макет деревни в масштабе один к одному. На веревках сушилось белье. Грелась на солнце огромная собака. Картина вполне мирная, и никак нельзя заподозрить, что поблизости находится секретный объект.

Вот только белье давно успело не просто высохнуть, но и выцвести до белизны под лучами солнца. Собака ни разу не пошевелилась и не поменяла позу, так и сидела на задних лапах, подняв голову и насторожив уши. Муляж?

Похоже на ухищрения, предназначенные сбить с толку космическую и воздушную разведку. Специалисты по маскировке не рассчитывали на то, что сюда доберутся люди. Ошибочка вышла.

Потихоньку просочиться по лесополосе, подступавшей вплотную к околице, представлялось самым простым вариантом. Алешкин преодолел это искушение.

Людей не видно. Ни одной души. Ручной портативный сканер не засек охранных излучений, перекрывающих подходы к населенному пункту. Оно и понятно, в джунглях полным-полно живности. Электронные сторожа постоянно бы трубили тревогу, реагируя на передвижение животных. Из этого следовало, что невидимая стража находится на другом рубеже обороны. Она обнаружит чужих, задержит на время, а потом в дело вступит иная сила.

Презирать жизнь и переть напролом можно сколько угодно. Вот только выполнения задания никто не отменял. Командир группы пошагово объяснил Саперу, что от того требуется. Убедившись, что тот правильно понял задачу, еще раз осмотрел поселок в трофейный оптико-электронный бинокль. Дом за домом. Нажал кнопку встроенного в бинокль прибора, улавливающего тепло. Очередное переключение, но уже в инфракрасный режим, тоже не дало никакого результата. Ни одной засечки живых организмов массой больше двадцати килограммов. Меньший вес прибор не улавливал. Чудеса, да и только. Домики заброшенными не выглядели. Свежеокрашенный флюгер в виде аиста указывал длинным острым клювом направление ветра. Стоп! Аисты на этой планете отродясь не водились. Еще один ребус, завернутый в кроссворд.

Черно-белая фигурка птицы повернулась на металлическом штыре. Ветер менялся. Горячий воздух переполз через горы, меняя расклад в местной розе ветров. Дыхание пустыни ощущалось и здесь.

— Поселок не выглядит жилым. Куда делось местное население? Ни души не видно, — начал размышлять вслух Алешкин.

— Может, жизнь здесь начинается ночью? А в полнолуние так вообще кипит? — предположил Стрелок.

— Смешно, но нереально, — осклабился Сапер.

— Между прочим, я не вижу кладбища, — сказал командир. — Окрест ни одной могилки. А дворов почти добрая полусотня. Должна же быть естественная убыль населения?

— Мы не знаем местных обычаев на этот счет, — отозвался Пересмешник. — Надо отходить от стереотипов. Может, они отдают мертвых на съедение диким животным. Или бросают в озеро. Кто знает, как здесь происходит утилизация жмуриков.

— В глубокой древности воины, исповедующие бусидо — кодекс поведения воина, — поступали проще, — глубокомысленно изрек Сапер. Он внимательно наблюдал за нелегкими раздумьями командира: «что делать?» и «где окопался враг?».

— Ну-ка? — встрепнулся Алешкин. Сейчас он был рад любому предложению. Может, у подчиненного в голове колесики вращаются особым образом, генерируя гениальные идеи. Контузии — верные спутники любого подрывника, чей тернистый путь изрыт многочисленными воронками.

— Военачальники, придерживавшиеся неписаного кодекса, принимали важное решение в течение семи вдохов-выдохов полной грудью. Они считали, что только мелочи можно обдумывать сколько угодно. — Сапер выжидательно уставился на командира.

Ингвар, ожидавший услышать дельное предложение, лишь хмыкнул и продолжил наблюдение в бинокль.

— На все про все тридцать четыре секунды, — подытожил Стрелок, добросовестно засекавший по наручному таймеру собственные семь вдохов-выдохов. — Крутые парни, кто бы они ни были.

— «Бусидо» переводится как «путь воина». Воители, называвшие себя самураями, жили по его канонам, — блеснул познанием истории Пересмешник. — Маленький нюанс. Если решение не приносило успеха, самурай сам вспарывал себе живот, чтобы смыть позор ошибки. Лучшему другу позволялось отрубить ему голову, чтобы избавить от лишних мучений и поставить последнюю точку в агонии.

Стрелок сразу же нехорошо заулыбался. Он перевернулся на бок и медленно вытащил из ножен широкий нож. Хищно блестящее лезвие снайпер с безопасного расстояния показал товарищу. Шутки шутками, но могут быть и последствия.

Сапер надулся. Стрелок подчеркнуто участливо спросил что-то насчет психиатрической помощи. Алешкин, не отрываясь от бинокля, прорычал сквозь зубы, чтобы все заткнулись и дышали полной грудью. Через каждые семь вдохов-выдохов докладывать, если кому-нибудь придет в голову дельная мысль.

Четко очерченной границы между джунглями и полем не было. В приграничной полосе рос редкий подлесок. Сгодится. Лучше, чем ничего. Ингвар оторвался от обрезиненных окуляров. Вокруг глаз остались круги. Он осторожно отполз к Пересмешнику. Разведчики вопросительно смотрели на командира.

— Не нравится мне все это. Что-то тут не так. Словно приглашают в гости. Райх, возьми с собой минера. Проведете минную разведку по опушке и пощупайте кусок леса, который подходит к поселку. Сильно не углубляйтесь. Если что, поддержим огнем.

Поставив задачу, Алешкин добавил;

— Через каждые семьдесят метров ставить счетчики. Смотрите у меня, без фанатизма.

— Поняли. Ушли! — кивнул Райх. Он никогда без нужды не рисковал и не забывал об осторожности. Безоглядная смелость не подарит храбrecу вторую жизнь.

Двое поползли в сторону подлеска. Они даже не ползли, а перетекали в траве между стволов, как две огромные ящерицы. Изнуряющие тренировки и многолетний опыт не прошли даром.

Пересмешник остановился, подобрав себе удобную огневую позицию между вросшим в землю валуном и деревом. Повел стволом из стороны в сторону, примериваясь к сектору обстрела. Сапер воткнул в землю неприметный цилиндрок серо-зеленого цвета, так, чтобы перед ним не было деревьев, закрывающих поселок.

Принимать решение, не имея полной информации, — безумие. Требовалось собрать как можно больше данных. Проверенный способ — наблюдение с безопасного расстояния. Хорошо, что из всего предложенного Хеймдаллем скудного набора электронных новинок они остановили выбор на счетчиках. Они легко маскировались под колышки для четырехместной палатки. И такая была в их багаже. А в случае нужды их можно было применить по прямому назначению. Хеймдалль скрепя сердце согласился с их выбором.

Счетчик — считывающее оптико-электронное устройство. Визуальное наблюдение

никто не отменял. Но электронные «глаза и уши» надежное подспорье разведчику. И чем больше счетчиков будет установлено, тем более полную картину с них можно будет скачивать на электронный планшет. Засечь их нельзя, потому что работают они в пассивном режиме. Одно неудобство — снимать информацию приходилось вручную. Каждый раз заново проползая к месту установки. От счетчика к счетчику. Главное, не забыть, где их поставил. Поглощать информацию из окружающего пространства счетчики могли четыре месяца. На больший срок службы не хватало энергии батареи.

Второй прибор Сапер собрался закрепить на дереве. Он поднял руку и тут же опустил. В ствол была наполовину вбита гильза от пулемета. Аккурат на высоте человеческого роста. Донышко гильзы окислилось и позеленело от времени. Если специально не приглядываться, то и не заметишь. Кому понадобилось оставлять такие метки?

Сапер не был следопытом, хотя ему доводилось ходить в рейды со спецназовцами. Но это были не автономные походы, а широкомасштабные операции, когда их подразделение разбрасывали для усиления разведгрупп. Диверсанты двигались впереди, в отрыве от основных сил. Они действовали как загонщики, наводя на противника авиацию и сводные мобильные отряды легкой и тяжелой пехоты.

Минер разбирался в минах всевозможных систем и самых разнообразных марок. Был на «ты» с взрывателями всех типов: нажимного и натяжного действия, с электронными головными данными, боковыми, с элементами неизвлекаемости; минами, установленными недавно, и такими, которые уже проржавели, минами в корпусах из пластика, тщательно и умно замаскированными и набросанными как попало, фугасами и так называемыми «сюрпризами» — минами в виде часов, ножей, оружия и продуктов. Даже трупы минировал. И не только вражеские...

Вдумчивый Сапер назубок изучил подрывную технику. Он безошибочно мог определить минное поле. В кажущемся хаосе заграждений умел найти строгую закономерность. Он не пренебрегал ни единой мелочью. И подчас, казалось, каким-то невероятным чутьем отыскивал опасность. Те, кто служил с ним раньше, не могли понять, чем объясняется эта его счастливая способность. Да он и сам не смог бы объяснить свое необыкновенное чутье.

Саперное дело тонкое: проверь — и только потом шагни. Проверь — повернись. Выражение «одна нога здесь, другая там» — про них. Про саперов, которые ошибаются только раз...

«Так кому взбрело в голову загонять в ствол гильзу? Зачем?» — неотвязно пульсировало в голове минера.

Сантиметр за сантиметром он пополз в сторону поля. И не напрасно. Минут через восемь он обнаружил в лесополосе несколько мин, а заодно выяснил два важных обстоятельства. Первое — гильза в дереве обозначала край минного поля. Второе — мины были установлены «египетской пирамидой». Пирамиду венчал «фокусник», замаскированный под кочку. Фокусная мина относилась к разряду «умных». Она сама определяла приоритеты в поражении цели. Между группой пехоты и одиночкой «фокусник» выбирал группу, пропуская счастливику. Чуткие сенсоры были на страже двадцать четыре часа в сутки. С такими сторожами и речи быть не могло о попытке приступить к разминированию. Да и задачи такой командир перед ним не ставил.

Сапер осторожно двинулся к отрезку джунглей, протянувшемуся к околице. Тут тоже что-то было не так. Все было не так. Солнце старательно припекало. Ясная погода не радовала. Так не вызывают улыбки яркие цветы на кладбище. Все внимание было сосредоточено на одном: мины, мины и еще раз мины. Все видеть. Все замечать. Смотреть вокруг.

Зачем поставлен на ребро плоский камень, пролежавший, может быть, столетия в одном положении? Еще один ориентир для тех, кто поставил здесь минное поле? Случайно ли среди зеленого ковра появились пятна жухлой травы? А вот подозрительный холмик. На нем дерн чуть-чуть подсох. Каждый, кто мог называться сапером, видел издали по меньшей

мере три-четыре мины из десяти...

Сапер почти дополз до одинокой полосы. Легкий ветерок принес знакомый приторно-сладкий запах. Ошибка исключалась. Потянуло разлагающейся плотью. Сапер чуть приподнялся на локтях. Между деревьев лежала вздувшаяся туша животного, по виду и размеру напоминавшая кабанчика средних размеров. На этом сходство заканчивалось. Вдоль хребта торчали длинные иглы. Голова была покрыта корявыми наростами ороговевшей кожи.

На туше копошилась жирная птица с мощным клювом, как у земного какаду. Падалыщик с ленивой легкостью выдирает куски мяса. Сквозь разорванную кожу желтели обнажившиеся ребра. Самое вкусное — глаза — птица успела выклевать в первую очередь. Об этом свидетельствовали пустые глазницы на уродливой морде. А может быть, их выбило взрывом? Задняя часть животного отсутствовала, словно срезанная огромной гильотиной.

«Не повезло подсвинку. Под копыта смотреть надо, когда шляешься где ни попадя».

Сапер загнал в землю счетчик. Пожиратель падали скосил глаз на человека, притаившегося в траве. Переваливаясь с лапы на лапу, птица сделала несколько шажков и взлетела, чтобы почти тут же шумно опуститься на землю. Она будто знала, что дальше, через мины, человек не рискнет ползти. А стрелять по ней он не решится.

Обожравшейся птице надоело топтать земную твердь. Она вспомнила, что рождена для полета. Захлопав крыльями, падалыщик тяжело взлетел, как перегруженный десантный аэробот. Разжиревшей на дармовых харчах туше хватило сил долететь до ближайшего дерева, под которым хоронился Сапер.

Любитель мертвечинки взгромоздился на сучковатую ветку и незамедлительно принялся прихорашиваться. Птица с черным изогнутым клювом чистила перышки. Одно перо выпало из крыла и, закружившись вокруг своей оси, как кленовое семечко, устремилось к земле. Не долетев полутора метров до лесной подстилки из перепревших прошлогодних листьев, перышко вздрогнуло и повисло в воздухе, противореча закону гравитации...

Сапер завороченно смотрел на серое пятнышко, замершее в воздухе. Потом снял с пояса флягу. Отвинтив крышку, налил воды в согнутую ковшиком ладонь. Махнув рукой, выплеснул воду, стараясь попасть в зависшее в воздухе перо. Птица с высоты с интересом наблюдала за человеком.

Почти вся вода пролилась на землю. Почти. Несколько капель повисли в воздухе рядом с пером. В лучах солнца шарики воды сверкали звездочками неизвестной галактики.

Все было ясно.

«Паутина. Дальше хода нет».

Сапер пополз назад.

«Паутина» — головная боль любого минера. Минновзрывное заграждение при постановке на боевой взвод выбрасывало вокруг заряда невидимые нити, тянущиеся к взрывателю. Миновать ловчую сеть не представлялось возможности. Во всяком случае, Сапер не слышал о таких счастливицах. Обезвредить «паутину» нельзя. Прodelать проход в таком минном поле можно, только используя саморазматывающиеся в полете реактивные подрывные заряды, отстреливаемые с самоходной установки.

Сапер так и доложил Алешкину, когда они с Пересмешником вернулись с разведосмотра местности.

Неизвестный «дирижер» все просчитал верно.

Тактический расчет строился на том, что, обнаружив на поле мины, не так уж тщательно замаскированные, посторонние попробуют подобраться к объекту лесом. Там, среди деревьев, они и попадутся в «паутину». Дальше просто. Все, что останется от непрошенных гостей, даже собирать не придется. Падалышки приберут. В пищевой цепочке джунглей ничто не пропадет.

Действовать по правилам, навязанным чужой волей, разведчики не собирались. Похоже, они нашли то, что искали. Но время делать окончательные выводы еще не пришло. Маленький отряд добрался до конечной точки маршрута. Обманчивое безлюдье не смогло

ввести их в заблуждение. Надо было убедиться, что это именно тот объект, который они искали. После стольких мытарств обидно попасться на обманку или угодить в ловушку.

Что делать дальше? Установить перекрестное наблюдение за безлюдным, на первый взгляд, поселком.

Выслушав доклад Сапера, командир скоординировал «отход». Разведчики отправились обратно в глубь джунглей, под защиту непролазной чащобы, оставив на прощание еще несколько счетчиков.

Минная партитура, любовно написанная загадочным дирижером, сегодня не была сыграна. Она терпеливо ждала других исполнителей. Не сегодня, так завтра. Или послезавтра?..

Невозможно подсчитать, сколько вояк сложило головы, действуя стремительным кавалерийским наскоком. Выдержка и еще раз выдержка, помноженная на терпение.

Пришло время позаботиться о многодневной лежке для группы. Базовый лагерь надо разбить на безопасном расстоянии от поселка. Но не очень далеко, так, чтобы можно было менять наблюдателей, собирать всю доступную информацию... и не привлечь к себе внимания.

Пригнувшись, разведчики покинули место, откуда вели наблюдение за поселком. Их путь лежал в обратную сторону. К реке, которую они форсировали сутки назад.

Лучше места для «лежки» не придумать. Вряд ли кому-нибудь на планете придет в голову искать их на дне реки. Темные тягучие воды надежно укроют от постороннего взгляда. Тут и тепловизор не поможет. На глубине тихо. Очень тихо и спокойно. Никто не потревожит...

Двигаясь к реке, разведчики заметили, что живность, населявшая джунгли, пришла в необычайное возбуждение. Птицы с перепончатыми крыльями как безумные металась в воздухе с пронзительным писком. Не обращая внимания на людей, прямо между ними сломя голову промчалось взъерошенное животное, помесь гигантской крысы с ежом, и со страшным шумом вломилось в заросли сухого кустарника. Не отставали от животных и насекомые. Множество стрекожущих, прыгающих, летающих жуков с громким жужжанием носились в воздухе. Некоторые из них на мгновение опускались на листья и, передохнув, продолжали бегство.

Все живое в панике мчалось в одном направлении. А когда мимо десантников, мазнув хвостом Сапера по бедру, пронеслось что-то пушистое с клыками наружу и ростом человеку по пояс — местная гроза всего живого, — стало ясно, что произошла какая-то катастрофа, повергшая в ужас обитателей джунглей.

Командир поднял руку. Все остановились, подчиняясь сигналу. Группа рассредоточилась, заняв позиции для стрельбы за ближайшими деревьями. Люди сразу же слились с окружающим, став неразличимыми.

Оставалось выжидать. Клокот птиц и стрекот насекомых внезапно прекратился. До ушей донесся непрерывный приглушенный шум, похожий на звук рвущейся бумаги. Трудно было понять, откуда исходит этот нарастающий шорох. В воздухе разнесся кислый запах.

Через пару минут все стало ясно. В нескольких шагах от засады, среди густой растительности, показалась ярко-синяя шевелящаяся масса.

Острый укол в ногу стал сигналом к отступлению. Алешкин посмотрел вниз. Несколько насекомых-разведчиков, напоминавших длинных земных мокриц, покрытых твердым ярко-синего цвета хитиновым панцирем, двигавшиеся впереди основной массы, успели взобраться на него. Их мощные челюсти легко прокусывали плотную ткань одежды.

Сегодня у мокриц была объявлена всеобщая мобилизация. Они надвигались живым потоком. Маленькие хищники уничтожали на своем пути все живое. Ничто не могло устоять перед ними: ни человек, ни зверь, ни насекомое. Все, кто не успел убежать, погибали, растерзанные яркими мокрицами.

Пришла пора отступать.

Алешкин метнулся в сторону, но уйти оказалось не так-то просто. Перескочить через плотный, почти метровой ширины вал мокриц, да еще среди густых зарослей, дело не из легких, особенно когда ты обвешан оружием и амуницией с ног до головы, как новогодняя елка игрушками. Потревоженные насекомые мгновенно впивались в ноги. Люди побежали в противоположную сторону от нескончаемого яркосинего потока. Но там оказалась такая же картина: шелестя, маршировала нескончаемая лента. К тому месту, где остановились диверсанты, приближалась еще одна колонна мокриц, намного шире предыдущих двух.

Положение становилось серьезным. Людей окружали с трех сторон. Шевелящееся кольцо вот-вот должно было сомкнуться.

Алешкин лихорадочно высматривал в зарослях высокого кустарника место, где мокриц поменьше, и нашел промежуток между монолитными рядами. Единственное место, где можно еще пробиться. Он поднял руку и махнул, указывая направление: «За мной!» Не задавая вопросов, все одновременно ломанулись за командиром.

Бегство удалось, однако не обошлось без потерь: пока четверка проламывалась через тонкие, но гибкие и прочные кусты, мокрицы-разведчики успели вползти на людей. Некоторые взобрались на ноги и, точно шипы колючей проволоки, впились в тело мертвой хваткой, так, что их невозможно было оторвать. Разодранные пополам, они продолжали вгрызаться в кожу, стараясь добраться до мяса. Только раскрошив их головы с серпообразными челюстями-жалами, удалось избавиться от маленьких бойцов.

Укушенные места сразу на глазах припухли. Шипя сквозь зубы от боли, разведчики обдирали с себя насекомых. Мелочи по сравнению с тем, что их ждало, не вырвались они из окружения. Подавив усилием воли зудящую боль, Алешкин оглядывался, мгновенно оценивая обстановку. Диверсанты находились на небольшом холме. Его со всех сторон обтекала шуршащая масса.

Мокрицы двигались в том же направлении, что и разведчики, в сторону реки. Конца процессии насекомых не было видно. Люди убрались с их пути и теперь не представляли для них никакого интереса: ни как угроза, ни как потенциальная пища. Процессия делилась на группы. Они двигались бок о бок, точно колонны войск. Ярко-синий корпус неумоимо маршировал к видимой только им цели. Невозможно было определить, сколько их там. Может быть, миллион, а может, и все двадцать. Ширина каждой колонны достигала одного — полутора метров. Мокрицы ползли сплошной массой.

Патрули соседней колонны вспугнули из широкой норы почти двухметровую змею в броне из костяных пластин. Тысячи мокриц отделились от колонн и слаженно бросились на рептилию. Наступление шло широким строем. На глазах змея покрывалась шевелящейся вуалью-саваном и вскоре стала полностью синей от облепивших ее насекомых. Первым делом мокрицы выели ей глаза. Громко шипя, змея попыталась уползти, но, потеряв от боли ориентировку, врезалась в одну из колонн. Конвульсивно дергавшаяся лента свивалась в синий клубок. Движения ее все замедлялись. В последнем порыве отчаяния она широко разевала пасть, скаля зубы на врагов, которые были повсюду. Десятки мокриц тут же забирались ей в пасть. Змея отчаянно мотала головой, а мокрицы деловито вырывали из нее куски живого мяса, растаскивая в стороны. Через десять-пятнадцать минут от двухметровой рептилии осталась только бесформенная груда косточек и сегменты обглоданных панцирных пластин. Следующим прибывающим рядам уже ничего не досталось.

Синее море насекомых сжималось вокруг островка, на котором стояли люди. Когда их обнаружат мокрицы-разведчики, оставалось вопросом времени и везения.

«Так глупо попасться! Преодолеть столько опасностей, чтобы угодить на ужин синим козявкам».

Сапер снял с плеч рюкзак и, резким движением отстегнув верхний клапан, извлек на свет один из ребристых дисков, найденных в подбитом «Рапторе». Минер вытащил клинок из ножен, висевших на поясном ремне. Узкое лезвие легко подцепило небольшую прямоугольную крышку в центре трофея. Он рывком отделил прикипевший металл от корпуса. Внутри оказалась чека треугольной формы и два коротких штыря: один — таймер

времени, второй — радиус зоны поражения. Разведчик на глазок прикинул, на сколько метров сможет забросить металлический блин. Оба таймера он установил на минимальные деления: минута и пятнадцать метров. Сапер выдернул треугольную чеку и, размахнувшись, как древнегреческий дискобол, оправил ребристый диск в полет. Микропроцессор отсчитывает шестьдесят секунд и выдаст команду на подрыв мины. В том, что это мина, никто из разведчиков не сомневался.

Впопыхах Сапер не успел точно просчитать траекторию. Метательный снаряд зацепил ветку дерева и, отскочив от нее, упал ближе, чем хотелось.

— Что дальше? — Райх с остервенением растоптал одинокую мокрицу, взобравшуюся к ним на пригорок. Он недобро прищурился. — Коллективное самоубийство, чтобы не мучиться?

— Никак нет. Докладываю голосом, — зачастил, как на экзамене, Сапер, застегивая рюкзак. — Это криогенная мина «Изморозь» без боевых поражающих элементов. Принцип действия состоит в резком понижении температуры окружающей среды с последующим уничтожением теплокровных организмов.

— А мы, по-твоему, кто? — уныло поинтересовался Стрелок. — Хладнокровные?

— Прототип? — уточнил Алешкин.

Похоже, «захлебнувшийся» десант был снабжен самой высокотехнологичной и новейшей техникой. Мину не было видно. Она исчезла, скрытая шевелящимся синим ковром.

Подрывник собрался ответить, но не успел...

Минута истекла. Таймер отсчитал заданное время, и микропроцессор послушно замкнул электроцепь системы боевого блока. Вопреки ожиданиям взрыв оказался глухим хлопком — па-м-м-м! — за которым последовала ослепительная белая вспышка. Понижение температуры сопровождалось побочным эффектом — высвобождением световой энергии.

— Предупреждать надо! — Снайпер ошарашенно тер глаза.

— А я откуда знал! — огрызнулся подрывник. — Я раньше о ней только читал в новинках перспективных разработок.

Алешкин и Райх в перепалке не участвовали. Оба, не сговариваясь, осторожно нажимали указательными пальцами на закрытые глаза. Проверенный дедовский способ восстановить зрение после яркой «засветки».

Проморгавшись, разведчики увидели фантастическую картину. «Изморозь» полностью оправдала свое название. Посреди джунглей мина распустилась дивным зимним цветком. Дерево, под которым она сработала, до самой макушки покрылось прозрачным ледяным панцирем. Лед был повсюду: на стволах деревьев поверх коры, на земле, на кустах.

С громким хрустом обломилась толстая ветка, не выдержав прозрачной тяжести.

Дальше лед сменялся снегом, в свою очередь, уступавшим место пушистому инею. На счастье диверсантов, до холма, на котором они спасались от плотоядных насекомых, искристый язык изморози не дотянулся. Заряд мины растратил свою мощь и на самом излете лишь слегка посеребрил траву. Иней на глазах истончался, превращаясь под солнцем в шарики воды.

— Ходу! — быстрее всех сориентировался командир. — Сваливаем, пока эти твари не оттаяли.

Под подошвами ботинок громко хрустели мокрицы, смерзшиеся в монолит. Хруст приятно ласкал слух. Насекомые рассыпались на крошечные хитиновые сегменты. Глубоко замороженная земля с толстым слоем листьев больше не пружинила под ногами. Передвигаться надо было быстро, но осторожно, чтобы не поскользнуться. Эпицентр проскользили, не отрывая подошвы ото льда.

Четверка вырвалась из окружения. Диверсанты перешли на бег. Надо было оставить как можно большее расстояние между собой и маленькими агрессорами.

Мертвящий душу шорох миллионов лапок за спиной затих. Мокрицы обошли ледяное пятно по краю. Разрезанные криогенным взрывом колонны вновь соединились и двинулись дальше, строго выдерживая направление к своей цели. Яркосиний кошмар исчез в

джунглях.

На месте взрыва «Изморози» происходило зрелище, невиданное для здешних мест. Панцирь льда в жарких джунглях истончился до тонкой прозрачной пленки. По промерзшей земле застучала капель. Тяжелые капли срывались с листьев, в считанные мгновения растерявших свою сочную зелень...

Добравшись до реки, отряд двинулся вдоль берега. Шли молча, избегая лишних звуков. Подходящее место нашли на удивление быстро. Сапер первым обнаружил то, что искали разведчики. Он махнул рукой, подзывая Алешкина.

Стрелок в паре с Пересмешником страховал товарищей, передвигавшихся вдоль берега. Их двойка была готова в любой момент прикрыть командира и Сапера огнем. Любая угроза будет подавлена: и человек, и животное. Без разницы.

— Посмотри-ка! — Сапер осторожно развел руками ветки кустарника с мясистыми листьями.

Заросли вплотную подступали к воде. В этом месте широкая река делала изгиб. Она текла тихо и размеренно, неся на себе спутанные обрывки водорослей и мелкую щепу.

Промер глубины длинной жердью показал: в нескольких метрах от берега дно резко обрывается глубоким омутом.

Пришло время вплотную заняться контейнером, который Сапер нашел в подбитом вездеходе. «Наш дом» — так, кажется, он выразился, вытаскивая зеленый тубус с широкими лямками из пробитого корпуса «Миротворца». До этого продолговатый контейнер защитного цвета казался бесполезным грузом, оттягивавшим плечи подрывника на протяжении всего пути.

Сапер снял со спины контейнер и, опустив на землю, стал внимательно разглядывать, словно увидел в первый раз. Склонился над ним и одновременно нажал руками на два замка, расположенных на верхней и нижней крышках. С громким металлическим щелчком скобы фиксаторов автоматически сдвинулись вбок. Защитный кожух распался на две одинаковые части. Между половинок раскрывшейся скорлупы на земле лежал многослойный кокон из нанонеопрена. От него отходил тонкий полупрозрачный трос, намотанный на катушку с длинным стальным костылем в центре.

— Оп-па! «Гидра»! — непроизвольно вырвалось у Алешкина.

До этого момента он был знаком с изделием, носящим условное обозначение «Гидра», лишь по учебному документальному фильму с грифом «для служебного пользования». Офицеров разведподразделения периодически собирали на недельные сборы для ознакомления с новинками военно-промышленного комплекса. Обычно прототипы были представлены в единичном экземпляре. С особенно редкими и дорогими разработками офицеров знакомили по учебным видеофильмам. Чтобы кругозор, так сказать, расширить и заодно дать понять, что о них денно и нощно заботятся. Кадровый офицер тактической разведки должен иметь представление, с чем ему придется столкнуться в недалеком будущем.

— «Гидра М», — уточнил Сапер, прочитав вслух надпись на внутренней стороне одной из половинок контейнера. — «М» значит «модернизированная». Надеюсь, более комфортабельная, чем предыдущие модели. Кры-ысота, да и только!

В свое время институт гидрофизики водных акваторий разработал проект «Подводный дом» для исследователей морей и океанов. Дерзкие фантазии ученых хотели увести людей с поверхности земли в иные миры. Под воду. Освоение дальнего космоса второе столетие успешно шло полным ходом. Пришла пора осваивать подводные просторы родной планеты, заселять морские шельфы.

К сожалению, из-за урезанных ассигнований исследователям гидрокосмоса новинка оказалась не по карману. Чего нельзя сказать об армии. Военные заинтересовались «Подводным домом» и немного подкорректировали под свою специфику.

Так возник новый проект «Гидра». У людей появилась реальная возможность жить под водой. Правда, с одним «но»: можно, если у тебя на плечах погоны Вооруженных сил

Содружества.

Название проекта наведало ассоциации с гидрой — существом, живущим под водой, обладающим цилиндрическим телом и щупальцами возле рта-присоски.

«Гидра» представляла собой подводное сооружение, вытянутая внешняя оболочка которого создавалась наподобие двойного корпуса подводной лодки. Закачанный между нанонеопреновыми стенками и внутрь воздух позволял сохранять внутри убежища нормальное давление. Водяные мешки по периметру «Гидры» заполнялись водой, исполняя роль балластных цистерн. Они удерживали сооружение на дне и не позволяли ему всплыть на поверхность. Вертикально идущие вверх шланги маскировались под стебли водорослей, обеспечивая подводный дом воздухом и энергией. Аккумулировали энергию термоэлементы, установленные на верхних листьях «водорослей». Морской вариант, разработанный для флотских диверсантов, работал по принципу кристаллизации соли, растворенной в воде.

Вход — «рот гидры» — перекрывался мембраной, открывался на воздухе при нажатии на него и мгновенно герметизировался при соприкосновении с водой. «Рот» мог вытягиваться на несколько метров, образуя переходный тамбур между подводным логовом и сушей.

При необходимости «рот» мог присасываться к такому же входу другого подводного дома. При желании на дне могли создаваться жилые колонии из нескольких «Гидр». Многометровая подушка воды надежно укрывала «Гидру» с ее обитателями от опасности и с неба, и с земли.

Новые технологии сделали нанонеопрен поистине универсальным материалом. Повышенные свето- и теплопроводимость нанонеопрена позволяли ему выдерживать холод и даже самостоятельно маскироваться: менять цвет и прозрачность, принимать любые формы, подстраиваясь под рельеф дна, в зависимости от глубины и прозрачности воды. Подводный дом быстро самоустанавливался. Когда внутри скапливался избыток тепла от человеческих тел, незаметные панели-батареи, встроенные в оболочку, сохраняли эту энергию на будущее. Система обеспечения воздухом состояла из двух частей: основной и автономно-аварийной. Основная работала через «шланги-водоросли». Автономная включалась автоматически, когда содержание углекислого газа в помещении опускалось до опасного для организма человека уровня. Принудительная регенерация могла обеспечить воздухом восемь человек в течение четырнадцати часов. Дальше обитателям предстояло действовать по обстановке: исходя из собственных сил и смекалки. Возможности «Гидры» имели свои пределы.

— Полезная вещь в хозяйстве, — гордо изрек Сапер.

Он по-прежнему не сводил глаз с кокона неопределенно-мутного цвета. «Гидра» неуловимо сливалась с поверхностью берега, на котором лежала, подстраиваясь под окружающий ландшафт.

Сапер осторожно провел пальцем по кокону, пододвинул к себе одну из половинок контейнера и начал внимательно изучать ее внутреннюю сторону.

— Умеешь с ней обращаться? — уточнил Ингвар у подчиненного.

Сапер сорвал сочную травинку и задумчиво сунул в рот. Но тут же скривился и выплюнул стебелек. Местная флора сильно горчила.

— А то! Ничего сложного здесь нет. Щас разберемся...

Он вогнал стальной костыль с закрепленной на нем катушкой в землю по самую шляпку. Осторожно взял в руки кокон и поднялся с корточек в полный рост. И, широко размахнувшись, забросил «Гидру» в омут.

Шлеп! Кокон с громким плеском ушел в глубину, пару раз громко булькнув. Следом за ним, тихо шелестя, потянулся шнур, сматываясь с бешено вращавшейся катушки. «Гидру» соединяла с берегом лишь пуповина шнура из прозрачного стекловолокна.

Движение катушки постепенно замедлялось, а потом она совсем остановилась. Темные речные воды приняли в свои объятия новую игрушку. «Гидра» достигла дна, уткнувшись в мягкую подушку ила.

— Посмотрим, что из этого получится. — Сапер задумчиво наблюдал за кругами, расходящимися по воде.

— Ты раньше имел с ней дело? — еще раз уточнил Алешкин.

— Не-а! Сегодня первый раз держал в руках. С Божьей помощью все у нас получится. На все Его воля.

— Совсем охренел?! — опешил командир, непроизвольно сжав кулаки.

Он успел привыкнуть доверять людям, с которыми впрягся в одну упряжку. И вот тебе раз... Мастер подрывного дела был парень хоть куда, правда, характер имел неровный. Но не до такой же степени!

— Сперва-наперво надо... — Сапер нагнулся и сорвал новую травинку. Пауза затягивалась до неприличия. Наконец он соизволил продолжить: — Надо внимательно прочитать инструкцию. Здесь все расписано пошагово. Армейский принцип «рассчитано на дурака» пока еще никто не отменил.

Он лениво поддел ногой ту половинку контейнера, которую до этого так внимательно изучал.

«Невозмутимость и уверенность в себе. Вот это по-нашему». Алешкин перестал буравить взглядом подчиненного.

— Если человек в силах прочитать инструкцию, значит, он может служить в армии, — сообщил Сапер. Было непонятно, шутит он или говорит всерьез.

— Что бы мы делали без великой силы печатного слова? Безграмотный Homo Sapiens никогда не сможет эволюционировать в Homo Military, высшую и последнюю ступень человеческого развития, — поддержал его командир.

Оба тихо рассмеялись.

...Кокон медленно опускался, поворачиваясь вокруг оси. Вот и дно. «Гидра» опустилась, взбаламутив ил. Потревоженные придонные отложения клубились рваной тучей в толще воды. Не достигнув поверхности, муть начала рассеиваться. Подводное течение уносило ее с собой. Пятно истончилось и наконец исчезло без следа.

Кокон стал набухать, пропитываясь влагой. Слой за слоем. Вода активировала программы, заложенные в нанонеопрене. Началось «пробуждение» «Гидры». Из семени-кокона показались отростки. Они становились все длиннее и жадно тянулись к поверхности. Туда, где солнце и воздух. Щупальца воздухопроводов стремительно отращивали листья, становясь неотличимыми от водорослей. Слои кокона разворачивались лепестками подводного цветка. Лепестки срастались в пустую оболочку, сморщенную и сжатую до толщины бумажного листа.

Шланги-водоросли, достигнув поверхности реки, прекратили расти и начали закачку воздуха в подводный дом. С каждой секундой легкие «Гидры» наполнялись живительной атмосферой и, раздуваясь, превращались из цветка в гриб без ножки. Шляпка росла вверх и вширь. Достигнув заданных размеров — трех метров в высоту и десяти в диаметре, — «Гидра» прекратила расти. От всплытия ее удерживали на дне несколько пузырей — балластных емкостей, заполненных водой. Она сама отрегулировала отрицательную плавучесть. Чтобы уравновесить напор воды, «Гидра» «запиталась» по шлангам-водорослям воздухом под давлением, в два с лишним раза превышавшим атмосферное.

На дне вырос подводный дом, готовый принять людей! Вокруг убежища кружили стаи потревоженных рыбок. Из-под камней, покоящихся на дне, выползали диковинные существа, потревоженные вторжением на их территорию. Они были похожи на многоногих пауков с клешнями. Стенки омута усеивали бесчисленные норы. Из них осторожно выплывали все новые рыбы, словно желая рассмотреть «Гидру» поближе. Одни в синюю и белую горизонтальную полоску, другие — ярко-оранжевые, третьи — в фиолетово-бирюзовую крапинку. Дно омута превращалось в живой ковер. Подводные обитатели, потревоженные новым соседом, приходили в себя. Речная жизнь возвращалась в привычное русло...

— Между прочим, тамбуром-переходом можно управлять как вручную, так и дистанционно.

В подтверждение своих слов Сапер направил в сторону омута плоскую зеленую коробочку и щелкнул кнопкой. Пульт управления «Гидрой» успел незаметно перебраться из контейнера в руку расторопного прониры.

Легкие волны разбежались в разные стороны. Рот «Гидры» послушно всплыл. Щелк. Широкий овальный зев входа с защитными лепестками диафрагмы без всплеска скрылся с поверхности.

Было видно, что Саперу нравится электронная игрушка. Но едва он собрался в очередной раз нажать кнопку, как командир выдрал у него из рук дистанционку.

Ругательство рвалось на свободу, но офицер привык сдерживаться. Эмоции — враг победы и не красят кадрового военного.

— Хорош баловаться! Тебе сколько... — Алешкин осекся.

Не было необходимости спрашивать у подчиненного, сколько ему лет. В памяти всплыли лаконичные строчки из файла личного дела штрафника. Сапер был старше его на полгода.

— Сигнал узконаправленный, засечь сканером можно, но только если стоять с нами рядом. Желательно вплотную, плечом к плечу, — начал оправдываться Сапер.

Зеленая плоская коробочка ему действительно понравилась. Она напоминала дистанционные пульты подрыва столь милых его сердцу мин и фугасов. По душе словно ветерок пробежал, будя приятные воспоминания.

Алешкин спорить не стал. Он поднял руку условленным жестом. Рядом с ними из зеленого кустарника бесшумно материализовался Пересмешник. Следом за ним вынырнул Стрелок. Незримое охранение, казалось, только и ждало беззвучной команды, чтобы присоединиться к товарищам.

Вся группа была в сборе. Пришла пора осваивать лежку. Неизвестно, на сколько времени «Гидра» станет для них новым домом и по совместительству тайным убежищем. Разведчики, как целомудренная восточная невеста, привыкли таиться от чужаков.

Сапер подцепил полупрозрачную катушку с тросом и выбрал слабинку. Переходник-мембрана теперь возвышался над водой. Диковинный поплавок четко обозначал границу, где дно вертикальной стенкой уходило на глубину.

Все выжидательно посмотрели на командира. Что дальше?

Он снял с себя рюкзак и «Штурм» и положил на берег.

— Потом сбросите мне оружие и экипировку. Трех-четыре минут должно хватить, — сказал он Пересмешнику.

Зайдя в воду по щиколотку, Алешкин скомандовал сам себе:

— Первый, пошел!

Он надавил на лепесток ногой. Мембрана с еле слышным чмоканьем раскрылась.

«Ногами вперед — не очень хорошая примета», — мелькнула запоздалая мысль.

Но все обошлось.

Спецназовец настроился на скоростной спуск, как в детстве с крутой горки. Зря. Переход шел с поверхности в жилой модуль под углом в сорок градусов. Помогая себе руками и ногами, разведчик добрался до дна. Вернее, до подводного убежища, прочно покоившегося на дне. Внутри оно было разделено на два отсека: жилой и хозяйственный. В последнем прямо в стене перемигивались индикаторы панели контроля и управления «Гидрой». Ничего сложного. Солдат-первогодок и тот сможет разобраться. Тем более подводный дом не требовал особенного управления. Индикаторы информировали хозяев о том, как идет зарядка аккумуляторных батарей, о температуре внутри и за бортом, содержании кислорода в помещении. Все было в норме. При помощи простого сенсора можно было «расшторить» два иллюминатора в жилом отсеке. Под потолком горели квадратные панели освещения. Они давали тусклый рассеянный синий свет. Все было рассчитано так, чтобы не нарушать светомаскировку.

На поверхности выждали положенное время и переправили командирское оружие и рюкзак в раскрытый зев.

— Кто следующий? Прошу. — Пересмешник сделал приглашающий жест.

Он стоял вполоборота к берегу, не прерывая наблюдения ни на секунду. Всегда начеку, сжатый как смертоносная пружина, готовая в любой момент распрямиться в смертельном броске.

Стрелок и Сапер одновременно шагнули в воду. Одновременно попытались втиснуться в зев переходника. Лепестки послушно разошлись в стороны. «Гидре» было все равно, кого глотать. Стрелок задел тяжелым рюкзаком товарища за плечо. Тот отшатнулся, переступил ногами, стараясь сохранить равновесие. Два лишних шага — и дно закончилось и началась глубина. Без всякого намека на плавный переход. Всего два шага — и Сапер угодил в омут.

Мгновение из воды торчал только ствол винтовки. За нее и вытащили отплывающего Сапера — Стрелок в последний момент успел ухватить ствол мертвой хваткой. Он разжал руку лишь тогда, когда любитель водных процедур оказался рядом. Здесь вода доходила до середины щиколоток.

Зев «Гидры» разочарованно закрылся, не дождавшись нового посетителя.

— Козлы, — бесстрастно прокомментировал событие Райх. Палец со спускового крючка «Штурма» он так и не снял. — Всю речку взбаламутили.

Вот это было лишнее. Надо отдать Саперу должное, тонул он молча, не издав ни звука. Вытащили его тоже тишком. Ни крика, ни оханья.

— Какой-то я сегодня деревянный, — сказал подрывник в свое оправдание.

На товарищей он старался не смотреть, брезгливо снимая с себя водоросли, зацепившиеся за широкий ремень и подсумок с запасными магазинами.

— То-то я думаю: «Почему оно не тонет?» А он, оказывается, деревянный, — насмешливо осклабился Пересмешник, не отрывая взгляда от зарослей на берегу.

Вроде все тихо. Неожиданная кутерьма не потревожила прибрежный лес.

Мокрый и злой подрывник сердито зыркнул и открыл рот, чтобы сказать все, что он думает об острословах в частности и тупом армейском юморе в целом. Но Райх его опередил. Не поворачивая к ним головы, он процедил:

— Хватит мне спину взглядом буравить. Дырка будет. Быстро вперед. Оба, раз-два!

На этот раз они без потерь преодолели мембрану. Друг за другом. Последним покинул прибрежную полосу Пересмешник. Перед тем, как шагнуть в разъявленную пасть «Гидры», он оглянулся. На середине реки сильно плеснуло. Хотелось верить, это просто большая рыба, а не что-то плотоядное, привлеченное бултыханием Сапера. Лепестки мембраны, с тихим шелестом наползая друг на друга, закрыли вход над макушкой Райха.

Через пару минут, тихо булькнув, вход исчез с поверхности реки. Повинуясь команде со дна, тамбур-переходник втягивался в подводное убежище. Больше ничто на берегу не напоминало о недавнем присутствии людей. Крепежный костыль и самосматывающуюся катушку с полупрозрачным фалом Пересмешник предусмотрительно забрал с собой. Набежавшая волна, танцуя, ткнулась в берег, размыв след от каблука ботинка, отпечатавшийся в прибрежном иле.

Извиваясь, как гусеницы, они спускались по плавно изгибавшемуся переходу. На первый взгляд, было не развернуться. Разведчики словно вползали в глотку доисторического чудовища. Казалось, эластичные стенки смыкаются вокруг них.

Наконец они коснулись горизонтальной поверхности. Из-за перегородки выглянул командир.

— Жаждался я вас. Почему мокрый? — Вопрос относился к Саперу, с которого капало на пол.

— Кругом вода, — обвел рукой отсек минер.

Обстановку разрядил Райх, последним выбравшийся из переходника. Он так и не снял с плеч рюкзак и был с оружием в руках. Стенки имели свойство растягиваться под нужный размер. Мелочь, а приятно.

Оглядываясь вокруг, он громко сообщил:

— Я всегда знал: есть места, где можно спокойно нести службу, но страшно жить.

За ним, громко чмокнув, сложился тамбур перехода. Мембрана надежно загерметизировала вход в подводный дом, отделив людей от воды, неба и суши. «Гидра» затаилась на дне.

— Новый метод маскировки, или ты начал давать побегу? — Алешкин вытащил обрывок водоросли, застрявший у Сапера под плечевой лямкой.

— Розы предпочтительнее с точки зрения почвоведения, — ни к кому не обращаясь, бормотнул подрывник.

Стрелок покачал головой:

— Сколько у тебя было контузий?

Сапер, беззвучно шевеля губами, начал загибать пальцы. Сначала на одной руке, потом на другой. Закончив подсчет, виновато развел руками:

— Точно не помню.

— Вот! А я о чем постоянно толкую? — Стрелок сначала покрутил пальцем у виска. Потом хлопнул напарника по плечу. Брызги разлетелись в разные стороны. Капли, попавшие на стенку из нанонеопрена, тут же впитались без следа. — Не стоит заморачиваться! Не помнишь, ну и ладно! Давайте устраиваться.

Обживать лежку не составило труда. Оба отсека были девственно пусты. Рюкзаки, оружие и амуницию сложили в хозяйственном отсеке.

С собой в жилой отсек взяли две упаковки сухпайка и накидки-спальники. Сапер возился в первом отсеке. Он снял с себя всю одежду. Отжал и повесил на стволы двух автоматов: свой и командира. Осквернить оружие Стрелка просушкой шмоток мог решиться лишь самоубийца. Пересмешник к нему тоже особенно не благоволил.

Отжатая вода быстро впиталась в пол. Нанонеопрен добросовестно избавлялся от излишков влаги, заботясь о новых постояльцах.

Алешкин разбирался с панелью управления в стене при помощи меню пульта, который достали из контейнера вместе с коконом «Гидры».

В отсеках стояла прохлада. Датчик на панели показывал плюс двенадцать градусов по Цельсию. Ничего, судя по Инструкции, скоро поднимется до девятнадцати. Отдельное спасибо создателям «Гидры» за то, что про туалет не забыли.

Низенький куб, примыкавший к стене первого отсека, оказался биотуалетом. Жидкие отходы жизнедеятельности обитателей уходили в воду через переходной клапан. Другие отходы брикетировались до плотности отрицательной плавучести. Жизненно важная необходимость, чтобы не демаскировать на поверхности расположение подводного убежища тем, «что не тонет».

Жизнь под толщей воды еще раз доказала, что человек способен быстро приспосабливаться к необычным условиям, особенно когда от этого зависит его существование.

Группа Алешкина могла спокойно и в любое время выходить из своей полусферической лежки и возвращаться в нее. Им не угрожали ни хищные звери, ни люди. На дне реки не страшна была любая непогода. До той поры, пока враг не найдет их тайное убежище. Тогда они станут легкой добычей. Страшнее человека зверя нет. Но сначала пусть попробуют найти.

Приглушенный свет падал с панелей освещения на людей, лежавших в прямоугольных конвертах накидок-спальников. Жарко — используй как накидку или подстилку. Холодно — заползай внутрь и застегивайся хоть с головой. Размер и мягкость подушки можно регулировать сообразно вкусу. Достаточно надуть через выдвижную трубку воздушный мешок.

Поработал легкими: вдох-выдох — и изголовье готово.

В зеленоватом освещении спецназовцы казались другими. Глаза запали, носы заострились. Разведчики сильно смахивали на оживших покойников. Игра теней вгоняла в меланхолию.

«Ничего, выплусь, и все пройдет. Нельзя размякать», — подумал Снайпер.

Развесив одежду, Сапер прокрался в отсек полностью обнаженным, что-то бережно сжимая в руке. Другой рукой подрывник встряхнул небольшой пакет размером с карманный блокнот. Спальник, хрустя, послушно развернулся. Сапер рыбкой нырнул в раскрывшуюся термоткань. Тепло побежало по озябшему телу. Не теряя времени даром, минер принялся за губнику трубки и не разжимал губы, пока не надул подушку до футбольного звона.

— У нас пополнение, — обрадовался Стрелок. — Нудисты в армии, я слышал, — секретный проект, но раньше не верил.

— Не-а, это один из запрещенных методов психологической войны, — поддержал Пересмешник. — Выпускаем его в полный рост. Пока враги обалдевают от увиденного, мы всех перещелкаем, как в тире.

Алешкин хмыкнул, но принимать участие в разговоре не спешил. При помощи пульта из контейнера «Гидры» он пытался разобраться с меню дисплея, составлявшего единое целое со стеной.

— Интересно, а где он будет прятать оружие? — задумчиво поинтересовался Пересмешник.

— О-о! Я, кажется, знаю...

Развить скабрезную мысль снайпер не успел. Сапер вытащил руку из спальника и продемонстрировал каждому по очереди гранату, зажатую в кулаке. Стрелку выпала удача лицезреть смертельный заряд в опасной близости. Он лежал рядом с приятелем. Тот сунул гранату ему прямо под нос.

— Всегда готов! В одежде я, без одежды, все свое ношу с собой, — мстительно сообщил подрывник шутникам.

Подначки, как по команде, стихли. У весельчаков сразу пропало настроение шутить. Во всех армиях мира контуженые плохо понимают юмор.

— Хороший выбор, — одобрил предпочтение новоявленного нудиста Пересмешник. — Оборонительная. Идеально подходит для нашей общей самоликвидации. Использовать здесь — все равно что кидаться кирпичами в стеклянном доме.

— Границы добра и зла можно установить только экспериментальным путем, — начал размышлять вслух Стрелок. К его необычной манере резко менять тему беседы на сто восемьдесят градусов уже привыкли. Точнее, смирились. Тем более он умудрялся сразу втягивать товарищей в разговор.

— Для начала стоит определить точку отсчета и шкалу ценностей. У всех она разная, — сказал Алешкин. — Для кого-то зло совсем не зло.

Пересмешник не удержался и встрял в разговор.

— Долг! Для офицера долг — единственная точка и пограничный столб совести, — вскинулся он и поспешно поправился: — Не только для офицера, но и для любого, кто носит погоны на плечах.

— Про душу забыл, — тихо произнес Сапер. — Про добро и зло все написано в Священном писании. Черным по белому.

— У военного нет души. — Райх бескомпромиссно рубанул рукой воздух. — Только долг. Любой ценой.

— Многие заблуждаются, думая так же, как и ты.

А за ценой они никогда не стояли, — еще тише сказал Сапер.

— Тебе сан надо принять, — подковырнул спецназовец.

— Рад бы! Да грехи не пускают.

— Отставить разговорчики. — Ингвар пультом приглушил панели освещения. — Всем отдыхать.

На дежурство командир никого не определил. Под водой эта мера предосторожности была не нужна.

Сон не шел. Алешкин ворочался с боку на бок. Отличительная черта профессионального военного — мгновенно засыпать. В любой обстановке и в любом положении, главное, чтобы представилась такая возможность. И так же мгновенно

просыпаться, стремительно переходя из состояния сна к бодрствованию. Время на раскачку и потягивания — непозволительная роскошь на войне. Мгновения промедления может хватить, чтобы ниточка жизни оборвалась.

Что гнало сон прочь, не давая отдохнуть? Без передышки организм может и надорваться. Может, беспокоил объект, который они нашли? Этот поселок привел Алешкина в смятение еще при первом взгляде. Когда они от него ушли, тревога, как ни странно, только усилилась. Чего-то он не смог уловить — какой-то иезуитской каверзы... Нет, не то.

Он с досадой понял, что боится. В этом не хотелось признаваться. Он, потомственный офицер, с детства давил в себе эту гадину и тешил себя надеждой, что победил.

Страх тоненькими лапками скребся внутри. Сначала робко, а потом все сильнее. Ты начинаешь шарить внутренним взором, анализировать, сопоставлять, силясь найти причину его пробуждения. Найдя, с облегчением понимаешь: дело осталось за малым — найти против него оружие. Надо убить страх уже только за то, что он заставил тебя испугаться. Надо задавить тварь в зародыше, пока она не набрала силу. Иначе жди беды.

Сейчас это противное чувство, затаившееся в глубине души, подняло голову. Алешкин не боялся смерти и втайне гордился этим. Немного, совсем чуть-чуть.

Проснувшийся страх имел другую природу. Алешкин не боялся провалить задание. Командира группы страшила мысль погубить подчиненных. Странное дело — ведь на войне смерть всегда незримо витает рядом. Все, кто добровольно или в силу иных обстоятельств взял в руки оружие, прекрасно знают об этом. Мало того что грань между жизнью и смертью тоньше паутинки, так она в придачу проходит совсем рядом с тобой.

Если себя не жалко, то чего жалеть других? Неприятный холодок внутри стал физически осязаем. Нет, все равно жалко, если они погибнут: такие разные люди и вместе с тем с такими похожими судьбами.

«Чего это я раскис? Сто процентов людей рано или поздно умрет. И мы умрем».

Неожиданно пришедшая в голову мысль принесла облегчение. Лучше аргумента не придумать. Словно камень с души свалился. Все оказалось проще простого.

Холодок в душе растаял без следа, как утренний туман исчезает под первыми лучами солнца. Командир перестал ворочаться и нырнул в сон, словно в омут с головой. В сон без тревог и волнений...

Сапер проснулся посреди ночи. Много лет он спал без кошмаров. Пришло время навестывать. Он выскользнул из сна, который никогда не забудет.

Его обрывки оставили после себя угнетенное состояние, удушье, тоску и страх.

«Словно душит чья-то рука. Надо уходить. Быстрее вернуться на поверхность. Я одинок, заперт в подводной ловушке. Мы сами приговорили себя прятаться под водой. На поверхности опасность. Что, если вода прорвет оболочку и ворвется внутрь? С какой скоростью она будет подниматься? Все равно останется какое-то количество сжатого воздуха. Сколько времени мы сможем продержаться в воздушном пузыре, успеем ли выбраться наружу? А дальше?»

Чтобы успокоиться, Сапер ужом выскользнул из спальника и прокрался в первый отсек проверить, не просочилась ли вода через вход-переходник, по которому они проникли в «Гидру».

Все было в норме. Нелепые мысли и страхи отступили. На полу ни капельки воды. Мембрана не подтекает. Захотелось побыстрее вернуться в нагретый телом спальник. Спать. Три шага — и он уже в другом отсеке.

Как оказалось, Райх тоже не спал. Он приподнялся в полурасстегнутом спальнике, опираясь на локоть. Рука сжимала ребристую рукоять пистолета.

Хотя автоматическое оружие главного калибра оставили в первом отсеке, никто из разведчиков не собирался расставаться с «Рексами» и ножами. Безоружные, они казались себе голыми, как Сапер без взрывчатки.

— Чего колобродишь? Не спится? — шепотом спросил он Сапера.

— Ты веришь в Бога? — неожиданно вопросом на вопрос ответил Сапер. — Или в

Творца, как некоторые его называют? Ну, ты понимаешь.

После секундной заминки Райх ответил серьезным тоном, без тени ерничества и пафоса:

— Я верю в смерть. Верю в боль. Верю в страдания.

На этом разговор угас. Оба затихли в спальниках. В первую ночь под водой один Стрелок крепко спал сном праведника. Ему редко снились сны. Точнее, вообще не снились в последние годы. А может, подсознание стирало их из памяти после пробуждения, чтобы лишний раз не тревожить хозяина?

* * *

Дни под водой были похожи один на другой, как капли, монотонно падающие с потолка в сыром склепе. «Кап-кап» — водяной метроном отсчитывал вечность, фигурально выражаясь. Ничто так не выводит из душевного равновесия, как ожидание. Три дня в «Гидре» тянулись долго, но пролетели как один час. Никто и заметить не успел. Тут было тепло и сухо. Тишина и покой под многометровым слоем воды ублаживали привычную настороженность спецназовцев. Люди незаметно для себя перестали разговаривать вполголоса. Разведчики отлеживались, отсыпались и отъедались. Трофейных сухпайков с учетом собственных припасов должно было хватить еще суток на шесть. Это как минимум. Как максимум в лесу, да на берегу реки от голода ноги протянет лишь безрукий. У всех в разведгруппе с конечностями все было в полном порядке. Голод им не грозил. Угнетала неизвестность. Что делать дальше?

Чтобы действовать дальше или, на худой конец, импровизировать, Алешкину был нужен шаг со стороны неизвестного противника. Или хотя бы шажок. И этот шажок был сделан.

На четвертый день Райх и Стрелок сходили к поселку. Осторожно сняли показания со счетчиков и сразу вернулись назад на лежку. Не стоило долго светиться у безлюдного поселка.

Один из электронных шпионов выдал долгожданную засечку. Алешкин в десятый или двадцатый раз просматривал на маленьком экране своей наручной карты-навигатора перекачанные данные. Компьютер бесстрастно проанализировал полученные сведения и теперь показывал одни и те же обработанные параметры. Счетчики не вели видеосъемку, их задача — сканировать местность в разных режимах от ультразвукового до инфракрасного. Чем шире спектр охвата, тем больше шансы что-то выявить.

Недалеко от околицы поселка, на самом краю озера, неожиданно появился неизвестный объект приличных размеров. Параметры ориентировочно колебались в пределах пять на три метра. Точнее определить прибор не смог. Потом неизвестный со скоростью, колеблющейся в диапазоне от сорока до шестидесяти километров в час, двинулся вдоль скал в сторону пустыни. Дальше засечка пропала, выйдя за границы сектора обзора счетчика. Через восемь часов двадцать минут неизвестный объект появился, двигаясь в обратном направлении по старому маршруту. Достигнув озера, он опять исчез, растворившись без следа с экрана командирской карты. Что-то (или кто-то?) достаточно большое и быстрое, даже слишком быстроходное, выбралось из озера и вернулось обратно в воду. Ну, хоть какая-то зацепка появилась. Это радовало, хотя возникло новое неизвестное в сложном уравнении.

Визуальное наблюдение решили вести посменно, парами, с привязкой ко времени появления засечки. Хотя небольшой, но шанс, что получится установить какой-то график в появлениях неизвестного объекта. Так Алешкин сократил время дежурств разведчиков. Незачем подолгу отсвечивать на суше. Неизвестно, какие опасности могут подстергать их на Безымянной.

Сегодня дежурили Стрелок и Сапер. Двойка лежала в густых зарослях на краю минного поля.

— Я вот что подумал... — Стрелок не закончил фразу, словно споткнувшись о

невидимый порог.

— А? Что ты сказал? — переспросил Сапер, лежавший рядом.

— Объект уже нашли. Не знаю как, но мы туда проникнем. Все узнаем. Если потребуется, всех перестреляем и все взорвем. А зачем? В чем смысл нашей жизни? Вообще, смысл жизни человеческой? Вот вопрос! И все должны искать ответ на него. Думать о нем. Пытаться разгадать загадку, у которой нет решения.

— Интересная мысль для снайпера. Кто бы мог подумать, что у тебя в голове есть что-то, помимо таблиц стрельб и поправок на отклонения пули.

Сапер поднес к глазам бинокль. Беседа сама собой угасла. Один продолжал наблюдение за поселком. Другой контролировал обстановку вокруг, страхуя товарища.

— Смотри! — Свистящий шепот Сапера заставил напарника поспешно навести оптический прицел в сторону домов.

— Поселок на месте.

— Посмотри правее. Ты что, ослеп?!

Озеро на глазах пересыхало. Водная поверхность быстро уменьшалась и... пропала. Теперь ее место занимала ровная площадка. Она была ограждена бортиками высотой сантиметров восемьдесят. Сюда насосами закачивалась вода, вводя в заблуждение авиационную и прочую разведку противника.

Площадка была выкрашена под цвет окружающих скал. Если надо, можно принять или отправить десантный или грузовой аэробот. Шлюзы открываются, вода уходит. Благодаря системе дренажа и постоянно дующим в этих местах ветрам, площадка просыхает за считанные минуты. Просто и эффективно. Она уходила под уклон к пологой скале. Там темнело отверстие тоннеля, исчезавшего в недрах горы.

Из тоннеля показался до боли знакомый аппарат. На свет из темноты вынырнул обычный армейский пескоход на воздушной подушке. Малогабаритный патрульный вариант с длинным стволом крупнокалиберного пулемета, торчавшим из покатої башенки. Пескоход плавно выехал из-под массивного скального козырька, прикрывавшего вход в тоннель.

Корпус боевой машины дернулся, когда она медленно переваливалась через бортик. Преодолев препятствие, пескоход раздул пышную юбку воздушной подушки и, рыкнув двигателем, двинулся вдоль гор в сторону пустыни. Несколько десятков секунд — и машина затерялась среди деревьев, которыми густо заросли предгорья.

Сапер перевел бинокль на гору, стараясь получше рассмотреть вход в тоннель. Вода в озере прибывала на глазах. Черного провала тоннеля не было видно и в помине. Повидимому, он герметично перекрывался изнутри скалы. Несколько минут — и озеро вернулось на место.

— Вот так девки пляшут, — подвел итог увиденному Сапер.

Его невозмутимости можно было позавидовать.

— Чего-то подобного стоило ожидать, — выдохнул Стрелок, опуская бинокль. — Ларчик просто открывался.

— Еще триста ведер — и ключ у нас в кармане.

— В смысле?

— Да так, к слову пришлось. Это присказка одного героя из старой легенды, о мальчишке, искавшем подземный город.

— И как, нашел?

— Да. Правда, на его долю выпало столько недетских передрыг, что, по-моему, он был не рад, что ввязался в это приключение.

— Прямо как про нас, — сказал Стрелок. Пескоход вернулся через несколько часов. На этот раз время возвращения в подземелье не совпало с данными счетчика. Электронный шпион не засек никаких радиопереговоров или каких-то других излучений, предупреждающих о возвращении машины. Значит, где-то стоял выносной сейсмический датчик, настроенный на параметры пескохода и регистрирующий его появление. Только так можно было объяснить новое и заблаговременное исчезновение озера.

Да, промежутки времени между выездами и возвращениями боевой машины на подземную базу разнились, но ненамного. Куда она ездила? Зачем? Неизвестно. Главное — найти алгоритм действий противника, и можно приступать к планированию операции. Разведчики доложили обо всем, вернувшись в подводный дом на дне реки...

Глава 7

Пескоход сбавил скорость, взбираясь на пологий откос. Рыча двигателем, перевалил через край, выезжая на ровную поверхность, и рванул вперед. Неожиданно у него под днищем полыхнула белая вспышка, и до разведчиков, сидевших в засаде, донеслось знакомое «пам-м-м!». Рев мотора был заглушен взрывом мины. Машина напоследок дернула бронированным носом и остановилась, словно налетев на невидимую преграду. Одновременно со вспышкой заглух двигатель. Пескоход покрылся поверх брони ледяными доспехами.

«Изморозь» полностью оправдала возложенные на нее надежды. Одно дело — полчища насекомых, другое дело — остановить многотонную махину. До последнего момента у Алешкина были сомнения, что они смогут захватить вражеский пескоход. Но другого варианта не было. Это был их единственный шанс пробраться в глубь горы и узнать, что находится под фальшивым поселком-приманкой. Шанс выпал, и им надо воспользоваться, пока не уплыл из рук. Оставалось уповать на то, что мина уничтожит экипаж и не повредит машину. Бортовую электронику они в расчет не принимали. Главное, чтобы «коробочка» осталась на ходу. А там разберутся.

Трое диверсантов выбрались из засады, устроенной посреди колючего кустарника, и лесными бесшумными призраками двинулись в сторону замерзшей машины. Четвертый — снайпер — страховал их, засев на дереве в широкой развилке ветвей. Удобная позиция, и сектор обстрела хороший. Пескоход и все подходы к нему как на ладони.

Разведчики подошли к машине с трех сторон, не теряя друг друга из поля зрения. С пулеметного ствола свисали гроздь длинных сосулек. С их кончиков срывалась капель. На светло-желтой корме, у двигателя, лед таял на глазах, стекаясь в лужицы. Видимо, криогенная мина не смогла до конца охладить мотор. Остановила машину, и то хорошо. А так, глядишь, быстрее оттает, и появится возможность попасть внутрь. По бортам и покатым бокам черной юбки воздушной подушки сползали целые пласты подтаявшего льда.

Идиллию весны, нежданно-негаданно пришедшей в прокаленные малиновым солнцем джунгли, нарушили другие звуки. Стук упавшей с брони глыбы льда и неожиданно открывшегося люка в командирской башенке сменился выстрелом. Разведчики еще не успели сообразить, что произошло, а снайпер уже уложил с первого выстрела одного из членов экипажа. Как оказалось, он был единственным, кто смог пережить космический холод, внезапно окутавший пескоход.

Убитого вытащили из люка в четыре руки.

Тот, кто пытался выбраться из промороженного нутра, надеясь попасть в тепло лета, носил одежду не по погоде. На нем был комбинезон биологической защиты, поверх которого красовался скелет из металлопластиковых силовых элементов, «костей». На локтях и коленях липучками были закреплены сервоприводы усилителей конечностей.

Металлопластиковый костяк, перевитый пучками проводов, оказался боевым экзоскелетом. Только благодаря ему последний выживший из экипажа смог открыть примороженный люк, скрытый под толщей льда. От холода его спас комбинезон, позволяющий работать при низких температурах. Вот только пуля, выпущенная снайпером, засевшим в кроне дерева, легко пробила тонкий лицевой щиток. Такой костюм больше подходит ученому, решившему временно переквалифицироваться в грузчики. Что он делал в боевой машине? Над этим можно было подумать, когда выдастся свободная минутка.

Надо было посмотреть, что творится в стальном нутре пескохода.

Первым в темный провал люка заглянул Алешкин. Вопреки его ожиданиям внутри

стальной машины тускло горели лампочки подсветки салона. Картина, представшая его взору, вызвала благоговейный трепет.

На месте кресла водителя громоздился кусок льда с торчавшими из него руками в черных перчатках. Скрюченные пальцы мертвой хваткой сжимали овальный штурвал управления, покрытый белой изморозью. Десантный отсек был нагромождением оплывающих сугробов. Посреди них выделялся ледяным снеговиком оператор-наводчик крупнокалиберного пулемета. Сквозь ледяной панцирь было видно, что он не выпустил из рук джойстик гашетки управления огнем и так и застыл, подавшись всем телом вперед в последнем усилии выполнить команду «Огонь!».

— Что-то стало холодать, — произнес Сапер.

— Скоро всем будет жарко, — с кривой ухмылкой пообещал Райх и щелкнул кнопкой предохранителя на своем «Штурме». — Проверю двигатель. — Он помедлил и на руках опустился в люк командирской башенки.

Алешкин посмотрел на Сапера:

— Замерз? Значит, пора тебе утепляться. — Он показал на труп, лежавший на корме машины.

— Да это так, к слову пришлось, — попытался отговориться минер. Он не горел особым желанием примерять на себя комбез со свежего покойника.

— Это не просьба, а приказ. — Ингвар будничным голосом напомнил подчиненному, кто здесь командир.

Они вдвоем склонились над трупом и начали снимать с него сбрую экзоскелетона. Сначала разведчики путались в застёжках и пластинах, но потом дело пошло быстрее.

Райх тем временем осторожно отколупывал ножом лед с панели управления. Глубоко вздохнув, он нажал на кнопку запуска двигателя. Пескоход завелся со второй попытки. Боевая машина, похоже, могла выдержать испытания и покруче, чем внезапно навалившаяся волна холода. Создатели техники закладывали запас живучести с учетом всевозможных передраг, которые могли возникнуть на поле боя. Чего нельзя было сказать об экипаже металлической «коробочки».

С работающим на холостых оборотах двигателем машина стала оттаивать на глазах. Погибших от холода вытащили через боковой люк. Проще и удобнее было вытянуть их через заднюю аппарель, но десантный отсек перегораживали широкие длинные контейнеры. На каждом красовалась желтая надпись: «ОПАСНО! БИОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА!»

Видимо, этим и объяснялось специфическое одеяние одного из членов экипажа.

Райх выглянул из люка. Увидев Сапера в новом облачении, он присвистнул:

— Я смотрю, вы зря времени не теряете! Машина в порядке. Правда, бортовой компьютер приказал долго жить. Вместе с ним навернулась связь.

— Усилитель правой руки тоже не работает. Сломался. — Подрывник отстегнул защелку на запястье и стянул металлопластиковую перчатку с кисти. В нерабочем состоянии она только мешала.

— Похоже, и нам с тобой пора обновить гардероб. — Командир показал Райху на трупы остальных членов экипажа. Тела в одинаковых темно-оливковых комбинезонах лежали на влажной от растаявшего снега земле рядом с пескоходом.

— Беру себе, который посвежее, — рассмеялся однокашник Ингвара по кадетскому корпусу. Он легко подтянулся на руках и одним рывком выбрался из люка.

Надо было спешить. Они уже и так выбились из графика. Точнее, пескоход, десантное отделение которого было заставлено контейнерами с неизвестной начинкой, опаздывал к расчетному времени возвращения.

Алешкин условным знаком скрестил руки над головой. Крона дерева шевельнулась. Снайпер кошкой скользнул по стволу вниз. Вскоре он вынырнул из зарослей с неразлучной винтовкой наперевес и в несколько быстрых шагов преодолел расстояние до желтого бронированного борта.

— Рожи у них слишком бледные для местного климата. — Стрелок дулом винтовки

указал на лица раздетых покойников.

Кожа оттаявших трупов была светлой как на лицах, так и на телах. Вряд ли холод смог бы так отбелить ее. Принимая во внимание мощное ультрафиолетовое излучение местного ярко-малинового солнца, можно было с уверенностью сказать: эти люди редко появлялись под его лучами. Может, погибшие вели ночной или подземный образ жизни? Вопросы есть, ответов нет. А из предположений и догадок можно слепить все, что угодно, кроме истины...

Алешкин и Сапер уже были внутри пескохода. Машина ровно урчала двигателем, и броня подрагивала под рифлеными подошвами десантных ботинок.

Алешкин сел на место оператора-наводчика. Повернул башню с пулеметом немного вправо — двинулась плавно. За исключением бортового компьютера, не выдержавшего испытания холодом, в пескоходе все было в полном порядке. Рядком покоились кассеты с боеприпасами. Одна уже была подсоединена к пулемету. Спуск стоял на предохранителе.

— Вперед! — скомандовал сам себе Райх. — Нас, поди, заждались.

Он увеличил обороты двигателя, включил скорость и плавно потянул на себя штурвал управления. Пескоход развернулся и двинулся в сторону рукотворного озера. Снег и лед успели растаять под жалящими лучами солнца. О взрыве криогенной мины «Изморозь» напоминал лишь темный овал впитавшейся в землю воды.

Сапер не поленился и начал обшаривать машину в поисках каких-нибудь взрывчатых придамбасов, за что и поплатился. На одном из пригорков пескоход ощутимо трянуло, и подрывник со всей силой приложился лбом о трубу командирского перископа.

— Сядь ты наконец, — не выдержал Стрелок. — Хватит мельтешить.

Сапер поспешно сел на один из контейнеров с угрожающей надписью и для верности ухватился за предохранительную скобу лотка подачи боеприпасов.

Райх выжимал из машины все, что было возможно, с учетом лесного бездорожья. Поездка до объекта много времени не заняла. За полчаса хода они добрались до скал, у подножия которых приткнулся безлюдный поселок.

Они вышли на финишную прямую. Последний рывок, и они у цели. Опознают их как своих или нет? Алешкин приник к обрезиненным окулярам перископа, до боли прижимая к ним лицо. Есть!

Мощная оптика послушно приблизила водную гладь. Озеро исчезало.

— Сбавь скорость. — Голос командира прозвучал хрипло. Может, Алешкин осип от волнения или гул двигателя так искажал звуки внутри машины?

Пересмешник послушно сбавил обороты и включил подкачку воздушной подушки. Пескоход мягко перевалил через бортик.

Кусок скалы плавно ушел в сторону, открывая непроглядно темный зев прохода, ведущего в глубь горы.

— Вперед! — глухо выдавил Алешкин, снимая большим пальцем предохранитель на пулемете. — Самый малый ход. Всем приготовиться!

Никто не стал спрашивать, к чему «приготовиться», и так все было ясно.

Сапер за его спиной широко перекрестился свободной рукой, а заодно потрогал шишку, вскочившую на голове. Стрелок любовно провел ладонью по искусственно состаренному потертому пластику цевья винтовки. Прожитые годы сделали флегматичного снайпера грубее и циничнее, но к своему оружию он всегда относился нежно и бережно.

Пересмешник ювелирно заехал в тоннель, словно никогда не вставал с места водителя. Долго двигаться машине не пришлось. Метров через двадцать перед носом пескохода появилась стена. Ни намек на проход. Они угодили в тупик. Назад хода из каменного мешка уже не было. Скала медленно двигалась на свое место, отрезая путь к отступлению. Но это еще было не все. Разведчиков ждал новый сюрприз. Многотонный корпус боевой машины ощутимо трянуло.

Каменный пол под пескоходом оказался платформой, которая начала опускаться вниз. Мимо проплывали каменные стены исполинской шахты. Перископы командира и механика залепила непроглядная темнота. Команда на включение приборов ночного видения

поступала автоматически с бортового компьютера, но после холодных объятий «Изморози» он по-прежнему не подавал признаков жизни.

Чернильная темень посветлела и сменилась сумраком. Еще один толчок возвестил о том, что спуск закончился. Трудно было сказать, на какую глубину они опустились. Они прибыли туда, куда так стремились попасть.

Стрелок и снайпер прильнули к бортовым амбразурам. Каждый член разведывательно-диверсионной группы пытался рассмотреть открывшуюся картину со своей стороны. Любая мелочь требовала максимального внимания. Всегда надо оценить обстановку, перед тем как принять решение. Хорошее это решение, плохое или очень хорошее, покажет лишь будущее. Причем будущее очень недалекое. А пока об этом пусть болит голова у командира. Они будут выполнять приказы и боевые задачи по мере их поступления. Война — это та же самая работа. Все надо делать основательно и по порядку. Сейчас не было Пересмешника, Стрелка и Сапера. Под прикрытием брони рядом с Алешкиным находились три живых боевых механизма, обученных уничтожать любого врага. Адреналин бешено поступал в кровь, растекаясь по венам, вызывая привычный предбоевой кураж. Им нравилось воевать, чувствовать физическую мощь, подкрепленную смертоносным железом оружия.

Они попали внутрь гигантской вытянутой полости в скале. Вдоль одной стены стремительно текла подземная река, зажата в каменных берегах. С одной стороны — стена, с другой — каменная дамба в человеческий рост. Пещера могла вместить парочку боевых звездных крейсеров класса «Рейдер», и еще бы осталось место. Подземелье освещалось редкими, но яркими лампами направленного света, закрепленными на стенах и светящими вниз. Потолок пещеры прятался во мраке. Из темноты тянулись к полу конусообразные колонны. Исполинские сталактиты — бессменные стражи вечности — были на своих постах. Бесконечные стеллажи вдоль стен ломились от коробок и ящиков различных цветов и размеров. Рядом со стеллажами громоздились сложенные в штабеля разнокалиберные контейнеры, дожидавшиеся, когда их рассортируют и положат на одну из множества полок.

В центре пещеры в несколько ровных длинных рядов стояли стальные громадины боевых машин. Высококласная техника поражала разнообразием и разноцветьем камуфляжной раскраски. Пятнистые многотонные «Миротворцы» и «Рапторы» соседствовали с десантными вездеходами зимней раскраски, белой в серых разводах. Среди них мутными желтыми пятнами выделялись легкобронированные пескоходы. Нашлось место и для длинных танковозов. Над ними возвышались «Трубы» — системы залпового огня, прозванные так за специфическую форму, и кубические инженерно-саперные машины минного разграждения на огромных колесах. С таким бронепарком можно было легко развязать полномасштабную войну на отдельно взятой планете. Развязать и выиграть. Вот только где взять столько обученных экипажей? Любая самая совершенная техника без человека всего лишь набор металла и пластика. Конечно, если не брать в расчет боевые автоматизированные охранно-патрульные системы. Но и они требуют периодического осмотра и профилактики.

Громоздились горы и пирамиды контейнеров со знакомой и, наоборот, непонятной маркировкой из цифр и букв: оружие, боеприпасы, запчасти к технике, медикаменты, амуниция. Отдельно у стены на железных подставках величаво покоились длинные сигарообразные туши «Жнецов». Эти ракеты были одним из самых мощных наступательных боеприпасов, принятых на вооружение в Содружестве. При подрыве они создавали облако высокотемпературной плазмы, которая уничтожала все вокруг. «Жнецов» можно было запускать как с наземных пусковых установок, так и с борта звездолетов. Эту партию, похоже, умыкнули прямо с орбиты. На серебристых боках ракет красовались эмблемы космофлота и надписи «Замерзший свет». Если Алешкину не изменяла память, так назывался межзвездный транспортник класса «А», сгинувший вместе со всем доставленным на нем десантом для спецопераций по захвату объекта.

Складывалось впечатление, что технику копили здесь не один год. Определенный диссонанс вносило присутствие рядом с современными образцами немецкого «тигра».

«Осколок» кровавой Второй Великой войны стоял, хищно задрал длинный ствол, словно выцеливал невидимого врага. Стального ветерана заботливо подлатали. Старый танк не шел ни в какое сравнение с тем, что видел Алешкин на снимках в электронном планшете, который передал ему Хеймдалль еще в тюрьме. Угловатая башня, борта и катки лоснились от свежей желтой краски. Любовно прорисованная пантера, опознавательный знак 501-го батальона тяжелых танков, хищно скалилась, показывая острые клыки белому свету...

Огромное пространство — и ни единой живой души. Задерживаться в пескоходе было опасно. Стараясь не шуметь, разведчики вылезли через аварийный люк в днище и рванули короткими перебежками под прикрытие стальных громадин. Среди них можно было спрятаться и поискать выход из пещеры.

Они скользили бесшумными теньями, прикрывая друг друга, пока не наткнулись на тоннель. Почти сразу он резко сворачивал. За поворотом тоннель перегораживала стена, сложенная из каменных блоков. На сером фоне темнели прорезы амбразур. И здесь ни души.

Между стеной тоннеля и рукотворной кладкой был узкий проход. Двоим не разминуться. Пройдя по нему, разведчики широким походным шагом двинулись дальше. По центру каменного пола шла блестящая металлическая полоса магнитного монорельса, врезанная в породу.

Диверсанты миновали несколько вертикальных шахт с площадками, предназначенными, вероятно, для грузовых платформ подъемников. Неожиданно коридор свернул почти под прямым углом и пошел под уклон. Они обошли несколько сцепленных открытых платформ поезда на магнитной подушке, нагруженных металлическими контейнерами и большими прозрачными цилиндрами.

— Прокатимся? — нервным шепотом предложил Сапер.

Райх показал ему кулак и приложил палец к губам. Алешкин провел рукой по борту платформы. На руке остался темный след.

Везде лежал толстый слой пыли. Похоже, необходимость в грузе отпала, и он так и остался на платформах в ожидании своего часа. Под потолком, через каждые десять метров, тускло светили лампы. По стенам змеились кабели с полимерной изоляцией.

Через сотню метров тоннель раздваивался. Монорельс тоже расходился двумя блестящими языками, исчезая в полутемных проходах.

— Работаем парами, — распорядился Алешкин. — Действовать по обстановке. Место встречи у поезда.

— Мы налево, — бросил Райх. — Дистанция восемь метров. Прикрывай.

Он и Стрелок, не оглядываясь, двинулись в сумрак тоннеля. Прощаться плохая примета.

— Скоро увидимся, — донеслось из темноты.

— Удачи! — с чувством шепнул командир разведгруппы.

Алешкин и минер зашагали по правому ответвлению коридора.

Пришло время заняться настоящим делом. У предыдущих десантников не получилось, что ж, они закончат сами, вчетвером.

Растворившиеся в темноте диверсанты не могли видеть маленькую нишу, вырубленную под потолком развилки. В ней спряталась камера наблюдения. Поворачивающийся объектив волчьим взглядом проводил чужаков...

Двойка Ингвара вскоре разделилась. Тоннель в очередной раз раздвоился. Он оставил минера на развилке прикрывать тыл, а сам отправился вперед на разведку. Вскоре он дошел до лестницы, спускавшейся косыми маршами в ствол шахты...

Алешкин не увидел, в какой переплет угодил Сапер. Минер не мог долго сидеть без дела и решил обследовать другой проход. Осторожно продвигаясь вперед, он вышел в высокую пещеру. Здесь он наткнулся на работающий агрегат. Скорее всего, это была вентиляционная установка. Во всяком случае, именно так он идентифицировал устройство высотой с трехэтажный дом, напоминавшее гибрид турбины и многолопастного вентилятора. Тихо гудящая машина была органично врублена в базальтовую стену. Под

разными углами вверх, вниз и по горизонтали от нее уходили в штольни ребристые трубы воздуховодов. Достаточно остановить механические легкие, нагнетающие воздух в самые дальние уголки, и нижние горизонты очень скоро начнут задыхаться без свежего воздуха. Жаль, пока не удалось обнаружить центр управления. Тогда бы они смогли одним махом прикончить этот гадючник. В том, что где-то здесь обязательно есть штаб, Сапер даже не сомневался. Его просто надо найти. А это вопрос времени.

Он сразу решил заминировать вентиляционную установку. А потом, естественно, взорвать. А как же иначе? Все в установленном порядке: минирование, потом подрыв заряда под нагнетателем воздуха. Сапер дошел до штабеля контейнеров, за которым оказалась лифтовая шахта, ведущая вниз. Оттуда тянуло сырым спертым воздухом. Вентиляционная установка работала на полную мощность, но с нагрузкой не справлялась. Похоже, она изначально была рассчитана на другой объем помещений. Подземный комплекс разрастался вглубь и вширь, как раковая опухоль. Он уходил внутрь горы, прячась от солнца и чужих глаз. В горе прорубали новые ходы, залы. Загадочные хозяева подземелья, похоже, постоянно расширялись. Им требовались все новые помещения для лабораторий, жилых помещений, оборудования, арсеналов и складов.

Когда Сапер освобождался от ремней рюкзака, набитого «ананасиками», на него со штабеля контейнеров набросили сеть из полимерных нитей. Незаметно подкравшиеся враги облепили его со всех сторон.

Сапер ворочался, как огромный кабан, под этой живой кучей. Пока вырuchал надетый экзоскелетон, еле-еле помогая сдержать натиск мощных тел, одетых в одинаковые анатомические костюмы. Он не мог добраться до автомата, висящего за спиной. Кинжал во время борьбы сорвали с пояса, пластиковый ремешок ножен не выдержал. Сеть сковывала движения. Подрывник извернулся, с натугой встал на ноги и начал расшвыривать нападавших. Оторвал вцепившегося в горло и пошел, волоча за собой защитников подземелья, удерживавших сеть, молотя кулаками налево и направо. Ему с хрустом сломали руку, на которой не работала перчатка усилителя конечности. С правого колена сорвали липучку, выдрав с корнем сервопривод из наружного скелета металлопластиковых силовых элементов «костей». Сапер как подкошенный плашмя рухнул на каменный пол. Его тут же погребла под собой куча тел. На мгновение из нее показалась голова разведчика с окровавленным лицом и выбитым глазом, болтавшимся на темно-красном нерве. На макушку со светлыми волосами опускался кулак одного из нападавших. Был приказ взять чужака живьем. А приказы не обсуждаются. За миг до удара Сапер последним усилием сорвал непослушными трясущимися от напряжения пальцами левой руки чеку с гранаты, закрепленной на поясе...

Ничего этого Алешкин не видел. Далекий мощный одиночный взрыв донесся из глубины тоннеля, где должен был действовать напарник. На месте схватки вспухла яркая вспышка, высветив потолок огромного куполообразного каземата. Для Сапера мир в одно мгновение превратился в темноту, в которой он успел спрятаться от невыносимой боли.

Металлическая лестница неприятно качнулась под ногами Алешкина. Грохот раздался в той стороне, где он расстался с напарником. Точнее понять было трудно. Толща горы гасила и рассеивала звуки.

Из тоннеля дохнуло теплом и кислым запахом взрывчатки. В горле запершило. Ингвар открыл рот и попытался откашляться. Уши заложило, словно их заткнули ватой.

Железные ступени, натужно скрипя, опасно завибрировали под ногами, отзываясь на удар взрывной волны.

Алешкин помчался назад. Голос разума подгонял: быстрее, сейчас безопаснее находиться там, откуда вышел. Скорее назад. Надо узнать, в чем дело.

Он бежал, пока не наткнулся на каменный завал до потолка. Путь назад был отрезан...

Примерно в это же время двойка Пересмешника вступила в бой. В одной из пещер, заставленной рядами трехногих агрегатов непонятного назначения и все теми же штабелями контейнеров.

По ним открыли неприцельную беспорядочную стрельбу. Значит, не засада. Стрелок залег на штабель и открыл огонь, не давая противнику подойти к ним на бросок гранаты. Под его прикрытием Райх двинулся в обход.

Человека в темно-оливковом комбинезоне, таком же, как у экипажа пескохода, Райх обнаружил, когда тот раскладывал сошки пулемета, изготавливаясь к стрельбе. Разведчик успел вовремя. Под шквалом «Аида» у Стрелка не было никаких шансов. Прижмет огнем, а его приятели возьмут снайпера тепленьким. Где-то дальше басовито стреляли из автоматов короткими очередями. Значит, против них воюют по меньшей мере еще трое или четверо. Точнее не определить.

Пересмешник положил «Штурм» на пол и вытянул из отворота рукава удавку. Движение вверх и в сторону, проволока провисла. Райх, крадучись, двинулся к пулеметчику. Резко поднял руки и сделал каждой круговое движение. Потом скрестил кисти, и проволока блеснула перед глазами пулеметчика. Это было последнее, что он увидел в своей жизни.

Короткий тихий лязг, словно кто-то скрипнул зубами, — это Райх рывком натянул проволоку. Все. Пулеметчик не двигался. На проволоке ни следа крови.

Еще двоих Пересмешник застрелил одиночными выстрелами в спину из «Штурма», зайдя к ним с тыла. Вообще-то, их было четверо, но двоих снял Стрелок. Он тоже зря времени не терял. В пещере повисла мертвая тишина.

Райх крался, низко пригибаясь к каменному полу. Он специально забирал вправо, обходя штабеля с контейнерами по широкой дуге. Где-то там должна была находиться огневая позиция Стрелка.

На напарника он наткнулся, когда подошел к нему почти вплотную. За контейнером, продырявленным во многих местах пулями, раздался еле слышный сип, словно выходил воздух из пробитой автомобильной камеры. Разведчик прислушался. Сипение повторилось. Пересмешник осторожно заглянул за угол. Стрелок был здесь. Он лежал с винтовкой в руках, уткнувшись лицом в каменный пол. Темная струйка крови текла из-под него.

Не выпуская автомат из рук, Райх осторожно перевернул товарища на бок. Пуля пробила горло насквозь. Было видно, что напарник пытался закрыть рукой пулевое отверстие, но только размазал кровь. На выдохе из пробитого горла вылетал сдавленный сип. Лицо у него посинело. Когда его перевернули, он на миг очнулся и открыл глаза. Глядя на Райха, попытался что-то сказать. На беззвучно шевелящихся губах выступила кровь и, пенясь пузырьками, потекла по подбородку. Пересмешник подложил ему под голову руку и тихо, убаюкивающе сказал:

— Засыпай. Боль скоро пройдет. Спи, Стрелок. Снайпер закашлялся, заставив кровь сильнее пениться на губах, и неожиданно отчетливо произнес:

— Меня зовут Йохан.

Снайпер закрыл глаза. Сипение из пробитого горла стихло.

Райх осторожно вынул руку у него из-под головы и закрыл лицо с синими губами капюшоном комбинезона. Поднялся и двинулся дальше, напоследок сказав мертвецу:

— Если смогу, вернусь и похороню. Подожди немного.

Дальше Райх двигался по тоннелю в одиночестве. Все чаще стали попадаться неосвещенные боковые ответвления. Они вызывали неприятный холодок на спине. Самый первый боковой проход, попавшийся им на пути, они обследовали со всеми мерами предосторожности. Только время зря потеряли — отнорок быстро закончился тупиком. Но это не значило, что в других каменных норах никого нет. Оставалось только гадать, какие сюрпризы могут там оказаться. Дальше решили идти, придерживаясь тоннеля. Пока не вязались в бой. Но другого выхода не было. Это не джунгли, где можно незаметно отойти и обойти. Под землей возможности маневра ограничены. Но чем выше риск, тем быстрее идешь к цели. Если б еще знать, что это за цель.

Сейчас Райх упрямо шел вперед. Проходя мимо очередной норы, он сморщился. В нос шибануло резким запахом.

— Что за вонь, сдох тут кто-то? — прошептал себе под нос Пересмешник.

— Мускусом пахнет, — ответил голос из темноты. Райх резко развернул корпус, уходя с возможной линии огня, одновременно поворачивая ствол «Штурма», чтобы перечеркнуть очередью темный провал в стене. В этот миг ему навстречу из темноты проворно и абсолютно бесшумно вымахнул смазанный силуэт. Короткий удар в грудь отшвырнул Райха к стене. Впечатление было такое, будто он столкнулся с ракетовозом. От удара о камень у него сбилось дыхание. Он судорожно глотал воздух открытым ртом. Наверное, так чувствует себя рыба, выброшенная штормовой волной на берег. К собственному удивлению, он не упал, а остался стоять на ногах. Рука с автоматом занемела от боли.

Нападавший не спешил нанести новый удар. Он стоял перед Райхом, наклонив голову набок, и внимательно смотрел на судорожно пытавшегося отдышаться диверсанта. Подобный взгляд Райх уже где-то видел. Память услужливо подсказала: с такой же брезгливой ленцой его заместитель-сержант из прошлой жизни разглядывал вскрытую упаковку сухого пайка. На противнике было некое подобие анатомического противоперегрузочного костюма, плотно, без единой складки облежавшего мускулистое тело. На ногах обувь из такой же ткани. Лучше рассмотреть мешало тусклое освещение. У врага не было ни оружия, ни другой экипировки. По-военному короткая стрижка. Незапоминающееся лицо, на правой скуле глубокий шрам, надвое разваливший щеку.

Нельзя было упускать такой момент. Пересмешник рывком попытался вскинуть оружие и от бедра пропороть очередью врага. Но вместо этого получился судорожный намек на движение, отточенное изнуряющими тренировками. Рука со «Штурмом» ни на миллиметр не хотела отделяться от стены, холодившей спину каменным надгробием. После первого же соприкосновения со стеной спина прилипла к камню. При попытках освободиться прилипли ладони, комбинезон, ремни амуниции. Ботинки намертво приклеились к полу. Липкая ловушка, о которой диверсанта и не помышлял, лишила его возможности двигаться. Так, наверное, чувствуют себя насекомые, попавшие в паутину.

Надо всего лишь плавно надавить на спусковой крючок. Всего одна короткая очередь на два-три выстрела — и все. Но единственное, что смог сделать Райх от тоски и досады, так это плюнуть в противника. За что тут же получил мощный удар в лоб. Оплеванный бил открытой ладонью, но и этого хватило, чтобы разведчик потерял сознание.

Нападавший стер плевок с горла и поднял руку, собираясь повторить удар.

— Хватит, мой измененный брат. С него достаточно.

Из темноты неспешно показалась черная тень с неестественно вытянутой головой. Тусклый свет ближайшей лампы высветил человека в длинной черной рясе с остроконечным капюшоном. Вокруг талии вместо ремня была обмотана обыкновенная веревка с разлохмаченными концами. Похоже, он здесь был за старшего. Во всяком случае, Райх, находившийся в отключке, повторного удара не получил. В замкнутом пространстве профессионалы предпочитают действовать небольшими группами, а еще лучше в одиночку. Воевать толпой в подземелье — только мешать друг другу, рискуя угодить под «дружественный» огонь.

Одетый в рясу жестом фокусника достал из рукава маленький баллончик с короткой насадкой распылителя. Раздалось тихое шипение. Он обработал аэрозолем камень и одежду разведчика. Липкая ловушка исчезла. Райх отклеился от стены и упал бы в полный рост, не подхвати его тот, кого называли «измененным братом». Он играючи взвалил диверсанта на плечо и застыл, словно статуя. Автомат с лязгом упал на каменный пол.

Одетый в рясу поднял «Штурм» и сказал: — Пойдем, нас ждут. И так задержались! Они двинулись по тоннелю в ту сторону, откуда пришел их пленник...

* * *

Райха окутывала непроницаемая мгла. Краешком сознания он пытался найти хоть какую-то лазейку. Всегда есть выход! Есть долг! Надо выполнить! Эти ярко-желтые слова на синем фоне неотвязно пульсировали в голове. У него есть голова?! Ярко-желтые слова стали

тускнеть и съеживаться до размеров атома. Мгла подступила вплотную, растворяя в себе без остатка. Пересмешник сам стал мглой, растекаясь по мирозданию. Очень даже ничего быть мглой. Ни забот, ни тревог. Хотя, наверное, везде одно и то же. Слово «долг» налилось кроваво-красным цветом, раздвигая углами букв в окружающей мути крошечный просвет. Разведчик постарался зацепиться за него.

Может, он спит? Или это сон о старом сне? Райх попробовал пошевелиться. Все движения были медленными, словно в тягучей смоле, не позволяющей сделать ни шагу. Он пересилил себя и попробовал пошевелить пальцами. Мизинец дрогнул и согнулся. Следом чувствительность обрели и другие пальцы. Уже немало. Он немного согнул правую руку в локте. Сантиметр за сантиметром рука скользила к бедру, где должна быть кобура с пистолетом. Каждое следующее движение давалось все легче и легче. Неожиданно его тело закаменело: ни шевельнуться, ни вздохнуть. Райх сделал последнее усилие и вынырнул на поверхность яви. Свет больно ударил по глазам, заставив поспешно зажмуриться.

Но то, что он успел увидеть, казалось, отпечаталось на сетчатке глаз. Такое не привидится и в страшном сне. Значит, это явь. Стараясь не показать, что он пришел в себя, разведчик чуть-чуть приоткрыл глаза. Осмотревшись сквозь ресницы, он понял, где находится. Увиденное его ни капельки не порадовало...

Он висел в центре прозрачного цилиндра, погруженный с головой в желтую жидкость. Жидкость вязко обжимала со всех сторон, но не она удерживала разведчика, а кольца захватов, закрепленных на лодыжках и предплечьях. Их концы крепились к стенкам цилиндра и надежно фиксировали человека в центре прозрачной тюрьмы. Со дна медленно, лениво поднимались столбики прозрачных пузырьков. Желтая жидкость, подсвеченная снизу мягким рассеянным светом, определенно была плотнее воды.

У него изо рта торчала трубка, уходившая вверх. Из-под полуприкрытых век он вновь попытался незаметно оглядеться. За стеклами цилиндра виднелись размытые тени. Пока не удавалось сфокусироваться ни на одной из них. Мешали пузырьки и подсветка со дна, искажавшая и преломлявшая предметы за прозрачной стеной. Он, как муха, попавшая в смолу, еще был жив, но вырваться из желтого плена не мог.

— Наконец-то ты очнулся, — раздался знакомый голос. — Не пытайся притворяться, я давно за тобой наблюдаю.

Райх открыл глаза. Смазанные пятна за стеклом прекратили расплываться и обрели четкость. Он повел головой, стараясь определить, откуда исходит голос. Слева, справа и напротив него возвышались такие же вертикально стоящие цилиндры, как и тот, в котором он сейчас находился. Однако с одним «но». Все они были пусты.

— Не вертись! Я прямо напротив тебя. Сконцентрируйся. — В голосе прорезались нетерпеливые нотки. — Напряги зрение. Ты сможешь.

Напротив Пересмешника стоял пустой цилиндр, близнец других прозрачных столбов. На его боку мерцало квадратное пятно. Зрение послушно увеличило изображение. С глазами творилось что-то непонятное. Так в оптику можно приближать цель, находящуюся далеко.

Пятно оказалось пленочным экраном, небрежно, наискось, закрепленным на выпуклой стенке цилиндра. Изображение на нем заставило Райха от злости сжать челюсти. Зубовного скрежета не последовало: помешала трубка, засунутая в горло.

«Продал, тварь! Продал с потрохами!»

Маска невозмутимости, давно ставшая вторым лицом офицера, на этот раз дала трещину. Видимо, вся гамма чувств, обуревавших разведчика в этот момент, отразилась на его лице.

— Не стоит так переживать, — невозмутимо заметил Хеймдалль с экрана. А это был он, собственной персоной. — Для начала внимательно выслушай меня.

...Суть монолога сводилась к следующему. Сектанты, отколовшиеся от основных сил на заре колонизации Безымянной, сначала подались в леса. Но дикие джунгли не самое гостеприимное место для тех, кто несет свет Истинной веры. Потрепанные местной фауной остатки инквизиторов обосновались в одной из пещерных систем. Местные горы были

изрыты природными тоннелями и пещерами, к которым вскоре прибавились и рукотворные, — образовав подземный монастырь, с годами превратившийся в укрепрайон.

Братия не только сидела под землей и истово молилась. Люди в черных рясах активно исследовали близлежащие территории. В одной из таких вылазок они сделали удивительное открытие. Монахи наткнулись в пустыне на окаменевшую кладку неизвестных созданий. Под землю вернулись все, кто ходил в пустыню. Но такими они оставались недолго...

В пустыне можно найти много чего интересного на свою голову и остальные части тела. Это если не действовать с максимальной осторожностью и осмотрительностью.

Поисковая партия вернулась, зараженная неизвестным паразитом. Как оказалось, таких кладок среди песчаных барханов хватало.

Личинка паразита — это бледный десятисантиметровый червяк, стремительно вгрызающийся в человеческое тело. Внутри она присасывается к позвоночнику и впадает в спячку. Выражение «спячка» довольно условное. Паразит становится симбионтом человека, используя его тело как среду обитания. Стоит сказать, личинка по-своему заботится о новом «доме». Симбионт увеличивает физическую силу своего носителя, скорость переработки и усвоения информации, усиливает зрение и слух до сверхчеловеческих. Личинка может подарить и другое — например, способность к трансформации тела. Таких людей здесь называют «измененными».

У паразита, слившегося с другим организмом, одна главная задача — выжить. Хотя разума, в человеческом понимании, у него нет. Все происходит на уровне инстинкта. В его задачу не входит подавление и подчинение носителя. Он органично встраивается в человеческое тело, становясь его частью через изменения в ДНК. Даже ненужный аппендикс занимает у человека больше места. Это единственная логическая гипотеза, почему паразит заботится о своем хозяине.

Симбионт может обслуживать носителя даже при полном погружении в воду. Кожа становится способной отфильтровывать растворенный в воде кислород. С таким апгрейдом человек осуществляет следующий шаг эволюции. Старик Дарвин плакал бы от счастья, доживи он до этого момента.

Это место называется инкубатором. Но больше подошло бы — родильный дом.

Правда, есть один побочный эффект... через некоторое время после перестройки ДНК носителя человек может утратить способность самостоятельно мыслить. Он превращается в биоробота, способного лишь к выполнению приказов. Мыследеятельность сходит на нет. Моторные функции, профессиональные навыки, рефлексy остаются в полном объеме. Но команды на действия таким «измененным» должен отдавать другой человек. Хотя у них случаются редкие всплески сознания, кажется, что разум человека осторожно выглядывает в щелочку и, словно чего-то испугавшись, быстро захлопывает дверь, стараясь отгородиться от внешнего мира.

Только люди с невероятно сильной волей могут оставаться самими собой после инициации, такие, как Райх и его товарищи. Поэтому все эти высадки десантов, широкомасштабные сражения и локальные схватки — просто тест на профпригодность. Лишь сильные, умные... и волевые достойны получить симбионта в свой организм. Это не лично его, Хеймдалля, прихоть, а неперемное условие братьев Истинной веры. Тех, кто первыми обнаружил и припал к источнику будущих возможностей и побед. Волею судеб пути-дорожки секты и КСпН, в лице Хеймдалля, пересеклись. Оказалось, что у них все-таки больше общего, чем разногласий. Процесс идет медленно, но идет.

К сожалению, не все, попавшие сюда в результате военного отбора и ставшие «измененными», оправдали надежды. КСпН и монахи в черных рясах рассчитывали в ближайшем будущем направить человечество по новому пути. Какому? Это предмет следующего разговора...

Райху надоело слушать бесконечный монолог Хеймдалля, устроившего им всем глобальную подлянку. Значит, все зря! Единственное, что он смог сделать, так это показать кукиш. Красноречивый жест ясно давал понять, что думает диверсант обо всем услышанном.

Своим кукишем Пересмешник ускорил события, в эпицентре которых оказался.

Каэспээновец на экране криво улыбнулся и произнес:

— Мне кажется, что ты мне так до конца и не поверил. Придется на деле доказать, чего стоят мои слова. Заберите воздуховод.

Рядом с цилиндром как из-под земли возникли две фигуры в рясах и глубоко надвинутых на лицо островерхих капюшонах.

«А вот и монахи. Кто бы сомневался, что без них не обошлось!»

Один из них склонился над пультом, закрепленным на боку цилиндра. Второй бесцеремонно ухватился за шланг и осторожно потянул на себя.

Райх почувствовал неприятное движение в гортани. Он попытался вцепиться зубами в трубку. Получилось плохо. Пластиковую пуповину, соединявшую его с поверхностью и с воздухом, бесцеремонно вытянули из него вместе с загубником.

«Психопаты! Су-у-уки! Утопить решили. Вот и все...»

Райх вдохнул поглубже, чтобы набрать побольше воздуха в легкие. Мышцы напряглись в захватах, но оковы держали крепко.

...Прошла минута, вторая. Хеймдалль демонстративно хранил молчание. Когда истекла седьмая, он развел руками и произнес:

— Никто не собирался тебя убивать. Ты уже, наверное, сам все понял. Пока ты был без сознания, тебе подсадили в тело симбионта. Теперь дело за тобой. Да, кстати, забыл сказать спасибо за то, что доставили контейнеры с личинками в целости и сохранности. Если бы заглянули внутрь, дело пошло бы намного быстрее.

Райх уже понял, что встреча с вечностью откладывается на неопределенный срок. Он попытался от души выругаться, но получилось лишь громкое бульканье. Из рта вырвались пузырьки и всплыли веселой стайкой.

Каэспээновец продолжал вещать с экрана:

— Сейчас братья спустят защитный раствор, в котором ты пребываешь. Обсудим некоторые вопросы...

Договорить каэспээновцу не дали...

* * *

Ингвар потерял счет времени, блуждая по тоннелям, пока не попал в пещеру, где в воздухе витал запах сгоревшего пороха. Почти все пространство было заполнено трехногими механизмами и горами контейнеров. Вскоре разведчик наткнулся на труп, лежавший рядом с пулеметом. Голова у погибшего была вывернута под неестественным углом. Она была почти отделена от туловища и держалась на остатках не перерезанных мышц и лоскутах кожи.

Алешкин тут же вспомнил о самодельной удавке Райха. Сразу был виден его почерк. Он двинулся дальше, настроившись на бесконечное петляние по тоннелям. Подземная прогулка затягивалась. За очередным поворотом ему преградила путь железная дверь со штурвалом гермозатвора. Колесо повернулось легко и без натуги. За дверью оказался длинный зал с покатыми сводами. Он весь был заполнен рядами высоких пустых цилиндров. Такие он уже видел на платформах в самом начале их блужданий по подземелью. Между ними змеились толстые кабели. С крышек цилиндров свисали прозрачные трубки, подсоединенные к разноцветным баллонам без маркировок.

Диверсант быстро переместился подальше от входа, укрывшись между цилиндрами. Вроде никого. Он, крадучись, двинулся в глубь зала, держа «Штурм» на изготовку. Казалось, шеренгам прозрачных цилиндров не будет конца. Прихоть безумного ученого, научная лаборатория или фабрика по производству неизвестно чего? Ингвар уже ничему не удивлялся. Каждому человеку отпущен свой лимит эмоций. Похоже, свой запас он уже исчерпал.

Вдалеке слышались голоса. Диверсант прислушался. Нет, это говорил один человек, просто его голос, как у оратора, постоянно менял накал и тембр. То он увещевал, то обещал,

то к чему-то взывал. Слов было не разобрать, только интонации, искаженные подземным эхом, дробившимся среди стеклянных столбов.

Неизвестные строители действовали с размахом, намекая на перспективу.

Прозрачные шеренги цилиндров формировались в колонны, уходившие в глубь зала. Они гасили и рассеивали звуки. Слух разведчика улавливал «бу-бу-бу», доносившееся из глубины. Алешкин, крадучись, двинулся на голос, максимально сохраняя осторожность, чтобы не выдать свое местонахождение.

Голос становился громче, можно было различить отдельные слова: «долг», «паразит», «воля». Разведчик осторожно выглянул из-за полукруглого бока очередного цилиндра, одного из бесконечного ряда.

Две фигуры, облаченные в черные плащи, возились вокруг цилиндра, наполненного чем-то желтым, с человеком внутри. Один склонился над переносным пультом, второй неторопливо сматывал в бухту тонкий шланг.

«Эх, если бы рядом был Райх или, на худой конец, Стрелок — вдвоем мы бы легко обезвредили эту зловещую парочку. Быстро и тихо. А в одиночку не стоит и пытаться. Риск быть обнаруженным раньше времени слишком велик. Но шансы надо поднимать — подкрасться поближе».

Человек, подвешенный в центре цилиндра, дернулся и вывернул голову. Алешкин не поверил своим глазам.

«Да это ж Райх! Старый друг собственной персоной бултыхается в желтом растворе, распятый на растяжках. Допрашивают? Казнят? Или весь этот зал в чреве горы — огромная пыточная?»

Костяшки пальцев, сжимавших автомат, побелели от напряжения. Мозг еще анализировал и сопоставлял увиденное, а тело уже действовало. Над мыслями брали верх выучка и рефлекс, доведенные до автоматизма на огневых тренировках и в боевых рейдах.

Ингвар, не мешкая, вскинул «Штурм» и всадил две короткие очереди в людей в плащах. О скрытности не могло быть и речи. Друг погибает! Третью очередь он положил в основание цилиндра. В следующий миг стеклянная тюрьма распалась на сотню осколков. Желтая волна расплескалась вокруг, с каждым метром теряя свою силу. Секунда — и она превратилась в обыкновенную лужу.

Стреляные гильзы еще катились по каменному полу, когда Алешкин со «Штурмом» на изготовку рванул на помощь другу, лежавшему в растекающейся луже.

Стуча ботинками, он подбежал к Пересмешнику. Тот уже стоял на четвереньках. Его выворачивало наизнанку.

«Не беда, — подумал Алешкин, — главное — жив».

— Человечество не сможет позаботиться о себе без посторонней помощи, — с нажимом сказал Хеймдалль. Похоже, его ничем нельзя было смутить. Появление командира группы он воспринял спокойно. Во всяком случае, никак не выразил своего удивления. Алешкин же от изумления чуть не открыл рот. — Без нашей помощи. Вся надежда на таких людей, как вы. Людей с большой буквы.

— Хватит голову морочить. Ты мне уже окончательно мозг поломал. — Райх стоял на четвереньках в желтой луже, отплевываясь и отрывая. Потом его вырвало на пол. Успел нахлебаться раствора, когда пытался выругаться на каэспээновца. Неожиданно для себя он спросил: — Немецкий «тигр» на хрена сюда припер? Не лень было тащить старый танк за столько парсеков? Вы тут совсем сбрендили под землей? Оторвались от цивилизации!

— Я же сказал, у нас есть о чем поговорить, — невозмутимо ответил Хеймдалль и без всякого перехода вывернулся: — Немедленно прекратить стрелять! И так уже половину базы раскурочили.

Так же неожиданно он успокоился и вкрадчиво продолжил:

— Алешкин, приведи своего подчиненного... и друга в нормальное состояние. Твой статус командира группы никто не отменял. А танк обнаружили монахи во время одной из своих вылазок. Планета полна сюрпризов. И это еще не полный перечень загадок

Безвозвратной. Когда вы перейдете на следующую ступень эволюции, мы сможем вместе во всем разобраться и начнем действовать плечом к плечу. Обсудим?

— Отчего же и нет! Обсудим. — Алешкин короткой очередью перечеркнул экран. У него сложилось впечатление, что Хеймдалль тянет время, стараясь подольше задержать их в инкубаторе.

Вдалеке завыл сигнал тревоги. Алешкин перекинул автоматный ремень через голову и забросил «Штурм» за спину. Наклонившись над Райхом, он ухватил его под мышки и рывком поднял на ноги. Пересмешника колотила крупная дрожь, зубы выстукивали морзянку, колени предательски подгибались. Он попытался избавиться от поддержки друга, прошипев сквозь зубы:

— Уходи! Оставь одну гранату и пистолет и уходи.

— Уйдем вместе, — безапелляционно заявил Алешкин. Он перекинул руку друга через шею, а правой рукой крепко ухватил его за бедро.

Так вдвоем они поковыляли к выходу из инкубатора, со стороны напоминая калик перехожих. Шаг, еще шаг. Неожиданный желудочный спазм скрутил друга пополам. Разведчика снова вывернуло наизнанку, все той же желтой жидкостью, которой был наполнен цилиндр. Полегчало.

Следующие метры дались проще. Где-то ниже солнечного сплетения вспыхнуло и стало разгораться маленькое солнце, наполняя Райха силой и энергией.

Они потихоньку наращивали темп, как черепашки, перешедшие на бег. С каждой секундой Райху становилось лучше, он приходил в себя на глазах. Слабость в мышцах ушла, уступив место неожиданному приливу сил. Каждая клеточка, казалось, наполнялась энергией. Похоже, симбионт, посаженный ему, наконец-то вспомнил, что нужно позаботиться о своем носителе. По телу прокатилась ослепительная волна, сжигая усталость и боль.

Райх освободился от поддержки Алешкина и двинулся дальше упругой походкой. Разительная перемена не удивила напарника. Лимит удивляться был исчерпан.

У самого выхода из инкубатора, справа от двери, чернел квадрат пленочного экрана, закрепленный прямо на каменной стене. Неожиданно он включился, высветив изображение Хеймдалля. Без всяких прелюдий тот спокойно осведомился, словно ничего особенного не произошло:

— Далеко собрались? В Содружестве достаточно здравомыслящих людей, готовых нас поддержать. Скоро наступит время перемен. Новое Содружество возродится из новых истоков! Война — истинная гигиена мира.

— Сейчас я вам устрою тотальную помывку в квадрате. — На Пересмешника было страшно смотреть. Он отращивал когти и втягивал их обратно в пальцы. Казалось, это доставляет ему одновременно и боль, и радость от приобретенных возможностей. — Много здесь в подземельях мусора накопилось! Придется почистить закоулки!

— Как твой командир я тебе приказываю... — голос Хеймдалля дрогнул.

— У меня теперь новый командир, — злорадно оскалился Пересмешник, рассматривая свои когти. — Замечательный командир. Только ему я буду подчиняться. Это я сам! Понял, сука?!

— Что-то не так? — осторожно осведомился Хеймдалль, пропустив мимо ушей ругательство в свой адрес.

— Все так. Все хорошо... — Спецназовец вновь разглядывал вырастающие когти. — Просто прекрасно! — Он легко подпрыгнул вверх метра на три и громко хлопнул ладошами у себя над головой. — Ух, ты, хорошо! Как во сне! Все, больше меня ничего не сдерживает. Делай что хочешь. Ни страха, ни упрека! Сам себе командир! Только долг остался, и голос в голове!

— И что он тебе говорит?

— Это я тебе при личной встрече сообщу, — хохотнул Пересмешник, весело осклабившись. Во рту стали отчетливо видны заметно удлинившиеся зубы. Боковые резцы

трансформировались в клыки. — На ушко, по секрету. Как кадет кадету.

По подбородку Райха потекла струйка крови. Он покривился и стер ее тыльной стороной ладони. Войдя в раж от предвкушения будущей встречи, Пересмешник увлекся и прокусил нижнюю губу. Во всем нужны сноровка и привычка. Разведчик замер, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Клыки втянулись в челюсть.

— Совсем озверел! — с притворной скорбью заметил каэспээновец. — Видел бы ты себя со стороны. А еще, наверное, считаешь себя офицером? Да? Я не ошибаюсь? Поймите, нельзя отсрочить или изменить то, что вам не по силам. Вы кем себя возомнили? Четырьмя всадниками Апокалипсиса? Хотя нет, постойте, пока я вижу только двух. Налицо явная нестыковка. — Он устало уточнил: — Райх, ты себя, наверное, отождествляешь с всадником-мором?

— А что, я могу! — Сравнение пришлось Пересмешнику по душе. — Такая задача мне по плечу! Всех уморю!

Хеймдалль провел ладонью по лицу, стирая гримасу досады:

— Не стоит бросать мне вызов и искушать судьбу. Я и так вас выдернул с того света. Легко могу и обратно отправить... Приказываю обоим оставаться на местах! Только здесь вы станете теми, кто сможет изменить свою судьбу и историю мира. Ослушаетесь — сдохнете, как и ваши приятели. Обещаю!

— Что-о ты там бормочешь! Ах, ты тва-а-рюга! А-а-а! — Райх двумя ударами когтей разворотил панель экрана. Он прекратил бесноваться только когда раскромсал экран на мелкие кусочки.

После этого Райх успокоился. Переход от приступа бешенства к ледяной невозмутимости был стремителен. Пересмешник быстро учился управлять своими возможностями.

— А боли я не чувствую. — Райх потрогал губу. Прокушенная насквозь, она уже не кровоточила, а ранка затянулась без следа. Лишь на подбородке осталось размазанное пятно крови. — Шикарно! — Он с силой провел когтями по стене. На пол посыпалась каменная крошка. На камне остались глубокие параллельные борозды.

— У тебя хвост вырос, — дрогнувшим голосом сообщил Алешкин.

Райх завел руку за спину и с опаской ощупал себя ниже спины. Все было в порядке, ничего лишнего не отросло.

— И копыта, — не унимался командир.

— Про рога забыл! Два раза подряд не куплюсь, — ответил Райх, но на всякий случай незаметно скосил глаза вниз. Во всяком случае, ему так хотелось думать. — Шутить, это радует.

Оба разведчика весело заржали. Выплеск эмоций обычно заканчивается смехом или слезами. Лучше смехом.

— С вещами на выход! — резко оборвал смех Пересмешник и одним неуловимым движением переместился на пару метров.

— Пора уходить, — согласился Алешкин, не меняя выражения лица. Отдавать конкретные и четкие приказы он не спешил. Неизвестно, как на них отреагирует Райх. Мнить себя командиром боевой разведывательно-диверсионной группы КСпН мог бы только неисправимый оптимист. Себя Ингвар считал реалистом. — Они знают, где мы находимся.

Райх в знак согласия кивнул:

— Покажем им, кто здесь офицер, а кто смазка для штыка.

* * *

Выбравшись из инкубатора, разведчики, не сговариваясь, двинулись по коридорам в ту сторону, откуда стартовала разведгруппа. Единственный вход, через который они проникли на объект, мог стать для них выходом. О других возможных путях отступления они не знали.

Райх мчался впереди, изредка останавливаясь и приносясь. Алешкин еле-еле

поспевал за ним. Пересмешник, когда слишком далеко вырывался вперед, делал остановки, дожидаясь напарника. Ингвару не требовались понукания, он и так бежал на пределе сил. Надо было соблюдать осторожность. Неизвестно, какие сюрпризы могли таить в себе каменные катакомбы. В голове безостановочно крутилась мысль: «Бежать! Бежать отсюда, пока не поздно! Перед КСпН у нас теперь нет никаких обязательств. Когда условия договора не соблюдаются, он считается расторгнутым. На роль подопытных крыс, даже очень продвинутых, мы не подписывались».

Но оставалось еще кое-что, что необходимо было сделать. Надо было нанести приверженцам ускорения эволюции человечества максимальный урон. При идеальном раскладе — выжечь подземную базу дотла, сбросить погоню с хвоста и, по возможности, замести следы, чтобы об их существовании навсегда забыли. А быстрее всего забывают о мертвых.

Пока Алешкину и Райху везло. Молниеносным броском они прорвались в пещеру, забитую техникой. Пересмешник несся впереди, подобно одному из спешившихся всадников Апокалипсиса. По пути они походя снесли пару наспех выставленных заслонов на перекрестках тоннелей и уничтожили одну засаду, затаившуюся среди платформ поезда на монорельсе. Врагов выдал запах. Легкий сквозняк принес аромат оружейной смазки и пота. Райх долго не размышлял. Он по-обезьяньи прополз по кабелю, змеившемуся под потолком тоннеля, и, достигнув поезда, спрыгнул вниз, сея вокруг себя молниеносную смерть. Алешкину, притаившемуся за поворотом тоннеля, оставалось лишь прикрывать напарнику спину от возможных неожиданностей. Но свой посильный вклад в прорыв-зачистку он все-таки внес — снял короткой очередью рослого монаха с пулеметом «Аид» наперевес, неожиданно выскочившего из бокового прохода. Перешагивая через тело, перерубленное очередью в упор, разведчик автоматически отметил, что красные кляксы попаданий практически не видны на черной ткани рясы.

Сбив последний заслон, разведчики добрались наконец до огромной пещеры, заставленной боевой техникой и штабелями контейнеров. Рев сирен подстегивал и гнал вперед не хуже кнута.

Нужно было найти операторскую, где, возможно, находится пульт управления подъемной платформой и шлюзом, открывающим выход из подземелья. Пароль «Сезам, откройся» здесь не сработает.

Не сговариваясь, разведчики рванули к пескоходу, на котором прибыли сюда. На минуту, показавшуюся вечностью, они задержались у «Жнецов». По пути Райх раскурочил один контейнер со знакомой маркировкой. Он попросту несколькими ударами выбил пластиковый борт. Снять крышку было невозможно — верхние контейнеры своим весом плотно прижимали нижние. Даже Пересмешнику с его вновь приобретенными возможностями такое было не под силу. Маркировка на боковой стенке не обманула. Он вытащил изнутри плоский восьмигранник стандартной мины направленного действия. Эта мина использовалась в инженерно-саперных подразделениях для расчистки завалов и проделывания проходов в бункерах оборонительных опорных пунктов. Идеальное средство для его задумки.

На вопросительный взгляд Алешкина Райх ответил, подцепив когтем предохранительную крышку подрывного заряда:

— Всегда мечтал рвануть что-нибудь мощное. Жаль, нет Сикиса.

На памяти Ингвара он впервые назвал Сапера по имени.

Пересмешник установил реле детонатора мины на двадцатиминутную задержку. Воровато оглянувшись, он засунул смертоносный многогранник между ракетой и одной из подставок, на которых она величаво покоилась. Теперь пора было делать ноги или рвать когти. У кого что есть.

Расстояние между заминированной боеголовкой и разведчиками росло, и наоборот — до пескохода сокращалось.

Мчавшийся впереди Райх резко остановился, словно с размаха налетел на невидимую

преграду. Он поднял руку в предупреждающем жесте.

— Что? Кто? — выпалил Алешкин, догнав его. Диверсант не успел ничего объяснить. Из-за стальной громады «Миротворца» вышли две фигуры. «Измененные» в анатомических костюмах, облежавших тела, молча заступили им дорогу. Нападать они не спешили, но и без слов было ясно: им предлагают остановиться и сдаться. Более чем щедрое предложение, если учитывать, что они успели натворить после бесполезных увещаний и запоздалых угроз Хеймдалля.

Райх перехватил руку Алешкина, готовую нажать на спусковой крючок автомата:

— Не спеши.

Сзади раздался глухой шлепок. Разведчики оглянулись. Там появилась вторая пара «измененных». Один спрыгнул с корпуса танковоза. Второй остался стоять на машине. Он молниеносно перепрыгнул на кабину соседней машины и, возвышаясь над всеми, смотрел сверху вниз на замерших разведчиков. Из-за угловатого тягача разминирования вышла еще одна двойка и остановилась в ожидании команды. Пауза затягивалась.

«Измененный» на кабине поманил разведчиков рукой, словно приглашая подойти поближе. Не дождавшись ответной реакции, «измененные» неторопливой походкой двинулись к Алешкину и Райху. Путь к платформе с пескоходом был отрезан. Диверсанты протиснулись между бортами «Рапторов», стоявших почти вплитирку друг к другу. Но и в следующем проходе между рядами их ждали все те же фигуры, затянутые в облегающие костюмы. У них не было при себе оружия. Хотя зачем им оно? Они и так были живыми боевыми механизмами. Вот только какую программу сейчас выполняли «измененные»?

Они постоянно опережали разведчиков. За каждым следующим рядом техники они оказывались все ближе и ближе. Приближение «измененных» напоминало поведение загонщиков. Растянувшись редкой цепью, вражеские двойки гнали разведчиков по рядам бронетехники. Они отжимали их к стене гигантской пещеры, где мчалась река, зажата между отвесной скалой и рукотворной дамбой из циклопических каменных блоков. Кольцо сжималось, словно из ниоткуда появлялись новые двойки врагов. Вот и последний ряд боевых машин остался за спиной.

Маленький отряд оказался прижатым к рукотворному берегу. Два разведчика — это все равно отряд... который не хочет умирать. Загонщики, преградив пути отступления, безмолвно замерли в нескольких метрах от диверсантов в ожидании команды. Да, такими нужно управлять пошагово. Хотя кто знает, какую сейчас они выполняют задачу? Задержать? Блокировать? Или что-то еще?

Для людей время замерло... Но друзья помнили о таймере мины, установленной на корпусе «Жнеца». Попытка прорыва через цепь людей, которые, по выражению Хеймдалля, перешли на новый виток эволюции человека, не сулила ничего хорошего.

В лучшем случае смерть, в худшем — возвращение в инкубатор в качестве подопытных кроликов.

За спиной ревел поток бешено несущейся воды. Призрачный, но шанс. Алешкин решил, все равно отступать дальше было некуда. Друзья коротко переглянулись. Годы, проведенные в кадетском корпусе, плечом к плечу, сильно сближают людей. Они давно хорошо понимали друг друга.

Ингвар беззвучно, одними губами, прошептал:

— За мной!

Опершись рукой о край дамбы, он перемахнул через преграду и сиганул в поток. Райх без раздумий прыгнул следом, с места, даже не коснувшись каменной преграды. Он давно усвоил: где командир — там победа. Несколько секунд они боролись с течением. Потом их закружило и понесло в тоннель, пробитый водой в горных породах.

В крошечной темноте стремительный поток нес оставшихся в живых диверсантов навстречу неизвестности или судьбе. На их счастье, русло было прямым, как стрела направления главного удара на тактическом планшете. Первым полетел в пучину автомат. За ним последовали съемные подсумки с запасными магазинами и гранатами. Алешкин

отчаянно барахтался, борясь с пряжкой поясного ремня и лямками походного рюкзака. Надо было сразу избавиться от лишнего веса, до того, как прыгать в реку. Наконец лямки перестали давить на плечи. Следом поддалась заевшая пряжка ремня...

Река вынесла их из недр горы. Они вырвались навстречу свету.

Алешкин не знал, сколько времени провел под водой. Он больше не мог задерживать дыхание и уже был готов сделать вдох. Плевать, что в легкие хлынет вода, лишь бы потушить пламя, разгоравшееся в груди. Перед глазами поплыли разноцветные круги. Но тут кто-то схватил его за предплечье и рванул вверх, к поверхности.

Ингвар не помнил, как Райх доплыл вместе с ним до берега и вытащил из воды. Он оглянулся, когда Пересмешник оттащил его на приличное расстояние от реки. Не стоило оставаться на открытом берегу. Они лежали на небольшой прогалине среди высоких деревьев. Две песчинки, затерявшиеся на краю мира. Одежда быстро высохла под палящими лучами малинового солнца.

Одни, без оружия, но они сделали невозможное. То, что оказалось не по зубам другим профессионалам. Везение? Судьба? Не важно. Но главное было еще в другом — они живы! Алешкин не удержался и громко рассмеялся. Сидевший рядом на корточках Райх удивленно посмотрел на него и, неожиданно для себя, тоже зашелся в приступе хохота. Переполюнявившие людей эмоции требовали выхода. За последние годы службы у них еще ни разу не было такого радостного мгновения.

Поморщившись, Алешкин помассировал левое плечо. Старая рана давно не беспокоила, а тут дала о себе знать. Наверное, приложился о камень, когда подземный поток нес их по скальному руслу. Если б не пластина, фиксирующая фрагменты кости, точно, сломал бы снова. Повезло, одним словом.

Земля дрогнула под ногами у разведчиков. С той стороны, откуда их принесла река, раздалось нарастающее урчание. Скалы над подземной базой заходили ходуном. Они начали трескаться и осыпаться. Горный массив корчился в судорогах, словно живое существо. Изнутри его терзали взрывы «Жнецов». Похоже, вместе с ними детонировали другие боеприпасы. Взрывные волны сотрясали скалы, стараясь вырваться на поверхность.

Яркая вспышка — и гора взорвалась. Столб огня ударил в небо. Земля стонала, но все новые языки огня вырывались из подземелья. За ослепительными разрывами пришла ударная волна. Она с ревом пронеслась над джунглями, пригладив верхушки лесных исполинов.

Над эпицентром вздымались новые и новые протуберанцы. Казалось, скалы вздулись и начали оплывать, уменьшаясь, как горящая свеча. Страшно было представить, что сейчас творилось в катакомбах.

— Успели! Ушли! — замороженно прошептал Алешкин. — Мы успели! Чудом ушли! — Похоже, его слегка заклинило.

— М-м-мы! Ы-ы-ы! — раздалось в ответ нечленораздельное протяжное мычание.

Пересмешник мелко тряс головой. Из уголка рта на подбородок потянулась ниточка слюны. Еще чуть-чуть — и забьется в падучей. Ничего не выражающее лицо идиотика, потухшие глаза без единого проблеска мысли. Так мог бы подумать любой сторонний наблюдатель, который плохо знал Райха. Алешкин себя к этой категории не причислял. Асмуса он знал с кадетского корпуса как облупленного. Целую вечность. К подобным выходкам друга он успел привыкнуть.

— Ы-ы-ы! Ы-ы-ы, — продолжал монотонно тянуть разведчик, выматывая душу.

— Му-у-у! — передразнил друга Ингвар. — Надо было тебя Хеймдаллю на опыты оставить. — Он сунул другу под нос кулак. — Подлечить? А-а, чего молчишь?!

— Уже легчало! — с поспешной готовностью отозвался Райх, прекратив завывать.

Слабоумный на глазах выздоравливал. Он вытер с подбородка слюну и голосом генерала Фогеля, начальника кадетского корпуса, продолжил:

— Ма-аладой ча-аловек, без чувства юмора в армии вы быстро превратитесь в са-а-лдафона. Глазом моргнуть не успеете.

Алешкин часто заморгал. Оба вновь захохотали. Утирая выступившие слезы, Ингвар произнес, махнув рукой на джунгли:

— Пора переходить на нелегальное положение.

Они справились с невыполнимым заданием. Теперь надо убираться отсюда, и поскорее. Все равно куда, лишь бы подальше.

В кустарнике между стволами раздался подозрительный треск. Какое-то животное неосторожно задело сухостой.

— Ага, переходим... на подножный корм, — подмигнул Райх.

Он мгновенно подобрался. Передряги последних суток ничуть его не утомили. Казалось, энергия брызжет из него.

— Я мигом! — Он ринулся в джунгли. Алешкин успел заметить, что последние метры до кустов он проделал на четвереньках, ловко поднырнув под ветви с длинными иглами. Так у Райха получалось даже быстрее. Из леса донеслось пронзительное: «Ви-и!» Визг оборвался на высокой ноте.

Все разом стихло. Лишь ветер весело шумел в кронах лесных исполинов, да малиновое солнце, равнодушно посмеиваясь, смотрело вниз, на грешную землю...